

Роберт Луис Стивенсон

ОСТРОВ СОКРОВИЩ

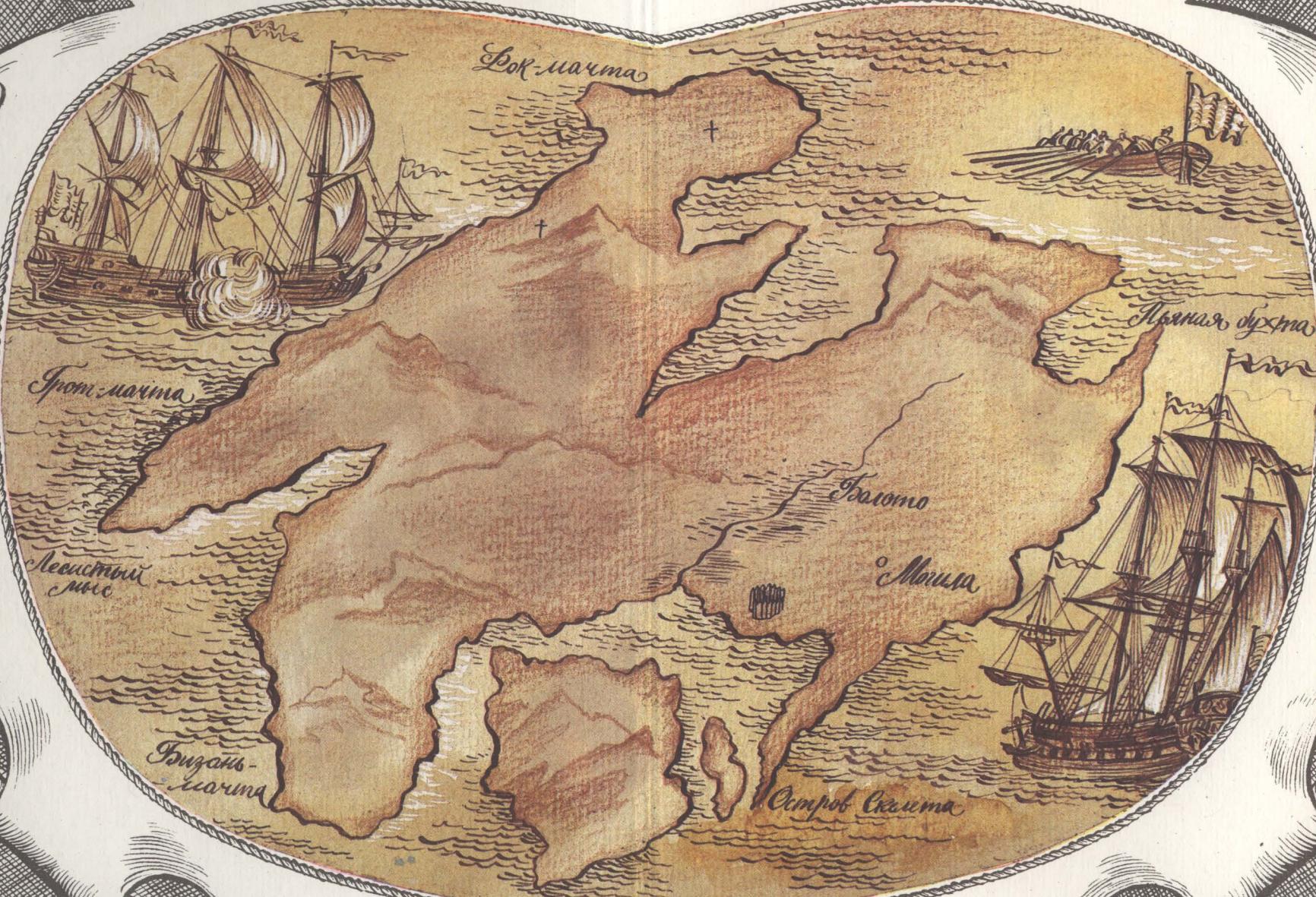

Рональд Фредерик Делдерфилд

ПРИКЛЮЧЕНИЯ БЕНА ГАННА

Роберт Луис Стивенсон
Рональд Фредерик Делдерфилд

Роберт Луис Стивенсон
Рональд Фредерик Делдерфилд

Роберт Луис Стивенсон

ОСТРОВ СОКРОВИЩ

Рональд Фредерик Делдерфилд

ПРИКЛЮЧЕНИЯ БЕНЯ ГАНА

Романы

Москва
«Современник»
1992

ББК 84.4(Англ)
С80

Библиотека морских приключений
основана в 1992 году

Перевод с английского

Составление А. Г. Кишина
Художественное оформление В. А. Иванова

Тексты печатаются по изданиям:

Стивенсон Р. Л. Остров сокровищ: Роман.— М.: Детгиз, 1957
Делдерфилд Р. Ф. Приключения Бена Ганна:
Роман.— Ж. «Вокруг света», 1973

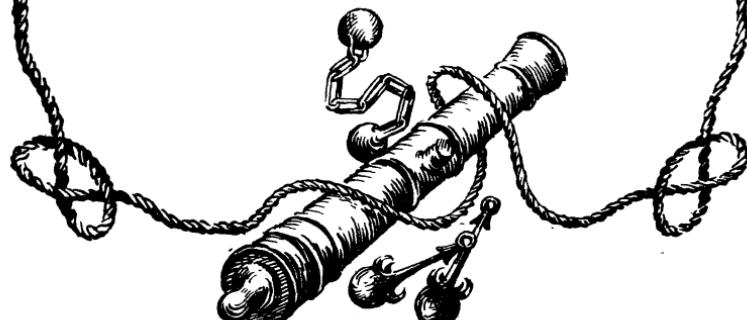
С 4800000000—058 Без объявл.
M106(03)-92

ISBN 5—270—01688—5

© Составление, А. Г. Кишин, 1992
© Художественное оформление, В. А. Иванов, 1992

Роберт
Луис Стивенсон

ОСТРОВ
СОКРОВИЩ

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

СТАРЫЙ ПИРАТ

Глава I

Старый морской волк в трактире «Адмирал Бенбоу»

квайр¹ Трелони, доктор Ливси и другие джентльмены попросили меня написать все, что я знаю об Острове Сокровищ. Им хочется, чтобы я рассказал всю историю, с самого начала до конца, не скрывая никаких подробностей, кроме географического положения острова. Указывать, где лежит этот остров, в настоящее время еще невозможно, так как и теперь там хранятся сокровища, которые мы не вывезли. И вот в нынешнем, 17.. году, я берусь за перо и мысленно возвращаюсь к тому времени, когда у моего отца был трактир «Адмирал Бенбоу»² и в этом трактире поселился старый загорелый моряк с сабельным шрамом на щеке.

Я помню, словно это было вчера, как, тяжело ступая, он дотащился до наших дверей, а его морской сундук везли за ним на тачке. Это был высокий, сильный, грузный мужчина с темным лицом. Просмоленная косичка торчала над воротом его засаленного синего кафана. Руки у него были шершавые, в каких-то рубцах, ногти черные, поломанные, а сабельный шрам на щеке — грязновато-белого цвета, со свинцовым оттенком. Помню, как незнакомец, посвистывая, оглядел нашу бухту и вдруг загорланил старую матрёсскую песню, которую потом пел так часто:

¹ Сквайр — дворянский титул в Англии.

² Бенбоу — английский адмирал, живший в конце XVII века.

Пятнадцать человек на сундук мертвца.
Йо-хо-хо, и бутылка рому!

Голос у него был стариковский, дребезжащий, визгливый, как скрипучая вымбовка¹.

И палка у него была, как ганшпуг². Он стукнул этой палкой в нашу дверь и, когда мой отец вышел на порог, грубо потребовал стакан рому.

Ром был ему подан, и он с видом знатока принял не спеша смаковать каждый глоток. Пил и поглядывал то на скалы, то на трактирную вывеску.

— Бухта удобная,— сказал он наконец.— Неплохое место для таверны. Много народа, приятель?

Отец ответил, что нет, к сожалению, очень немного.

— Ну что же! — сказал моряк.— Этот... как раз для меня... Эй, приятель! — крикнул он человеку, который катил за ним тачку.— Подъезжай-ка сюда и помоги мне втащить сундук... Я поживу здесь немного,— продолжал он.— Человек я простой. Ром, свиная грудинка и яичница — вот и все, что мне нужно. Да вон тот мыс, с которого видны корабли, проходящие по морю... Как меня называть? Ну что же, зовите меня капитаном... Эге, я вижу, чего вы хотите! Вот!

И он швырнул на порог три или четыре золотые монеты.

— Когда эти кончатся, можете прийти и сказать,— проговорил он сурово и взглянул на отца, как начальник.

И действительно, хотя одежда у него была плоховата, а речь отличалась грубостью, он не был похож на простого матроса. Скорее его можно было принять за штурмана или шкипера, который привык, чтобы ему подчинялись. Чувствовалось, что он любит давать волю своему кулаку. Человек с тачкой рассказал нам, что незнакомец прибыл вчера утром на почтовых в «Гостилицу короля Георга» и расспрашивал там обо всех постоянных дворах, расположенных поблизости от моря. Услышав о нашем трактире, должно быть, хорошие отзывы и узнав, что он стоит на отлете, капитан решил поселиться у нас. Вот и все, что удалось нам узнать о своем постояльце.

Человек он был молчаливый. Целыми днями бродил по берегу бухты или взбирался на скалы с медной подзорной трубой. По вечерам он сидел в общей комнате в самом углу, у огня, и пил ром, слегка разбавляя его водой. Он не отвечал, если с ним заговаривали. Только окинет свирепым взглядом и за-

¹ Вымбовка — рычаг шпилля (вёрота, служащего для подъёма якоря).

² Ганшпуг — рычаг для подъёма тяжестей.

свистит носом, как корабельная сирена в тумане. Вскоре мы и наши посетители научились оставлять его в покое. Каждый день, вернувшись с прогулки, он справлялся, не проходили ли по нашей дороге какие-нибудь моряки. Сначала мы думали, что ему не хватало компании таких же забулдыг, как он сам. Но под конец мы стали понимать, что он желает быть подальше от них. Если какой-нибудь моряк, пробираясь по прибрежной дороге в Бристоль, останавливался в «Адмирале Бенбоу», капитан сначала разглядывал его из-за дверной занавески и только после этого выходил в гостиную. В присутствии подобных людей он всегда сидел тихо, как мышь.

Я-то знал, в чем тут дело, потому что капитан поделился со мной своей тревогой. Однажды он отвел меня в сторону и пообещал платить мне первого числа каждого месяца по четыре пенса серебром, если я буду «в оба глаза смотреть, не появится ли где моряк на одной ноге», и сообщу ему сразу же, как только увижу такого. Когда наступало первое число и я обращался к нему за обещанным жалованьем, он только трубил носом и свирепо глядел на меня. Но не проходило и недели, как, подумав, он приносил мне монетку и повторял приказание не пропустить «моряка на одной ноге».

Этот одноногий моряк преследовал меня даже во сне. Бурными ночами, когда ветер сотрясал все четыре угла нашего дома, а прибой ревел в бухте и в утесах, он снился мне на тысячу ладов, в виде тысячи разных дьяволов. Нога была отрезана у него то по колено, то по самое бедро. Порою он казался мне каким-то страшным чудовищем, у которого одна-единственная нога растет из самой середины тела. Он гонялся за мной на этой ноге, перепрыгивая через плетни и канавы. Недешево доставались мне мои четыре пенса каждый месяц: я расплачивался за них этими отвратительными снами.

Но как ни страшен был для меня одноногий моряк, самого капитана я боялся гораздо меньше, чем все остальные. В иные времена он выпивал столько рому с водой, что голова у него шла ходуном, и тогда он долго оставался в трактире и распевал свои старинные, дикие, жестокие морские песни, не обращая внимания ни на кого из присутствующих. А случалось и так, что он приглашал всех к своему столу и требовал стаканы. Приглашенные дрожали от испуга, а он заставлял их либо слушать его рассказы о морских приключениях, либо подпевать ему хором. Стены нашего дома содрогались тогда от «Йо-хо-хо, и бутылка рому», так как все посетители, боясь его неистового гнева, старались перекричать один другого и петь как можно громче, лишь бы капитан остался ими доволен, потому что в такие

часы он был необузданно грозен: то стучал кулаком по столу, требуя, чтобы все замолчали; то приходил в ярость, если кто-нибудь перебивал его речь, задавал ему какой-нибудь вопрос; то, наоборот, свирепел, если к нему не обращались с вопросами, так как, по его мнению, это доказывало, что слушают его невнимательно. Он никого не выпускал из трактира — компания могла разойтись лишь тогда, когда им овладевала дремота от выпитого вина и он, шатаясь, ковылял к своей постели.

Но страшнее всего были его рассказы. Ужасные рассказы о виселицах, о хождении по доске¹, о штормах и о Драй Тортугас², о разбойничьих подвигах в Испанском море³.

Судя по его рассказам, он провел всю свою жизнь среди самых отъявленных злодеев, какие только бывали на море. А брань, которая вылетала из его рта после каждого слова, пугала наших простодушных деревенских людей не меньше, чем преступления, о которых он говорил.

Отец постоянно твердил, что нам придется закрыть наш трактир: капитан отвадит от нас всех посетителей. Кому охота подвергаться таким издевательствам и дрожать от ужаса по дороге домой! Однако я думаю, что капитан, напротив, приносил нам скорее выгоду. Правда, посетители боялись его, но через день их снова тянуло к нему. В тихую, захолустную жизнь он внес какую-то приятную тревогу. Среди молодежи нашлись даже поклонники капитана, заявлявшие, что они восхищаются им. «Настоящий морской волк, насквозь просоленный морем!» — восклицали они.

По их словам, именно такие люди, как наш капитан, сделали Англию грозой морей.

Но, с другой стороны, этот человек действительно приносил нам убытки. Неделя проходила за неделей, месяц за месяцем; деньги, которые он дал нам при своем появлении, давно уже были истрачены, а новых денег он не платил, и у отца не хватало духу потребовать их. Стоило отцу заикнуться о плате, как капитан с яростью принимался сопеть; это было даже не сопение, а рычание; он так смотрел на отца, что тот в ужасе вылетал из комнаты. Я видел, как после подобных попыток он в отчая-

¹ Хождение по доске — вид казни. Осужденного заставляли идти по неприбитой доске, один конец которой выдавался в море.

² Драй Тортугас — острова около Флориды.

³ Испанское море — старое название юго-восточной части Карибского моря.

нии ломал себе руки. Для меня нет сомнения, что эти страхи значительно ускорили горестную и преждевременную кончину отца.

За все время своего прибывания у нас капитан ходил в одной и той же одежде, только приобрел у разносчика несколько пар чулок. Один край его шляпы обвис; капитан так и оставил его, хотя при сильном ветре это было большим неудобством. Я хорошо помню, какой у него был драный кафтан; сколько он ни чинил его наверху, в своей комнате, в конце концов кафтан превратился в лохмотья.

Никаких писем он никогда не писал и не получал ниоткуда. И никогда ни с кем не разговаривал, разве только если был очень пьян. И никто из нас никогда не видел, чтобы он открывал свой сундук.

Только один-единственный раз капитану посмели перечить, и то произошло это в самые последние дни, когда мой несчастный отец был при смерти.

Как-то вечером к больному пришел доктор Ливси. Он осмотрел пациента, наскоро съел обед, которым угостила его моя мать, и спустился в общую комнату выкуриТЬ трубку, поджидая, когда приведут ему лошадь. Лошадь осталась в деревушке, так как в старом «Бенбоу» не было конюшни.

В общую комнату ввел его я, и помню, как этот изящный, щегольски одетый доктор в белоснежном парике, черноглазый, прекрасно воспитанный, поразил меня своим несходством с деревенскими увальнями, посещавшими наш трактир. Особенно резко отличался он от нашего вороньего пугала, грязного, мрачного, грузного пирата, который надрызгался рому и сидел, навалившись локтями на стол.

Вдруг капитан заревел свою вечную песню:

Пятнадцать человек на сундук мертвца.
Йо-хо-хо, и бутылка рому!
Пей, и дьявол тебя доведет до конца.
Йо-хо-хо, и бутылка рому!

Первое время я думал, что «сундук мертвца» — это тот самый сундук, который стоит наверху, в комнате капитана.

В моих страшных снах этот сундук нередко возникал передо мною вместе с одногоним моряком. Но мало-помалу мы так привыкли к этой песне, что перестали обращать на нее внимание. В этот вечер она была новостью только для доктора Ливси и, как я заметил, не произвела на него приятного впечатления. Он

сердито поглядел на капитана, перед тем как возобновить разговор со старым садовником Тейлором о новом способе лечения ревматизма. А между тем капитан, разгоряченный своим собственным пением, ударил кулаком по столу. Это означало, что он требует тишины.

Все голоса смолкли разом; один только доктор Ливси продолжал свою добродушную и громкую речь, попыхивая трубочкой после каждого слова. Капитан пронзительно взглянул на него, потом снова ударил кулаком по столу, потом взглянул еще более пронзительно и вдруг заорал, сопровождая свои слова непристойною бранью:

— Эй, там, на палубе, молчать!

— Вы ко мне обращаетесь, сэр? — спросил доктор.

Тот сказал, что именно к нему, и при том выругался снова.

— В таком случае, сэр, я скажу вам одно слово,— ответил доктор.— Если вы не перестанете пьянистовать, вы скоро избавите мир от одного из самых гнусных мерзавцев!

Капитан пришел в неистовую ярость. Он вскочил на ноги, вытащил и открыл свой матросский складной нож и стал грозить доктору, что пригвоздит его к стене.

Доктор даже не шевельнулся. Он продолжал говорить с ним не оборачиваясь, через плечо, тем же голосом — может быть, только немного громче, чтобы все могли слышать. Спокойно и твердо он произнес:

— Если вы сейчас же не спрячете этот нож в карман, клянусь вам честью, что вы будете болтаться на виселице после первой же сессии нашего разъездного суда.

Между их глазами начался поединок. Но капитан скоро сдался. Он спрятал свой нож и опустился на стул, ворча, как побитый пес.

— А теперь, сэр,— продолжал доктор,— так как мне стало известно, что в моем округе находится подобная особа, я буду иметь над вами строгий надзор днем и ночью. Я не только доктор, я и судья. И если до меня дойдет хоть одна самая малейшая жалоба — хотя бы только на то, что вы нагрубили кому-нибудь... вот как сейчас,— я приму решительные меры, чтобы вас забрали и выгнали отсюда. Больше я ничего не скажу.

Вскоре доктору Ливси подали лошадь, и он ускакал. Но капитан весь вечер был тих и смирен и оставался таким еще много вечеров подряд.

Черный пес приходит и уходит

Вскоре случилось первое из тех загадочных событий, благодаря которым мы избавились, наконец, от капитана. Но, избавившись от него самого, мы не избавились, как вы сами увидите, от его хлопотных дел.

Стояла холодная зима с долгими трескучими морозами и бурными ветрами. И с самого начала стало ясно, что мой бедный отец едва ли увидит весну. С каждым днем ему становилось хуже. Хозяйничать в трактире пришлось мне и моей матери. У нас было дел по горло, и мы уделяли очень мало внимания нашему неприятному постояльцу.

Было раннее январское морозное утро. Бухта поседела от инея. Мелкая рябь ласково лизала прибрежные камни. Солнце еще не успело подняться и только тронуло своими лучами вершины холмов и морскую даль. Капитан проснулся раньше обычного и направился к морю. Под широкими полами его истрепанного синего кафана колыхался кортик. Под мышкой у него была подзорная труба. Шляпу он сдвинул на затылок. Я помню, что изо рта у него вылетал пар и клубился в воздухе, как дым. Я слышал, как злобно он фыркнул, скрываясь за большим утесом,— вероятно, все еще не мог позабыть о своем столкновении с доктором Ливси.

Мать была наверху, у отца, а я накрывал стол для завтрака к приходу капитана. Вдруг дверь отворилась, и в комнату вошел человек, которого прежде я никогда не видел.

Он был бледен, с землистым лицом. На левой руке у него не хватало двух пальцев. Ничего воинственного не было в нем, хотя у него на поясе висел кортик. Я всегда следил в оба за каждым моряком, будь он на одной ноге или на двух, и помню, что этот человек очень меня озадачил. На моряка он был мало похож, и все же я чувствовал, что он моряк.

Я спросил, что ему угодно, и он потребовал рому. Я кинулся было из комнаты, чтобы исполнить его приказание, но он сел за стол и снова подозвал меня к себе. Я остановился с салфеткой в руке.

— Пойди-ка сюда, сынок,— сказал он.— Подойди поближе.
Я подошел.

— Этот стол накрыт для моего товарища, штурмана Билли?¹ — спросил он, ухмыляясь.

¹ Билли — уменьшительное имя Уильям.

Я ответил, что не знаю никакого штурмана Билли и что стол накрыт для одного нашего постояльца, которого мы зовем капитаном.

— Ну что ж,— сказал он,— моего товарища, штурмана Билли, тоже можно назвать капитаном. Это дела не меняет. У него шрам на щеке и очень приятное обхождение, особенно когда напьется. Вот он каков, мой штурман Билли! У вашего капитана тоже шрам на щеке. И как раз на правой. Значит, все в порядке, не правда ли? Итак, я хотел бы знать, обретается ли он здесь, в этом доме, мой милый товарищ Билли?

Я ответил, что капитан пошел погулять.

— А куда, сынок? Куда он пошел?

Я показал ему на скалу, на которой ежедневно бывал капитан, и сказал, что он, верно, скоро вернется.

— А как скоро? Через час? Через два?

И, задав мне еще несколько разных вопросов, он проговорил под конец:

— Да, мой товарищ Билли обрадуется мне, как выпивке.

Однако лицо у него при этих словах было мрачное, и я имел все основания думать, что капитан будет не слишком-то рад встрече с ним. Но я тут же сказал себе, что это меня не касается. И, кроме того, трудно было предпринять что-нибудь при таких обстоятельствах. Незнакомец пристально следил за дверью, притаившись у входа, словно кот, подстерегающий мышь. Я хотел было выйти во двор, но он тотчас же окликнул меня. Я не сразу ему повиновался, и его бледное лицо вдруг исказалось таким гневом и он разразился такими ругательствами, что я в страхе отскочил назад. Но едва я вернулся, он стал разговаривать со мной по-прежнему, не то льстиво, не то насмешливо, потрепал меня по плечу, сказал мне, что я славный мальчишка и что он сразу меня полюбил.

— У меня есть сынок,— сказал он,— и ты похож на него, как две капли воды. Он гордость моего родительского сердца. Но для мальчиков главное — послушание. Вот если бы ты поплавал с Билли, тебя не пришлось бы окликать два раза. Билли никогда не повторял приказаний. Нет, у него были другие порядки... А вот и он, милый штурман Билли, с подзорной трубой под мышкой, благослови его бог!

С этими словами он загнал меня в большую комнату, в угол, и спрятал у себя за спиной. Мы оба были заслонены открытою дверью. Мне было и неприятно и чуть-чуть страшновато, особенно когда я заметил, что незнакомец и сам трусит. Он высовывал рукоятку своего кортика, чуть-чуть вытащил его из

ножен и все время делал такие движения, как будто глотал какой-то кусок, застрявший у него в горле.

Наконец в комнату ввалился капитан, хлопнул дверью и, не глядя по сторонам, направился прямо к столу, где его поджидал завтрак.

— Билли! — проговорил незнакомец, стараясь придать своему голосу твердость и смелость.

Капитан повернулся на каблуках и оказался прямо перед нами. Загар как бы сошел с его лица, даже нос его сделался синим. У него был вид человека, который повстречался с привидением. И признаюсь вам, мне стало жалко его — таким он сразу сделался старым и дряблым.

— Разве ты не узнаешь меня, Билли? Неужели ты не узнаешь своего старого корабельного товарища, Билли? — сказал незнакомец.

Капитан открыл рот, словно у него не хватило дыхания.

— Черный Пес! — проговорил он наконец.

— Он самый, — ответил незнакомец, несколько приободрившись. — Черный Пес пришел проведать своего старого корабельного друга, своего милого Билли, живущего в трактире «Адмирал Бенбоу». Ах, Билли, Билли! Сколько воды утекло с тех пор, как я лишился двух своих когтей! — воскликнул он, подняв свою искалеченную руку.

— Ладно, — сказал капитан. — Ты выследил меня, и я перед тобою. Говори же: зачем пришел?

— Узнаю тебя, Билли, — ответил Черный Пес. — Ты прав, Билли. Этот славный мальчуган, которого я сразу полюбил, принесет мне стаканчик рому. Мы посидим с тобою, если хочешь, и поговорим без обиняков, напрямик, как старые товарищи. Не правда ли?

Когда я вернулся с бутылкой, они уже сидели за столом.

Черный Пес сидел поближе к двери, на самом краю скамьи, и одним глазом смотрел на своего старого друга, а другим — на дверь, путь к отступлению.

Он велел мне уйти и оставить дверь открытой настежь.

— Чтобы ты, сыночек, не подсматривал в замочную скважину, — пояснил он.

Я оставил их вдвоем и вернулся к стойке.

Долгое время, несмотря на все старания, я не слышал ничего, кроме невнятного говора. Но мало-помалу голоса становились все громче, и, наконец, мне удалось уловить несколько слов, главным образом ругань, исходившую из уст капитана.

Наконец капитан закричал:

— Нет, нет, нет, нет! И довольно об этом! Слышишь?

И затем снова:

— Если дело дойдет до виселицы, так пусть на ней болтаются все!

Потом внезапно раздался страшный взрыв ругательств, стол и скамьи с грохотом опрокинулись на пол, звякнула сталь клинков, кто-то вскрикнул от боли, и через минуту я увидел Черного Пса, со всех ног бегущего к двери. Капитан гнался за ним. Кортики их были обнажены. У Черного Пса из левого плеча текла кровь. Возле самой двери капитан замахнулся кортиком и хотел нанести убегающему еще один, самый страшный удар, который, несомненно, разрубил бы его пополам, но кортик зацепился за большую вывеску нашего «Адмирала Бенбоу». На вывеске, внизу, на самой раме, до сих пор можно видеть след от него.

На этом битва кончилась.

Выскочив на дорогу, Черный Пес, несмотря на свою рану, помчался с такой удивительной скоростью, что через полминуты исчез за холмом. Капитан стоял и смотрел на вывеску, как помешанный. Затем несколько раз провел рукой по глазам и вернулся в дом.

— Джим,— приказал он,— рому!

Он слегка пошатнулся при этих словах и оперся рукой о стену.

— Вы ранены? — воскликнул я.

— Рому! — повторил он.— Я должен убираться отсюда. Рому! Рому!

Я побежал за ромом, но от волнения разбил стакан и запачкал грязью кран бочки. И пока я приводил все в порядок и наливал другой стакан, я вдруг услышал, как в общей комнате что-то грузно грохнулось на пол. Я вбежал и увидел капитана, который во всю свою длину растянулся на полу. Мать, встревоженная криками и дракой, сбежала вниз мне на помощь. Мы приподняли голову капитана. Он дышал очень громко и тяжко. Глаза его были закрыты, лицо побагровело.

— Боже мой! — воскликнула мать.— Какой срам для нашего трактира! А твой бедный отец, как нарочно, лежит больной.

Мы не знали, как помочь капитану, и были уверены, что он ранен насмерть во время поединка с незнакомцем. Я принес рому и попытался влить ему в рот. Но сильные челюсти его были сжаты, как железные.

К счастью, дверь отворилась, и вошел доктор Ливси, привезавший навестить моего больного отца.

— Доктор, помогите! — воскликнули мы.— Что нам делать? Куда он ранен?

— Ранен? — сказал доктор. — Он так же ранен, как ты или я. У него просто удар. Что делать! Я предупреждал его. Ну, миссис Хокинс, возвращайтесь наверх к мужу и, если можно, ничего не говорите ему. А я попытаюсь спасти эту трижды ненужную жизнь. Джим, принеси мне таз.

Когда я вернулся с тазом, доктор уже засучил у капитана рукав и обнажил его большую мускулистую руку. Рука была татуирована во многих местах. Между плечом и локтем синели надписи: «На счастье», «Попутного ветра» и «Да сбудутся мечты Билли Бонса».

Возле самого плеча была нарисована виселица, на которой болтался человек. Рисунок этот, как мне показалось, был исполнен с истинным знанием дела.

— Пророческая картинка, — заметил доктор, трогая пальцем изображение виселицы. — А теперь, сударь Билли Бонс, если вас действительно так зовут, мы посмотрим, какого цвета ваша кровь. Джим, — обратился он ко мне, — ты не боишься крови?

— Нет, сэр, — сказал я.

— Отлично, — проговорил доктор. — Тогда держи таз.

Он взял ланцет и вскрыл вену.

Много вытекло у капитана крови, прежде чем он открыл глаза и обвел нас мутным взглядом. Он узнал доктора и нахмурил брови. Потом заметил меня и как будто несколько успокоился. Потом вдруг покраснел и, пробуя встать, закричал:

— Где Черный Пес?

— Здесь нет никакого пса, кроме вас, — сказал доктор. — Вы пили слишком много рому. И вот вас хватил удар, как я вам предсказал. И мне, против моего желания, пришлось вытаскивать вас из могилы. Ну, мистер Бонс...

— Я не Бонс, — перебил капитан.

— Не важно, — сказал доктор. — У меня есть знакомый пират, которого зовут Бонсом, и я дал вам это имя для краткости. Запомните, что я вам скажу: один стакан рому вас, конечно, не убьет, но если вы выпьете один стакан, вам захочется выпить еще и еще. И клянусь вам моим париком: если вы не бросите пить, вы в самом скором времени умрете. Понятно? Вернетесь на небо, как сказано в Библии. Ну, попытайтесь встать. Я помогу вам добраться до вашей постели.

С большим трудом мы втащили капитана наверх и уложили в постель. Он в изнеможении упал на подушку. Он был почти без чувств.

— Так помните, — сказал доктор, — я говорю вам по чистой совести: слово «ром» и слово «смерть» для вас означают одно и то же.

Взял меня за руку, он отправился к моему больному отцу.

— Пустяки,— сказал он, едва мы закрыли за собой дверь.— Я выпустил из него столько крови, что он надолго успокоится. Неделю провалится в постели, а это полезно для него и для вас. Но второго удара ему не пережить.

Глава III

Черная метка

Около полудня я вошел к капитану с прохладительным питьем и лекарством. Он лежал в том же положении, как мы его оставили, только немного повыше. Он показался мне очень слабым и в то же время очень возбужденным.

— Джим,— сказал он,— ты один здесь чего-нибудь стоишь. И ты знаешь: я всегда был добр к тебе. Каждый месяц я давал тебе четыре пенса серебром. Видишь, друг, мне скверно, я болен и всеми покинут! И, Джим, ты принесешь мне кружечку рома, не правда ли?

— Доктор...— начал я.

Но он принялся ругать доктора — слабым голосом, но очень сердито.

— Все доктора — сухопутные крысы,— сказал он.— А этот ваш здешний доктор — ну что он понимает в моряках? Я бывал в таких странах, где жарко как в кипящей смоле, где люди так и падали от Желтого Джека¹, а землетрясения качали сушу, как морскую волну. Что знает ваш доктор об этих местах? И я жил только ромом, да! Ром был для меня и мясом, и водой, и женой, и другом. И если я сейчас не выпью рому, я буду как бедный старый корабль, выкинутый на берег штормом. И моя кровь будет на тебе, Джим, и на этой крысе, на докторе...

И он снова разразился ругательствами.

— Посмотри, Джим, как дрожат мои пальцы,— продолжал он жалобным голосом.— Я не могу остановить их, чтобы они не дрожали. У меня сегодня не было ни капли во рту. Этот доктор — дурак, уверяю тебя. Если я не выпью рому, Джим, мне будут мерещиться ужасы. Кое-что я уже видел, ей-богу! Я видел старого Флинта, вон там, в углу, у себя за спиной. Видел его ясно, как живого. А когда мне мерещатся ужасы, я становлюсь как зверь — я ведь привык к грубой жизни. Ваш доктор сам сказал, что один стаканчик меня не

¹ Желтый Джек — лихорадка.

убьет. Я дам тебе золотую гинею¹ за одну кружечку, Джим!

Он клянчил все настойчивее и был так взбудоражен, что я испугался, как бы его не услышал отец. Отцу в тот день было особенно плохо, и он нуждался в полном покое. К тому же меня поддерживали слова доктора, что один стакан не повредит капитану.

— Не нужно мне ваших денег,— ответил я, потому что предложение взятки очень оскорбило меня.— Заплатите лучше то, что вы должны моему отцу. Я принесу вам стакан, но это будет последний.

Я принес стакан рому. Он жадно схватил его и выпил до дна.

— Вот и хорошо! — сказал он.— Мне сразу же стало лучше. Послушай, друг, доктор не говорил, сколько мне лежать на этой койке?

— По крайней мере, неделю,— сказал я.— Не меньше!

— Гром и молния! — вскричал капитан.— Неделю! Если я буду лежать неделю, они успеют прислать мне черную метку. Эти люди уже пронюхали, где я,— моты и лодыри, которые не смогли сберечь свое и зарятались теперь на чужое. Разве так настоящие моряки поступают? Вот я, например: я человек бережливый, никогда не сорил деньгами и не желаю терять нажитого. И опять их надую. Я отчалию от этого рифа и опять оставлю их всех в дураках.

С этими словами он стал медленно приподниматься, схватив меня за плечо с такой силой, что я чуть не закричал от боли. Тяжело, как колоды, опустились его ноги на пол. И его пылкая речь совершенно не соответствовала еле слышному голосу.

После того как он сел на кровати, он долго не мог выговорить ни слова, но наконец произнес:

— Доконал меня этот доктор... В ушах у меня так и поет. Помоги мне леч...

Но прежде чем я протянул к нему руку, он снова упал в постель и некоторое время лежал молча.

— Джим,— сказал он наконец,— ты видел сегодня того моряка?

— Черного Пса? — спросил я.

— Да, Черного Пса,— сказал он.— Он очень нехороший человек, но те, которые послали его, еще хуже, чем он. Слушай: если мне не удастся отсюда убраться и они пришлют мне черную метку, знай, что они охотятся за моим сундуком. Тогда садись на коня...— ведь ты ездишь верхом, не правда ли? — тогда садись на коня и скачи во весь дух... Теперь уж мне все равно...

¹ Гинея — английская монета (около десяти рублей золотом).

Скачи хоть к этому проклятому доктору, к крысе, и скажи ему, чтобы он свистнул всех матросов на палубу — всяких там присяжных и судей — и накрыл моих гостей на борту «Адмирала Бенбоу», всю шайку старого Флинта, всех до одного, сколько их еще осталось в живых. Я был первым штурманом... да, первым штурманом старого Флинта, и я один знаю, где находится то место. Он сам все мне передал в Саванне, когда лежал при смерти, вот как я теперь лежу. Видишь? Но ты ничего не делай, пока они не пришлют мне черную метку или пока ты снова не увидишь Черного Пса или моряка на одной ноге. Этого одногонного, Джим, остерегайся больше всего.

— А что это за черная метка, капитан? — спросил я.

— Это вроде как повестка, приятель. Когда они пришлют, я тебе скажу. Ты только не проворонь их, милый Джим, и я разделяю с тобой все пополам, даю тебе честное слово.

Он начал заговариваться, и голос его становился все слабее. Я дал ему лекарство, и он принял его, как ребенок.

— Еще ни один моряк не нуждался в лекарстве так, как я.

Вскоре он впал в тяжелое забытье, и я оставил его одного.

Не знаю, как бы я поступил, если бы все шло благополучно. Вероятно, я рассказал бы обо всем доктору, ибо я смертельно боялся, чтобы капитан не пожалел о своей откровенности и не прикончил меня. Но обстоятельства сложились иначе. Вечером внезапно скончался мой бедный отец, и мы позабыли обо всем остальном. Я был так поглощен нашим горем, посещениями соседей, устройством похорон и работой в трактире, что у меня не было времени ни думать о капитане, ни бояться его.

На следующее утро он сошел вниз как ни в чем не бывало. Ел в обычные часы, но без всякого аппетита и, боюсь, выпил больше, чем обыкновенно, потому что сам угощался у стойки. При этом он фыркал и сопел так сердито, что никто не дерзнул запретить ему выпить лишнее. Вечером накануне похорон он был пьян, как обычно. Отвратительно было слышать его разнужданную, дикую песню в нашем печальном доме. И хотя он был очень слаб, мы до смерти боялись его. Единственный человек, который мог бы заткнуть ему глотку, — доктор, — был далеко: его вызвали за несколько миль к одному больному, и после смерти отца он ни разу не показывался возле нашего дома.

Я сказал, что капитан был слаб. И, действительно, он не только не поправлялся, но как будто становился все слабее. Через силу, всходил он на лестницу; шатаясь, ковыляя из зала к нашей стойке. Иногда он высовывал нос за дверь — подышать морем, но хватался при этом за стену. Дышал он тяжело и быстро, как человек, взбирающийся на крутую гору.

Он больше не заговаривал со мной и, по-видимому, позабыл о своей недавней откровенности, но стал еще вспыльчивее, еще раздражительнее, несмотря на всю свою слабость. Напиваясь, он вытаскивал кортик и клал его перед собой на стол и при этом почти не замечал людей, погруженный в свои мысли и бредовые видения.

Раз как-то, к нашему величайшему удивлению, он даже стал насвистывать какую-то деревенскую любовную песенку, которую, вероятно, пел в юности, перед тем как отправиться в море.

В таком положении были дела, когда на другой день после похорон — день был пасмурный, туманный и морозный, — часа в три пополудни, я вышел за дверь и остановился на пороге. Я с тоской думал об отце...

Вдруг я заметил человека, который медленно брел по дороге. Очевидно, он был слепой, потому что дорогу перед собой нащупывал палкой. Над его глазами и носом висел зеленый щиток. Сгорбленный старостью или болезнью, он весь был закутан в ветхий, изодранный матросский плащ с капюшоном, который делал его еще уродливее. Никогда в своей жизни не видал я такого страшного человека. Он остановился невдалеке от трактира и громко произнес нараспев странным гнусавым голосом, обращаясь в пустое пространство:

— Не скажет ли какой-нибудь благодетель бедному слепому человеку, потерявшему драгоценное зрение во время храброй защиты своей родины, Англии, да благословит бог короля Георга, в какой местности он находится в настоящее время?

— Вы находитесь возле трактира «Адмирал Бенбоу», в бухте Черного Холма, добрый человек, — сказал я.

— Я слышу голос, — прогнусавил стариk, — и молодой голос. Дайте мне руку, добрый молодой человек, и проводите меня в этот дом!

Я протянул ему руку, и это ужасное безглазое существо с таким слащавым голосом схватило ее, точно клещами.

Я так испугался, что хотел убежать. Но слепой притянул меня к себе.

— А теперь, мальчик, — сказал он, — веди меня к капитану.

— Сэр, — проговорил я, — я, честное слово, не смею...

— Не смеешь? — усмехнулся он. — Ах, вот как! Не смеешь! Веди меня сейчас же, или я сломаю тебе руку!

И он так повернул мою руку, что я вскрикнул.

— Сэр, — сказал я, — я боялся не за себя, а за вас. Капитан теперь не такой, как всегда. Он сидит с обнаженным кортиком. Один джейтльмен уже приходил к нему и...

— Живо, марш! — перебил он меня.

Никогда я еще не слыхал такого свирепого, холодного и мерзкого голоса. Этот голос напугал меня сильнее, чем боль. Я понял, что нужно подчиниться, и провел его в зал, где сидел наш больной пират, одурманенный ромом.

Слепой вцепился в меня железными пальцами. Он давил меня всей своей тяжестью, и я едва держался на ногах.

— Веди меня прямо к нему и, когда он меня увидит, крикни: «Вот ваш друг, Билли». Если ты не крикнешь, я вот что сделаю!

И он так вывернул мою руку, что я едва не потерял сознания. Я так боялся слепого нищего, что забыл мой ужас перед капитаном и, открыв дверь зала, дрожащим голосом прокричал те слова, которые слепой велел мне прокричать.

Бедный капитан вскинул глаза вверх и разом прорезвился. Лицо его выражало испуг, а скорее смертельную муку. Он попытался было встать, но у него, видимо, не хватило сил.

— Ничего, Билли, сиди, где сидишь, — сказал нищий. — Я не могу тебя видеть, но я слышу, как дрожат твои пальцы. Дело есть дело. Протяни свою правую руку... Мальчик, возьми его руку и поднеси к моей правой руке.

Мы оба повиновались ему. И я видел, как он переложил что-то из своей руки, в которой держал палку, в ладонь капитана, сразу же сжавшуюся в кулак.

— Дело сделано, — сказал слепой.

При этих словах он отпустил меня и с проворством, неожиданном в калеке, выскочил из общей комнаты на дорогу. Я все еще стоял неподвижно, прислушиваясь к удаляющемуся стуку его палки.

Прошло довольно много времени, прежде чем мы с капитаном пришли в себя. Я выпустил его запястье, а он протянул к себе руку и взглянул на ладонь.

— В десять часов! — воскликнул он. — Осталось шесть часов. Мы еще им покажем!

И вскочил на ноги, но сейчас же покачнулся и схватился за горло. Так он стоял, пошатываясь, несколько мгновений, потом с каким-то странным звуком всей тяжестью грохнулся на пол.

Я сразу кинулся к нему и позвал мать. Но было поздно. Капитан скоропостижно скончался от апоплексического удара. И странно: мне, право, никогда не нравился этот человек, хотя в последнее время я начал жалеть его, но, увидев его мертвым, я заплакал. Я плакал долго, я истекал слезами. Это была вторая смерть, которая произошла у меня на глазах, и горе, нанесенное мне первой, было еще слишком свежо в моем сердце.

Матросский сундук

Я, конечно, сразу же рассказал матери все, что знал. Может быть, мне следовало рассказать ей об этом раньше. Мы очутились в трудном, опасном положении.

Часть денег, оставшихся после капитана,— если только у него были деньги,— безусловно должна была принадлежать нам. Но вряд ли его товарищи, вроде Черного Пса и слепого нищего, согласились бы отказаться от своей добычи для уплаты долгов покойного. Приказ капитана сесть верхом на коня и скакать за доктором Ливси я выполнить не мог: нельзя было оставить мать одну, без всякой защиты. Об этом нечего было и думать. Но мы не смели долее и оставаться дома: мы вздрагивали даже тогда, когда уголья у нас в очаге падали на железную решетку; мы боялись даже тиканья часов. Всюду нам слышались чьи-то шаги, будто кто-то приближался к нам.

При мысли, что на полу лежит мертвое тело и что где-то поблизости бродит омерзительный слепой нищий, который может вот-вот вернуться, волосы мои вставали дыбом. Медлить было нельзя ни минуты. Надо было что-то предпринять. И мы решили отправиться вместе в ближнюю деревушку за помощью. Сказано — сделано. С непокрытыми головами бросились мы бежать сквозь морозный туман. Уже начинало темнеть.

Деревушка от нас не была видна, но находилась она недалеко, в нескольких стах ярдах от нас, на противоположном берегу соседней бухты. Меня очень ободряло сознание, что слепой нищий появился с другой стороны и ушел, надо полагать, туда же. Шли мы недолго, хотя иногда останавливались, прислушиваясь. Но кругом слышались привычные звуки: гудел прибой и каркали в лесу вороны.

В деревушке уже зажгли свечи, и я никогда не забуду, как их желтоватое сияние в дверях и окнах успокоило нас. Но в этом и заключалась вся помощь, которую мы получили. Ни один из жителей деревни, к их стыду, не согласился пойти с нами в «Адмирал Бенбоу».

Чем больше говорили мы о наших тревогах, тем сильнее все лынули к своим углам. Имя капитана Флинта, мñe до той поры незнакомое, было хорошо известно многим из них и приводило их в ужас. Некоторые вспомнили, что однажды, работая в поле неподалеку от «Адмирала Бенбоу», видели на дороге каких-то подозрительных людей. Незнакомцы показались им контрабан-

дистами, и они поспешили домой, чтобы покрепче закрыть свои двери. Кто-то даже видел небольшой люггер¹ в бухте, называемой Логовом Китта. Поэтому одно упоминание о приятелях капитана приводило их в трепет. Находились смельчаки, которые соглашались съездить за доктором Ливси, жившим в другой стороне, но никто не хотел принять участие в охране трактира.

Говорят, что тру́сость заразительна. Но разумные доводы, напротив, способны вну什ить человеку храбрость. Когда все отказались идти вместе с нами, мать заявила, что отнюдь не собирается терять деньги, которые принадлежат ее осиротевшему сыну.

— Вы можете робеть сколько угодно,— сказала она,— мы с Джимом не трусливого десятка. Мы вернемся той же дорогой, какой пришли. Мало чести вам, дюжим и широкоплечим мужчинам с такими цыплячьими душами! Мы откроем сундук, хотя бы пришлось из-за него умереть... Я буду очень благодарна, миссис Кроссли, если вы разрешите мне взять вашу сумку, чтобы положить в нее деньги, принадлежащие нам по закону.

Я, конечно, заявил, что пойду с матерью, и, конечно, все заорали, что это безумие. Однако никто, даже из мужчин, не вызвался нас проводить. Помощь их ограничилась тем, что они дали мне заряженный пистолет на случай нападения и обещали держать наготове оседланных лошадей, чтобы мы могли удрать, если разбойники будут гнаться за нами. А один молодой человек поскакал к доктору за вооруженным подкреплением.

Бешено колотилось мое сердце, когда мы отправились в наш опасный путь. Вечер был холодный. Всходила полная луна. Она уже поднялась над горизонтом и краснела в тумане, с каждой минутой сияя все ярче. Мы поняли, что скоро станет светло, как днем, и нас на обратном пути нетрудно будет заметить. Поэтому мы заторопились еще больше. Мы крались вдоль забора, бесшумно и быстро, и, не встретив на дороге ничего страшного, добрались наконец до «Адмирала Бенбоу».

Войдя в дом, я сразу же закрыл дверь на засов. Тяжело дыша, мы стояли в темноте, одни в пустом доме, где лежало мертвое тело. Затем мать принесла из бара свечу, и, держась за руки, мы вошли в общую комнату. Капитан лежал в том же положении, как мы его оставили,— на спине, с открытыми глазами, откинув одну руку.

— Опусти шторы, Джим,— прошептала мать.— Они могут следить за нами через окно... А теперь,— сказала она, когда я:

¹ Люггер — небольшое парусное судно.

опустил шторы,— надо отыскать ключ от сундука... Но хотела бы я знать, кто решится дотронуться до него...

И она даже чуть-чуть всхлипнула при этих словах.

Я опустился на колени. На полу возле руки капитана лежал крохотный бумажный кружок, вымазанный с одной стороны чем-то черным. Я не сомневался, что это и есть черная метка. Я схватил ее и заметил, что на другой ее стороне написано красивым, четким почерком: «Даем тебе срок до десяти вечера».

— У него был срок до десяти, мама,— сказал я.

И в то же мгновение наши старые часы начали бить. Этот внезапный звук заставил нас сильно вздрогнуть. Но он и обрадовал нас, так как было только шесть часов.

— Ну, Джим,— сказала мать,— ищи ключ.

Я обшарил карманы капитана один за другим. Несколько мелких монет, наперсток, нитки и толстая игла, кусок свернутого табаку, надкусанный с краю, нож с кривой ручкой, карманный компас, огниво — вот и все, что я там нашел. Я уже начал отчаяваться...

— Может быть, на шее? — сказала мать.

Преодолев отвращение, я разорвал ворот его рубашки. И действительно, на просмоленной веревке, которую я сейчас же перерезал собственным ножом капитана, висел ключ.

Эта удача наполнила наши сердца надеждой, и мы поспешили наверх, в ту тесную комнату, где так долго жил капитан и где со дня его приезда стоял его сундук.

Снаружи это был самый обыкновенный матросский сундук. На крышке видна была буква «Б», выжженная каленым железом. Углы были потерты и сбиты, точно этот сундук отслужил долгую и трудную службу.

— Дай мне ключ,— сказала мать.

Замок поддавался туго, однако ей удалось открыть его, и она в одно мгновение откинула крышку.

На нас пахнуло крепким запахом табака и дегтя. Прежде всего мы увидели новый, старательно вычищенный и выутюженный костюм, очень хороший и, по словам матери, ни разу еще не одеванный. Подняв костюм, мы нашли кучу самых разнообразных предметов: квадрант¹, жестяную кружку, несколько кусков табаку, две пары изящных пистолетов, слиток серебра, старинные испанские часы, несколько безделушек, не слишком ценных, но преимущественно заграничного производства, два компаса в медной оправе и пять или шесть причудливых раковин из Вест-Индии. Впоследствии я часто думал, зачем капитан, жив-

¹ Квадрант — прибор для измерения высоты небесных тел.

ший такой непоседливой, опасной, преступной жизнью, таскал с собой эти раковины.

Но ничего ценного, кроме слитка серебра и безделушек, мы не нашли, а это нам было не нужно. На самом дне лежал старый шлюпочный плащ, побелевший от соленой воды у многих прибрежных отмелей. Мать нетерпеливо откинула его, и мы увидели последние вещи, лежавшие в сундуке: завернутый в пленку пакет, вроде пачки бумаг, и холщовый мешок, в котором, судя по звону, было золото.

— Я покажу этим разбойникам, что я честная женщина,— сказала мать.— Я возьму только то, что он мне был должен, и ни фартинга¹ больше. Держи сумку миссис Кроссли!

И она начала отсчитывать деньги, перекладывая их из мешка в сумку, которую я держал. Это было трудное дело, отнявшее много времени. Тут были собраны и перемешаны монеты самых разнообразных чеканок и стран: и дублоны, и луидоры, и гинеи, и пиастры², и еще какие-то, неизвестные мне. Гиней было меньше всего, а мать моя умела считать только гинеи.

Когда она отсчитала уже половину того, что был должен нам капитан, я вдруг схватил ее за руку. В тихом морозном воздухе пронесся звук, от которого кровь застыла у меня в жилах: постукивание палки слепого по мерзлой дороге. Стук приближался, и мы прислушивались к нему, затаив дыхание. Затем раздался громкий удар в дверь трактира, после этого ручка двери задвигалась и лязгнул засов — нищий пытался войти. Наступила тишина внутри и снаружи. И наконец опять послышалось постукивание палки. К нашей неописуемой радости, оно теперь удалялось и скоро замерло.

— Мама,— сказал я,— бери все, и бежим скорей.

Я был убежден, что запертая на засов дверь показалась слепому подозрительной, и побоялся, что он приведет сюда весь свой осинный рой.

И все же как хорошо, что я догадался запереть дверь на засов! Это мог бы понять только тот, кто знал этого страшного слепого.

Но мать, несмотря на весь свой страх, не соглашалась взять ни одной монетой больше того, что ей следовало, и в то же время упрямо не желала взять меньше. Она говорила, что еще нет семи часов, что у нас уйма времени. Она знает свои права и никому не уступит их. Упорно спорила со мной до тех пор, пока

¹ Фартинг — мелкая английская монета.

² Пиастр и дублон — старинные испанские монеты.

Луидор — французская монета.

мы вдруг не услыхали протяжный тихий свист, раздавшийся где-то вдалеке, на холме.

Мы сразу перестали препираться.

— Я возьму то, что успела отсчитать,— сказал она, вскакивая на ноги.

— А я прихвачу и это для ровного счета,— сказал я, беря пачку завернутых в клеенку бумаг.

Через минуту мы уже ощупью спускались вниз. Свеча осталась у пустого сундука. Я отворил дверь, и мы вышли на дорогу. Нельзя было терять ни минуты. Туман быстро рассеивался. Луна ослепительно озаряла холмы. Только в глубине лощины и у дверей трактира клубилась зыбкая завеса туманной мглы, как бы для того, чтобы скрыть наши первые шаги. Но уже на половине дороги, чуть повыше, у подножия холма, мы должны были неизбежно попасть в полосу лунного света.

И это было не все — вдалеке мы услышали чьи-то быстрые шаги.

Мы обернулись и увидели прыгающий и приближающийся огонек: кто-то нес фонарь.

— Милый,— вдруг сказал мать,— бери деньги и беги. Я чувствую, что сейчас упаду в обморок...

«Мы погибли оба»,— решил я. Как проклинал я трусость наших соседей! Как сердился я на свою бедную мать и за ее честность и за ее жадность, за ее прошлую смелость и за ее теперешнюю слабость!

К счастью, мы проходили возле какого-то мостика. Я помог ей — она шаталась — сойти вниз, к берегу. Она вздохнула и склонилась ко мне на плечо. Не знаю, откуда у меня взялись силы, но я потащил ее вдоль берега и втащил под мост. Боюсь только, что это было сделано довольно грубо. Мостик был низенький, и двигаться под ним можно было только на четвереньках. Я пополз дальше, под арку, а мать осталась почти вся на виду. Это было в нескольких шагах от трактира.

Глава V

Конец слепого

Оказалось, что любопытство мое было сильнее страха. Я не мог усидеть на месте. Осторожно вылез я в ложбинку и спрятался за кустом ракитника. Отсюда я отчетливо видел дорогу перед дверью трактира.

Едва я занял свой наблюдательный пост, как появились враги. Их было человек семь или восемь. Они быстро приближались, громко и беспорядочно стуча башмаками. Человек с фонарем бежал впереди всех. За ним следовали трое, держась за руки. Несмотря на туман, я разглядел, что средний в этом «трио» — слепой нищий. Затем я услышал его голос и убедился, что был прав.

— К черту дверь! — крикнул он.

— Есть, сэр! — отозвались двое или трое.

И они кинулись в атаку на дверь «Адмирала Бенбоу»; человек с фонарем шел сзади. У самой двери они остановились и принялись совещаться шепотом. Очевидно, их поразило, что дверь не заперта. Затем опять раздались приказания слепого. Нетерпеливый, свирепый голос его становился все громче и визгливе.

— В дом! В дом! — кричал он, проклиная товарищем за медлительность.

Четверо или пятеро вошли в дом, двое остались на дороге вместе с ужасным нищим. Потом после нескольких минут тишины раздался крик удивления и чей-то голос завопил изнутри:

— Билли мертвый!

Но слепой снова выругал их за то, что они так копаются.

— Обыщите его, подлые лодыри! Остальные наверх, за сундуком! — приказал он.

Они застучали башмаками по ветхим ступеням, и весь дом задрожал от их топота. Затем снова раздались удивленные голоса. Окошко в комнате капитана распахнулось настежь, и вниз со звоном посыпались осколки разбитого стекла. Из окна высунулся человек. Голова его и плечи были хорошо видны при свете месяца. Он крикнул слепому нищему, стоявшему внизу на дороге:

— Эй, Пью, здесь уже успели побывать раньше нас!.. Кто-то перерыл весь сундук снизу доверху!

— А то на месте? — проревел Пью.

— Деньги тут.

— К черту деньги! — закричал слепой. — Я говорю о бумагах Флинта.

— Бумаг не видать, — отозвался человек.

— Эй вы, там, внизу, посмотрите, нет ли их на теле! — снова крикнул слепой.

Другой разбойник — вероятно, один из тех, кто остался внизу обыскивать труп капитана, — появился в дверях трактира.

— Его успели обшарить до нас,— сказал он,— нам ничего не оставили.

— Нас ограбили здешние люди. Это тот щенок! — крикнул Пью.— Жаль, что я не выколол ему глаза... Эти люди были здесь совсем недавно. Когда я хотел войти, дверь была заперта на засов. Ищите же их, ребята! Ищите во всех углах...

— Да, они были здесь. Они оставили горящую свечу,— сказал человек в окне.

— Ищите! Ищите! Переройте весь дом! — повторил Пью, стуча палкой.

И вот в нашем трактире начался ужасный кавардак. Тяжелые шаги загремели повсюду. Посыпались обломки разбиваемой мебели, захлопали двери вверху и внизу так, что даже окрестные скалы подхватили этот бешеный грохот. Но все напрасно: люди один за другим выходили на дорогу и докладывали, что не нашли нас нигде.

В это мгновение вдали снова раздался тот самый свист, который так напугал мою мать и меня, когда мы считали монеты покойного. На этот раз он прозвучал дважды. Прежде я думал, что этим свистом слепой сзывает своих товарищей на штурм. Но теперь я заметил, что свист раздается со склона холма, обращенного к деревушке, и догадался, что это сигнал, предупреждающий бандитов об опасности.

— Это Дэрк,— сказал один.— Слышите: он свистит два раза. Надо бежать, ребята.

— Бежать?! — крикнул Пью.— Ах вы, олухи! Дэрк всегда был дурак и трус. Нечего слушать Дэрка. Они где-то здесь, поблизости. Они не могли убежать далеко. Вы должны их найти. Ищите же, псы! Ищите! Ищите во всех закоулках! О, дьявол! — воскликнул он.— Будь у меня глаза!

Этот крик несколько приободрил разбойников. Двое из них принялись рыскать между деревьями в роще, но нехотя, еле двигаясь. Они, как мне показалось, больше думали о бегстве, чем о поисках. Остальные растерянно стояли посреди дороги.

— У нас в руках тысячи, а вы мяmlите, как идиоты! Если вы найдете эту бумагу, вы станете богаче короля! Бумага эта здесь, в двух шагах, а вы отлыниваете и норовите удрать! Среди вас не нашлось ни одного смельчака, который рискнул бы отправиться к Билли и дать ему черную метку. Это сделал я, слепой! И из-за вас я теряю теперь свое счастье! Я должен пресмыкаться в нищете и выпрашивать гроши на стаканчик, когда я мог бы разъезжать в каретах!

— Но ведь дублоны у нас,— проворчал один.

— А бумагу они, должно быть, припрятали,— добавил другой.— Бери деньги, Пью, и перестань бесноваться.

Пью и правда был вроде бешеного. Последние возражения разбойников окончательно разъярили его. В припадке неистовой злобы он поднял свою клюку и, бросившись вслепую на товарищей, принялся награждать их ударами.

Те, в свою очередь, отвечали злодею ругательствами, сопровождая их ужасными угрозами. Они пытались схватить клюку и вырвать ее у него из рук.

Эта ссора была спасением для нас.

Пока они дрались и переругивались, с холмов, со стороны деревушки, донесся топот скачущих лошадей. Почти в то же мгновение где-то за изгородью блеснул огонек и грянул пистолетный выстрел. Это был последний сигнал. Он означал, что опасность близка. Разбойники кинулись в разные стороны — одни к морю, по берегу бухты, другие вверх, по откосу холма. Через полминуты на дороге остался один Пью. Они бросили его одного — может быть, забыли о нем в паническом страхе, а может быть, нарочно в отместку за брань и побои. Оставшись один, он в бешенстве стучал палкой по дороге и, протягивая руки, звал товарищей, но окончательно сбился с пути и, вместо того чтобы кинуться к морю, побежал по направлению к деревне.

Он промчался в нескольких шагах от меня, приговаривая плачущим голосом:

— Джони, Черный Пес, Дэрк...— Он называл и другие имена.— Ведь вы не кинете старого Пью, дорогие товарищи, ведь вы не оставите старого Пью!

Топот коней между тем приближался. Уже можно было различить пять или шесть всадников, озаренных луной. Они неслись во весь опор вниз по склону холма.

Тут слепой сообразил, что идет не туда, куда надо. Вскрикнув, он повернулся и побежал прямо к придорожной канаве, в которую не замедлил скатиться. Но сейчас же поднялся и, обезумев, выкарабкался опять на дорогу, как раз под ноги коню, скакавшему впереди всех.

Верховой хотел спасти его, но было поздно. Отчаянный крик слепого, казалось, разорвал ночную тьму. Четыре копыта лошади смяли и раздавили его. Он упал на бок, медленно перевернулся навзничь и больше не двигался.

Я вскочил на ноги и окликнул верховых. Они остановились, перепуганные происшедшим несчастьем. Я сейчас же узнал их. Скакавший сзади всех был тот самый подросток, который вызвался съездить из деревушки за доктором Ливси. Остальные

оказались таможенными стражниками, которых он встретил на пути. У него хватило ума позвать их на помощь. Слухи о каком-то люггере в Логове Китта и прежде доходили до таможенного надзирателя мистера Данса. Дорога к Логову Китта шла мимо нашего трактира, Данс тотчас же поскакал туда в сопровождении своего отряда. Благодаря этой счастливой случайности мы с матерью спаслись от неминуемой смерти.

Пью был убит наповал. Мать мою мы отнесли в деревню. Там дали ей понюхать ароматической соли, обрызгали ее холодной водой, и она очнулась. Несмотря на все перенесенные страхи, она не переставала жаловаться, что не успела взять из капитановых денег всю сумму, которая ей причиталась по праву.

Тем временем таможенный надзиратель Данс поскакал со своим отрядом в Логово Китта. Но стражники спешились и осторожно спускались по склону, ведя лошадей под уздцы, а то и поддерживая их, и постоянно опасаясь засады. И, естественно, к тому времени, когда они добрались наконец до бухты, судно уже успело поднять якорь, хотя и находилось еще неподалеку от берега. Данс окликнул его. В ответ раздался голос, советовавший ему избегать освещенных луной мест, если он не хочет получить хорошую порцию свинца. И тотчас же возле его плеча просвистела пуля.

Вскоре судно обогнуло мыс и скрылось.

Мистер Данс, по его собственным словам, чувствовал себя, стоя на берегу, точно «рыба, выброшенная из воды». Он сразу послал человека в Б..., чтобы выслали в море куттер¹.

— Но все это зря,— сказал он.— Они удрали, и их не догонишь. Я рад и тому,— добавил он,— что наступил господину Пью на мозоль.

Я ему уже успел рассказать о слепом.

Вместе с ним я вернулся в «Адмирал Бенбоу». Трудно передать, какой там был разгром. Бандиты, ища меня и мать, сорвали со стены даже часы. И хотя они ничего не унесли с собой, кроме денежного мешка, принадлежавшего капитану, и нескольких серебряных монет из нашей кассы, мне сразу стало ясно, что мы разорены.

Мистер Данс долго ничего не мог понять.

— Ты говоришь, они взяли деньги? Объясни мне, Хокинс, чего же им еще было нужно? Они еще каких-нибудь денег искали?

¹ Куттер — однокачтовое судно.

— Нет, сэр, не денег,— ответил я.— То, что они искали, лежит у меня здесь, в боковом кармане. Говоря по правде, я хотел бы положить эту вещь в более безопасное место.

— Верно, мальчик, верно,— сказал он.— Дай ее мне, если хочешь.

— Я думал дать ее доктору Ливси...— начал я.

— Правильно! — с жаром перебил он меня.— Правильно. Доктор Ливси — джентльмен и судья. Пожалуй, и мне самому следовало бы съездить к нему или к сквайру и доложить о про-исшедшем. Ведь как-никак, а Пью умер. Я нисколько не жалею об этом, но могут найтись люди, которые взвалят вину на меня, королевского таможенного надзирателя. Знаешь что, Хокинс? Поедем со мной. Я возьму тебя с собой, если хочешь.

Я поблагодарил его, и мы пошли в деревушку, где стояли лошади. Пока я прощался с матерью, все уже сели в седла.

— Доггер,— сказал мистер Данс,— у тебя хорошая лошадь. Посади этого молодца к себе за спину.

Как только я уселся позади Доггера и взялся за его пояс, надзиратель приказал трогаться в путь, и отряд крупной рысью поскакал по дороге к дому доктора Ливси.

Глава VI

Бумаги капитана

Мы неслись во весь опор и наконец остановились у дома доктора Ливси. Весь фасад был погружен во мрак.

Мистер Данс велел мне спрыгнуть с лошади и постучаться. Доггер подставил стремя, чтобы мне было удобнее сойти. На стук вышла служанка.

— Доктор Ливси дома? — спросил я.

— Нет,— отвечала она.— Он вернулся после полудня домой, а теперь ушел в усадьбу пообедать и провести вечер со сквайром.

— В таком случае, мы едем туда,— сказал мистер Данс.

До усадьбы было недалеко. Я даже не сел в седло, а побежал рядом с лошадью, держась за стремя Доггера.

Мелькнули ворота парка. Длинная безлиственная, озаренная луной аллея вела к белевшему вдали поместьчицу дому, окруженному просторным старым садом. Мистер Данс соскочил с лошади и повел меня в дом. Нас тотчас же впустили туда.

Слуга провел нас по длинному коридору, пол которого был застлан ковром, в кабинет хозяина. Стены кабинета были уставлены книжными шкафами. На каждом шкафу стоял бюст. Сквайр и доктор Ливси сидели возле яркого огня и курили.

Я никогда не видел сквайра так близко. Это был высокий мужчина, более шести футов ростом, дородный, с толстым суровым лицом, огрубевшим и обветренным во время долгих странствий. У него были черные подвижные брови, выдававшие не злой, но надменный и вспыльчивый нрав.

— Войдите, мистер Данс,— сказал он высокомерно и снисходительно.— Добрый вечер!

— Добрый вечер, Данс,— сказал доктор и кивнул головой.— Добрый вечер, друг Джим. Какой попутный ветер занес вас сюда?

Таможенный надзиратель выпрямился, руки по швам, и рассказал все наши приключения, как заученный урок. Посмотрели бы вы, как многозначительно переглядывались эти два джентльмена во время его рассказа! Они слушали с таким любопытством, что даже перестали курить. А когда они услыхали, как моя мать отправилась ночью обратно в наш дом, доктор Ливси хлопнул себя по бедру, а сквайр крикнул «браво» и разбил свою длинную трубку о решетку камина. Мистер Трелони (так, если вы помните, звали сквайра) давно уже оставил свое кресло и расхаживал по комнате, а доктор, словно для того, чтобы лучше слышать, стащил с головы свой напудренный парик. Странно было видеть его без парика, с коротко остриженными волосами.

Наконец мистер Данс окончил свой рассказ.

— Мистер Данс,— сказал сквайр,— вы благородный человек! А прикончив одного из самых кровожадных злодеев, вы совершили доблестный поступок. Таких надо давить, как таранов!.. Хокинс, я вижу, тоже малый не промах. Позвони в тот колокольчик, Хокинс. Мистер Данс должен выпить пива.

— Значит, Джим,— сказал доктор,— то, что они искали, находится здесь, у тебя?

— Вот оно,— сказал я и протянул ему завернутый в kleenку пакет.

Доктор осмотрел пакет со всех сторон. По-видимому, ему не терпелось вскрыть его. Но он пересилил себя и спокойно положил пакет в карман.

— Сквайр,— сказал он,— когда Данс выпьет пива, ему придется вернуться к своим служебным обязанностям. А Джим Хокинс будет ночевать у меня. Если позволите, я попрошу сейчас подать ему холодного паштета на ужин.

— Еще бы, сделайте милость, Ливси! — отозвался сквайр. — Хокинс сегодня заслужил кое-что и побольше.

Передо мной на одном из маленьких столиков поставили большую порцию голубиного паштета. Я был голоден, как волк, и поужинал с большим удовольствием. А тем временем Данс, выслушав немало новых похвал, удалился.

— Ну, сквайр, — сказал доктор.

— Ну, доктор, — сказал сквайр.

— В одно слово! — засмеялся доктор Ливси. — Надеюсь, вы слышали об этом Флинте?

— Слыхал ли я о Флинте?! — воскликнул сквайр. — Вы спрашиваете, слыхал ли я о Флинте! Это был самый кровожадный пират из всех, какие когда-либо плавали по морю. Черная Борода перед Флинтом младенец. Испанцы¹ так боялись его, что, признаюсь вам, сэр, я порой гордился, что он англичанин. Однажды возле Тринидада я видел вдали верхушки его парусов, но наш капитан струсил и тотчас же вернулся обратно, сэр, в Порт-о-Ф-Спейн².

— Я слышал о нем здесь, в Англии, — сказал доктор. — Но вот вопрос: были ли у него деньги?

— Деньги! — вскричал сквайр. — Разве вы не слышали, что рассказывал Данс? Чего могли искать эти злодеи, если не денег? Что им нужно, кроме денег? Ради чего, кроме денег, они стали бы рисковать своей шкурой?

— Мы скоро узнаем, ради чего они рисковали шкурой, — ответил доктор. — Вы так горячитесь, что не даете мне слова сказать. Вот что я хотел бы выяснить: предположим, здесь, у меня в кармане, находится ключ, с помощью которого можно узнать, где Флинт спрятал свои сокровища. Велики ли эти сокровища?

— Велики ли, сэр! — закричал сквайр. — Так слушайте! Если только действительно в наших руках находится ключ, о котором вы говорите, я немедленно в бристольских доках снаряжаю подходящее судно, беру с собой вас и Хокинса и еду добывать это сокровище, хотя бы нам пришлось искать его целый год!

— Отлично, — сказал доктор. — В таком случае, если Джим согласен, давайте вскроем пакет.

И он положил пакет перед собой на стол.

Пакет был крепко зашифрован нитками. Доктор достал свой ящик

¹ В XVIII веке Англия воевала с Испанией и Францией, а в XVII веке — также и с Голландией. Отсюда вражда некоторых персонажей романа к испанцам, французам и голландцам.

² Порт-о-Ф-Спейн — столица острова Тринидад в Карибском море.

с инструментами и разрезал нитки хирургическими ножницами. В пакете оказались две вещи: тетрадь и запечатанный конверт.

— Прежде всего посмотрим тетрадь,— предложил доктор.

Он ласково подозвал меня к себе, и я встал из-за стола, за которым ужинал, чтобы принять участие в раскрытии тайны. Доктор начал перелистывать тетрадь. Сквайр и я с любопытством смотрели через его плечо.

На первой странице тетради были нацарапаны всевозможные каракули. Было похоже, что их выводили от нечего делать или для пробы пера. Между прочим, здесь была и та надпись, которую капитан вытатуировал у себя на руке: *«Да сбудутся мечты Билли Бонса»*, и другие в том же роде, например: *«Мистер У. Бонс, штурман»*, *«Довольно рому»*, *«У Палм-Ки¹ он получил все, что ему причиталось»*. Были и другие надписи, совсем непонятные, состоявшие большей частью из одного слова. Меня очень заинтересовало, кто был тот, который получил, *«что ему причиталось»*, и что именно ему причиталось. Быть может, удар ножом в спину?

— Ну, из этой страницы не много выjmешь,— сказал доктор Ливси.

Десять или² двенадцать следующих страниц были полны странных бухгалтерских записей. На одном конце строки стояла дата, а на другом — денежный итог, как и обычно в бухгалтерских книгах. Но вместо всяких объяснений в промежутке стояло только различное число крестиков. Двенадцатым июня 1745 года, например, была помечена сумма в семьдесят фунтов стерлингов, но все объяснения, откуда она взялась, заменяли собой шесть крестиков. Изредка, впрочем, добавлялось название местности, например: *«Против Каракаса»*, или просто помечались широта и долгота, например: *«62°17'20", 19°2'40"»*.

Записи велись в течение почти двадцати лет. Заприходованные суммы становились все крупнее. И в самом конце, после пяти или шести ошибочных, зачеркнутых подсчетов, был подведен итог, и внизу подписано: *«Доля Бонса»*.

— Я ничего не могу понять,— сказал доктор Ливси.

— Все ясно, как день! — воскликнул сквайр.— Перед нами приходная книга этого гнусного пса. Крестиками заменяются названия потопленных кораблей и ограбленных городов. Цифры обозначают долю этого душегуба в общей добыче. Там, где он боялся неточности, он вставлял некоторые пояснения. *«Против*

¹ Палм-Ки — островок у берегов Флориды.

Каракаса», например. Это значит, что против Каракаса было ограблено какое-то несчастное судно. Бедные моряки, плывшие на нем, давно уже гниют среди кораллов.

— Правильно! — сказал доктор.— Вот что значит быть путешественником! Правильно! И доля его росла, по мере того как он повышался в чине.

Ничего больше в этой тетради не было, кроме названий некоторых местностей, записанных на чистых листах, и таблицы для перевода английских, испанских и французских денег в ходячую монету.

— Бережливый человек! — воскликнул доктор.— Его не обсчитаешь.

— А теперь,— сказал сквайр,— посмотрим, что здесь.

Конверт был запечатан в нескольких местах. Печатью служил наперсток — может быть, тот самый наперсток, который я нашел у капитана в кармане. Доктор осторожно сломал печати, и на стол выпала карта какого-то острова, с широтой и долготой, с обозначением глубин моря возле берегов, с названием холмов, заливов и мысов. Вообще здесь было все, что может понадобиться, чтобы без всякого риска подойти к неведомому острову и бросить якорь.

Остров имел девять миль в длину и пять в ширину. Он напоминал жирного дракона, ставшего на дыбы. Мы заметили две гавани, хорошо укрытые от бурь, и холм посередине, названный «Подзорная труба».

На карте было много добавлений, сделанных позже. Резче всего бросались в глаза три крестика, сделанных красными чернилами,— два в северной части острова и один в юго-западной. Возле этого последнего крестика теми же красными чернилами мелким, четким почерком, совсем не похожим на каракули капитана, было написано:

«Главная часть сокровищ здесь».

На обратной стороне карты были пояснения, написанные тем же почерком. Вот они:

«Высокое дерево на плече Подзорной Трубы, направление к С. от С.-С.-В.

Остров Скелета В.-Ю.-В. и на В.

Десять футов.

Слитки серебра в северной яме. Отыщешь ее на склоне восточной горки, в десяти саженях к югу от черной скалы, если ступить к ней лицом.

Оружие найти легко в песчаном холме на С. оконечности Северного мыса, держась на В. и на четверть румба к С.

Д. Ф.»

И все. Эти записи показались мне совсем непонятными. Но, несмотря на свою краткость, они привели сквайра и доктора Ливси в восторг.

— Ливси,— сказал сквайр,— вы должны немедленно бросить вашу жалкую практику. Завтра я еду в Бристоль. Через три недели... нет, через две недели... нет, через десять дней у нас будет лучшее судно, сэр, и самая отборная команда во всей Англии. Хокинс поедет юнгой... Из тебя выйдет прекрасный юнга, Хокинс... Вы, Ливси,— судовой врач. Я — адмирал. Мы возьмем с собой Редрута, Джойса и Хантера. Попутный ветер быстро доставит нас до острова. Отыскать там сокровища не составит никакого труда. У нас будет столько монет, что нам хватит на еду, мы сможем купаться в них, швырять их рикошетом в воду...

— Трелони,— сказал доктор,— я еду с вами. Ручаюсь, что мы с Джимом оправдаем ваше доверие. Но есть один человек, на которого я боюсь положиться.

— Кто он? — воскликнул сквайр.— Назовите этого пса, сэр!

— Вы,— ответил доктор,— потому что вы не умеете держать язык за зубами. Не мы одни знаем об этих бумагах. Разбойники, которые сегодня вечером разгромили трактир,— как видите, отчаянно смелый народ, а те разбойники, которые остались на судне,— кроме них, смею сказать, есть и еще где-нибудь поблизости — сделают, конечно, все возможное, чтобы завладеть сокровищами. Мы нигде не должны показываться поодиночке, пока не отчалим от берега. Я останусь здесь вместе с Джимом до отъезда. Вы берите Джойса и Хантера и отправляйтесь с ними в Бристоль. И, самое главное, мы никому не должны говорить ни слова о нашей находке.

— Ливси,— ответил сквайр,— вы всегда правы. Я буду нем, как могила.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ СУДОВОЙ ПОВАР

Глава VII

Я еду в Бристоль

На подготовку к плаванию ушло гораздо больше времени, чем воображал сквайр. Да и вообще все наши первоначальные планы пришлось изменить. Прежде всего не 'осуществилось желание доктора Ливси не разлучаться со мной: ему пришлось отправиться в Лондон искать врача, который заменил бы его в наших местах на время его отсутствия. У сквайра было много работы в Бристоле. А я жил в усадьбе под присмотром старого егеря¹ Редрута, почти как пленник, мечтая о неведомых островах и морских приключениях. Много часов провел я над картой и выучил ее наизусть. Сидя у огня в комнате домоправителя, я в мечтах своих подплывал к острову с различных сторон. Я исследовал каждый его вершок, тысячи раз взбирался на высокий холм, названный Подзорной Трубой, и любовался оттуда удивительным, постоянно меняющимся видом. Иногда остров кишел дикарями, и мы должны были отбиваться от них. Иногда его населяли хищные звери, и мы должны были убегать от них. Но все эти воображаемые приключения оказались пустяками в сравнении с теми странными и трагическими приключениями, которые произошли на самом деле.

Неделя шла за неделей. Наконец в один прекрасный день мы получили письмо. Оно было адресовано доктору Ливси, но на конверте стояла приписка:

¹ Егерь — главный охотник в поместьческих имениях.

«Если доктор Ливси еще не вернулся, письмо вскрыть Тому Редруту или молодому Хокинсу».

Разорвав конверт, мы прочли — вернее, я прочел, потому что егерь разбирал только печатные буквы, — следующие важные сообщения:

«Гостиница «Старый якорь», Бристоль, 1 марта 17. года.
Дорогой Ливси!

Не знаю, где вы находитесь, в усадьбе или все еще в Лондоне, — пишу одновременно и туда и сюда.

Корабль куплен и снаряжен. Он стоит на якоре, готовый выйти в море. Лучше нашей шхуны и представить себе ничего невозможно. Управлять ею может младенец. Водоизмещение — двести тонн. Название — «Испаньола».

Достать ее помог мне мой старый приятель Блендли, который оказался удивительно ловким дельцом. Этот милый человек работал для меня, как чернокожий. Впрочем, и каждый в Бристоле старался помочь мне, стоило только намекнуть, что мы отправляемся за нашим сокровищем...

— Редрут, — сказал я, прерывая чтение, — доктору Ливси это совсем не понравится. Значит, сквайр все-таки болтал...

— А кто важнее: сквайр или доктор? — проворчал егерь. — Неужели сквайр должен молчать, чтобы угодить какому-то доктору Ливси?

Я отказался от всяких пояснений и стал читать дальше:

«Блендли сам отыскал «Испаньолу», и благодаря его ловкости она досталась нам буквально за гроши. Правда, в Бристоле есть люди, которые терпеть не могут Блендли. Они имеют наглость утверждать, будто этот честнейший человек хлопочет только ради барыша, будто «Испаньола» принадлежит ему самому и будто он продал ее мне втридорога. Это бесспорно клевета. Никто, однако, не осмеливается отрицать, что «Испаньола» — прекрасное судно.

Итак, корабль я достал без труда. Правда, рабочие снаряжают его очень медленно, но со временем все будет готово. Гораздо больше пришлось мне повозиться с подбором команды.

Я хотел нанять человек двадцать — на случай встречи с дикарями, пиратами и проклятым французом. Я уже из сил выбился, а нашел всего шестерых, но затем судьба смилиостивилась надо мной, и я встретил человека, который сразу устроил мне все это дело.

Я случайно разговорился с ним в порту. Оказалось, что он старый моряк. Живет на суше и держит таверну. Знаком со

всеми моряками в Бристоле. Жизнь на суше расстроила его здоровье, он хочет снова отправиться в море и ищет место судового повара. В то утро, по его словам, он вышел в порт только для того, чтобы подышать соленым морским воздухом.

Эта любовь к морю показалась мне трогательной, да и вас она, несомненно, растрогала бы. Мне стало жалко его, и я тут же на месте предложил ему быть поваром у нас на корабле. Его зовут Долговязый Джон Сильвер. У него нет одной ноги. Но я считаю это самой лучшей рекомендацией, так как он потерял ее, сражаясь за родину под начальством бессмертного Хока¹. Он не получает пенсии, Ливси. Видите, в какие ужасные времена мы живем!

Да, сэр, я думал, что я нашел повара, а оказалось, что я нашел целую команду.

С помощью Сильвера мне в несколько дней удалось навербовать экипаж из настоящих, опытных, просоленных океаном моряков. Внешность у них не слишком привлекательная, но зато, судя по их лицам, все они — люди отчаянной храбрости. Имея такую команду, мы можем сражаться хоть с целым фрегатом.

Долговязый Джон посоветовал мне даже рассчитать кое-кого из тех шести или семи человек, которых я нанял прежде. Он в одну минуту доказал мне, что они пресноводные увальни, с которыми нельзя связываться, когда отправляешься в опасное плавание.

Я превосходно себя чувствую, ем, как бык, сплю, как бревно. И все же я не буду вполне счастлив, пока мои старые морячки не затопают вокруг шпиля². В открытое море! К черту сокровища! Море, а не сокровища, кружит мне голову. Итак, Ливси, приезжайте скорей! Не теряйте ни часа, если вы меня уважаете.

Отпустите молодого Хокинса проститься с матерью. Редрут может сопровождать его. Потом пусть оба, не теряя времени, мчатся в Бристоль.

Джон Трелони.

Post scriptum³. Забыл вам сообщить, что Блендли, который, кстати сказать, обещал послать нам на помощь другой корабль, если мы не вернемся к августу, нашел для нас отличного капи-

¹ Эдвард Хок — английский адмирал, живший в середине XVIII века.

² Шпиль — ворот, на который наматывается якорный канат.

³ Post scriptum — добавление к письму после подписи. Следующая приписка называется «Post-post scriptum».

тана. Капитан этот прекрасный человек, но, к сожалению, упрям, как черт. Долговязый Джон Сильвер отыскал нам очень знающего штурмана, по имени Эрроу. А я, Ливси, достал боцмана, который умеет играть на дудке. Как видите, на нашей драгоценной «Испаньоле» все будет, как на заправском военном корабле.

Забыл написать вам, что Сильвер — человек состоятельный. По моим сведениям, у него текущий счет в банке, и не маленький. Таверну свою он на время путешествия передает жене. Жена его не принадлежит к белой расе. И таким старым холостякам, как мы с вами, извинительно заподозрить, что именно жена, а не только плохое здоровье гонит его в открытое море.

Д. Т.

Р. Р. С. Хокинс может провести один вечер у своей матери.

Д. Т.»

Нетрудно представить себе, как взбудоражило меня это письмо. Я был вне себя от восторга. Всем сердцем презирал я старого Тома Редрута, который только ворчал и скулил. Любой из младших егерей с удовольствием поехал бы вместо него. Но сквайр хотел, чтобы ехал Том Редрут, а желание сквайра было для слуг законом. Никто, кроме старого Редрута, не посмел бы даже и поворчать.

На следующее утро мы оба отправились пешком в «Адмирал Бенбоу». Мать мою я застал в полном здоровье. Настроение у нее было хорошее. Со смертью капитана окончились все наши неприятности. Сквайр за свой счет отремонтировал наш дом. По его приказанию стены и вывеска были заново выкрашены. Он нам подарил кое-какую мебель, в том числе превосходное кресло, чтобы матери моей удобнее было сидеть за прилавком. На подмогу ей он нанял мальчика. Этот мальчик должен был исполнять обязанности, которые прежде исполнял я.

Только увидев чужого мальчишку в трактире, я впервые отчетливо понял, что надолго расстанусь с родным домом. До сих пор я думал лишь о приключениях, которые ждут меня впереди, а не о доме, который я покидаю. При виде неуклюжего мальчика, занявшего мое место, я впервые залился слезами. Боюсь, что я бессовестно мучил и тирианил его. Он еще не успел при-

выкнуть к своему новому месту, а я не прощал ему ни единого промаха и злорадствовал, когда он ошибался.

Миновала ночь, и на следующий день после обеда мы с Редрутом вновь вышли на дорогу. Я простился с матерью, с бухтой, возле которой я жил с самого рождения, с милым старым «Адмиралом Бенбоу» — хотя, заново покрашенный, он стал уже не таким милым. Вспомнил я и капитана, который так часто бродил по этому берегу, его треугольную шляпу, сабельный шрам на щеке и медную подзорную трубу. Мы свернули за угол, и мой дом исчез.

Уже смеркалось, когда возле «Гостиницы короля Георга» мы сели в почтовый дилижанс. Меня втиснули между Редрутом и каким-то старым толстым джентльменом. Несмотря на быструю езду и холодную ночь, я сразу заснул. Мы мчались то вверх, то вниз, а я спал, как сурок, и проспал все станции. Меня разбудил удар в бок. Я открыл глаза. Мы стояли перед большим зданием на городской улице. Уже давно рассвело.

— Где мы? — спросил я.

— В Бристоле, — ответил Том. — Вылезай.

Мистер Трелони жил в трактире возле самых доков, чтобы наблюдать за работами на шхуне. Нам, к величайшей моей радости, пришлось идти по набережной довольно далеко, мимо множества кораблей самых различных размеров, оснасток и национальностей. На одном работали и пели. На другом матросы высоко над моей головой висели на канатах, которые снизу казались не толще паутинок. Хотя я всю жизнь прожил на берегу моря, здесь оно удивило меня так, будто я увидел его впервые. Запах дегтя и соли был нов для меня. Я разглядывал резные фигурки на носах кораблей, побывавших за океаном. Я жадно рассматривал старых моряков с серьгами в ушах, с завитыми бакенбардами, с просмоленными косичками, с неуклюжей морской походкой. Они слонялись по берегу. Если бы вместо них мне показали королей или архиепископов, я обрадовался бы гораздо меньше.

Я тоже отправляюсь в море! Я отправляюсь в море на шхуне, с боцманом, играющим на дудке, с матросами, которые носят косички и поют песни! Я отправляюсь в море, я поплыву к неведомому острову искать зарытые в землю сокровища!

Я был погружен в эти сладостные мечты, когда мы дошли наконец до большого трактира. Нас встретил сквайр Трелони. На нем был синий мундир. Такие мундиры носят обычно морские офицеры. Он выходил из дверей, широко улыбаясь. Шел он вразвалку, старательно подражая качающейся походке моряков.

— Вот и вы! — воскликнул он. — А доктор еще вчера вечером прибыл из Лондона. Отлично! Теперь вся команда в сборе.
— О сэр, — закричал я, — когда же мы отплываем?
— Отплываем? — переспросил он. — Завтра.

Глава VIII

Под вывеской «Подзорная труба»

Когда я позавтракал, сквайр дал мне записку к Джону Сильверу в таверну «Подзорная труба». Он объяснил мне, как искать ее: идти по набережной, пока не увидишь маленькую таверну, а над дверью большую трубу вместо вывески.

Я обрадовался возможности еще раз посмотреть корабли и матросов и тотчас же отправился в путь. С трудом пробираясь сквозь толпу народа, толкавшегося на пристани среди тюков и фургонов, я нашел наконец таверну.

Она была невелика и довольно уютна: вывеска недавно выкрашена, на окнах опрятные красные занавески, пол посыпан чистейшим песком. Таверна выходила на две улицы. Обе двери были распахнуты настежь, и в просторной низкой комнате было довольно светло, несмотря на клубы табачного дыма.

За столиками сидели моряки. Они так громко говорили между собой, что я остановился у двери, не решаясь войти.

Из боковой комнаты вышел человек. Я сразу понял, что это и есть Долговязый Джон. Левая нога его была отнята по самое бедро. Под левым плечом он держал костьль и необыкновенно проворно управлял им, подпрыгивая, как птица, на каждом шагу. Это был очень высокий и сильный мужчина, с широким, как окорок, плоским и бледным, но умным и веселым лицом. Ему, казалось, было очень весело. Посвистывая, шнырял он между столиками, пощучивал, похлопывая по плечу некоторых излюбленных своих посетителей.

Признаться, прочитав о Долговязом Джоне в письме сквайра, я с ужасом подумал, не тот ли это одногий моряк, которого я так долго подстерегал в старом «Бенбоу». Но стоило мне взглянуть на этого человека, и все мои подозрения рассеялись. Я видел капитана, видел Черного Пса, видел слепого Пью и полагал, что знаю, какой вид у морских разбойников. Нет, этот опрятный и добродушный хозяин трактира нисколько не был похож на разбойника.

Я собрался с духом, перешагнул через порог и направился прямо к Сильверу, который, опершись на костыль, разговаривал с каким-то посетителем.

— Мистер Сильвер, сэр? — спросил я, протягивая ему записку.

— Да, мой мальчик, — сказал он. — Меня зовут Сильвер. А ты кто такой?

Увидев письмо сквайра, он, как мне показалось, даже вздрогнул.

— О, — воскликнул он, протягивая мне руку, — понимаю! Ты наш новый юнга. Рад тебя видеть.

И он сильно сжал мою руку в своей широкой и крепкой ладони.

В это мгновение какой-то человек, сидевший в дальнем углу, внезапно вскочил с места и кинулся к двери. Дверь была рядом с ним, и он сразу исчез. Но торопливость его привлекла мое внимание, и я с одного взгляда узнал его. Это был трехпалый человек с одутловатым лицом, тот самый, который приходил к нам в трактир.

— Эй, — закричал я, — держите его! Это Черный Пес! Черный Пес!

— Мне наплевать, как его зовут! — вскричал Сильвер. — Но он удрал и не заплатил мне за выпивку. Гарри, беги и поймай его!

Один из сидевших возле двери вскочил и пустился вдогонку.

— Будь он хоть адмирал Хок, я и то заставил бы его заплатить! — кричал Сильвер.

Потом, внезапно отпустив мою руку, спросил:

— Как его зовут? Ты сказал — Черный... как дальше? Черный кто?

— Пес, сэр! — сказал я. — Разве мистер Трелони не рассказывал вам о наших разбойниках? Черный Пес из их шайки.

— Что? — заревел Сильвер. — В моем доме!.. Бен, беги и помоги Гарри догнать его... Так он один из этих крыс?.. Эй, Морган, ты, кажется, сидел с ним за одним столом? Поди-ка сюда.

Человек, которого он назвал Морганом, — старый, седой, загорелый моряк, — покорно подошел к нему, жуя табачную жвачку.

— Ну, Морган, — строго спросил Долговязый, — видал ли ты когда-нибудь прежде этого Черного... как его... Черного Пса?

— Никогда, сэр, — ответил Морган и поклонился.

— И даже имени его не слыхал?

— Не слыхал, сэр.

— Ну, твое счастье, Том Морган! — воскликнул кабатчик.— Если ты станешь путаться с негодяями, ноги твоей не будет в моем заведении. О чём он с тобой говорил?

— Не помню хорошенько, сэр,— ответил Морган.

— И ты можешь называть головой то, что у тебя на плечах? Или это у тебя юферс?¹ — закричал Долговязый Джон.— Он не помнит хорошенько! Может, ты и понятия не имеешь, с кем ты разговаривал? Ну, выкладывай, о чём он сейчас говорил! Вы растабарывали оба о плаваниях, кораблях, капитанах? Ну! Живо!

— Мы говорили о том, как людей под килем протягивают²,— ответил Морган.

— Под килем! Вполне подходящий для тебя разговор. Эх, ты! Ну, садись на место, Том, дуралей...

Когда Морган сел за свой столик, Сильвер по-приятельски наклонился к моему уху, что очень мне польстило, и прошептал:

— Честнейший малый этот Том Морган, но ужасный дурак. А теперь,— продолжал он вслух,— попробуем вспомнить. Черный Пес? Нет, никогда не слыхал о таком. Как будто я его где-то видел. Он нередко... да-да заходил сюда с каким-то слепым нищим.

— Да-да, со слепым! — вскричал я.— Я и слепого этого знал. Его звали Пью.

— Верно! — воскликнул Сильвер, на этот раз очень взволнованный.— Пью! Именно так его и звали. С виду он был большая каналья. Если Черный Пес попадется нам в руки, капитан Трелони будет очень доволен. У Бена отличные ноги. Редкий моряк бегает быстрее Бена. Нет, от Бена не уйдешь. Бен кого хочешь догонит... Так он говорил о том, как протягивают моряков на канате? Ладно, ладно, уж мы протянем его самого...

Сильвер прыгал на своем костыле, стучал кулаком по столам и говорил с таким искренним возмущением, что даже судья в Олд Бейли³ или лондонский полицейский поверили бы в полнейшую его невиновность.

Встреча с Черным Псом в «Подзорной трубе» пробудила все мои прежние подозрения, и я внимательно следил за поваром. Но он был слишком умен, находчив и ловок для меня.

Наконец вернулись те двое, которых он послал вдогонку за Черным Псом. Тяжело дыша, они объявили, что Черному Псу

¹ Юферс — блок для натягивания вант.

² Протягивать под килем — вид наказания в английском флоте в XVIII веке.

³ Олд Бейли — суд в Лондоне.

удалось скрыться от них в толпе. И кабатчик принял ругать их с такой яростью, что я окончательно убедился в полной невиновности Долговязого Джона.

— Слушай, Хокинс,— сказал он.— Для меня эта история может окончиться плохо. Что подумает обо мне капитан Трелони? Этот проклятый голландец сидел в моем доме и лакал мою выпивку! Потом приходишь ты и говоришь мне, что он из разбойничьей шайки. И все же я даю ему улизнуть от тебя перед самыми моими иллюминаторами¹! Ну, Хокинс, поддержи меня перед капитаном Трелони! Ты молод, но не глуп. Тебя не приведешь. Да, да, да! Я это сразу заметил. Объясни же капитану, что я на своей деревяшке никак не мог угнаться за этим чертовым псом. Если бы я был первоклассный моряк, как в старое время, он бы от меня не ушел, я бы его насадил на вертел в две минуты, но теперь...

Он вдруг умолк и широко разинул рот, словно что-то вспомнил.

— А деньги? — крикнул он.— За три кружки! Вот дьявол, про деньги-то я и забыл!

Рухнув на скамью, он захохотал и хохотал до тех пор, пока слезы не потекли у него по щекам. Хохот его был так заразителен, что я не удержался и стал хохотать вместе с ним, пока вся таверна не задрожала от хохота.

— Я хоть и стар, а какого разыграл морского теленка! — сказал он наконец, вытирая щеки.— Я вижу, Хокинс, мы с тобой будем хорошей парой. Ведь я и сейчас оказался не лучше юнги... Однако надо идти: дело есть дело, ребята. Я надену свою старую треуголку и пойду вместе с тобой к капитану Трелони доложить ему обо всем, что случилось. А ведь дело-то серьезное, молодой Хокинс, и, надо сознаться, ни мне, ни тебе оно чести не приносит. Нет, нет! Ни мне, ни тебе: обоих нас околпачили здорово. Однако, черт его побери, как надул он меня с этими деньгами!

Он снова захохотал, и с таким жаром, что я, хотя не видел тут ничего смешного, опять невольно присоединился к нему.

Мы пошли по набережной. Сильвер оказался необыкновенно увлекательным собеседником. О каждом корабле, мимо которого мы проходили, он сообщал мне множество сведений: какие у него снасти, сколько он может поднять груза, из какой страны он прибыл. Он объяснял мне, что делается в порту: одно судно разгружают, другое нагружают, а вон то, третье, сейчас выходит в открытое море. Он рассказывал мне веселые истории о

¹ Иллюминатор → круглое окно в борту судна.

кораблях и моряках. То и дело употреблял он всякие морские словечки и повторял их по несколько раз, чтобы я лучше запомнил их. Я начал понемногу понимать, что лучшего товарища, чем Сильвер, в морском путешествии не найдешь.

Наконец мы пришли в трактир. Сквайр и доктор Ливси пили пиво, закусывая поджаренными ломтиками белого хлеба.

Они собирались на шхуну — посмотреть, как ее снаряжают.

Долговязый Джон рассказал им все, что случилось в таверне, с начала и до конца, очень пылко и совершенно правдиво.

— Ведь так оно и было, не правда ли, Хокинс? — спрашивал он меня поминутно.

И я всякий раз полностью подтверждал его слова.

Оба джентльмена очень жалели, что Черному Псу удалось убежать. Но что можно было сделать? Выслушав их похвалы, Долговязый Джон взял костиль и направился к выходу.

— Команде быть на корабле к четырем часам дня! — крикнул сквайр ему вдогонку.

— Есть, сэр! — ответил повар.

— Ну, сквайр, — сказал доктор Ливси, — говоря откровенно, я не вполне одобряю большинство приобретений, сделанных вами, но Джон Сильвер мне по вкусу.

— Чудесный малый, — отозвался сквайр.

— Джим пойдет сейчас с нами на шхуну, не так ли? — приветствовал доктор.

— Конечно, конечно, — сказал сквайр. — Хокинс, возьми свою шляпу, сейчас мы пойдем посмотреть наш корабль.

Глава IX

Порох и оружие

«Испаньола» стояла довольно далеко от берега. Чтобы добраться до нее, нам пришлось взять лодку и лавировать среди других кораблей. Перед нами вырастали то украшенный фигурами нос, то корма. Канаты судов скрипели под нашим килем и свешивались у нас над головами. На борту нас приветствовал штурман мистер Эрроу, старый моряк, косоглазый и загорелый, с серьгами в ушах. Между ним и сквайром были, очевидно, самые близкие, приятельские отношения.

Но с капитаном сквайр явно не ладил.

Капитан был человек угрюмый. Все на корабле раздражало его. Причины своего недовольства он не замедлил изложить

перед нами. Едва мы спустились в каюту, как явился матрос и сказал:

— Капитан Смоллэтт, сэр, хочет с вами поговорить.

— Я всегда к услугам капитана. Попроси его пожаловать сюда,— ответил сквайр.

Капитан, оказалось, шел за своим послом. Он сразу вошел в каюту и запер за собой дверь.

— Ну, что скажете, капитан Смоллэтт? Надеюсь, все в порядке? Шхуна готова к отплытию?

— Вот что, сэр,— сказал капитан,— я буду говорить откровенно, даже рискуя поссориться с вами. Мне не нравится эта экспедиция. Мне не нравятся наши матросы. Мне не нравится мой помощник. Вот и все. Коротко и ясно.

— Быть может, сэр, вам не нравится также и шхуна? — спросил сквайр, и я заметил, что он очень разгневан.

— Я ничего не могу сказать о ней, сэр, пока не увижу ее в плавании,— ответил ему капитан.— Кажется, она построена неплохо. Но судить об этом еще рано.

— Тогда, сэр, быть может, вам не нравится ваш хозяин? — спросил сквайр.

Но тут вмешался доктор Ливси.

— Погодите,— сказал он,— погодите. Этак ничего, кроме ссоры, не выйдет. Капитан сказал нам и слишком много и слишком мало, и я имею право попросить у него объяснений... Вы, кажется, сказали, капитан, что вам не нравится наша экспедиция? Почему?

— Меня пригласили, сэр, чтобы я вел судно туда, куда пожелает этот джентльмен, и не называли цели путешествия,— сказал капитан.— Отлично, я ни о чем не расспрашивал. Но вскоре я убедился, что самый последний матрос знает о цели путешествия больше, чем я. По-моему, это некрасиво. А как повышему?

— По-моему, тоже,— сказал доктор Ливси.

— Затем,— продолжал капитан,— я узнал, что мы едем искать сокровища. Я услыхал об этом, заметьте, от своих собственных подчиненных. А искать сокровища — дело щекотливое. Поиски сокровищ вообще не по моей части, и я не чувствую никакого влечения к подобным занятиям, особенно если эти занятия секретные, а секрет — прошу прощения, мистер Трелони! — выболтан, так сказать, попугаю.

— Попугаю Сильвера? — спросил сквайр.

— Нет, это просто поговорка,— пояснил капитан.— Она означает, что секрет уже ни для кого не секрет. Мне кажется, вы недооцениваете трудности дела, за которое взялись, и я скажу

вам, что я думаю об этом: вам предстоит борьба не на жизнь, а на смерть.

— Вы совершенно правы,— ответил доктор.— Мы сильно рискуем. Но вы ошибаетесь, полагая, что мы не отдаляем себе отчета в опасностях, которые нам предстоят. Вы сказали, что вам не нравится наша команда. Что ж, по-вашему, мы наняли недостаточно опытных моряков?

— Не нравятся мне они,— отвечал капитан— и, если говорить начистоту, нужно было поручить набор команды мне.

— Не спорю,— ответил доктор.— Моему другу, пожалуй, следовало набирать команду вместе с вами. Это промах, уверяю вас, совершенно случайный. Тут не было ничего преднамеренного. Затем, кажется, вам не нравится мистер Эрроу?

— Не нравится, сэр. Я верю, что он хороший моряк. Но он слишком распускает команду, чтобы быть хорошим помощником. Он фамильярничает со своими матросами. Штурман на корабле должен держаться в стороне от матросов. Он не может пьянистовать с ними.

— Вы хотите сказать, что он пьяница? — спросил сквайр.

— Нет, сэр,— ответил капитан.— Я только хочу сказать, что он слишком распускает команду.

— А теперь,— попросил доктор,— скажите нам напрямик, капитан, что вам от нас нужно.

— Вы твердо решили отправиться в это плавание, джентльмены?

— Бесповоротно,— ответил сквайр.

— Отлично,— сказал капитан.— Если вы до сих пор терпеливо меня слушали, хотя я и говорил вещи, которых не мог доказать, послушайте и дальше. Порох и оружие складывают в носовой части судна¹. А между тем есть прекрасное помещение под вашей каютой. Почему бы не сложить их туда? Это первое. Затем, вы взяли с собой четверых слуг. Кого-то из них, как мне сказали, тоже хотят поместить в носовой части. Почему не устроить им койки возле вашей каюты? Это второе.

— Есть и третье? — спросил мистер Трелони.

— Есть,— сказал капитан.— Слишком много болтают.

— Да, чересчур много болтают,— согласился доктор.

— Передам вам только то, что я слышал своими ушами,— продолжал капитан Смоллетт.— Говорят, будто у вас есть карта какого-то острова. Будто на карте крестиками обозначены места, где зарыты сокровища. Будто этот остров лежит...

¹ В носовой части судна помещались матросы.

И тут он с полной точностью назвал широту и долготу нашего острова.

— Я не говорил этого ни одному человеку! — воскликнул сквайр.

— Однако каждый матрос знает об этом, сэр, — возразил капитан.

— Это вы, Ливси, все разболтали! — кричал сквайр. — Или ты, Хокинс...

— Теперь уже равно, кто разболтал, — сказал доктор.

Я заметил, что ни он, ни капитан не поверили мистеру Трелони, несмотря на все его оправдания. Я тоже тогда не поверил, потому что он действительно был великий болтун. А теперь я думаю, что тогда он говорил правду и что команде было известно и без нас, где находится остров.

— Я, джентльмены, не знаю, у кого из вас хранится эта карта, — продолжал капитан. — И я настаиваю, чтобы она хранилась в тайне и от меня и от мистера Эрроу. В противном случае я буду просить вас уволить меня.

— Понимаю, — сказал доктор. — Во-первых, вы хотите прекратить лишние разговоры. Во-вторых, вы хотите устроить крепость в кормовой части судна, собрать в нее слуг моего друга и передать им все оружие и порох, которые имеются на борту. Другими словами, вы опасаетесь бунта.

— Сэр, — сказал капитан Смоллэтт, — я не обижаюсь, но не хочу, чтобы вы приписывали мне слова, которых я не говорил. Нельзя оправдать капитана, решившего выйти в море, если у него есть основания опасаться бунта. Я уверен, что мистер Эрроу честный человек. Многие матросы тоже честные люди. Быть может, все они честные люди. Но я отвечаю за безопасность корабля и за жизнь каждого человека на борту. Я вижу, что многое делается не так, как следует. Прошу вас принять меры предосторожности или уволить меня. Вот и все.

— Капитан Смоллэтт, — начал доктор, улыбаясь, — вы слыхали басню о горе, которая родила мышь? Простите меня, но вы напомнили мне эту басню. Когда вы явились сюда, я готов был поклясться моим париком, что вы потребуете у нас многое больше.

— Вы очень догадливы, доктор, — сказал капитан. — Явившись сюда, я хотел потребовать расчета, ибо у меня не было ни малейшей надежды, что мистер Трелони согласится выслушать хоть одно мое слово.

— И не стал бы слушать! — крикнул сквайр. — Если бы не Ливси, я бы сразу послал вас ко всем чертям. Но как бы то ни

было, я выслушал вас и сделаю все, что вы требуете. Однако мнение мое о вас изменилось к худшему.

— Это как вам угодно, сэр,— сказал капитан.— Потом вы поймете, что я исполнил свой долг.

И он удалился.

— Трелони,— сказал доктор,— против своего ожидания, я убедился, что вы пригласили на корабль двух честных людей: капитана Смоллетта и Джона Сильвера.

— Насчет Сильвера я с вами согласен,— воскликнул сквайр,— а поведение этого несносного враля я считаю недостойным мужчины, недостойным моряка и, во всяком случае, недостойным англичанина!

— Ладно,— сказал доктор,— увидим.

Когда мы вышли на палубу, матросы уже начали перетаскивать оружие и порох. «Йо-хо-хо!» — пели они во время работы. Капитан и мистер Эрроу распоряжались.

Мне очень понравилось, как нас разместили по-новому. Всю шхуну переоборудовали. На корме из бывшей задней части среднего трюма устроили шесть кают, которые соединялись запасным проходом по левому борту с камбузом¹ и баком². Сначала их предназначали для капитана, мистера Эрроу, Хантера, Джойса, доктора и сквайра. Но затем две из них отдали Редруту и мне, а мистер Эрроу и капитан устроились на палубе, в сходном тамбуре³, который был так расширен с обеих сторон, что мог сойти за кормовую рубку⁴. Он, конечно, был тесноват, но все же в нем поместились два гамака. Даже штурман, казалось, был доволен таким размещением. Возможно, он тоже не доверял команде. Впрочем, это только мое предположение, потому что, как вы скоро увидите, он недолго находился на шхуне.

Мы усердно работали, перетаскивая порох и устраивая наши каюты, когда наконец с берега явились в шлюпке последние матросы и вместе с ними Долговязый Джон.

Повар взобрался на судно с ловкостью обезьяны и, как только заметил, чем мы заняты, крикнул:

— Эй, приятели, что же вы делаете?

— Переносим бочки с порохом, Джон,— ответил один из матросов.

— Зачем, черт вас побери? — закричал Долговязый.— Ведь этак мы прозеваем утренний отлив!

¹ Камбуз — корабельная кухня.

² Бак — возвышение в передней части корабля.

³ Сходный тамбур — помещение, в которое выходит трап (лестница, ведущая в трюм).

⁴ Рубка — возвышение на палубе судна для управления.

— Они исполняют мое приказание! — оборвал его капитан. — А вы, милейший, ступайте на кухню, чтобы матросы могли поужинать вовремя.

— Слушаю, сэр,— ответил повар.

И, прикоснувшись рукой к пряди волос на лбу, нырнул в кухонную дверь.

— Вот это славный человек, капитан,— сказал доктор.

— Весьма возможно, сэр,— ответил капитан Смоллэтт.— Осторожней, осторожней, ребята!

И он побежал к матросам. Матросы волокли бочку с порохом. Вдруг он заметил, что я стою и смотрю на вертлюжную пушку¹, которая была установлена в средней части корабля,— медную девятивентовку, и сейчас же налетел на меня.

— Эй, юнга,— крикнул он,— прочь отсюда! Ступай к повару, он даст тебе работу.

И, убегая на кухню, я слышал, как он громко сказал доктору:

— Я не потерплю, чтобы на судне у меня были любимчики!

Уверяю вас, в эту минуту я совершенно согласился со сквайром, что капитан — невыносимый человек, и возненавидел его.

Глава X

Плавание

Суматоха продолжалась всю ночь. Мы перетаскивали вещи с места на место. Шлюпка то и дело привозила с берега друзей сквайра, вроде мистера Блендли, приехавших пожелать ему счастливого плавания и благополучного возвращения домой. Никогда раньше в «Адмирале Бенбоу» мне не приходилось работать так много.

Я уже устал, как собака, когда перед самым рассветом боцман заиграл на дудке и команда принялась поднимать якорь.

Впрочем, если бы даже я устал вдвое больше, я и то не ушел бы с палубы. Все было ново и увлекательно для меня — и отрывистые приказания, и резкий звук свистка, и люди, суетливо работающие при тусклом свете корабельных фонарей.

¹ Вертлюжная пушка — пушка, поворачивающаяся на специальной врачающейся установке — вертлюге.

— Эй, Окорок, затяни-ка песню! — крикнул один из матросов.

— Старую! — крикнул другой.

— Ладно, ребята, — отвечал Долговязый Джон, стоявший тут же, на палубе, с костылем под мышкой.

И запел песню, которая была так хорошо мне известна:

Пятнадцать человек на сундук мертвца...

Вся команда подхватила хором:

Йо-хо-хо, и бутылка рому,—

при последнем «хо» матросы дружно нажали на вымбовки шпилля.

Мне припомнился наш старый «Адмирал Бенбоу», почудилось, будто голос покойного Бонса внезапно присоединился к матросскому хору.

Скоро якорь был поднят и укреплен на носу. С него капала вода. Ветер раздул паруса. Земля отступила. Корабли, окружавшие нас, стали удаляться. И прежде чем я лег на койку, чтобы подремать хоть часок, «Испаньола» начала свое плавание к Острову Сокровищ.

Я не стану описывать подробности нашего путешествия. Оно было очень удачно. Корабль оказался образцовым, команда состояла из опытных моряков, капитан превосходно знал свое дело. Но прежде чем мы достигли Острова Сокровищ, случилось два — три события, о которых стоит упомянуть.

Раньше всего выяснилось, что мистер Эрроу гораздо хуже, чем думал о нем капитан. Он не пользовался у матросов никаким авторитетом, и его никто не слушал. Но это еще не самое худшее. Через день — два после отплытия он стал появляться на палубе с мутными глазами и пылающими щеками. Язык его заплетался. Налицо были и другие признаки опьянения. Время от времени его приходилось с позором гнать в каюту. Он часто падал и расшибался. Случалось, пролеживал целые дни у себя на койке не вставая. Бывало, конечно, что он два дня ходил почти трезвый и тогда кое-как справлялся со своими обязанностями.

Мы никак не могли понять, откуда он достает выпивку. Весь корабль ломал голову над этой загадкой. Мы следили за ним, но ничего не выследили. Когда мы спрашивали его напрямик, он, если был пьян, только хохотал нам в глаза, а если был трезв, торжественно клялся, что за всю жизнь ничего не пил, кроме воды.

Как штурман он никуда не годился и оказывал дурное влия-

ние на своих подчиненных. Было ясно, что он плохо кончит. И никто не удивился и не опечалился, когда однажды темной, бурной ночью он исчез с корабля.

— Свалился за борт! — решил капитан. — Что же, джентльмены, это избавило нас от необходимости заковывать его в кандалы.

Таким образом, мы остались без штурмана. Нужно было выдвинуть на эту должность кого-нибудь из команды. Выбор пал на боцмана Джоба Эндерсона. Его по-прежнему называли боцманом, но исполнял он обязанности штурмана.

Мистер Трелони, много странствовавший и хорошо знаяший море, тоже пригодился в этом деле — он стоял в хорошую погоду на вахте. Второй боцман, Израэль Хэндс, был усердный старый, опытный моряк, которому можно было поручить почти любую работу.

Он, между прочим, дружил с Долговязым Джоном Сильвером, и раз уж я упомянул это имя, придется рассказать о Сильвере подробнее.

Матросы называли его Окороком. Он привязывал свой костыль веревкой к шее, чтобы руки у него были свободны. Стоило посмотреть, как он, упираясь костылем в стену, покачиваясь с каждым движением корабля, стряпал, словно находился на твердой земле! Еще любопытнее было видеть, как ловко и быстро пробегал он в бурную погоду по палубе, хватаясь за канаты, протянутые для него в самых широких местах. Эти канаты назывались у матросов «сережками Долговязого Джона». И на ходу он то держался за эти «сережки», то пускал в дело костыль, то тащил его за собой на веревке.

Все же матросы, которые плавали с ним прежде, очень жалели, что он уже не тот, каким был.

— Наш Окорок не простой человек, — говорил мне второй боцман. — В молодости он был школяром и, если захочет, может разговаривать, как книга. А какой он храбрый! Лев перед ним ничто, перед нашим Долговязым Джоном. Я видел сам, как на него, безоружного, напало четверо, а он схватил их и стукнул головами вот так.

Вся команда относилась к нему с уважением и даже подчинялась его приказаниям. С каждым он умел поговорить, каждому умел угодить. Со мной он всегда был особенно ласков. Всякий раз радовался, когда я заходил к нему в камбуз, который он содержал в удивительной чистоте. Посуда у него всегда была аккуратно развездана и вычищена до блеска. В углу, в клетке, сидел попугай.

— Хокинг, — говорил мне Сильвер, — заходи, поболтай с

Джоном. Никому я не рад так, как тебе, сынок. Садись и послушай. Вот Капитан Флинт... я назвал моего попугая Капитаном Флинтом в честь знаменитого пирата... так вот, Капитан Флинт предсказывает, что наше плавание окончится удачей... Верно, Капитан?

— И попугай начинал с невероятной быстротой повторять:
— Пиастры! Пиастры! Пиастры!

И повторял до тех пор, пока не выбивался из сил или пока Джон не покрывал его клетку платком.

— Этой птице,— говорил он,— наверное, лет двести, Хокинс. Попугаи живут без конца. Разве только дьявол повидал на своем веку столько зла, сколько мой попугай. Он плавал с Инглендом, с прославленным капитаном Инглендом, пиратом. Он побывал на Мадагаскаре, на Малабаре¹, в Суринаме², на Провиденсе³, в Порто-Белло⁴. Он видел, как вылавливают груз с затонувших галеонов⁵. Вот когда он научился кричать «пиастры». И нечему тут удивляться: в тот день выловили триста пятьдесят тысяч пиастров, Хокинс! Этот попугай присутствовал при нападении на вице-короля Индии невдалеке от Гоа⁶. А с виду он кажется младенцем... Но ты понюхал пороху, не правда ли, Капитан?

— Поворачивай на другой галс!⁷ — кричал попугай.

— Он у меня отличный моряк,— приговаривал ловар и угощал попугая кусочками сахара, которые доставал из кармана.

Попугай долбил клювом прутья клетки и ругался скверными словами.

— Поживешь среди дегтя — поневоле запачкаешься,— объяснил мне Джон.— Эта бедная, старая невинная птица ругается, как тысяча чертей, но она не понимает, что говорит. Она ругалась бы и перед господом богом.

С этими словами Джон так торжественно прикоснулся к своей пряди на лбу, что я счел его благороднейшим человеком на свете.

Отношения между сквайром и капитаном Смоллеттом были по-прежнему очень натянутые. Сквайр, не стесняясь, отзывался

¹ Малабар — область на юго-западном побережье Индии.

² Суринам — то же, что Голландская Гвиана (в Южной Америке).

³ Провиденс — остров в Индийском океане.

⁴ Порто-Белло — порт в Шотландии.

⁵ Галеоны — испанские корабли, на которых перевозили золото из испанской Америки в Испанию.

⁶ Гоа — португальская колония на территории Индии.

⁷ Галс — направление движения судна относительно ветра.

о капитане презрительно. Капитан никогда не заговаривал со сквайром, а когда сквайр спрашивал его о чем-нибудь, отвечал резко, кратко и сухо. Прижатый в угол, он вынужден был сознаться, что, по-видимому, ошибся, дурно отзываясь о команде. Многие матросы работали образцово, и вся команда вела себя превосходно. А в шхуну он просто влюбился.

— Она слушается руля, как хорошая жена слушается мужа, сэр. Но,— прибавлял он,— домой мы еще не вернулись, и плавание наше мне по-прежнему очень не нравится.

Сквайр при этих словах поворачивался к капитану спиной и принимался шагать по палубе, задрав подбородок кверху.

— Еще немного,— говорил он,— и этот человек окончательно выведет меня из терпения.

Нам пришлось перенести бурю, которая только подтвердила достоинства нашей «Испаньолы». Команда казалась довольной, да и неудивительно. По-моему, ни на одном судне с тех пор, как Ной впервые пустился в море, так не баловали команду. Пользовались всяkim предлогом, чтобы выдать морякам двойную порцию грота. Стоило сквайру услышать о дне рождения кого-нибудь из матросов, и тотчас же всех оделяли пудингом. На палубе всегда стояла бочка с яблоками, чтобы каждый желающий мог лакомиться ими, когда ему вздумается.

— Ничего хорошего не выйдет из этого,— говорил капитан доктору Ливси.— Это их только портит. Уж вы мне поверьте.

Однако бочка с яблоками, как вы увидите, сослужила нам огромную службу. Только благодаря этой бочке мы были вовремя предупреждены об опасности и не погибли от руки предателей.

Вот как это произошло. Мы двигались сначала против пассатов, чтобы выйти на ветер к нашему острову,— яснее я сказать не могу,— а теперь шли к нему по ветру. Днем и ночью глядели мы вдаль, ожидая, что увидим его на горизонте. Согласно вычислениям, нам оставалось плыть менее суток. Либо сегодня ночью, либо самое позднее завтра перед полуднем мы увидим Остров Сокровищ. Курс держали на юго-юго-запад. Дул ровный ветер на траверс¹. Море было спокойно. «Испаньола» неслась вперед, иногда ее бушприт² обрызгивали волны. Все шло прекрасно. Все находились в отличном состоянии духа, все радовались окончанию первой половины нашего плавания.

Когда зашло солнце и работа моя была кончена, я, направляясь к своей койке, вдруг подумал, что неплохо было бы съесть

¹ Траверс — направление, перпендикулярное курсу судна.

² Бушприт — брус, выступающий перед носом корабля.

яблоко. Быстро выскочил на палубу. Вахтенные стояли на носу и глядели в море, надеясь увидеть остров. Рулевой, наблюдая за наветренным¹ углом парусов, тихонько посвистывал. Все было тихо, только вода шелестела за бортом.

Оказалось, что в бочке всего одно яблоко. Чтобы достать его, мне пришлось влезть в бочку. Сидя там в темноте, убаюканный плеском воды и мерным покачиванием судна, я чуть было не заснул. Вдруг кто-то грузно опустился рядом с бочкой на палубу. Бочка чуть-чуть качнулась: он оперся о нее спиной. Я уже собирался выскочить, как вдруг человек этот заговорил. Я узнал голос Сильвера и, прежде чем он успел произнести несколько слов, я решил не вылезать из бочки ни за что на свете. Я лежал на дне, дрожа и вслушиваясь, задыхаясь от страха и любопытства. С первых же слов я понял, что жизнь всех честных людей на судне находится у меня в руках.

Глава XI

Что я услышал, сидя в бочке из-под яблок

— Нет, не я,— сказал Сильвер.— Капитаном был Флинт. А я был квартирмейстером², потому что у меня нога деревянная. Я потерял свою ногу в том же деле, в котором старый Пью потерял иллюминаторы. Мне ампутировал ее ученый хирург — он учился в колледже и знал всю латынь наизусть. А все же не отвертелся от виселицы — его вздернули в Корсо-Касле, как собаку, сушиться на солнышке... рядом с другими. Да! То были люди Робертса, и погибли они потому, что меняли названия своих кораблей. Сегодня корабль называется «Королевское счастье», а завтра как-нибудь иначе. А по-нашему — как окрестили судно, так оно всегда и должно называться. Мы не меняли названия «Кассандры», и она благополучно доставила нас домой с Малабара, после того как Ингленд захватил вице-короля Индии. Не менял своего прозвища и «Морж», старый корабль Флинта, который до бортов был полон кровью, а золота на нем было столько, что он чуть не пошел ко дну.

— Эх,— услышал я восхищенный голос самого молчаливого из наших матросов,— что за молодец этот Флинт!

¹ Наветренная сторона — подверженная действию ветра; подветренная сторона — противоположная той, на которую дует ветер.

² Квартирмейстер — заведующий продовольствием.

— Дэвис, говорят, был не хуже,— сказал Сильвер.— Но я никогда с ним не плавал. Я плавал сначала с Инглендом, потом с Флинтом. А теперь вышел в море сам. Я заработал девяносто фунтов стерлингов у Ингленда да тысячи две у Флинта. Для простого матроса это не так плохо. Деньги вложены в банк и дают изрядный процент. Дело не в умении заработать, а в умении сберечь... Где теперь люди Ингленда? Не знаю... Где люди Флинта? Большой частью здесь, на корабле, и рады, когда получают пудинг. Многие из них жили на берегу, как последние нищие. С голода подыхали, ей-богу! Старый Пью, когда потерял глаза, а также и стыд, стал проживать тысячу двести фунтов в год, словно лорд из парламента. Где он теперь? Умер и гниет в земле. Но два года назад ему уже нечего было есть. Он просил милостыню, он воровал, он резал глотки и все-таки не мог прокормиться!

— Вот и будь пиратом! — сказал молодой моряк.

— Не будь только дураком! — воскликнул Сильвер.— Впрочем, не о тебе разговор: ты хоть молод, а не глуп. Тебя не надуешь! Я это сразу заметил, едва только увидел тебя, и буду разговаривать с тобой, как с мужчиной.

Можете себе представить, что я почувствовал, услышав, как этот старый мошенник говорит другому те же самые льстивые слова, которые говорил мне!

Если бы я мог, я убил бы его...

Тем временем Сильвер продолжал говорить, не подозревая, что его подслушивают:

— Так всегда с джентльменами удачи¹. Жизнь у них тяжелая, они рисуют попасть на виселицу, но едят и пьют, как боевые петухи перед боем. Они уходят в плавание с сотнями медных грошей, а возвращаются с сотнями фунтов. Добыча пропита, деньги растрячены — и снова в море в одних рубашках. Но я поступаю не так. Я вкладываю все свои деньги по частям в разные банки, но нигде не кладу слишком много, чтобы не возбудить подозрения. Мне пятьдесят лет, заметь. Вернувшись из этого плавания, я буду жить, как живут настоящие джентльмены... Пора уже, говоришь? Ну что ж, я и до этого пожил неплохо. Никогда ни в чем себе не отказывал. Мягко спал и вкусно ел. Только в море приходилось иногда туговато. А как я начал? Матросом, как ты.

— А ведь прежние ваши деньги теперь пропадут,— сказал молодой матрос.— Как вы покажетесь в Бристоле после этого плавания?

¹ «Джентльмены удачи» — прозвище пиратов.

— А где, по-твоему, теперь мои деньги? — спросил Сильвер насмешливо.

— В Бристоле, в банках и прочих местах, — ответил матрос.

— Да, они были там, — сказал повар. — Они были там, когда мы подымали наш якорь. Но теперь моя старуха уже взяла их оттуда. «Подзорная труба» продана вместе с арендованным участком, клиентурой и оснасткой, а старуха уехала и поджидает меня в условленном месте. Я бы сказал тебе, где это место, потому что вполне доверяю тебе, да, боюсь, остальные обидятся, что я не сказал и им.

— А старухе своей вы доверяете? — спросил матрос.

— Джентльмены удачи, — ответил повар, — редко доверяют друг другу. И правильно делают. Но меня провести нелегко. Кто попробует отпустить канат, чтобы старый Джон брякнулся, недолго проживет на этом свете. Одни боялись Пью, другие — Флинта. А меня боялся сам Флинт. Боялся меня и гордился мной... Команда у него была отчаянная. Сам дьявол и тот не решился бы пуститься с нею в открытое море. Ты меня знаешь, я хвастать не стану, я добродушный и веселый человек, но, когда я был квартирмейстером, старые пираты Флинта слушались меня, как овечки. Ого-го-го, какая дисциплина была на судне у старого Джона!

— Скажу вам по совести, — признался матрос, — до этого разговора, Джон, дело ваше было мне совсем не по вкусу. Но теперь вот моя рука, я согласен.

— Ты храбрый малый и очень неглуп, — ответил Сильвер и с таким жаром пожал протянутую руку, что бочка моя закачалась. — Из тебя получится такой отличный джентльмен удачи, какого я еще не видал!

Мало-помалу я начал понимать тот язык, на котором они говорили. «Джентльменами удачи» они называли пиратов. Я был свидетелем последней главы в истории о том, как соблазнили честного матроса вступить в эту разбойничью шайку — быть может, последнего честного матроса на всем корабле. Впрочем, я тотчас же убедился, что этот матрос не единственный. Сильвер тихонько свистнул, и к бочке подсел еще кто-то.

— Дик уже наш, — сказал Сильвер.

— Я знал, что он будет нашим, — услышал я голос второго боцмана, Израэля Хендса. — Он не из дураков, этот Дик.

Некоторое время он молча жевал табак, потом сплюнул и обратился к Долговязому Джону:

— Скажи, Окорок, долго мы будем вилять, как маркитантская лодка? Клянусь громом, мне до смерти надоел капитан!

Довольно ему мной командовать! Я хочу жить в капитанской каюте, мне нужны ихние разносолы и вина.

— Израэль,— сказал Сильвер,— твоя башка очень недорого стоит, потому что в ней никогда не бывало мозгов. Но слушать ты можешь, уши у тебя длинные. Так слушай: ты будешь спать по-прежнему в кубрике, ты будешь есть грубую пищу, ты будешь послушен, ты будешь учтив и ты не выпьешь ни капли вина до тех пор, покуда я не скажу тебе нужного слова. Во всем положись на меня, сынок.

— Разве я отказываюсь? — проворчал второй боцман.— Я только спрашиваю: когда?

— Когда? — закричал Сильвер.— Ладно, я скажу тебе когда. Как можно позже — вот когда! Капитан Смоллэтт, первостепенный моряк, для нашей же выгоды ведет наш корабль. У сквайра и доктора имеется карта, но разве я знаю, где они прячут ее! И ты тоже не знаешь. Так вот, пускай сквайр и доктор найдут сокровища и помогут нам погрузить их на корабль. А тогда мы посмотрим. Если бы я был уверен в таком голландском отродье, как вы, я бы предоставил капитану Смоллэтту довести нас назад до половины пути.

— Мы и сами неплохие моряки! — возразил Дик.

— Неплохие матросы, ты хочешь сказать,— поправил его Сильвер.— Мы умеем ворочать рулем. Но кто вычислит курс? На это никто из вас не способен, джентльмены. Была бы моя воля, я позволил бы капитану Смоллэтту довести нас на обратном пути хотя бы до пассата. Тогда знал бы, по крайней мере, что плывешь правильно и что не придется выдавать пресную воду по ложечке в день. Но я знаю, что вы за народ. Придется расправиться с ними на острове, чуть только они перетащат сокровища сюда, на корабль. А очень жаль! Но вам только бы поскорее дорваться до выпивки. По правде сказать, у меня сердце болит, когда я думаю, что придется возвращаться с такими людьми, как вы.

— Полегче, Долговязый! — крикнул Израэль.— Ведь с тобой никто не спорит.

— Разве мало я видел больших кораблей, которые погибли попусту? Разве мало я видел таких молодцов, которых повесили сушиться на солнышке? — воскликнул Сильвер.— А почему? А все потому, что спешили, спешили, спешили... Послушайте меня: я поплавал по морю и кое-что повидал в своей жизни. Если бы вы умели управлять кораблем и бороться с ветрами, вы все равно давно катались бы в каретах. Но куда вам! Знаю я вашего брата. Налакаетесь рому — и на виселицу.

— Всем известно, Джон, что ты вроде капеллана¹, — возразил ему Израэль. — Но ведь были другие, которые не хуже тебя умели управлять кораблем. Они любили позабавиться. Но они не строили из себя командиров и сами кутили и другим не мешали.

— Да, — сказал Сильвер. — А где они теперь? Такой был Пью — и умер в нищете. И Флинт был такой — и умер от рома в Саванне. Да, это были приятные люди, веселые... Только где они теперь, вот вопрос!

— Что мы сделаем с ними, — спросил Дик, — когда они попадут к нам в руки?

— Вот этот человек мне по вкусу! — с восхищением воскликнул повар. — Не о пустяках говорит, а о деле. Что же, по-твоему, с ними сделать? Высадить их на какой-нибудь пустынный берег? Так поступил бы Ингленд. Или зарезать их всех, как свиней? Так поступил бы Флинт или Билли Бонс.

— Да; у Билли была такая манера, — сказал Израэль. «Мертвые не кусаются», говорил он. Теперь он сам мертв и может проверить свою поговорку на опыте. Да, Билли был мастер на эти дела.

— Верно, — сказал Сильвер. — Билли был в этих делах молоцец. Спуску не давал никому. Но я человек добродушный, я джентльмен; однако я вижу, что дело серьезное. Долг прежде всего, ребята. И я голосую — убить. Я вовсе не желаю, чтобы ко мне, когда я стану членом парламента и буду разъезжать в золоченой карете, ввалился, как черт к монаху, один из этих тонконогих стрекулистов. Надо ждать, пока плод созреет. Но когда он созреет, его надо сорвать!

— Джон, — воскликнул боцман, — ты герой!

— В этом ты убедишься на деле, Израэль, — сказал Сильвер. — Я требую только одного: уступите мне сквайра Трелони. Я хочу собственными руками отрубить его телячью голову... Дик, — прибавил он вдруг, — будь добр, прыгни в бочку и достань мне, пожалуйста, яблоко — у меня вроде как бы горло пересохло.

Можете себе представить мой ужас! Я бы выскочил и бросился бежать, если бы у меня хватило сил, но сердце мое и ноги и руки сразу отказались мне служить. Дик уже встал было на ноги, как вдруг его остановил голос Хендса:

— И что тебе за охота сосать эту гниль, Джон! Дай-ка нам лучше рому.

¹ Капеллан — судовой священник.

— Дик,— сказал Сильвер,— я доверяю тебе. Там у меня припрятан бочонок. Вот тебе ключ. Нацеди чашку и прнеси.

Несмотря на весь мой страх, я все же в ту минуту подумал: «Так вот откуда мистер Эрроу доставал ром, погубивший его!»

Как только Дик отошел, Израэль начал шептать что-то повару на ухо. Я рассыпал всего два-три слова, но и этого было достаточно.

— Никто из остальных не соглашается,— прошептал Израэль.

Значит, на корабле оставались еще верные люди!

Когда Дик возвратился, все трое по очереди взяли кувшин и выпили — один «за счастье», другой «за старика Флинта», а Сильвер даже пропел:

За ветер добычи, за ветер удачи!
Чтоб зажили мы веселей и богаче!

В бочке стало светло. Взглянув вверх, я увидел, что поднялся месяц, посеребрив крюйс-марс¹ и вздувшийся фок-зейл². И в то же мгновение с вахты раздался голос:

— Земля!

Глава XII

Военный совет

Палуба загремела от топота. Я слышал, как люди выбегали из кают и кубрика. Выскочив из бочки, я проскользнул за фок-зейл, повернулся к корме, вышел на открытую палубу и вместе с Хантером и доктором Ливси побежал на наветренную скулу³.

Здесь собралась вся команда. Туман с появлением луны сразу рассеялся. Вдали на юго-западе мы увидели два низких холма на расстоянии примерно двух миль один от другого, а за ними третий, повыше, еще окутанный серым туманом. Все три были правильной конической формы.

¹ Крюйс-марс — наблюдательная площадка на бизань-мачте (корковой мачте корабля).

² Фок-зейл — нижний прямой парус фок-мачты (первой мачты корабля).

³ Скула — место наиболее крутого изгиба борта, переходящего в носовую или бортовую часть.

Я смотрел на них, как сквозь сон,— я не успел еще опомниться от недавнего ужаса. Затем я услышал голос капитана Смоллетта, отдававшего приказания. «Испаньола» стала несколько круче к ветру, курс ее проходил восточнее острова.

— Ребята,— сказал капитан, когда все его приказания были выполнены,— видел ли кто-нибудь из вас эту землю раньше?

— Я видел, сэр,— сказал Сильвер.— Мы брали здесь пресную воду, когда я служил поваром на торговом судне.

— Кажется, стать на якорь удобнее всего с юга, за этим маленьким островком? — спросил капитан.

— Да, сэр. Этот островок называется Остров Скелета. Раньше тут всегда останавливались пираты, и один матрос с нашего корабля знал все названия, которые даны пиратами здешним местам. Вот та гора, на севере, зовется Фок-мачтой. С севера на юг тут три горы: Фок-мачта, Грот-мачта и Бизань-мачта, сэр. Но Грот-мачту — ту высокую гору, которая покрыта туманом,— чаще называют Подзорной Трубой, потому что пираты устраивали там наблюдательный пост, когда стояли здесь на якоре и чинили свои суда. Они тут обычно чинили суда, прошу извинения, сэр.

— У меня есть карта,— сказал капитан Смоллетт.— Помните, тот ли это остров?

Глаза Долговязого Джона засверкали огнем, когда карта попала ему в руки. Но сразу же разочарование затуманило их. Это была не та карта, которую мы нашли в сундуке Билли Бонса, это была ее точная копия — с названиями, с обозначениями холмов и глубин, но без трех красных крестиков и рукописных заметок. Однако, несмотря на свою досаду, Сильвер сдержался и не выдал себя.

— Да, сэр,— сказал он,— этот самый. Он очень хорошо нарисован. Интересно бы узнать, кто мог нарисовать эту карту... Пираты — народ неученый... А вот и стоянка капитана Кидда — так называл ее и мой товарищ матрос. Здесь сильное течение к югу. Потом у западного берега оно заворачивает к северу. Вы правильно сделали, сэр,— продолжал он,— что пошли в крутой бейдевинд¹. Если вы хотите войти в бухту и кренговать корабль², лучшего места для стоянки вам тут не найти.

¹ Бейдевинд — курс корабля, когда угол между носом корабля и ветром меньше 90°.

² Кренговать корабль — положить его на бок для починки боков и киля.

— Спасибо,— сказал капитан Смоллэтт.— Когда мне нужна будет помочь, я опять обращусь к вам. Можете идти.

Я был поражен тем, как хладнокровно Джон обнаружил свое знакомство с островом. Признаться, я испугался, когда увидел, что он подходит ко мне. Конечно, он не знал, что я сидел в бочке и все слышал. И все же он внушал мне такой ужас своей жестокостью, двуличностью, своей огромной властью над корабельной командой, что я едва не вздрогнул, когда он положил руку мне на плечо.

— Недурное место этот остров,— сказал он.— Недурное место для мальчишки. Ты будешь купаться, ты будешь лазить на деревья, ты будешь охотиться за дикими козами. И сам, словно коза, будешь скакать по горам. Право, глядя на этот остров, я и сам становлюсь молодым и забываю про свою деревянную ногу. Хорошо быть мальчишкой и иметь на ногах десять пальцев! Если ты захочешь пойти и познакомиться с островом, скажи старому Джону, и он подготовит тебе закуску на дорогу.

И, хлопнув меня дружески по плечу, он заковылял прочь.

Капитан Смоллэтт, сквайр и доктор Ливси разговаривали о чем-то на шканцах¹. Я хотел как можно скорее передать им все, что мне удалось узнать. Но я боялся на виду у всех прервать их беседу. Я бродил вокруг, изобретая способы заговорить, как вдруг доктор Ливси подозвал меня к себе. Он забыл внизу свою трубку и хотел послать меня за нею, так как долго обходиться без курения не мог. Подойдя к нему настолько близко, что никто не мог меня подслушать, я прошептал:

— Доктор, мне нужно с вами поговорить. Пусть капитан и сквайр спустятся в каюту, а потом под каким-нибудь предлогом вы позовете меня. Я сообщу вам ужасные новости.

Доктор слегка изменился в лице, но сейчас же овладел собой.

— Спасибо, Джим, это все, что я хотел узнать,— сказал он, делая вид, будто только что задавал мне какой-то вопрос.

Потом повернулся к сквайру и капитану. Они продолжали разговаривать совершенно спокойно, не повышая голоса, никто из них даже не свистнул, но я понял, что доктор Ливси передал им мою просьбу. Затем капитан приказал Джобу Эндерсону вызвать всю команду на палубу.

— Ребята,— сказал капитан Смоллэтт, обращаясь к матросам,— я хочу поговорить с вами. Вы видите перед собой землю. Эта земля — тот остров, к которому мы плыли. Все мы знаем,

¹ Шканцы — пространство между грат-мачтой и бизань-мачтой.

какой щедрый человек мистер Трелони. Он спросил меня, хорошо ли работала команда во время пути. И я ответил, что каждый матрос усердно исполнял свой долг и что мне никогда не приходилось желать, чтобы вы работали лучше. Мистер Трелони, я и доктор — мы идем в каюту выпить за ваше здоровье и за вашу удачу, а вам здесь дадут грогу, чтобы вы могли выпить за наше здоровье и за нашу удачу. Если вы хотите знать мое мнение, я скажу, что сквайр, угощая нас, поступает очень любезно. Предлагаю крикнуть в его честь «ура».

Ничего не было странного в том, что все закричали «ура». Но прозвучало оно так сердечно и дружно, что, признаюсь, я едва мог в ту минуту поверить, что эти самые люди собираются всех нас убить.

— Ура капитану Смоллетту! — завопил Долговязый Джон, когда первое «ура» смолкло.

И на этот раз «ура» было дружно подхвачено всеми.

Когда общее веселье было в полном разгаре, три джентльмена спустились в каюту.

Немного погодя они послали за Джимом Хокинсом.

Когда я вошел, они сидели вокруг стола. Перед ними стояла бутылка испанского вина и тарелка с изюмом.

Доктор курил, держа свой парик на коленях, а это, как я знал, означало, что он очень волнуется. Кормовой иллюминатор был открыт, потому что ночь была теплая. Полоса лунного света лежала позади корабля.

— Ну, Хокинс,— сказал сквайр,— ты хотел нам что-то сообщить. Говори.

Я кратко передал им все, что слышал, сидя в бочке. Они не перебивали меня, пока я не кончил; они не двигались, они не отрывали глаз от моего лица.

— Джим,— сказал доктор Ливси,— садись.

Они усадили меня за стол, дали мне стакан вина, насыпали мне в ладонь изюму, и все трое по очереди с поклоном выпили за мое здоровье, за мое счастье и за мою храбрость.

— Да, капитан,— сказал сквайр,— вы были правы, а я был неправ. Признаю себя ослом и жду ваших распоряжений.

— Я такой же осел, сэр,— возразил капитан.— В первый раз я вижу команду, которая собирается бунтовать, а ведет себя послушно и примерно. С другой командой я давно обо всем догадался бы и принял меры предосторожности. Но эта перехитрила меня.

— Капитан,— сказал доктор,— перехитрил вас Джон Сильвер. Он замечательный человек.

— Он был бы еще замечательнее, если бы болтался на ре¹, — возразил капитан. — Но все эти разговоры теперь ни к чему. Из всего сказанного я сделал кое-какие заключения и, если мистер Трелони позволит, изложу их вам.

— Вы здесь капитан, сэр, распоряжайтесь! — величаво сказал Трелони.

— Во-первых, — заявил мистер Смоллетт, — мы должны продолжать все, что начали, потому что отступление нам отрезано. Если я заикнусь о возвращении, они взбунтуются сию же минуту. Во-вторых, у нас еще есть время — по крайней мере, до тех пор, пока мы отыщем сокровища. В-третьих, среди команды остались еще верные люди. Рано или поздно, а нам придется вступить с этой шайкой в бой. Я предлагаю не погибать виду, что мы знаем об их замыслах, а напасть на них первыми, врасплох, когда они меньше всего будут этого ждать. Мне кажется, мы можем положиться на ваших слуг, мистер Трелони?

— Как на меня самого, — заявил сквайр.

— Их трое, — сказал капитан. — Да мы трое, да Хокинс — вот уже семь человек. А на кого можно рассчитывать из команды?

— Вероятно, на тех, кого Трелони нанял сам, без помощи Сильвера, — сказал доктор.

— Нет, — возразил Трелони. — Я и Хендса нанял сам, а между тем...

— Я тоже думал, что Хендсу можно доверять, — признался капитан.

— И только подумать, что все они англичане! — воскликнул сквайр. — Право, сэр, мне хочется взорвать весь корабль на воздух!

— Итак, джентльмены, — продолжал капитан, — вот все, что я могу предложить. Мы должны быть настороже, выжидая удобного случая. Согласен, что это не слишком легко. Приятнее было бы напасть на них тотчас же. Но мы не можем ничего предпринять, пока не узнаем, кто из команды нам верен. Соблюдать осторожность и ждать — вот все, что могу предложить.

— Больше всего пользы в настоящее время может принести нам Джим, — сказал доктор. — Матросы его не стесняются, а Джим — наблюдательный мальчик.

¹ Рея — поперечный брус на мачте, к которому прикрепляют паруса.

— Хокинс, я вполне на тебя полагаюсь,— прибавил сквайр.

Признаться, я очень боялся, что не оправдаю их доверия. Но обстоятельства сложились так, что мне действительно пришлось спасти им жизнь.

Из двадцати шести человек мы пока могли положиться только на семерых. И один из этих семерых был я, мальчик. Если считать только взрослых, нас было шестеро против девятнадцати.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

МОИ ПРИКЛЮЧЕНИЯ НА СУШЕ

Глава XIII

Как начались мои приключения на суше

Когда утром я вышел на палубу, остров показался мне совсем другим, чем вчера. Хотя ветер утих, мы все же значительно продвинулись за ночь вперед и теперь стояли в штиле, в полу-миле от низкого восточного берега. Большую часть острова покрывали темные леса. Однообразный серый цвет прерывался кое-где в ложбинах желтизной песчаного берега и зеленью каких-то высоких деревьев, похожих на сосны. Эти деревья росли то поодиночке, то купами и поднимались над уровнем леса, но общий вид острова был все же очень однообразен и мрачен. На вершине каждого холма торчали острые голые скалы. Эти холмы удивляли меня странной формой своих очертаний. Подзорная Труба была на триста или четыреста футов выше остальных и казалась самой странной: отвесные склоны и срезанная плоская вершина, как пьедестал для статуи.

Океан так сильно качал «Испаньюлу», что вода хлестала в шпигаты¹. Ростры² бились о блоки³. Руль хлопался о корму то справа, то слева, и весь корабль прыгал, стонал и трещал, как игрушечный. Я вцепился рукой в бакштаг⁴ и почувствовал, что меня мутит. Все закружилось у меня перед глазами. Я уже успел

¹ Шпигаты — отверстия в борту на уровне палубы для удаления воды.

² Ростры — деревянный настил на палубе для шлюпок и снастей.

³ Блоки — деревянные блоки, поддерживающие ростры.

⁴ Бакштаг — натянутый канат, поддерживающий мачту с кормовой стороны.

привыкнуть к морю, когда корабль бежал по волнам, но теперь он стоял на якоре и в то же время вертесь в воде, как бутылка; от этого мне становилось дурно, особенно по утрам, на пустой желудок.

Не знаю, что на меня повлияло — качка ли или эти серые, печальные леса, эти дикие, голые камни, этот грохот прибоя, бьющего в крутые берега,— но, хотя солнце сияло горячо и ярко, хотя морские птицы кишили вокруг и с криками ловили в море рыбу, хотя всякий, естественно, был бы рад, увидев землю после такого долгого пребывания в открытом море, тоска охватила мое сердце. И с первого взгляда я возненавидел Остров Сокровищ.

В это утро нам предстояла тяжелая работа. Так как ветра не было, нам пришлось спустить шлюпки, проверповать шхуну три или четыре мили, обогнуть мыс и ввести ее в узкий пролив за Островом Скелета.

Я уселился в одну из шлюпок, хотя в ней мне было нечего делать. Солнце жгло нестерпимо, и матросы все время ворчали, проклиная свою тяжкую работу. Нашей шлюпкой командовал Эндерсон. Вместо того чтобы сдерживать остальных, он сам ворчал и ругался громче всех.

— Ну да ладно,— сказал он и выругался.— Скоро всему этому будет конец.

«Плохой признак»,— решил я. До сих пор люди работали усердно и охотно. Но одного вида острова оказалось достаточно, чтобы дисциплина ослабла.

Долговязый Джон стоял, не отходя, возле рулевого и помогал ему вести корабль. Он знал пролив, как свою собственную ладонь, и нисколько не смущался тем, что при промерах всюду оказывалось глубже, чем было обозначено на карте.

— Этот узкий проход прорыт океанским отливом,— сказал он.— Отлив углубляет его всякий раз, как лопата.

Мы остановились в том самом месте, где на карте был нарисован якорь. Треть мили отделяла нас от главного острова и третью мили — от Острова Скелета. Дно было чистое, песчаное. Загрохотал, падая, наш якорь, и целые тучи птиц, кружась и крича, поднялись из леса. Но через минуту они снова скрылись в ветвях, и все смолкло.

Пролив был превосходно закрыт со всех сторон. Он терялся среди густых лесов. Леса начинались у самой линии пролива. Берега были плоские. А вдали амфитеатром поднимались холмы. Две болотистые речонки впадали в пролив, казавшийся тихим прудом. Растительность возле этих речонок поражала какой-то ядовитой яркостью. С корабля не было видно ни

постройки, ни частокола — деревья заслоняли их совсем, и если бы не карта, мы могли бы подумать, что мы — первые люди, посетившие этот остров, с тех пор как он поднялся из глубин океана.

Воздух был неподвижен. Лишь один звук нарушал тишину — отдаленный шум прибоя, разбивавшегося о скалы в другом конце острова. Странный, затхлый запах поднимался вокруг корабля — запах прелых листьев и гниющих стволов. Я заметил, что доктор все нюхает и морщится, словно ему попалось тухлое яйцо.

— Не знаю, есть ли здесь сокровища, — сказал он, — но клянусь своим париком, что лихорадка здесь есть.

Поведение команды, тревожившее меня на шлюпке, стало угрожающим, когда мы воротились на корабль. Матросы разговаривали по палубе и о чем-то переговаривались. Приказания, даже самые пустячные, они выслушивали угрюмо и исполняли весьма неохотно. Мирных матросов тоже охватила зараза недовольства, и некому было призвать их к порядку. Назревал бунт, и эта опасность нависла над нашими головами, как грозовая туча.

Не только мы, обитатели каюты, заметили опасность. Долговязый Джон изо всех сил старался поддержать порядок, переходя от кучки к кучке, то уговаривая, то подавая пример. Он из кожи лез, стараясь быть услужливым и любезным. Он улыбался каждому. Если отдавалось какое-нибудь приказание, Джон первый бросался на своей деревяшке исполнять его, весело крича:

— Есть, есть, сэр!

А когда нечего было делать, он пел песни, одну за другой, чтобы не так была заметна угрюмость остальных.

Из всего, что происходило в этот зловещий день, самым зловещим казалось нам поведение Долговязого Джона.

Мы собрались в каюте на совет.

— Сэр, — сказал капитан, — если я отдаю хоть одно приказание, весь корабль кинется на нас. Вы видите, сэр, что творится. Мне грубыят на каждом шагу. Если я отвечу на грубость, нас разорвут в клочки. Если я не отвечу на грубость, Сильвер может заметить, что тут что-то неладно, и игра будет проиграна. А ведь теперь мы можем полагаться только на одного человека.

— На кого? — спросил сквайр.

— На Сильвера, сэр, — ответил капитан. — Он не меньше нас с вами хочет уладить дело. Это у них каприз, и, если ему дать возможность, он уговорит их не бунтовать раньше времени... Я предлагаю дать ему возможность уговорить их как

следует. Отпустим матросов на берег погулять. Если они поедут все вместе, что же... мы захватим корабль. Если никто из них не поедет, мы запремся в каюте и будем защищаться. Если же поедут лишь некоторые, то, поверьте мне, Сильвер доставит их обратно на корабль послушными, как овечки.

Так и решили. Надежным людям мы раздали заряженные пистолеты. Хантера, Джойса и Редрута мы посвятили в наши планы. Узнав обо всем, они не очень удивились и отнеслись к нашему сообщению гораздо спокойнее, чем мы ожидали. Затем капитан вышел на палубу и обратился к команде.

— Ребята! — сказал он. — Сегодня здорово пришлось поработать, и все мы ужасно устали. Прогулка на берег никому не повредит. Шлюпки спущены. Кто хочет, пускай отправляется в них на берег. За полчаса до захода солнца я выстрелю из пушки.

Вероятно, эти дураки вообразили, что найдут сокровища, как только высадятся на берег. Вся их угрюмость разом исчезла. Они так громко закричали «ура», что эхо проснулось в далеких холмах и вспугнутые птицы снова закружили над стоянкой.

Капитан поступил очень разумно: он сразу ушел, предоставив Сильверу распоряжаться отъездом. Да и как же иначе было ему поступить? Ведь останься он на палубе, он не мог бы притвориться ничего не понимающим.

Все было ясно, как день. Капитаном был Сильвер, и у него была большая команда мятежников. А мирные матросы — вскоре обнаружилось, что были на корабле и такие, — оказались сущими глупцами. Возможно, впрочем, что и они все до одного были восстановлены против нас вожаками, но слишком далеко заходить им не хотелось. Одно дело — непослушание, воркотня и лентяйничанье, а другое — захват корабля и убийство ни в чем не повинных людей. После долгих споров команда разделилась так: шестеро остались на корабле, а остальные тринадцать, в том числе и Сильвер, начали рассаживаться в шлюпках.

Вот тут-то и решился я вдруг на первый из отчаянных поступков, которые впоследствии спасли нас от смерти. Я рассуждал так: мы не можем захватить корабль, раз Сильвер оставил на борту шестерых своих разбойников. С другой стороны, раз их осталось всего шестеро, значит, на корабле я сейчас не нужен. И я решил отправиться на берег. В одно мгновение я перелез через борт и спустился в носовой люк ближайшей шлюпки, которая в ту же секунду отчалила.

Никто не обратил на меня внимания, и только передний гребец сказал:

— Это ты, Джим? Держи голову пониже.

Но Сильвер, сидевший в другой шлюпке, внимательно всмотрелся в нашу и окликнул меня, чтобы убедиться, что это действительно я. И тогда я пожалел, что поехал.

Шлюпки помчались к берегу наперегонки. Но та шлюпка, в которой сидел я, отчалила первой. Она оказалась более легкой, гребцы в ней подобрались самые лучшие, и мы сразу опередили другую шлюпку. Едва нос нашей шлюпки коснулся берега, я ухватился за ветку, выскочил и кинулся в чащу. Сильвер и его товарищи остались ярдов на сто позади.

— Джим, Джим! — кричал он.

Но, понятно, я не обратил на его крик никакого внимания. Без оглядки, подпрыгивая, ломая кусты, ныряя в траве, я бежал все вперед и вперед, пока не выбился из сил.

Глава XIV

Первый удар

Довольный, что удрал от Долговязого Джона, я развеселился и стал с любопытством разглядывать незнакомую местность.

Сначала я попал в болото, заросшее ивами, тростником и какими-то деревьями неизвестной мне породы. Затем вышел на опушку открытой песчаной равнины, около мили длиной, где росли редкие сосны и какие-то скрюченные, кривые деревья, похожие на дубы, но со светлой листвой, как у ивы. Вдали была видна двуглавая гора; обе странные скалистые вершины ярко сияли на солнце.

Впервые я испытал радость исследователя неведомых стран. Остров был необитаем. Люди, приехавшие вместе со мной, остались далеко позади, и я никого не мог встретить, кроме диких зверей и птиц. Я осторожно пробирался среди деревьев. Повсюду мне попадались какие-то неведомые растения и цветы.

То тут, то там я натыкался на змей. Одна из них сидела в расщелине камня. Она подняла голову и зашипела на меня, зашипела, как вертящаяся юла. А я и представления не имел, что это знаменитая гремучая змея, укус которой смертелен.

Наконец я вошел в чащу деревьев, похожих на дубы. Впоследствии я узнал, что их называют венчозелеными дубами. Они росли на песке, очень низкие, словно кусты терновника. Узловатые ветви их были причудливо изогнуты, листва густо переплете-

тена, как соломенная крыша. Заросли их, становясь все выше и гуще, спускались с песчаного откоса к широкому, поросшему тростником болоту, через которое протекала одна из впадающих в пролив речек. Пар поднимался над болотом, и очертания Подзорной Трубы дрожали в знойном тумане.

Вдруг зашуршал камыш. С кряканьем взлетела дикая утка, за нею другая, и скоро над болотом повисла огромная туча птиц, с криком круживших в воздухе. Я сразу догадался, что кто-нибудь из наших моряков идет по болоту, и не ошибся. Вскоре я услышал отдаленный голос, который, приближаясь, становился все громче.

Я страшно испугался, юркнул в ближайшую чащу венозеленых дубов и притаился, как мышь.

Другой голос ответил. Затем снова заговорил первый голос, и я узнал его — это был голос Сильвера. Он говорил о чем-то, не умолкая. Его спутник отвечал ему редко. Судя по голосам, они разговаривали горячо, почти злобно, но слов разобрать я не мог.

Наконец они замолчали и, вероятно, присели, потому что птицы постепенно успокоились и опустились в болото.

Я почувствовал, что уклоняюсь от своих обязанностей. Если уж я так глуп, что поехал на берег с пиратами, я должен, по крайней мере, подслушать, о чем они совещаются. Мой долг велит мне подкрасться к ним как можно ближе и спрятаться в густой листве кривого, узловатого кустарника.

Я мог с точностью определить то место, где сидят оба моряка, и по голосам и по волнению нескольких птиц, все еще круживших над их головами.

Медленно, но упорно полз я на четвереньках вперед. Наконец, подняв голову и глянув в просвет между листьями, я увидел на зеленой лужайке возле болота, под деревьями, Джона Сильвера и еще одного моряка. Они стояли друг против друга и разговаривали.

Их обоих жгло солнце. Сильвер швырнул свою шляпу на землю, и его большое, пухлое, белесое, покрытое блестящим потом лицо было обращено к собеседнику чуть ли не с мольбой.

— Приятель, — говорил он, — ты для меня чистое золото. Неужели ты думаешь, я стал бы хлопотать о тебе, если бы не любил тебя всем своим сердцем? Все уже сделано, ты ничего не изменишь. Если бы наши матросы узнали, о чем я с тобой говорю, Том, подумай, что бы они со мной сделали!

— Сильвер... — отвечал моряк, и я заметил, что лицо у него стало красным, а охрипший, каркающий голос дрожит, как натянутый канат, — Сильвер, ты уже не молодой человек и как

будто имеешь совесть. По крайней мере, тебя никто не считает мошенником. У тебя есть деньги... много денег... больше, чем у других моряков. И к тому же ты не трус. Так объясни мне, пожалуйста, почему ты связываешься с этими гнусными крысами? Нет, ты не можешь быть с ними заодно. Я скорее дам отсечь себе руку... но долгу своему не изменю...

Внезапный шум прервал его. Наконец-то я нашел одного честного моряка! И в то же время до меня донеслась весть о другом честном моряке. Далеко за болотом раздался гневный, пронзительный крик, потом второй и затем душераздирающий вопль. Эхо в скалах Подзорной Трубы повторило его несколько раз. Вся армия болотных птиц снова взвилась в вышину и заслонила небо. Долго еще этот предсмертный вопль раздавался в моих ушах, хотя кругом опять воцарилось безмолвие, нарушающее только хлопаньем крыльев опускающейся стаи птиц и отдаленным грохотом прибоя.

Том вздрогнул, как пришпоренная лошадь. Но Сильвер даже глазом не моргнул. Он стоял, опираясь на костыль, и глядел на своего собеседника, как змея, готовая ужалить.

— Джон! — сказал моряк, протягивая к нему руку.

— Руки прочь! — заорал Сильвер, отскочив на шаг с быстротой и ловкостью акробата.

— Хорошо, Джон Сильвер, я уберу руки прочь, — сказал моряк. — Но, право, только нечистая совесть заставляет тебя бояться меня. Умоляю тебя, объясни мне, что там случилось!

— Что случилось? — переспросил его Сильвер. Он улыбнулся, но не так широко, как всегда, и глаза его на огромном лице стали крошечными, как острия иголок, и засверкали, как стеклышки. — Что случилось? По-моему, это Алан.

Несчастный Том кинулся к нему.

— Алан! — воскликнул он. — Мир его праху! Он умер, как настоящий моряк. А ты, Джон Сильвер... Мы долго были с тобой товарищами, но теперь уж этому не быть! Пусть я умру, как собака, но я своего долга не нарушу. Ведь это вы убили Алан, а? Так убейте и меня, если можете! Но знай, что я вас не боюсь!

С этими словами отважный моряк повернулся к повару спиной и зашагал к берегу. Но ему не удалось уйти далеко: Джон вскрикнул, схватился за ветку дерева, выхватил свой костыль из-под мышки и метнул вслед тому, как копье. Костыль, пущенный с невероятной силой, свистя, пролетел в воздухе и ударили Тома острый наконечником в спину между лопатками. Бедняга Том взмахнул руками и упал.

Не знаю, сильно ли он был ранен... Судя по звуку, у него был разбит позвоночник. Сильвер не дал ему опомниться. Без костиля, на одной ноге, вспрыгнул на него с ловкостью обезьяны и дважды всадил свой нож по самую рукоятку в его беззащитное тело. Сидя в кустах, я слышал, как тяжело дышал убийца, нанося удары.

Никогда прежде я не терял сознания и не знал, что это такое. Но тут весь мир поплыл вокруг меня, как в тумане. И Сильвер, и птицы, и вершина Подзорной Трубы — все вертелось, кружилось, качалось. Уши мои наполнились звоном разнообразных колоколов и какими-то дальными голосами.

Когда я пришел в себя, костиль был уже у негодяя под мышкой, а шляпа на голове. Перед ним неподвижно лежал Том. Но убийца даже не глядел на него. Он чистил свой окровавленный нож пучком травы.

Кругом все было по-прежнему. Солнце беспощадно жгло и болото, над которым клубился туман, и высокую вершину горы. И не верилось, что минуту назад у меня на глазах был убит человек.

Джон засунул руку в карман, достал свисток и несколько раз свистнул. Свист разнесся далеко в знойном воздухе. Я, конечно, не знал значения этого сигнала, но все мои страхи разом прояснулись. Сюда придут люди. Меня заметят. Они уже убили двоих честных моряков, почему же после Тома и Алана не стать жертвой и мне?

Стараясь не шуметь, я вылез на четвереньках из кустарника и помчался в лес. Убегая, я слышал, как старый пират перекликался со своими товарищами. От их голосов у меня точно выросли крылья. Чаща осталась позади. Я бежал так быстро, как не бегал еще никогда. Я несся, не разбирая дороги, лишь бы подальше уйти от убийц. С каждым шагом страх мой все усиливался и превратился наконец в безумный ужас.

Положение мое было отчаянное. Разве я осмелюсь, когда выпалит пушка, сесть в шлюпку вместе с этими разбойниками, забрызганными человеческой кровью? Разве любой из них не свернет мне шею, как только увидит меня? Уже самое мое отсутствие — разве оно не доказало им, что я их боюсь и, значит, обо всем догадываюсь? «Все кончено,— думал я.— Прощай, «Испаньола»! Прощайте, сквайр, доктор, капитан! Я погибну либо от голода, либо от бандитского ножа».

Я мчался, не зная куда, и очутился у подножия невысокой горы с двуглавой вершиной. В этой части острова вечнозеленые дубы росли не так густо и похожи были своими размерами не на кусты, а на обычновенные лесные деревья. Изредка между ними

возвышались одинокие сосны высотой в пятьдесят — семьдесят футов. Воздух здесь был свежий и чистый, совсем не такой, как внизу, у болота.

Но тут меня подстерегала другая опасность, и сердце мое снова замерло от ужаса.

Глава XV

Островитянин

С обрывистого каменистого склона посыпался гравий и покатился вниз, шурша и подскакивая между деревьями. Я невольно посмотрел вверх и увидел странное существо, стремительно прыгнувшее за ствол сосны. Что это? Медведь? Человек? Обезьяна? Я успел заметить только что-то темное и косматое и в ужасе остановился.

Итак, оба пути отрезаны. Сзади меня стерегут убийцы, впереди — это неведомое чудовище. И сразу же я предпочел известную опасность неизвестной. Даже Сильвер казался мне не таким страшным, как это лесное отродье. Я повернулся и, помимо оглядываясь, побежал в сторону шлюпки.

Чудовище, сделав большой крюк, обогнало меня и оказалось впереди. Я был очень утомлен. Но даже если бы я не чувствовал усталости, я все равно не мог бы состязаться в быстроте с таким проворным врагом. Странное существо перебегало от ствола к стволу со скоростью оленя. Оно двигалось на двух ногах, по-человечески, хотя очень низко пригибалось к земле, чуть ли не складываясь вдвое. Да, то был человек, в этом я больше не мог сомневаться.

Я вспомнил все, что слыхал о людоедах, и собирался уже позвать на помощь. Однако мысль о том, что предо мною находится человек, хотя бы и дикий, несколько приободрила меня. И страх мой перед Сильвером сразу ожил. Я остановился, размышляя, как бы ускользнуть от врага. Потом вспомнил, что у меня есть пистолет. Как только я убедился, что я не беззащитен, ко мне вернулось мужество, и я решительно двинулся навстречу островитянину.

Он опять спрятался, на этот раз за деревом. Заметив, что я направляюсь к нему, он вышел из засады и сделал было шаг мне навстречу. Потом в нерешительности потоптался на месте, попятился и вдруг, к величайшему моему изумлению и смущению, упал на колени и с мольбой протянул ко мне руки.

Я снова остановился.

— Кто вы такой? — спросил я.

— Бен Ганн, — ответил он; голос у него был хриплый, как скрип заржавленного замка. — Я несчастный Бен Ганн. Три года я не разговаривал ни с одним человеком.

Это был такой же белый человек, как и я, и черты его лица были, пожалуй, приятны. Только кожа так сильно загорела на солнце, что даже губы у него были черные. Светлые глаза с поразительной резкостью выделялись на темном лице. Из всех нищих, которых я видел на своем веку, этот был самый оборванный. Одежда его состояла из лохмотьев старого паруса и матросской рубахи. Один лоскут скреплялся с другим либо медной пуговицей, либо прутиком, либо просмоленной паклей. Единственной неизодранной вещью из всего его костюма был кожаный пояс с медной пряжкой.

— Три года! — воскликнул я. — Вы потерпели крушение?

— Нет, приятель, — сказал он. — Меня бросили тут на острове.

Я слышал об этом ужасном наказании пиратов: виновного высаживали на какой-нибудь отдаленный и пустынный остров и оставляли там одного, с небольшим количеством пороха и пуль.

— Брошен на этом острове три года назад — продолжал он. — С тех пор питаюсь козлятиной, ягодами, устрицами. Человек способен жить везде, куда бы его ни закинуло. Но если бы ты знал, мой милейший, как стосковалось мое сердце по настоящей человечьей еде! Нет ли у тебя с собой кусочка сыру?.. Нет? Ну вот, а я много долгих ночей вижу во сне сыр на ломтике хлеба... Просыпаюсь, а сыра нет.

— Если мне удастся вернуться к себе на корабль, — сказал я, — вы получите вот этакую голову сыра.

Он щупал мою куртку, гладил мои руки, разглядывал мои сапоги и, замолкая, по-детски радовался, что видит перед собой человека.

Услышав мой ответ, он взглянул на меня с каким-то лукавством.

— Если тебе удастся вернуться к себе на корабль? — повторил он мои слова. — А кто же может тебе помешать?

— Уж конечно, не вы, — ответил я.

— Конечно, не я! — воскликнул он. — А как тебя зовут, приятель?

— Джим, — сказал я.

— Джим, Джим... — повторял он с наслаждением. — Да, Джим, я вел такую жизнь, что мне стыдно даже рассказывать.

Поверил бы ты, глядя на меня, что моя мать была очень хорошая, благочестивая женщина?

— Поверить трудновато,— согласился я.

— Она была на редкость хорошая женщина,— сказал он.— Я рос вежливым, благовоспитанным мальчиком и умел так быстро повторять наизусть катехизис, что нельзя было отличить одно слово от другого. И вот что из меня вышло, Джим. А все оттого, что я смолоду ходил на кладбище играть в орлянку! Ей-богу, начал с орлянки и покатился. Мать говорила, что я плохо кончу, и ее предсказание сбылось. Пожалуй, вышло к лучшему, что я попал на этот остров. Я много размышлял здесь в одиночестве и раскаялся. Теперь уже не соблазнишь меня выпивкой. Конечно, от выпивки я не откажусь и сейчас, но самую малость, не больше наперстка, на счастье... Я дал себе слово исправиться и теперь уж не сбьюсь, вот увидишь! А главное, Джим...— он оглянулся и понизил голос до шепота,— ведь я сделался теперь богачом.

Тут я окончательно убедился, что несчастный сошел с ума в одиночестве. Вероятно, эта мысль отразилась на моем лице, потому что он повторил с жаром:

— Богачом! Богачом! Слушай, Джим, я сделаю из тебя человека! Ах, Джим, ты будешь благословлять судьбу, что первый нашел меня!..— Вдруг лицо его потемнело, он сжал мою руку и угрожающе поднял палец.— Скажи мне правду, Джим: не Флинта ли это корабль?

Меня осенила счастливая мысль: этот человек может сдаться нашим союзником. И я тотчас же ответил ему:

— Нет, не Флинта. Флинт умер. Но раз вы хотите знать правду, вот вам правда: на корабле есть несколько старых товарищей Флинта, и для нас это большое несчастье.

— А нет ли у вас... одногоного? — выкрикнул он, задыхаясь.

— Сильвера? — спросил я.

— Сильвера! Сильвера! Да, его звали Сильвером.

— Он у нас повар. И верховодит всей шайкой.

Он все еще держал меня за руку и при этих словах чуть не сломал ее.

— Если ты подослан Долговязым Джоном,— сказал он,— я пропал. Но знаешь ли ты, где ты находишься?

Я сразу же решил, что мне делать; и рассказал ему все — и о нашем путешествии, и о трудном положении, в котором мы оказались. Он слушал меня с глубоким вниманием и, когда я кончил, погладил меня по голове.

— Ты славный малый, Джим,— сказал он.— Но теперь вы все завязаны мертвым узлом. Положитесь на Бена Ганна, и он выручит вас, вот увидишь. Скажи, как отнесется ваш сквайр к человеку, который выручит его из беды?

Я сказал ему, что сквайр — самый щедрый человек на всем свете.

— Ладно, ладно... Но, видишь ли,— продолжал Бен Ганн,— я не собираюсь просить у него лакейскую ливрею или место при-вратника. Нет, этим меня не прельстишь! Я хочу знать: согла-сится он дать мне хотя бы одну тысячу фунтов из тех денег, которые и без того мои?

— Уверен, что даст,— ответил я.— Все матросы должны были получить от него свою долю сокровищ.

— И свезет меня домой? — спросил он, глядя на меня испы-тующим взором.

— Конечно! — воскликнул я.— Сквайр — настоящий джент-льмен. Кроме того, если мы избавимся от разбойников, помочь такого опытного морехода, как вы, будет очень нужна на корабле.

— Да,— сказал он,— значит, вы и вправду отвезете меня? И он облегченно вздохнул.

— А теперь послушай, что я тебе расскажу,— продолжал он.— Я был на корабле Флинта, когда он зарыл сокровища. С ним было еще шесть моряков — здоровенные, сильные люди. Они пробыли на острове с неделю, а мы сидели на старом «Морже». В один прекрасный день мы увидели шлюпку, а в шлюпке сидел Флинт, и голова его была повязана синим плат-ком. Всходило солнце. Он был бледен, как смерть, и плыл к нам... один, а остальные шестеро были убиты... убиты и похоро-нены... Как он расправился с ними, никто из нас никогда не узнал. Была ли там драка, резня или внезапная смерть... А он был один против шестерых!.. Билли Бонс был штурманом, а Долговязый Джон — квартирмейстером. Они спросили у него, где сокровища. «Ступайте на берег и поищите,— сказал он в ответ.— Но, клянусь громом, корабль не станет вас ждать». Вот как он сказал им, Флинт. А три года назад я плыл на другом корабле, и мы увидели этот остров. «Ребята,— сказал я,— здесь Флинт зарыл сокровища. Сойдемте на берег и поищем». Капи-тан очень рассердился. Но все матросы были со мной заодно, и мы причалили к этому берегу. Двенадцать дней мы искали сокровища и ничего не нашли. С каждым днем товарищи ругали меня все сильней и сильней. Наконец они собрались на корабль. «А ты, Бенджамин Ганн, оставайся! — сказали они.— Вот тебе

мушкет, заступ и лом, Бенджамина Ганн... Оставайся здесь и разыскивай денежки Флинта». С тех пор, Джим, вот уже три года живу я здесь и ни разу не видел благородной человеческой пищи. Взгляни на меня: разве похож я на простого матроса?.. Нет, говоришь, не похож? Да и не был похож никогда.

Он как-то странно подмигнул мне одним глазом и сильно ущипнул меня за руку.

— Так и скажи своему сквайру, Джим: он никогда не был похож на простого матроса,— продолжал он.— Скажи ему, что Бен три года сидел тут, на острове, один-одинешенек, и днем и ночью, и в хорошую погоду и в дождь. Иногда, может быть, думал о молитве, иногда вспоминал свою престарелую мать, хотя ее давно нет в живых — так и скажи ему. Но большую часть времени... Ганн занимался другими делами. И при этих словах ущипни его вот так.

И он снова ущипнул меня самым дружеским образом.

— Ты ему,— продолжал он,— вот еще что скажи: Ганн отличный человек — так ему и скажи, Ганн гораздо больше доверяет джентльмену прирожденному, чем джентльмену удачи, потому что он сам был когда-то джентльменом удачи.

— Из того, что вы мне тут толкуете, я не понял почти ничего,— сказал я.— Впрочем, это сейчас и не важно, потому что я все равно не знаю, как попасть на корабль.

— А,— сказал он,— плохо твое дело. Ну да ладно, у меня есть лодка, которую я сам мастерил себе сам, собственными руками. Она спрятана под белой скалой. В случае какой-нибудь беды мы можем поехать на ней, когда станет темнее. Но постой! — закричал он вдруг.— Что это там такое?

Как раз в эту минуту с корабля грянул пушечный выстрел. Гулкое эхо подхватило его и разнесло по всему острову. А между тем до захода солнца оставалось еще два часа.

— Там идет бой! — крикнул я.— За мною! Идите скорее!

И кинулся бежать к стоянке корабля, забыв свои недавние страхи. Рядом со мной легко и проворно бежал злополучный пленник.

— Левее, левее! — приговаривал он.— Левее, милейший Джим! Ближе к деревьям! Вот в этом месте в первый раз подстрелил я козу. Теперь козы сюда не спускаются, они бегают только там, наверху, по горам, потому что боятся Бенджамина Ганна... А! А вот кладбище. Видишь холмики? Я приходил сюда и молился изредка, когда я думал, что, может быть, сейчас

воскресенье. Это не то, что часовня, но все как-то торжественней. Правда, я был один, без капеллана, без Библии...

Он болтал на бегу без умолку, не дожидаясь ответа, да я и не мог отвечать.

После пушечного выстрела долгое время была тишина, а потом раздался залп из ружей.

И опять тишина. И потом впереди над лесом, в четверти мили от нас, взвился британский флаг.

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ

ЧАСТОКОЛ

Глава XVI

Дальнейшие события изложены доктором Как был покинут корабль

Обе шлюпки отчалили от «Испаньолы» около половины второго, или, выражаясь по-морскому, когда пробило три склянки. Капитан, сквайр и я сидели в каюте и совещались о том, что делать. Если бы дул хоть самый легкий ветер, мы напали бы врасплох на шестерых мятежников, оставшихся на корабле, снялись бы с якоря и ушли в море. Но ветра не было. А тут еще явился Хантер и сообщил, что Джим Хокинс проскользнул в шлюпку и уехал вместе с пиратами на берег.

Мы, конечно, ни минуты не думали, что Джим Хокинс изменник, но очень за него беспокоились. Матросы, с которыми он уехал, были так раздражены, что, признаться, мы не надеялись увидеть Джима снова. Мы поспешили на палубу. Смоля пузырями выступила в пазах. Кругом в воздухе стояло такое зловоние от болотных испарений, что меня чуть не стошило. В том отвратительном проливе пахло лихорадкой и дизентерией. Шестеро негодяев угрюмо сидели под парусом на баке. Шлюпки стояли на берегу возле устья какой-то речонки, и в каждой сидел матрос. Один из них насвистывал «Лиллибуллоро»¹.

Ждать становилось невыносимо, и мы решили, что я с Хантером поеду на разведку в ялике.

Шлюпки находились справа от корабля. А мы с Хантером направились прямо к тому месту, где на карте обозначен был частокол. Заметив нас, матросы, сторожившие шлюпки, засуе-

¹ Английская шуточная песня.

тились. «Лиллибуллера» смолкло. Мы видели, как они спорят друг с другом, очевидно, решая, как поступить. Если бы они дали знать Сильверу, все, вероятно, пошло бы по-другому. Но, очевидно, им было велено не покидать шлюпок ни при каких обстоятельствах. Они спокойно уселись, и один из них снова засвистал «Лиллибуллера».

Берег в этом месте слегка выгибался, образуя нечто вроде небольшого мыса, и я нарочно правил таким образом, чтобы мыс заслонил нас от наших врагов, прежде чем мы пристанем. Выскочив на берег, я побежал во весь дух, подложив под шляпу шелковый платок, чтобы защитить голову от палящего солнца. В каждой руке у меня было по заряженному пистолету.

Не пробежал я и ста ярдов, как наткнулся на частокол.

Прозрачный ключ бил из земли почти на самой вершине небольшого холма. Тут же, вокруг ключа, был построен высокий бревенчатый сруб. В нем могло поместиться человек сорок. В стенах этой постройки были бойницы для ружей. Вокруг сруба находилось широкое расчищенное пространство, обнесенное частоколом в шесть футов вышины, без всякой калитки, без единого отверстия. Сломать его было нелегко, а укрыться за ним от сидящих в срубе — невозможно. Люди, засевшие в срубе, могли бы расстреливать нападающих, как куропаток. Дать им хороших часовых да побольше провизии, и они выдержат нападение целого полка.

Особенно обрадовал меня ручей. Ведь в каюте «Испаньолы» тоже неплохо: много оружия, много боевых припасов, много провизии, много превосходных вин, но в ней не было воды. Я размышлял об этом, когда вдруг раздался ужасающий предсмертный вопль. Не впервые я сталкивался со смертью — я служил в войсках герцога Кемберлендского¹ и сам получил рану под Фонтенуа², — но от этого крика сердце мое сжалось. «Погиб Джим Хокинс», — решил я.

Много значит быть старым солдатом, но быть доктором значит больше. В нашем деле нельзя терять ни минуты. Я сразу же обдумал все, поспешил вернуться на берег и прыгнул в ялик.

К счастью, Хантер оказался превосходным гребцом. Мы стремительно понеслись по проливу. Лодка причалила к борту, и я опять взобрался на корабль. Друзья мои были потрясены. Сквайр сидел белый, как бумага, и — добрый человек! — разду-

¹ Герцог Кемберлендский — английский полководец, живший в середине XVIII века.

² В битве при Фонтенуа (1745), в Бельгии, английские войска потерпели поражение от французов.

мывал о том, каким опасностям мы подвергаемся из-за него. Один из матросов, сидевших на баке, был тоже бледен и расстроен.

— Этот человек,— сказал капитан Смоллэтт, кивнув в его сторону,— еще не привык к разбою. Когда он услышал крик, доктор, он чуть не лишился чувств. Еще немного — и он будет наш.

Я рассказал капитану свой план, и мы вместе обсудили его.

Старого Редрута мы поставили в коридоре между каютой и баком, дав ему не то три, не то четыре заряженных мушкета и матрац для защиты. Хантер подвел шлюпку к корме, и мы с Джойсом принялись нагружать ее порохом, мушкетами, сухарями, свининой. Затем опустили в нее бочонок с коньяком и мой драгоценный ящичек с лекарствами.

Тем временем сквайр и капитан вышли на палубу. Капитан вызвал второго боцмана — начальника оставшихся на корабле матросов.

— Мистер Хендс,— сказал он,— нас здесь двое, и у каждого пары пистолетов. Тот из вас, кто подаст какой-нибудь сигнал, будет убит.

Разбойники растерялись. Затем, пошептавшись, кинулись к переднему сходному тамбуру, собираясь напасть на нас с тыла, но, наткнувшись в узком проходе на Редрута с мушкетами, сразу же бросились обратно. Чья-то голова высунулась из люка на палубу.

— Вниз, собака! — крикнул капитан.

Голова исчезла. Все шестеро, насмерть перепуганные, куда-то забились и утихли.

Мы с Джойсом нагрузили ялик доверху, бросая все как попало. Потом спустились в него сами через кормовой порт¹ и, гребя изо всех сил, понеслись к берегу.

Вторая наша поездка сильно обеспокоила обоих часовых на берегу. «Лиллибуллера» умолкло опять. И прежде чем мы перестали их видеть, обогнув мысок, один из них оставил свою шлюпку и побежал в глубь острова. Я хотел было воспользоваться этим и уничтожить их шлюпки, но побоялся, что Сильвер со всей шайкой находится неподалеку и что мы потеряем все, если захотим слишком многоного.

Мы причалили к прежнему месту и начали перетаскивать груз в укрепление. Тяжело нагруженные, мы донесли наши припасы до форта и перебросили их через частокол. Охранять их поставили Джойса. Он оставался один, но зато ружей у него

¹ Порт — отверстие в борту.

было не меньше полудюжины. А мы с Хантером вернулись к лодке и снова взвалили груз на спину. Таким образом, работая без передышки, мы постепенно перетащили весь груз. Джойс и Хантер остались в укреплении, а я, гребя изо всех сил, помчался назад к «Испаньоле».

Мы решили еще раз нагрузить ялик. Это было рискованно, но не так уж безрассудно, как может показаться. Их, конечно, было больше, чем нас, но зато мы были лучше вооружены. Ни у кого из уехавших на берег не было мушкета, и, прежде чем они подошли бы к нам на расстояние пистолетного выстрела, мы успели бы застрелить по крайней мере шестерых.

Сквайр поджидал меня у кормового окна. Он сильно приободрился и повеселел. Схватив брошенный мною конец, он подтянул ялик, и мы снова стали его нагружать свининой, порохом, сухарями. Потом захватили по одному мушкету и по одному кортику для меня, сквайра, Редрута и капитана. Остальное оружие и порох мы выбросили за борт. В проливе было две с половиной сажени глубины, и мы видели, как блестит озаренная солнцем сталь на чистом песчаном дне.

Начался отлив, и шхуна повернулась вокруг якоря. Около шлюпок на берегу послышались перекликающиеся голоса. Хотя это и доказывало, что Джойс и Хантер, которые находились восточнее, еще не замечены, мы все же решили поторопиться.

Редрут покинул свой пост в коридоре и прыгнул в ялик. Мы подвели его к другому борту, чтобы взять капитана Смоллетта.

— Ребята,— громко крикнул он,— вы слышите меня?

Из бака никто не ответил.

— Я обращаюсь к тебе, Абрахам Грей.

Молчание.

— Грей,— продолжал мистер Смоллетт, повысив голос,— я покидаю корабль и приказываю тебе следовать за твоим капитаном. Я знаю, что, в сущности, ты человек хороший, да и остальные не так уж плохи, как стараются казаться. У меня в руке часы. Даю тебе тридцать секунд на то, чтобы присоединиться ко мне.

Наступило молчание.

— Иди же, мой друг,— продолжал капитан,— не заставляй нас терять время даром. Ведь каждая секунда промедления грозит смертью и мне и этим джентльменам.

Началась глухая борьба, послышались звуки ударов, и на палубу выскочил Абрахам Грей. Щека его была порезана ножом. Он подбежал к капитану, как собака, которой свистнул хозяин.

— Я с вами, сэр,— сказал он.
Они оба спрыгнули в ялик, и мы отчалили.
Корабль был покинут. Но до частокола мы еще не добрались.

Глава XVII

Доктор продолжает свой рассказ Последний переезд в челноке

Этот последний — пятый — переезд окончился не так благополучно, как прежние. Во-первых, наша скорлупка была страшно перегружена. Пятеро взрослых мужчин, да притом трое из них — Трелони, Редрут и капитан — ростом выше шести футов — это уже не так мало. Прибавьте порох, свинину, мешки с сухарями. Неудивительно, что планшир¹ на корме лизала вода. Нас то и дело слегка заливало. Не успели мы отъехать на сотню ярдов, как мои штаны и фалды камзола промокли насовсем.

Капитан заставил нас разместить груз по-другому, и ялик выпрямился.

И все же мы боялись дышать, чтобы не перевернуть его.

Во-вторых, благодаря отливу создалось сильное течение, направляющееся к западу, а потом заворачивавшее к югу, в открытое море, через тот проход, по которому утром вошла в пролив наша шхуна. Перегруженный наш ялик могла перевернуть даже легчайшая рябь отлива. Но хуже всего было то, что течение относило нас в сторону и не давало пристать к берегу за мысом, там, где я приставал раньше. Если бы мы не справились с течением, мы достигли бы берега как раз возле двух шлюпок, где каждую минуту могли появиться пираты.

— Я не в силах править на частокол, сэр,— сказал я капитану. Я сидел за рулем, а капитан и Редрут, не успевшие еще устать, гребли.— Течение относит нас. Нельзя ли приналечь на весла?

— Если мы приналяжем, нас зальет,— сказал капитан.— Постарайтесь, пожалуйста, и держите прямо против течения. Постарайтесь, сэр, прошу вас...

Нас относило к западу до тех пор, пока я не направил нос прямо к востоку, под прямым углом к тому пути, по которому мы должны были двигаться.

— Этак мы никогда не доберемся до берега,— сказал я.

¹ Планшир — планка по верхнему краю борта.

— Если при всяком другом курсе нас сносит, сэр, мы должны держаться этого курса,— ответил капитан.— Нам нужно идти вверх по течению. Если нас снесет, сэр,— продолжал он,— в подветренную сторону от частокола, неизвестно, где мы сможем высадиться, да и разбойники шлюпки могут напасть на нас. А если мы будем держаться этого курса, течение скоро ослабеет, и мы спокойно сможем маневрировать у берега.

— Течение уже слабее, сэр,— сказал матрос Грей, сидевший на носу.— Можно чуть-чуть повернуть к берегу.

— Спасибо, любезнейший,— поблагодарил я его, как будто между нами никогда не было никаких недоразумений.

Мы все безмолвно условились обращаться с ним так, как будто он с самого начала был заодно с нами.

И вдруг капитан произнес изменившимся голосом:

— Пушка!

— Я уже думал об этом,— сказал я, полагая, что он говорит о возможности бомбардировать наш форт из пушки.— Им никогда не удастся свезти пушку на берег. А если и свезут, она застрянет в лесу.

— Нет, вы поглядите на корму,— сказал капитан.

Второпях мы совсем забыли про девятифунтовую пушку. Пятеро негодяев возились возле пушки, стаскивая с нее «куртку», как называли они просмоленный парусиновый чехол, которым она была накрыта. Я вспомнил, что мы оставили на корабле пушечный порох и ядра и что разбойникам ничего не стоит достать их из склада,— нужно только разок ударить топором.

— Израэль был у Флинта канониром,— хрипло произнес Грей.

Я направил ялик прямо к берегу. Мы теперь без труда справлялись с течением, хотя шли все еще медленно. Ялик отлично повиновался рулю. Но, как назло, теперь он был повернут к «Испаньоле» бортом и представлял превосходную мишень.

Я мог не только видеть, но и слышать, как краснорожий негодяй Израэль Хендс с грохотом катил по палубе ядро.

— Кто у нас лучший стрелок? — спросил капитан.

— Мистер Трелони, без сомнения,— ответил я.

— Мистер Трелони, застрелите одного из разбойников. Если можно, Хендса,— сказал капитан.

Трелони был холoden, как сталь. Он осмотрел запал своего ружья.

— Осторожней, сэр,— крикнул капитан,— не переверните ялик! А вы все будьте наготове и во время выстрела постарайтесь сохранить равновесие.

Сквайр поднял ружье, гребцы перестали грести, мы передви- нулись к борту, чтобы удерживать равновесие, и все обошлось благополучно: ялик не зачерпнул ни капли.

Пираты тем временем повернули пушку на вертлюге, и Хендс, стоявший с прибойником¹ у жерла, был отличной целью. Однако нам не повезло. В то время как Трелони стрелял, Хендс нагнулся, и пуля, просвистев над ним, попала в одного из матросов.

Раненый закричал, и крик его подхватили не только те, кто был вместе с ним на корабле: множество голосов ответило ему с берега. Взглянув туда, я увидел пиратов, бегущих из леса к шлюпкам.

— Они сейчас отчалият, сэр,— сказал я.

— Прибавьте ходу! — закричал капитан. — Теперь уж не важно, затопим мы ялик или нет. Если нам не удастся добраться до берега, все погибло.

— Отчаливает только одна шлюпка, сэр,— заметил я. — Команда другой шлюпки, вероятно, побежала по берегу, чтобы перерезать нам дорогу.

— Им придется здорово побегать,— возразил капитан. — А моряки не отличаются проворством на суше. Не их я боюсь, а пушки. Дьяволы! Моя пушка бьет без промаха. Предупредите нас, сквайр, когда увидите зажженный фитиль, и мы дадим лодке другое направление.

Несмотря на тяжелый груз, ялик наш двигался теперь довольно быстро и почти не черпал воду. Нам оставалось каких-нибудь тридцать — сорок раз взмахнуть веслами, и мы добрались бы до песчаной отмели возле деревьев, которую обнажил отлив. Шлюпки пиратов уже не нужно было бояться: мысок скрыл ее из виду.

Отлив, который недавно мешал нам плыть, теперь мешал нашим врагам догонять нас. Нам угрожала только пушка.

— Хорошо бы остановиться и подстрелить еще одного из них,— сказал капитан.

Но было ясно, что пушка выстрелит во что бы то ни стало. Разбойники даже не глядели на своего раненого товарища, хотя он был жив, и мы видели, как он пытался отползти в сторону.

— Готово! — крикнул сквайр.

— Стой! — как эхо, отозвался капитан.

Он и Редрут так сильно стали табанить² веслами, что корма погрузилась в воду. Грязнул пушечный выстрел — тот самый,

¹ Прибойник — железный прут для забивания заряда в дуло орудия.

² Табанить — грести назад.

который услышал Джим: выстрел сквайра до него не донесся. Мы не заметили, куда ударило ядро. Я полагаю, что оно проплыло над нашими головами и что ветер, поднятый им, был причиной нашего несчастья.

Как бы то ни было, но тотчас же после выстрела наш ялик зачерпнул кормой воду и начал медленно погружаться. Глубина была небольшая, всего фута три. Мы с капитаном благополучно встали на дно друг против друга. Остальные трое окунулись с головой и вынырнули, фыркая и отдуваясь.

В сущности, мы отделались дешево — жизни никто не лишился и все благополучно добрались до берега. Но запасы наши остались на дне, и, что хуже всего, из пяти ружей не подмокли только два: мое ружье я, погружаясь в воду, инстинктивно поднял над головой, а ружье капитана, человека опытного, висело у него за спиной замком кверху; оно тоже осталось сухим. Три остальных ружья нырнули вместе с яликом.

В лесу, уже совсем неподалеку, слышны были голоса. Нас могли отрезать от частокола. Кроме того, мы сомневались, удержатся ли Хантер и Джойс, если на них нападет полдюжины пиратов. Хантер — человек твердый, а за Джойса мы опасались: он услужливый и вежливый слуга, он отлично чистит щеткой платье, но для войны совершенно не пригоден.

Встревоженные, мы добрались до берега вброд, бросив на произвол судьбы наш бедный ялик, в котором находилась почти половина всего нашего пороха и всей нашей провизии.

Глава XVIII

Доктор продолжает свой рассказ Конец первого дня сражения

Мы во весь дух бежали через лес, отделявший нас от частокола, и с каждым мгновением все ближе и ближе раздавались голоса пиратов. Скоро мы услышали топот их ног и треск сучьев. Они пробирались сквозь чащу.

Я понял, что нам предстоит нешуточная схватка, и осмотрел свое ружье.

— Капитан, — сказал я, — Трелони бьет без промаха, но ружье его хлебнуло воды. Уступите ему свое.

Они поменялись ружьями, и Трелони, по-прежнему молчаливый и хладнокровный, на мгновение остановился, чтобы проверить заряд. Тут только я заметил, что Грей безоружен,

и отдал ему свой кортик. Мы обрадовались, когда он поплевал на руки, нахмурил брови и замахал кортиком с такой силой, что лезвие со свистом рассекало воздух. И каждый взмах кортика был доказательством, что наш новый союзник будет драться до последней капли крови.

Пробежав еще шагов сорок, мы выбрались на опушку леса и оказались перед частоколом. Мы подошли как раз к середине его южной стороны. А в это самое время семеро разбойников с боцманом Джобом Эндерсоном во главе, громко крича, выскочили из лесу у юго-западного угла частокола.

Они остановились в замешательстве. Мы со сквайром выстрелили, не дав им опомниться. Хантер и Джойс, сидевшие в укреплении, выстрелили тоже. Четыре выстрела грянули разом и не пропали даром: один из врагов упал, остальные поспешно скрылись за деревьями.

Снова зарядив ружья, мы прокрались вдоль частокола посмотреть на упавшего врага.

Он был убит наповал, пуля попала прямо в сердце.

Успех обрадовал нас. Но вдруг в кустах щелкнул пистолет, у меня над ухом просвистела пуля, и бедняга Том Редрут пошатнулся и во весь рост грохнулся на землю. Мы со сквайром выстрелили в кусты. Но стрелять пришлось наудачу, и, вероятно, заряды наши пропали даром. Снова зарядив ружья, мы кинулись к бедному Тому.

Капитан и Грей уже осматривали его. Я глянул только краем глаза и сразу увидел, что дело безнадежно.

Вероятно, наши выстрелы заставили пиратов отступить, так как нам удалось без всякой помехи перетащить несчастного егеря через частокол и внести под крышу блокгауза, в сруб.

Бедный старый товарищ! Он ничему не удивлялся, ни на что не жаловался, ничего не боялся и даже ни на что не ворчал с самого начала наших приключений до этого дня, когда мы положили его в сруб умирать. Он как троянец, геройски охранял коридор на корабле. Все приказания он исполнял молчаливо, покорно и добросовестно. Он был старше нас всех лет на двадцать. И вот этот угрюмый старый, верный слуга умирал на наших глазах.

Сквайр бросился перед ним на колени, целовал ему руки и плакал, как малый ребенок.

— Я умираю, доктор? — спросил тот.

— Да, друг мой, — сказал я.

— Хотелось бы мне перед смертью послать им еще одну пулю.

— Том,— сказал сквайр,— скажи мне, что ты прощаешь меня.

— Прилично ли мне, сэр, прощать или не прощать своего господина? — спросил старый слуга.— Будь что будет. Аминь!

Он замолчал, потом попросил, чтобы кто-нибудь прочел над ним молитву.

— Таков уж обычай, сэр,— прибавил он, словно извиняясь, и вскоре после этого умер.

Тем временем капитан — я видел, что у него как-то странно вздулась грудь и карманы были оттопырены,— вытащил оттуда самые разнообразные вещи: британский флаг, Библию, клубок веревок, перо, чернила, судовой журнал и несколько фунтов табаку. Он отыскал длинный обструганный сосновый шест и с помощью Хантера укрепил его над срубом, на углу. Затем, взобравшись на крышу, он прицепил к шесту и поднял британский флаг. Это, по-видимому, доставило ему большое удовольствие. Потом он спустился и начал перебирать и пересчитывать запасы, словно ничего другого не было на свете. Но изредка он все же поглядывал на Тома. А когда Том умер, он достал другой флаг и накрыл им покойника.

— Не огорчайтесь так сильно, сэр,— сказал капитан, пожимая руку сквайру.— Он умер, исполняя свой долг. Нечего бояться за судьбу человека, убитого при исполнении обязанностей перед капитаном и хозяином. Я не силен в богословии, но это дела не меняет.

Затем отвел меня в сторону.

— Доктор Ливси,— спросил он,— через сколько недель вы со сквайром ожидаете прибытия корабля, который пошлют нам на помощь?

Я ответил, что это дело затяжное. Потребуются не недели, а месяцы. Если мы не вернемся к концу августа, Блендли вышлет нам на помощь корабль, не позже и не раньше.

— Вот и высчитайте, когда этот корабль будет здесь,— закончил я.

— Ну, сэр,— сказал капитан, почесывая затылок,— в таком случае, нам, даже если очень повезет, придется туговато.

— Почему? — спросил я.

— Очень жаль, сэр, что весь груз, который мы везли во второй раз, погиб, вот почему,— ответил капитан.— Пороха и пуль у нас достаточно, но провизии мало. Очень мало! Пожалуй, не приходится жалеть, что мы избавились от лишнего рта.

И он указал на покрытого флагом покойника.

В это мгновение высоко над крышей сруба с ревом и свистом пролетело ядро. Оно упало где-то далеко за нами, в лесу.

— Ого! — сказал капитан.— Бомбардировка! А ведь пороха у них не так-то много.

Второй прицел был взят удачнее. Ядро перелетело через частокол и упало перед срубом, подняв целую тучу песка.

— Капитан,— сказал сквайр,— сруб с корабля не виден. Они, должно быть, целятся в наш флаг. Не лучше ли спустить его?

— Спустить флаг? — возмутился капитан.— Нет, сэр. Пусть его спускает кто угодно, но только не я.

И мы сразу же с ним согласились.

Гордый морской обычай не позволяет спускать флаг во время битвы. И, кроме того, это была хорошая политика — мы хотели доказать врагам, что нам вовсе не страшна их пальба.

Они обстреливали нас из пушки весь вечер. Одно ядро проносилось у нас над головами, другое падало перед частоколом, третье взрывало песок возле самого сруба. Но пиратам приходилось брать высокий прицел: ядра теряли силу и зарывались в песок. Рикошета мы не боялись. И хотя одно ядро пробило у нас крышу и пол, мы скоро привыкли к обстрелу и относились к нему равнодушно, как к трескотне сверчка.

— Есть в этом и хорошая сторона,— заметил капитан.— В лесу поблизости от нас, должно быть, нет пиратов. Отлив усилился, и наши припасы, наверно, показались из-под воды. Эй, не найдутся ли охотники сбегать за утонувшей свининой?

Грей и Хантер вызвались прежде всех. Хорошо вооруженные, они перелезли через частокол. Но свинина досталась не им. Пираты были храбрее, чем мы ожидали. А может быть, они вполне полагались на пушку Израэля Хендса.

Пятеро разбойников усердно вылавливали припасы из нашего затонувшего ялика и перетаскивали их в стоявшую неподалеку шлюпку. Сидевшим в шлюпке приходилось все время грести, потому что течение относило их в сторону. Сильвер стоял на корме и распоряжался. Они все до одного были вооружены мушкетами, добытыми, вероятно, из какого-то их тайного склада.

Капитан сел на бревно и стал записывать в судовой журнал: «Александр Смоллэтт — капитан, Дэвид Ливси — судовой врач, Абрахам Грей — помощник плотника, Джон Трелони — владелец шхуны, Джон Хантер и Ричард Джойс — слуги и земляки владельца шхуны,— вот и все, кто остался верен своему долгу. Взяв с собой припасы, которых хватит не больше чем на десять дней, они сегодня высадились на берег и подняли британский флаг над блокгаузом на Острове Сокровищ. Том Редрут, слуга

и земляк владельца шхуны, убит разбойниками. Джеймс Хокинс, юнга...»

Я задумался над судьбой бедного Джимса Хокинса.

И вдруг в лесу раздался чей-то крик.

— Нас кто-то окликает, — сказал Хантер, стоявший на часах.

— Доктор! Сквайр! Капитан! Эй, Хантер, это ты? — услышали мы чей-то голос.

Я бросился к дверям и увидел Джима Хокинса. Целый и невредимый, он перелезал через наш частокол.

Глава XIX

Опять говорит Джим Хокинс Гарнизон в блокгаузе

Как только Бен Ганн увидел британский флаг, он остановился, схватил меня за руку и сел.

— Ну, — сказал он, — там твои друзья. Несомненно.

— Вернее, что бунтовщики, — сказал я.

— Никогда! — воскликнул он. — На этом острове, в этой пустыне, где никого не бывает, кроме джентльменов удачи, Сильвер поднял бы черное, пиратское знамя. Уж положись на меня. Я эти дела понимаю. Там твои друзья, это верно. Должно быть, была стычка, и они победили. И теперь они на берегу, за старым частоколом. Это Флинт поставил частокол. Много лет назад. Что за голова был этот Флинт! Только ром мог его сокрушить. Никого он не боялся, кроме Сильвера. А Сильвера он побаивался, надо правду сказать.

— Ну что ж, — сказал я, — раз за частоколом свои, надо идти туда.

— Постой, — возразил Бен. — Погоди. Ты, кажется, славный мальчишка, но все же ты только мальчишка. А Бен Ганн хитер. Бен Ганн не промах. Никакой выпивкой меня туда не заманишь... Я должен сам увидеть твоего прирожденного джентльмена, и пускай он даст мне свое честное слово. А ты не забудь моих слов. Только — так и скажи ему, — только при личном знакомстве возможно доверие. И ущипни его за руку.

И он третий раз ущипнул меня с самым многозначительным видом.

— А когда Бен Ганн вам понадобится, ты знаешь, где найти его, Джим. Там, где ты нашел его сегодня. И тот, кто придет за

ним, должен держать что-нибудь белое в руке, и пускай приходит один. Ты им так и скажи. «У Бена Ганна,— скажи,— есть на то свои причины».

— Хорошо,— сказал я.— Кажется, я вас понял. Вы хотите что-то предложить, и вам нужно повидаться со сквайром или с доктором. А увидеть вас можно там, где я вас нашел сегодня. Это все?

— А почему ты не спрашиваешь, в какие часы меня можно застать? Я принимаю с полудня до шести склянок.

— Хорошо, хорошо,— сказал я.— Теперь я могу идти?

— А ты не забудешь? — спросил он тревожно.— Скажи ему, что «только при личном знакомстве» и что «есть свои причины». Я поговорю с ним, как мужчина с мужчиной. А теперь можешь идти, Джим,— сказал он, по-прежнему крепко держа меня за руку.— Послушай, Джим, а если ты увидишь Сильвера, ты не предашь ему Бена Ганна? Даже если тебя привяжут к хвосту дикой лошади, не выдашь? А если пираты высадятся на берег, Джим, ты утром не передумаешь?..

Грохот пушечного выстрела прервал его слова. Ядро пронеслось между деревьями и упало на песок в сотне ярдов¹ от того места, где мы стояли и разговаривали. И мы оба бросились в разные стороны.

В течение часа остров сотрясался от пальбы, и ядра носились по лесу, сокрушая все на пути. Я прятался то тут, то там, и всюду мне казалось, что ядра летят прямо в меня. Мало-помалу ко мне вернулось утраченное мужество. Однако я все еще не решался подойти к частоколу, возле которого ядра падали чаще всего. Двигаясь в обход к востоку, я добрался наконец до деревьев, росших у самого берега.

Солнце только что село, морской бриз свистел в лесу и покрывал рябью сероватую поверхность бухты. Отлив обнажил широкую песчаную отмель. Воздух после дневного зноя стал таким холодным, что я сильно озяб в своем легком камзоле.

«Испаньола» по-прежнему стояла на якоре. Но над ней разевался «Веселый Роджер» — черный пиратский флаг с изображением черепа. На борту блеснула красная вспышка, и гулкое эхо разнесло по всему острову последний звук пушечного выстрела. Канонада окончилась.

Я лежал в кустах и наблюдал суету, которая последовала за атакой. На берегу, как раз против частокола, несколько человек рубили что-то топорами. Впоследствии я узнал, что они уничтожали несчастный наш ялик. Вдали, возле устья речки, среди

¹ Ярд — единица длины, равная 91,44 см.

деревьев пылал большой костер. Между костром и кораблем беспрерывно сновала шлюпка. Матросы, такие угрюмые утром, теперь, гребя, кричали и смеялись, как дети. По звуку голосов я догадался, что веселье вызвано ромом.

Наконец я решился отправиться к частоколу. Я был довольно далеко от него, на низкой песчаной косе, замыкавшей нашу бухту с востока и доходившей при отливе до самого Острова Скелета. Поднявшись, я увидел дальше на косе среди низкого кустарника одинокую, довольно большую скалу странного, белесого цвета. Мне пришло в голову, что это та самая белая скала, про которую говорил Бен Ганн, и что если мне понадобится лодка, я буду знать, где ее найти. Я брел по опушке леса, пока не увидел перед собой задний, самый дальний от моря, край частокола. Наши встретили меня с горячим радушием.

Я рассказал им о моих приключениях и осмотрелся вокруг. Бревенчатый дом был весь построен из необтесанных сосновых стволов — и стены, и крыша, и пол. Пол в некоторых местах возвышался на фут или на полтора над песком. У входа было устроено крылечко, под крылечком журчал ручеек. Струя текла в искусственный бассейн очень оригинального вида: огромный корабельный чугунный котел с выбитым дном, зарытый в песок «по самую ватерлинию», как говорил капитан. В доме было почти пусто. Только в одном углу лежала каменная плита для очага с железной решеткой в форме корзины, чтобы огонь не распространялся за пределы камня.

Все деревья по склонам холма, окруженного частоколом, были срублены на постройку. Судя по пням, здесь погибла пре-восходная роща. Верхний слой почвы после уничтожения деревьев был смыт и снесен дождями, обнажившими чистый песок. Только там, где ручей вытекал из котла, виднелись и мох, и папоротник, и низкорослый кустарник. Сразу за частоколом начинался густой и высокий лес. Это, как говорили, мешало защите. Со стороны суши лес состоял из сосен, а спереди, со стороны пролива,— из тех же сосен и вечноzelеных дубов.

Холодный вечерний бриз, о котором я уже говорил, дул во все щели грубо сколоченного здания, посыпая пол непрестанным дождем мелкого песка. Песок засорял нам глаза, песок хрустел у нас на зубах, песок попадал к нам в еду, песок плясал в роднике, на дне котла, как крупа, в кипящей чаше. Дымовой трубы у нас не было — дым выходил через квадратное отверстие в крыше. Прежде чем найти дорогу к выходу, он расползлся по всему дому, заставляя нас кашлять и плакать.

Грей, наш новый товарищ, сидел с перевязанным лицом — разбойники порезали ему щеку. А старый Том Редрут, все еще

не похороненный, окоченевший, лежал у стены, покрытый британским флагом.

Если бы нам позволили сидеть сложа руки, мы скоро упали бы духом. Но капитан Смоллэтт умел найти дело для всех. Он вызывал нас к себе и разделил на две вахты. В одну вошли доктор, Грей и я, в другую — сквайр, Хантер и Джойс. За день мы очень устали, но тем не менее капитан двоих послал в лес за дровами, а двоим велел копать могилу для Редрута. Доктор стал поваром, меня поставили часовым у дверей, а сам капитан расхаживал от одного к другому, всех подбодряя и всем помогая.

Время от времени доктор подходил к двери подышать воздухом и дать отдохнуть покрасневшим от дыма глазам и перекидывался со мной двумя-тремя словами.

— Этот Смоллэтт, — сказал он мне как-то, — гораздо лучше меня. Если уж это я сам признал, значит, так оно и есть, Джим.

В другой раз он сначала помолчал, потом повернул голову и внимательно посмотрел мне в лицо.

— На этого Бена Ганна можно положиться? — спросил он.

— Не знаю, сэр, — ответил я. — Я не совсем уверен, что голова у него в порядке.

— Значит, не в порядке, — сказал доктор. — Если человек три года грыз ногти на необитаемом острове, Джим, голова у него не может быть в таком же порядке, как у тебя или у меня. Так уж устроены люди. Ты говоришь, он мечтает о сыре?

— Да, сэр, — ответил я.

— Ладно, Джим, — сказал он. — Посмотри, как полезно быть лакомкой. Ты, наверно, видел мою табакерку, но ни разу не видел, чтобы я нюхал из нее табак. У меня в табакерке лежит не табак, а кусочек пармезана — итальянского сыра. Этот сыр мы отдадим Бену Ганну!

Перед ужином мы зарыли старого Тома в песок, потом посторонили немножко с непокрытыми головами на ветру.

Дров из лесу натаскали целую груду, но капитан был все же недоволен.

— Завтра я заставлю вас работать как следует, — сказал он, качая головой.

Поужинав копченой свининой и выпив по стакану горячего грота, капитан, сквайр и доктор удалились на совещание.

Но, по-видимому, ничего хорошего не приходило им в голову. Провизии у нас было так мало, что мы должны были неизбежно умереть с голоду задолго до прибытия помощи. Оставалось одно: убить как можно больше пиратов, убивать их до тех пор, пока они не спустят свой черный флаг или пока не

уйдут на «Испаньоле» в открытое море. Из девятнадцати их уже осталось пятнадцать, причем двое ранены, а один, подстреленный у пушки, если не умер, то, во всяком случае, ранен тяжело. Каждый раз, когда нам представится возможность выстрелить в них, мы должны стрелять. Нужно тщательно беречь наших людей и помнить, что у нас есть два надежных союзника: ром и климат.

Ром уже взялся за дело: полмили отделяло нас от пиратов, и тем не менее до поздней ночи слышали мы песни и крики. А доктор клялся своим париком, что скоро за дело возьмется и климат: лагерь пиратов возле болота, лекарств у них нет никаких, и через неделю половина из них будет валяться в лихорадке.

— Итак,— говорил доктор,— если им не удастся укокошить нас сразу, они будут рады бросить остров и вернуться на шхуну. У них есть корабль, и они всегда могут заняться своим старым ремеслом — морским разбоем.

— Это первый корабль, который мне пришлось потерять,— сказал капитан Смоллэтт.

Я смертельно устал. Долго ворочался я перед тем как заснуть, но потом спал, как убитый.

Все уже давно встали, позавтракали и натаскали дров, когда я проснулся, разбуженный шумом и криками.

— Белый флаг! — сказал кто-то.

И тотчас же раздался удивленный возглас:

— Сам Сильвер!

Я вскочил, протер глаза и кинулся к бойнице в стене.

Глава XX

Сильвер — парламентер

Действительно, к частоколу подошли два человека. Один из них размахивал белой тряпкой, а другой — не кто иной, как сам Сильвер,— невозмутимо стоял рядом.

Было еще очень рано. Я не запомню такого холодного утра. Холод пронизывал меня до костей. Небо было ясное, сияющее, верхушки деревьев розовели в лучах восходящего солнца, но внизу, где стоял Сильвер со своим спутником, все еще была густая тень. У их ног клубился белый туман — ночные испарения болота. Ночной холод и туман — вот беда этого острова. Этот остров — сырое, малярийное, нездоровое место.

— Все по местам! — сказал капитан. — Держу пари, что они затевают какую-то хитрость. — Затем он крикнул разбойникам: — Кто идет? Стой, или будем стрелять!

— Белый флаг! — крикнул Сильвер.

Капитан вышел на крыльцо и стал под прикрытием, чтобы предательская пуля не угрожала ему. Обернувшись к нам, он приказал:

— Отряд доктора — на вахту к бойницам! Доктор Ливси, прошу вас, займите северную стену. Джим — восточную, Грей — западную. Другой вахте — заряжать мушкеты. Живее! И будьте внимательны!

Потом снова обратился к разбойникам.

— Чего вы хотите от нас с вашим белым флагом? — крикнул он.

На этот раз ответил не Сильвер, а другой пират.

— Капитан Сильвер, сэр, хочет подняться к вам на борт, заключить с вами договор! — прокричал он.

— Капитан Сильвер? Я такого не знаю. Кто он? — спросил капитан.

Мы слышали, как он добавил вполголоса:

— Вот как! Уже капитан! Быстрое повышение в чине!

Долговязый Джон ответил сам:

— Это я, сэр. Наши несчастные ребята выбрали меня капитаном после вашего дезертирства, сэр. — Слово «дезертирство» он произнес с особым ударением. — Мы готовы вам подчиниться опять, но, конечно, на известных условиях: если вы согласитесь подписать с нами договор. А пока дайте мне честное слово, капитан Смоллэтт, что вы отпустите меня отсюда живым и не начнете стрельбу, прежде чем я не отойду от частокола.

— У меня нет никакой охоты разговаривать с вами, — сказал капитан Смоллэтт. — Но если вы хотите говорить со мной, ступайте сюда. Однако, если вы замышляете предательство, то потом пеняйте на себя.

— Этого достаточно, капитан! — весело воскликнул Долговязый Джон. — Одного вашего слова достаточно. Я знаю, что вы джентльмен, капитан, и что на ваше слово вполне можно положиться.

Мы видели, как человек с белым флагом старался удержать Сильвера. В этом не было ничего удивительного, потому что капитан разговаривал не слишком любезно. Но Сильвер только засмеялся в ответ и хлопнул его по плечу, точно даже самая мысль об опасности представлялась ему нелепостью. Он подошел к частоколу, сначала перебросил через него свой костыль, а затем перелез и сам с необычайной быстротой и ловкостью.

Должен признаться: я так был занят всем происходящим, что забыл обязанности часового. Я покинул свой пост у восточной бойницы и стоял позади капитана, который сидел на пороге, положив локти на колени, поддерживая голову руками, и смотрел в старый железный котел, где бурлила вода и плясали песчинки. Спокойно настыпал он себе под нос: «За-мною, юноши и девы».

Сильверу было мучительно трудно взбираться по склону холма. На крутизне, среди сыпучего песка и широких пней, он со своим костылем был беспомощен, как корабль на мели. Но он мужественно и молчаливо преодолел весь путь, остановился перед капитаном и отдал ему честь с величайшим изяществом. На нем был его лучший наряд: длинный, до колен, синий кафтан со множеством медных пуговиц и сдвинутая на затылок шляпа, обшитая тонкими кружевами.

— Вот и вы, любезный,— сказал капитан, подняв голову.— Садитесь.

— Пустите меня в дом, капитан,— жалобно попросил Долговязый Джон.— В такое холодное утро, сэр, неохота сидеть на песке.

— Если бы вы, Сильвер,— сказал капитан,— предпочли остаться честным человеком, вы сидели бы теперь в своем камбузе. Сами виноваты. Либо вы мой корабельный повар — и тогда я с вами обращаюсь по-хорошему, либо вы капитан Сильвер, бунтовщик и пират,— и тогда не ждите от меня ничего, кроме виселицы.

— Ладно, ладно, капитан,— сказал повар, садясь на песок.— Только потом вам придется подать мне руку, чтобы я мог подняться... Неплохо вы тут устроились!.. А, это Джим! Доброе утро, Джим... Доктор, мое почтение! Да вы тут все в сборе, словно счастливо семейство, если разрешите так выражаться...

— К делу, любезный,— перебил капитан.— Говорите, зачем вы пришли.

— Правильно, капитан Смоллэтт,— ответил Сильвер.— Дело прежде всего. Должен признаться, вы ловкую штуку выкинули сегодня ночью. Кто-то из вас умеет обращаться с ганшпугом. Кое-кто из моих людей был прямо потрясен этим делом, да не только кое-кто, но все. Я и сам, признаться, потрясен. Может быть, только из-за этого я и пришел сюда заключить договор. Но, клянусь громом, капитан, второй раз эта история вам не удастся! Мы всюду выставим часовых и уменьшим выдачу рома. Вы, верно, думаете, что мы все были пьяны мертвейки? Поверьте мне, я нисколько не был пьян, я только устал, как

собака. Если бы я проснулся на секунду раньше, вы бы от меня не ушли. Он еще был жив, когда я добежал до него.

— Дальше,— хладнокровно произнес капитан Смоллэтт.

Все, что говорил Сильвер, было для капитана загадкой, но капитан и бровью не повел. А я, признаться, смекнул кое-что. Мне пришли на память последние слова Бена Ганна. Я понял, что ночью он пробрался в лагерь разбойников, когда они пьяные валялись вокруг костра. Мне было весело думать, что теперь в живых осталось только четырнадцать наших врагов.

— Вот в чем дело,— сказал Сильвер.— Мы хотим достать сокровища, и мы их достанем. А вы, конечно, хотите спасти свою жизнь и имеете на это полное право. Ведь у вас есть карта, не правда ли?

— Весьма возможно,— отвечал капитан.

— Я наверняка знаю, что она у вас есть,— продолжал Долговязый Джон.— И почему вы говорите со мной так сухо? Это не принесет вам пользы. Нам нужна ваша карта, вот и все, а лично вам я не желаю ни малейшего зла...

— Перестаньте, любезный,— перебил его капитан.— Не на такого напали. Нам в точности известно, каковы были ваши намерения. Но это нас нисколько не тревожит, потому что руки у вас оказались коротки.

Капитан спокойно взглянул на него и стал набивать свою трубку.

— Если бы Эйб Грей...— начал Сильвер.

— Стоп! — закричал мистер Смоллэтт.— Грей ничего мне не говорил, и я ни о чем его не спрашивал. Скажу больше: я с удовольствием взорвал бы на воздух и вас, и его, и весь этот дьявольский остров! Вот что я думаю обо всей вашей шайке, любезный.

Эта гневная вспышка, видимо, успокоила Сильвера. Он уже начал было сердиться, но сдержался.

— Как вам угодно,— сказал он.— Думайте что хотите, я запрещать вам не стану... Вы, кажется, собираетесь закурить трубку, капитан. И я, если позволите, сделаю то же.

Он набил табаком свою трубку и закурил. Двое мужчин долго молча сидели, то взглядывая друг другу в лицо, то затягиваясь дымом, то нагибаясь вперед, чтобы сплюнуть. Смотреть на них было забавно, как на театральное представление.

— Вот наши условия,— сказал наконец Сильвер.— Вы нам даете карту, чтобы мы могли найти сокровища, вы перестаете подстреливать несчастных моряков и разбивать им головы,

когда они спят. Если вы согласны на это, мы предлагаем вам на выбор два выхода. Выход первый: погрузив сокровища, мы позволяем вам вернуться на корабль, и я даю вам честное слово, что высажу вас где-нибудь на берег в целости. Если первый выход вам не нравится, так как многие мои матросы издавна точат на вас зубы, вот вам второй: мы оставим вас здесь, на острове. Провизию мы поделим с вами поровну, и я обещаю прислать за вами первый же встречный корабль. Советую вам принять эти условия. Лучших условий вам не добиться. Надеюсь,— тут он возвысил голос,— все ваши люди тут в доме слышат мои слова, ибо сказанное одному — сказано для всех.

Капитан Смоллэтт поднялся и вытряхнул пепел из своей трубки в ладонь левой руки.

— И это все? — спросил он.

— Это мое последнее слово, клянусь громом! — ответил Джон. — Если вы откажетесь, вместо меня будут говорить наши ружья.

— Отлично, — сказал капитан. — А теперь послушайте меня. Если вы все придетете ко мне сюда безоружные поодиночке, я обяжуюсь заковать вас в кандалы, отвезти в Англию и предать справедливому суду. Но если вы не явитесь, то помните, что зовут меня Александр Смоллэтт, что я стою под этим флагом и что я всех отправлю к дьяволу. Сокровищ вам не найти. Уплыть на корабле вам не удастся: никто из вас не умеет управлять кораблем. Сражаться вы тоже не мастера: против одного Грея было пятеро ваших, и он ушел от них. Вы крепко сели на мель, капитан Сильвер, и не скоро сойдете с нее. Это последнее доброе слово, которое вы слышите от меня. А при следующей встрече я всажу вам пулю в спину. Убирайтесь же, любезный! Поторопливайтесь!

Глаза Сильвера вспыхнули яростью. Он вытряхнул огонь из своей трубки.

— Дайте мне руку, чтобы я мог подняться! — крикнул он.

— Не дам, — сказал капитан.

— Кто даст мне руку? — проревел Сильвер.

Никто из нас не двинулся. Отвратительно ругаясь, Сильвер прополз до крыльца, ухватился за него, и только тут ему удалось подняться. Он плонул в источник.

— Вы для меня вот как этот плевок! — крикнул он. — Через час я подогрею ваш старый блокгауз, как бочку рома. Смейтесь, разрази вас гром, смейтесь! Через час вы будете смеяться по-иному. А те из вас, кто останется в живых, позавидуют мертвым!

И, снова выругавшись, он заковылял по песку. Раза четыре принимался он перелезать через забор и падал. Наконец его перетащил человек с белым флагом, и в одну минуту они исчезли среди деревьев.

Глава XXI

Атака

Как только Сильвер скрылся, капитан, все время не спускавший с него глаз, обернулся и заметил, что на посту стоит только один Грей. Впервые увидели мы, как капитан сердится.

— По местам! — проревел он.

Мы кинулись к бойницам.

— Грей,— сказал он,— я занесу твое имя в судовой журнал. Ты исполнял свой долг, как подобает моряку... Мистер Трелони, вы меня удивили, сэр!.. Доктор, ведь вы носили военный мундир! Если вы так исполняли свой долг при Фонтенуа, вы бы лучше не сходили с койки.

Вахта доктора была уже у бойниц, а остальные заряжали мушкеты. Мы все покраснели — нам было стыдно.

Капитан молча следил за нами. Потом заговорил снова.

— Друзья,— сказал он,— я Сильвера встретил, так сказать, залпом пушек всего борта. Я нарочно привел его в бешенство. По его словам, не пройдет и часа, как мы подвергнемся нападению. Вы знаете, что их больше, чем нас, но зато мы находимся в крепости. Минуту назад я мог бы даже сказать, что у нас есть дисциплина. Я не сомневаюсь, что мы можем победить их, если вы захотите победить.

Затем он обошел нас всех и признал, что на этот раз все в порядке.

В двух узких стенах сруба — в восточной и западной — было только по две бойницы. В южной, где находилась дверь, — тоже две. А в северной — пять. У нас было двадцать мушкетов на семерых. Дрова мы сложили в четыре штабеля, посередине каждой стороны. Эти штабеля мы называли столами. На каждом столе лежало по четыре заряженных мушкета, чтобы защитники крепости всегда имели их под рукой. А между мушкетами сложены были кортики.

— Тушите огонь,— сказал капитан.— Уже потеплело, а дым только ест глаза.

Мистер Трелони вынес наружу железную решетку очага и разбросал угли по песку.

— Хокинс еще не завтракал... Хокинс, бери свой завтрак и ешь на посту,— продолжал капитан Смоллэтт.— Пошевеливайся, дружок, а то останешься без завтрака... Хантер, раздай всем прог.

Пока мы возились, капитан обдумал до конца план защиты.

— Доктор, вам поручается дверь,— проговорил он.— Глядите хорошенко, но не слишком выставляйтесь вперед. Стойте внутри и стреляйте из двери... Хантер, ты возьмешь восточную стену... Джойс, друг мой, бери западную... Мистер Трелони, вы лучший стрелок,— берите вместе с Греем северную стену, самую длинную, с пятью бойницами. Это самая опасная сторона. Если им удастся добежать до нее и стрелять в нас через бойницы, дело наше будет очень плохо... А мы с тобой, Хокинс, никуда не годные стрелки. Мы будем заряжать мушкеты и помочь всем.

Капитан был прав. Едва солнце поднялось над вершинами деревьев, стало жарко, и туман исчез. Скоро песок начал обжигать нам пятки и на бревнах сруба выступила растопленная смола. Мы сбросили камзолы, расстегнули вороты у рубах, засучили до плеч рукава. Каждый стоял на своем посту, разгоряченный жарой и тревогой.

Так прошел час.

— Дьявол! — сказал капитан.— Становится скучно. Грей, засвисти какую-нибудь песню.

В это мгновение впервые стало ясно, что на нас готовится атака.

— Позвольте спросить, сэр,— сказал Джойс,— если я увижу кого-нибудь, я должен стрелять?

— Конечно! — крикнул капитан.

— Спасибо, сэр,— сказал Джойс все так же спокойно и вежливо.

Ничего не случилось, но вопрос Джойса заставил нас всех насторожиться. Стрелки держали мушкеты наготове, а капитан стоял посреди сруба, сжав губы и нахмурив лоб. Так прошло несколько секунд. Вдруг Джойс просунул в бойницу свой мушкет и выстрелил. Звук его выстрела еще не успел затихнуть, как нас стали обстреливать со всех сторон, залп за залпом. Несколько пуль ударились о бревна частокола. Но внутрь не залетела ни одна, и, когда дым рассеялся, вокруг частокола и в лесу было тихо и спокойно, как прежде. Ни одна веточка не шевелилась. Ни одно дуло не поблескивало в кустах. Наши враги как сквозь землю провалились.

— Попал ты в кого-нибудь? — спросил капитан.

— Нет, сэр, — ответил Джойс. — Кажется, не попал, сэр.

— И то хорошо, что правду говоришь, — проворчал капитан Смоллэтт. — Заряди его ружье, Хокинс... Как вам кажется, доктор, сколько на вашей стороне было выстрелов?

— Я могу ответить точно, — сказал доктор Ливси, — три выстрела. Я видел три вспышки — две рядом и одну дальше, к западу.

— Три! — повторил капитан. — А сколько на вашей, мистер Трелони?

Но тут ответить было нелегко. С севера стреляли много. Сквайр уверял, что было всего семь выстрелов, а Грей — что их было восемь или девять. С востока и запада выстрелили только по одному разу. Очевидно, атаки следовало ожидать с севера, а с других сторон стреляли, только чтобы отвлечь наше внимание. Однако капитан Смоллэтт не изменил своих распоряжений.

— Если разбойникам удастся перелезть через частокол, — говорил он, — могут захватить любую незащищенную бойницу и перестрелять нас всех, как крыс, в нашей собственной крепости.

Впрочем, времени для размышлений у нас было немного. На севере внезапно раздался громкий крик, и небольшой отряд пиратов, выскочив из лесу, кинулся к частоколу. В то же мгновение нас снова начали обстреливать со всех сторон. В открытую дверь влетела пуля и раздробила мушкет доктора в щепки. Нападающие лезли через частокол, как обезьяны. Сквайр и Грей стреляли снова и снова. Трое свалились — один внутрь, двое наружу. Впрочем, один из них был, вероятно, напуган, а не ранен, так как сейчас же вскочил на ноги и скрылся в лесу.

Двое лежали на земле, один убежал, четверо благополучно перелезли через частокол. Семеро или восьмеро остальных пиратов, имевших, очевидно, по нескольку мушкетов каждый, непрерывно обстреливали, сидя в чаще, наш дом. Однако обстрел этот не принес нам никакого вреда.

Четверо проникших внутрь частокола, крича, бежали к зданию. Засевшие в лесу тоже кричали, чтобы подбодрить товарищей. Наши стрелки стреляли не переставая, но так торопились, что, кажется, не попали ни разу. В одно мгновение четверо пиратов взобрались на холм и напали на нас. Голова Джоба Эндерсона, боцмана, появилась в средней бойнице.

— Бей их! Бей их! — ревел он громовым голосом.

В то же мгновение другой пират, схватив за дуло мушкет Хантера, выдернул его, просунул в бойницу и ударил Хантера прикладом с такой силой, что несчастный без чувств повалился

на пол. Тем временем третий, благополучно обежав вокруг дома, неожиданно появился в дверях и кинулся с кортиком на доктора.

— Мы оказались в таком положении, в каком до сих пор были наши враги. Только что мы стреляли из-под прикрытия в незащищенных пиратов, а теперь сами, ничем не защищенные, должны были вступить врукопашную с врагом. Сруб заволокло пороховым дымом, но это оказалось нам на руку: благодаря дымовой завесе мы и остались в живых. В ушах у меня гудело от криков, стонов и пистолетных выстрелов.

— На вылазку, вперед, врукопашную! Кортики! — закричал капитан.

Я схватил со штабеля кортик. Кто-то другой, тоже хватая кортик, резнул им меня по суставам пальцев, но я даже не почувствовал боли. Я ринулся в дверь, на солнечный свет. Кто-то выскочил за мной следом — не знаю кто. Прямо передо мной доктор гнал вниз по склону холма напавшего на него пирата. Я видел, как одним ударом доктор вышиб у него из рук оружие, потом полоснул кортиком по лицу.

— Вокруг дома! Вокруг дома! — закричал капитан.

И, несмотря на общее смятение и шум, я подметил перемену в его голосе.

Машинально подчиняясь команде, я повернулся к востоку, с поднятым кортиком обогнул угол дома и сразу встретился лицом к лицу с Эндерсоном. Он заревел, и его тесак взвился над моей головой, блеснув на солнце. Я не успел даже струсить. Уклоняясь от удара, я оступился в мягком песке и покатился вниз головой по откосу.

Когда я во время атаки выскочил из двери, другие пираты уже лезли через частокол, чтобы покончить с нами. Один из них, в красном ночном колпаке, держа кортик в зубах, уже зажинул ногу, готовясь спрыгнуть. Мое падение с холма произошло так быстро, что, когда я поднялся на ноги, все оставалось в том же положении: пират в красном колпаке сидел в той же позе, а голова другого только высунулась из-за частокола. И все же в эти несколько мгновений сражение окончилось, и победа осталась за нами.

Грей, выскочивший из двери вслед за мной, уложил на месте рослого боцмана, прежде чем тот успел вторично замахнуться ножом. Другой пират был застрелен у бойницы в тот миг, когда он собирался выстрелить внутрь дома. Он корчился на песке в предсмертной агонии, не выпуская из рук дымящегося пистолета. Третьего, как я уже сказал, заколол доктор. Из четырех пиратов, перелезших через частокол, в живых остался только

один. Бросив свой кортик на поле сражения, он, полный смертельного ужаса, карабкался на частокол, чтобы удрать, и все время срывался.

— Стреляйте! Стреляйте из дома! — кричал доктор.— А вы, молодцы, под прикрытие!

Но слова его пропали даром. Никто не выстрелил. Последний из атакующих благополучно перелез через частокол и скрылся вместе со всеми в лесу. Через минуту из нападающих никого не осталось, за исключением пяти человек: четверо лежали внутри укрепления и один снаружи. Доктор, Грей и я кинулись в дверь, под защиту толстых стен сруба. Оставшиеся в живых могли каждую минуту добежать до своих мушкетов и опять открыть стрельбу. Пороховой дым рассеялся, и мы сразу увидели, какой ценой досталась нам победа. Хантер лежал без чувств возле своей бойницы. Джойс, с простреленной головой, затих навеки. Сквайр поддерживал капитана, и лица у обоих были бледны.

— Капитан ранен! — сказал мистер Трелони.

— Все убежали? — спросил мистер Смоллетт.

— Все, кто мог,— ответил доктор.— Но пятерым уже не бегать никогда!

— Пятерым! — вскричал капитан.— Не так плохо. У них выбыло из строя пятеро, у нас только трое — значит, нас теперь четверо против девяти. Это лучше, чем было вначале: семеро против девятнадцати¹.

¹ На самом деле в живых вскоре осталось только восемь разбойников, потому что человек, подстреленный мистером Трелони на борту шхуны, умер в тот же вечер. Но, конечно, мы узнали об этом значительно позже. (Примеч. автора.)

ЧАСТЬ ПЯТАЯ

МОИ ПРИКЛЮЧЕНИЯ НА МОРЕ

Глава XXII

Как начались мои приключения на море

Разбойники не возвращались. Ни один из них даже не выстрелил из лесу. «Они получили свой паек на сегодня», — выразился о них капитан. Мы могли спокойно перевязывать раненых и готовить обед. Стряпали на этот раз сквайр и я. Несмотря на опасность, мы предпочли стряпать во дворе, но и туда до нас доносились ужасные стоны наших раненых.

Из восьми человек, пострадавших в бою, остались в живых только трое: пират, подстреленный у бойницы, Хантер и капитан Смоллэтт. Положение двух первых было безнадежное. Пират вскоре умер во время операции; Хантер, несмотря на все наши усилия, так и не пришел в сознание. Он прожил весь день, громко дыша, как дышал после удара тот старый пират, который остановился у нас в трактире. Но ребра у Хантера были сломаны, череп разбит при падении, и в следующую ночь он без стона, не приходя в сознание, скончался.

Раны капитана были мучительны, но неопасны. Ни один орган не был сильно поврежден. Пуля Эндерсона — первым выстрелил в капитана Джоб — пробила ему лопатку и задела легкое. Вторая пуля коснулась икры и повредила связки.

Доктор уверял, что капитан непременно поправится, но в течение нескольких недель ему нельзя ходить, нельзя двигать рукой и нельзя много разговаривать.

Случайный порез у меня на пальце оказался пустяком. Доктор Ливси залепил царапину пластырем и ласково потрепал меня за уши.

После обеда сквайр и доктор уселись возле капитана и стали совещаться. Совещание окончилось вскоре после полудня. Доктор взял шляпу и пистолеты, сунул за пояс кортик, положил в карман карту, повесил себе на плечо мушкет и, перебравшись через частокол с северной стороны, быстро исчез в чаще.

Мы с Греем сидели в дальнем углу сруба, чтобы не слышать, о чем говорят наши старшие. Грей был так потрясен странным поступком доктора, что вынул изо рта трубку и забыл снова положить ее в рот.

— Что за чертовщина! — сказал он. — Уж не спятил ли доктор Ливси с ума?

— Не думаю, — ответил я. — Из нас всех он спятит с ума последним.

— Пожалуй, что и так, — сказал Грей. — Но если он в здравом уме, значит это я сумасшедший.

— Просто у доктора есть какой-то план, — объяснил я. — По-моему, он пошел повидаться с Беном Ганном.

Как потом оказалось, я был прав.

Между тем жара в срубе становилась невыносимой. Полученное солнце накалило песок во дворе, и в голове у меня зашевелилась дикая мысль. Я стал завидовать доктору, который шел по прохладным лесам, слушал птичек, вдыхал смолистый запах сосен, в то время как я жарился в этом проклятом пекле, где одежда прилипала к горячей смоле, где все было вымазано человеческой кровью, где вокруг валялись мертвцы.

Отвращение, которое внушала мне наша крепость, было почти так же велико, как и страх.

Я мыл пол, я мыл посуду — и с каждой минутой чувствовал все большее отвращение к этому месту и все сильнее завидовал доктору. Наконец я случайно оказался возле мешка с сухарями. Меня никто не видел. И я стал готовиться к бегству: набил сухарями оба кармана своего камзола.

Вы можете назвать меня глупцом. Я поступал безрассудно, я шел на отчаянный риск, однако я принял все предосторожности, какие были в моей власти. Эти сухари не дадут мне умереть с голodom по крайней мере два дня.

Затем я захватил два пистолета. Пули и порох были у меня, и я чувствовал себя превосходно вооруженным.

План мой, в сущности, был сам по себе не так уж плох. Я хотел пойти на песчаную косу, отделяющую с востока нашу бухту от открытого моря, отыскать белую скалу, которую я заметил вчера вечером, и посмотреть, не под ней ли Бен Ганн прячет свою лодку. Дело это было, по-моему, стоящее. Но я

знал наверняка, что меня ни за что не отпустят, и решил удрать. Разумеется, это был такой дурной путь для осуществления моих намерений, что и намерение становилось неправильным, но не забудьте, что я был мальчишкой и уже принял решение.

Скоро для бегства представился удобный случай. Сквайр и Грей делали перевязку капитану. Путь был свободен. Я перелез через частокол и скрылся в чаще. Прежде чем мое отсутствие обнаружилось, я ушел уже так далеко, что не мог услышать никаких окриков.

Эта вторая моя безумная выходка была еще хуже первой, так как в крепости осталось только двое здоровых людей. Однак~~о~~, как и первая, она помогла нам спастись.

Я направился прямо к восточному берегу острова, так как не хотел идти по обращенной к морю стороне косы, чтобы меня не заметили со шхуны. День уже клонился к вечеру, хотя солнце стояло еще высоко. Идя через лес, я слышал впереди не только беспрерывный грохот прибоя, но также шум ветвей и шелест листвьев. Это означало, что сегодня морской бриз сильнее, чем обычно. Скоро повеяло прохладой. Еще несколько шагов — и я вышел на опушку. Передо мной до самого горизонта простиралось озаренное солнцем море, а возле берега кипел и пенился прибой.

Я ни разу не видел, чтобы море около Острова Сокровищ было спокойно. Даже в ясные дни, когда солнце сияет ослепительно и воздух неподвижен, громадные валы с грохотом катятся на внешний берег. На острове едва ли существует такое место, где можно было бы укрыться от шума прибоя.

Я шел по берегу, наслаждаясь прогулкой. Наконец, решив, что я зашел уже достаточно далеко на юг, я осторожно пополз под прикрытием густых кустов вверх, на хребет косы.

Позади меня было море, впереди — бухта. Морской ветер, как бы утомившись своей собственной яростью, утихал. Его сменили легкие воздушные течения с юга и юго-востока, которые несли с собой густой туман. В проливе, защищенном Островом Скелета, была такая же неподвижная свинцово-тусклая вода, как в тот день, когда мы впервые его увидели. «Испаньола» вся, от вершины мачты до ватерлинии, с повисшим черным флагом, отражалась, как в зеркале.

Возле корабля я увидел ялик. На корме сидел Сильвер. Его я узнал бы на любом расстоянии. Он разговаривал с двумя пиратами, перегнувшимися к нему через борт корабля. У одного из них на голове торчал красный колпак. Это был тот самый негодяй, который недавно перелезал через частокол. Они болтали и смеялись, но меня отделяла от них целая миля, и, понятно, я не

мог расслышать ни слова. Потом до меня донесся страшный, нечеловеческий крик. Сначала я испугался, но затем узнал голос Капитана Флинта, попугая. Мне даже почудилось, что я разглядел пеструю птицу на руке у Сильвера.

Ялик отчалил и понесся к берегу, а человек в красном колпаке вместе со своим товарищем спустился в каюту.

Солнце скрылось за Подзорной Трубой, туман сгустился, быстро темнело. Я понял, что нельзя терять ни минуты, если я хочу найти лодку сегодня.

Белая скала была хорошо видна сквозь заросли, но находилась она довольно далеко, примерно одну восьмую мили по косе, и я потратил немало времени, чтобы до нее добраться. Часто я полз на четвереньках в кустах. Была уже почти ночь, когда я коснулся руками шершавых боков скалы. Под ней находилась небольшая ложбина, поросшая зеленым мохом. Эта ложбина была скрыта от взоров песчаными дюнами и малорослым кустарником, едва достигавшим моих колен. В ее глубине я увидел шатер из козьих шкур. В Англии такие шатры возят с собой цыгане.

Я спустился в ложбину, приподнял край шатра и нашел там лодку Бена Ганна. Из всех самодельных лодок эта была, так сказать, самая самодельная. Бен сколотил из крепкого дерева кривобокую раму, обшил ее козьими шкурами мехом внутрь — вот и вся лодка. Не знаю, как выдерживала она взрослого человека — даже я помещался в ней с трудом. Внутри я нашел очень низкую скамейку, подпорку для ног и весло с двумя лопастями.

Никогда прежде я не видел плетеных рыбачьих членов, на которых плавали древние британцы. Но впоследствии мне удалось познакомиться с ними. Чтобы вы яснее представили себе лодку Бена Ганна, скажу, что она была похожа на самое первое и самое неудачное из этих суденышек. И все же она обладала главными преимуществами древнего членка: была легка, и ее свободно можно было переносить с места на место.

Теперь, вы можете подумать, раз я нашел лодку, мне оставалось вернуться в блокгауз. Но тем временем в голове у меня возник новый план. Я был так доволен этим планом, что никому капитану Смоллетту не удалось бы заставить меня от него отказаться. Я задумал, пользуясь ночной темнотой, подплыть к «Испаньоле» и перерезать якорный канат. Пусть течение выбросит ее на берег где угодно. Я был убежден, что разбойники, получившие такой отпор сегодня утром, собираются поднять якорь и уйти в море. Этому надо помешать, пока не поздно. На корабле в распоряжении вахтенных не осталось ни одной

шлюпки, и, следовательно, эту затею можно выполнить без особых риска.

Поджиная, когда окончательно стемнеет, я сел на песок и принялся грызть сухари. Трудно представить себе ночь, более подходящую для задуманного мною предприятия. Все небо заволокло густым туманом. Когда погасли последние дневные лучи, абсолютная тьма окутала Остров Сокровищ. И когда наконец я, взвалив на плечи челнок, вышел из лощины и, спотыкаясь, побрел к воде, среди полного мрака светились только два огонька: в первом я узнал большой костер на берегу, на болоте, возле которого пьянистовали пираты; другой огонек был, в сущности, заслонен от меня: это светилось кормовое окно корабля, повернувшего ко мне носом. Я видел только световое пятно озаренного им тумана.

Отлив уже начался, и между водой и берегом обнажился широкий пояс мокрого песка. Много раз я по щиколотку погружался в жирную грязь, прежде чем нагнал отступающую воду. Пройдя несколько шагов вброд, я проворно спустил челнок на поверхность воды, килем вниз.

Глава XXIII

Во власти отлива

Челнок, как я и предполагал, оказался вполне подходящим для человека моего роста и веса. Был он легок и подвижен, но вместе с тем до такой степени кривобок и вертляв, что управлять им не было возможности. Делай с ним что хочешь, из кожи лезь, а он все кружится да кружится. Сам Бен Ганн потом признавался, что плавать на этом челноке может лишь тот, кто «уже привык к его норову».

Разумеется, я еще не успел привыкнуть к «норову» челнока. Он охотно плыл в любом направлении, кроме того, которое было мне нужно. Чаще всего он поворачивал к берегу, и, не будь отлива, я ни за что не добрался бы до корабля. На мое счастье, отлив подхватил меня и понес. Он нес меня прямо к «Испаньоле».

Сначала я заметил пятно, которое было еще чернее, чем окружающая тьма. Потом различил очертания корпуса и мачт. И через мгновение (потому что чем дальше я заплывал, тем быстрее гнал меня отлив) я оказался возле якорного каната и ухватился за него.

Якорный канат был натянут, как тетива, — с такой силой корабль стремился сорваться с якоря. Под его днищем отлив бурлил и шумел, как горный поток. Один удар моего ножа — и «Испаньола» помчится туда, куда ее понесет течение.

Однако я вовремя догадался, что тугой натянутый канат, если его перерезать сразу, ударит меня с силой лошадиного копыта. Челнок мой перевернется, и я пойду ко дну.

Я остановился и принялся ждать. Если бы не удачный случай, я, вероятно, отказался бы в конце концов от своего намерения. Но легкий ветерок, сначала юго-восточный, потом южный, с наступлением ночи мало-помалу превращался в юго-западный. Пока я медлил, налетевший внезапно шквал двинул «Испаньолу» против течения. Канат, к моей великой радости, ослабел, и рука моя, которой я за него держался, на мгновение погрузилась в воду.

Поняв, что нельзя терять ни секунды, я выхватил свой складной нож, открыл его зубами и одно за другим принялся перерезать волокна каната. Когда осталось перерезать всего два волокна, канат натянулся опять, и я начал поджидать следующего порыва ветра.

Из каюты давно уже доносились громкие голоса. Но, сказать по правде, я так был поглощен своим делом, что не обращал на них никакого внимания. Теперь от нечего делать я стал прислушиваться.

Я узнал голос второго боцмана, Израэля Хендса, того самого, который некогда был у Флинта канониром. Другой голос принадлежал, без сомнения, моему приятелю в красном колпаке. Оба, судя по голосам, были вдребезги пьяны и продолжали пить. Один из них с пьяным криком открыл кормовой иллюминатор и что-то швырнул в воду — по всей вероятности, пустую бутылку. Впрочем, они не только пили: они бешено ссорились. Ругательства сыпались градом, и иногда мне казалось, что дело доходит до драки. Однако голоса стихали, и ссора прекращалась; потом возникала снова, чтобы через несколько минут прекратиться опять.

На берегу между стволами деревьев я видел огонь костра. Там кто-то пел старинную скучную, однообразную матросскую песню с завывающей трелью в конце каждой строки. Во время нашего плавания я много раз слышал эту песню. Она была так длинна, что ни один певец не мог пропеть ее всю и тянул до тех пор, пока у него хватало терпения. Я запомнил из нее только несколько слов:

Все семьдесят пять не вернулись домой —
Они потонули в пучине морской.

Я подумал, что эта грустная песня, вероятно, вполне соответствует печали, охватившей пиратов, которые потеряли сегодня утром стольких товарищей. Однако вскоре я убедился своими глазами, что в действительности эти морские бандиты бесчувственны, как море, по которому они плавают.

Наконец опять налетел порыв ветра. Шхуна снова двинулась ко мне в темноте. Я почувствовал, что канат снова ослабел, и одним сильным ударом перерезал последние волокна.

На мой членок ветер не оказывал никакого влияния, и я внезапно очутился под самым бортом «Испаньолы». Шхуна медленно поворачивалась вокруг собственной оси, увлекаемая течением.

Я греб изо всех сил, каждое мгновение ожидая, что меня опрокинет. Но шхуна тянула мой членок за собой, я никак не мог расстаться с ней и только медленно передвигался от носа к корме. Наконец она стала удаляться, и я уже надеялся избавиться от опасного соседства. Однако тут в руки мне попался конец висевшего на корме каната. Я тотчас же ухватился за него.

Зачем я сделал это, не знаю. Вероятно, бессознательно. Но когда канат оказался в моих руках и я убедился, что он привязан крепко, мною вдруг овладело любопытство, и я решил заглянуть в иллюминатор каюты.

Перебирая руками, я подтянулся на канате. Мне это грозило страшной опасностью: членок мог опрокинуться каждую секунду. Приподнявшись, я увидел часть каюты и потолок.

Тем временем шхуна и ее спутник, членок, быстро неслись по течению. Мы уже поравнялись с костром на берегу. Корабль громко «заговорил», как выражаются моряки, то есть начал с шумом рассекать волны, и, пока я не заглянул в окошко, я не мог понять, почему оставленные для охраны разбойники не поднимают тревоги. Однако одного взгляда было достаточно, чтобы понять все. А я, стоя в своем зыбком членоке, мог действительно кинуть в каюту только один взгляд. Хендс и его товарищи, ухватив друг друга за горло, дрались не на жизнь, а на смерть.

Я опустился на скамью. Еще мгновение — и членок опрокинулся бы. Передо мной все еще мелькали свирепые, налитые кровью лица пиратов, озаренные тусклым светом коптящей лампы. Я зажмурился, чтобы дать глазам снова привыкнуть к темноте.

Бесконечная баллада наконец прекратилась, и пирующие у костра затянули знакомую мне песню:

Пятнадцать человек на сундук мертвца.
Йо-хо-хо, и бутылка рому!
Пей, и дьявол тебя доведет до конца.
Йо-хо-хо, и бутылка рому!

Размыслия о том, что сейчас вытворяют ром и дьявол в каюте «Испаньолы», я с удивлением почувствовал внезапный толчок. Мой челнок резко накренился и круто переменил курс. Быстрота течения до странности увеличилась.

Я открыл глаза. Вокруг меня, искрясь легким фосфорическим светом, шумели, пенясь гребнями, мелкие волны. «Испаньола», за которой меня несло в нескольких ярдах, тоже, казалось, изменила свой курс. Я смутно видел ее мачты в темном небе. Да, чем больше я взглядывался, тем тверже убеждался, что ее теперь несет к югу.

Я обернулся, и сердце мое чуть не разорвалось от страха: костер горел теперь как раз у меня за спиной. Значит, течение круто повернуло вправо, увлекая за собой и высокую шхуну и мой легкий, танцующий челнок. Бурный поток, шумя все громче, поднимая все более высокую рябь, тащил нас через узкий пролив в открытое море.

Внезапно шхуна сделала еще один поворот, на двадцать градусов по крайней мере, и в то же мгновение я услышал сначала один крик, потом другой. Раздался топот ног по трапу, и я понял, что пьяные перестали драться. Беда пропрезвила обоих.

Я лег на дно моей жалкой ладьи и отдался на произвол судьбы. Выйдя из пролива, мы попадем в неистовые буруны, которые живо избавят меня от всех хлопот. Смерти я не боялся, но было мучительно лежать в бездействии и ждать, когда она наступит.

Так пролежал я несколько часов. Волны швыряли меня и обдавали брызгами. Каждая новая волна грозила мне верной смертью. Но мало-помалу мной овладела усталость. Несмотря на весь ужас моего положения, я оцепенел и впал в забытье. Когда я заснул, мне приснились родные места и старый «Адмирал Бенбоу».

Глава XXIV

В челноке

Когда я проснулся, было уже совсем светло. Я увидел, что меня несет вдоль юго-западного берега Острова Сокровищ. Солнце уже взошло, но его заслоняла громада Подзорной

Трубы, спускавшаяся к морю неприступными скалами.

Буксирная Голова и холм Бизань-мачты находились у меня под боком. Холм был гол и темен, а Голову окружали утесы в сорок — пятьдесят футов высотой и груды опрокинутых скал. От меня до острова было не больше четверти мили. Я решил взять весло и гребти к берегу.

Однако я скоро принужден был отказаться от этого намерения: между опрокинутыми скалами бесновались и ревели буруны. Огромные волны одна за другой взвивались вверх с грохотом, в брызгах и в пене. Я видел, что, приблизившись к берегу, я либо погибну в этих волнах, либо понапрасну истрачу силы, пытаясь взобраться на неприступные скалы.

Но не только это пугало меня. На плоских, как столы, скалах ползали какие-то громадные скользкие чудовища, какие-то слизняки невероятных размеров. Изредка они с шумом прыгали в воду и ныряли. Их было несколько дюжин. Они лаяли, и оглушительное эхо утесов вторило их дикому лаю.

Впоследствии я узнал, что это были морские львы, вполне безобидные животные. Но вид у них был страшный, берег был неприступный, прибой с неистовой силой разбивался о скалы, и у меня пропала всякая охота плыть к острову. Уж лучше умереть с голоду в открытом море, чем встретиться лицом к лицу с такими опасностями.

Тем временем мне представилась другая возможность спастись. К северу от Буксирной Головы была обнажавшаяся во время отлива длинная желтая песчаная отмель. А еще севернее был другой мыс — тот самый, который на нашей карте был обозначен под названием Лесистого мыса. Он весь зарос громадными зелеными соснами, спускавшимися до самой воды.

Я вспомнил слова Сильвера о том, что вдоль всего западного берега Острова Сокровищ есть течение, которое направляется к северу. Я понял, что оно уже подхватило меня, и решил, миновав Буксирную Голову, не тратить понапрасну сил и попытаться пристать к Лесистому мысу, который казался мне гораздо приветливее.

В море была крупная зыбь. С юга дул упорный ласковый ветер, помогавший мне плыть по течению. Волны равномерно поднимались и опускались.

Если бы ветер был порывистый, я бы давно потонул. Но и при ровном ветре можно было только удивляться, как ловок мой крохотный, легкий членок. Лежа на дне и поглядывая по сторонам, я не раз видел голубую вершину громадной волны у себя над головой. Вот она обрушится на меня... Но мой членок, под-

прыгнув, как на пружинах, слегка пританцовывая, взлетал на гребень и плавно опускался, словно птица.

Мало-помалу я до того осмелел, что даже попробовал было гребсти. Но малейшее нарушение равновесия сейчас же сказывалось на поведении моего членока. Едва только я пошевелился, как он изменил свою плавную поступь, стремительно слетел с гребня в водяную яму, так что у меня закружилась голова, и, подняв сноп брызг, зарылся носом в следующую волну.

Перепуганный, мокрый, я опять лег на дно. Членок, казалось, сразу опомнился и с прежней осторожностью понес меня дальше меж волн.

Мне было ясно, что гребсти нельзя. Но каким же образом добраться до берега?

Я струсил, но не потерял головы. Прежде всего стал осторожно вычерпывать своей матросской шапкой воду, затем, наблюдая за ходом членока, я постарался понять, отчего он так легко скользит по волнам. Я заметил, что каждая волна, представлявшаяся с берега или с борта корабля огромной ровной и гладкой горой, в действительности скорее похожа на цепь неровных холмов с остроконечными вершинами, со склонами и долинами. Членок, предоставленный самому себе, ловко лавировал, всякий раз выбирая долины, избегая крутых склонов и высоких вершин.

«Отлично,— решил я.— Главное — лежать смирно и не нарушать равновесия. Но при случае, в ровных местах, можно изредка подграсти к берегу».

Так я и сделал. Лежа на локтях в самом неудобном положении, я по временам взмахивал веслом и направлял членок к острову.

Это была нудная, медлительная работа, и все же я достиг некоторого успеха. Однако, поравнявшись с Лесистым мысом, я понял, что неминуемо пронесусь мимо, хотя действительно берег был теперь от меня всего в нескольких сотнях ярдов. Я видел прохладные зеленые вершины деревьев. Их раскачивал бриз. Я был уверен, что следующего мыса не пропущу.

Время шло, и меня начала мучить жажда. Солнце сияло с ослепительной яркостью, тысячекратно отраженное в волнах. Морская вода высыхала у меня на лице, и даже губы мои покрылись слоем соли. Горло у меня пересохло, голова болела. Деревья были так близко, так манили меня своей тенью! Но течение стремительно пронесло меня мимо мыса. И то, что я увидел, снова оказавшись в открытом море, изменило все мои планы.

Прямо перед собой, на расстоянии полукилометра, а то и меньше, я увидел «Испаньолу», плывшую под всеми парусами. Несомненно, меня увидят и подберут. Жажда так мучила меня, что я даже не знал, радоваться этому или бояться. Но долго раздумывать мне не пришлось, так как меня вскоре охватило чувство изумления: «Испаньола» шла под гротом¹ и двумя кливерами². Ее необыкновенной красоты снежно-белые паруса ослепительно серебрились на солнце. Когда я впервые увидел ее, все паруса ее были надуты. Она держала курс на северо-запад. Я подумал, что люди у нее на борту решили обойти остров кругом и вернуться к месту прежней стоянки. Затем она все больше и больше стала отклоняться к западу, и мне пришло в голову, что я уже замечен и что меня хотят подобрать. Но вдруг она повернулась прямо против ветра и беспомощно остановилась с повисшими парусами.

«Экие медведи! — сказал я себе. — Напились, должно быть, до бесчувствия».

Хорошо бы влетело им от капитана Смоллетта за такое управление судном!

Тем временем шхуна, переходя с галса на галс, сделала полный круг, поплыла быстрым ходом одну-две минуты, снова уставилась носом против ветра и снова остановилась. Так повторялось несколько раз. «Испаньола» плыла то на север, то на юг, то на восток, то на запад, хлопая парусами и беспрерывно возвращаясь к тому курсу, который только что оставила. Мне стало ясно, что кораблем никто не управляет. Куда же девались люди? Они либо мертвецы пьяны, либо покинули судно. Если я попаду на борт, мне, быть может, удастся вернуть корабль его капитану.

Течение увлекало челнок и шхуну с одинаковой скоростью, но шхуна так часто меняла галсы, так часто останавливалась, что почти не двигалась вперед. Если бы только я мог усесться в челноке и начать грести, я, несомненно, догнал бы ее. И вдруг мне действительно захотелось догнать ее. Жажда новых приключений охватила меня, а мысль о пресной воде удвоила мою безумную решимость.

Я поднялся, и меня сейчас же с ног до головы обдало волной. Но теперь это меня не устрашило. Я сел и, собрав все силы, осторожно принял грести. Я пустился вдогонку за не управляемой никем «Испаньолой». Один раз волны так швырнули меня, что сердце у меня трепыхнулось, как птица. Я остановился

¹ Грот — нижний парус на грот-мачте.

² Кливер — косой парус перед фок-мачтой.

и стал вычерпывать воду. Скоро, однако, я немного привык к челноку и стал так осторожно направлять его среди бушующих волн, что только изредка мелкие клочья пены били меня по лицу.

Расстояние между мной и шхуной быстро уменьшалось. Я уже мог разглядеть поблескивающую при поворотах медь румпеля¹. На палубе не было ни души. Разбойники, вероятно, сбежали. А если не сбежали, значит, они лежат мертвейки пьяные в кубрике. Там я их запру и буду делать с кораблем все, что задумаю.

Наконец мне посчастливилось: ветер на несколько мгновений утих. Повинуясь течению, «Испаньола» медленно повернулась вокруг своей оси. Я увидел ее корму. Иллюминатор каюты был открыт. Над столом я увидел горящую лампу, хотя уже давным-давно наступил день. Грат повис, как флаг. Шхуна замедлила ход, так как двигалась лишь по течению. Я несколько отстал от нее, но теперь, удвоив усилия, мог снова догнать ее.

Я был от нее уже в каких-нибудь ста ярдах, когда ветер снова надул ее паруса. Она повернула на левый галс и опять, скользя, понеслась по волнам, как ласточка.

Сперва я пришел в отчаяние, потом обрадовался. Шхуна описала круг и поплыла прямо на меня. Вот она покрыла половину, потом две трети, потом три четверти расстояния, которое нас разделяло. Я видел, как пенились волны под ее форштевнем². Из моего крохотного челночка она казалась мне громадной.

Вдруг я понял, какая опасность мне угрожает. Шхуна быстро приближалась ко мне. Времени для размышления у меня не оставалось. Нужно было попытаться спастись. Я находился на вершине волны, когда нос шхуны прорезал соседнюю. Бушприт навис у меня над головой. Я вскочил на ноги и подпрыгнул, погрузив челнок в воду. Рукой я ухватился за утлегарь³, а нога моя попала между щтагом⁴ и брасом⁵. Замирая от ужаса, я повис в воздухе. Легкий толчок снизу дал мне понять, что шхуна потопила мой челнок и что уйти с «Испаньолы» мне уже никак невозможно.

¹ Румпель — рычаг для управления рулем.

² Форштевень — носовая оконечность судна, продолжение киля.

³ Утлегарь — продолжение бушприта.

⁴ Штаг — снасть, поддерживающая мачту.

⁵ Брас — снасть, служащая для поворота реи.

Я спускаю «Веселого Роджера»

Едва я взобрался на бушприт, как полошущийся кливер, щелкнув оглушительно, словно пушечный выстрел, надулся и повернулся на другой галс. Шхуна дрогнула до самого киля. Но через мгновение, хотя остальные паруса все еще были надуты, кливер снова щелкнул и повис.

От неожиданного толчка я чуть не слетел в воду. Не теряя времени, я пополз по бушприту и свалился головой вниз на палубу. Я оказался на подветренной стороне бака. Грохот скрывал от меня часть кормы. Я не видел ни одной живой души. Палуба, не мытая со дня мятежа, была загажена следами грязных ног. Пустая бутылка с отбитым горлышком каталась взад и вперед.

Внезапно «Испаньола» опять пошла по ветру. Кливера громко щелкнули у меня за спиной. Руль сделал поворот, и корабль содрогнулся. В то же мгновение грота-гик¹ откинулся в сторону, шкот² заскрипел о блоки, и я увидел корму.

На корме были оба пирата. «Красный колпак» неподвижно лежал на спине. Руки его были раскинуты, как у распятого, зубы оскалены. Израэль Хендс сидел у фальшборта³, опустив голову на грудь. Руки его беспомощно висели; лицо, несмотря на загар, было бело, как сальная свечка.

Корабль вставал на дыбы, словно взбешенный конь. Паруса надувались, переходя с галса на галс, гики двигались с такой силой, что мачта громко стонала. Время от времени нос врезался в волну, и тогда тучи легких брызг взлетали над фальшбортом. Мой самодельный вертлявый членок, теперь погибший, гораздо лучшеправлялся с волнами, чем этот большой, оснащенный корабль.

При каждом прыжке шхуны разбойник в красном колпаке подскакивал. Но, к ужасу моему, выражение его лица не менялось — по-прежнему он усмехался, скаля зубы. А Хендс при каждом толчке скользил все дальше и дальше к корме. Мало-помалу докатился он до борта, и нога его повисла над водой. Я видел только одно его ухо и клок курчавых бакенбард.

Тут я заметил, что возле них на досках палубы темнеют

¹ Гик — горизонтальный шест, по которому натягивается нижняя кромка паруса; в данном случае — грота.

² Шкот — снасть для управления нижним концом паруса.

³ Фальшборт — продолжение борта выше палубы.

полосы крови, и решил, что во время пьяной схватки они закололи друг друга.

И вдруг, когда корабль на несколько мгновений остановился, Израэль Хендс с легким стоном продвинулся на свое прежнее место. Этот страдальческий стон, свидетельствовавший о крайней усталости, и его отвисшая нижняя челюсть разжалобили меня на мгновение. Но я вспомнил разговор, который подслушал, сидя в бочке из под яблок, и жалость моя тотчас же прошла.

Я подошел к гроб-мачте.

— Вот я опять на шхуне, мистер Хендс,— проговорил я насмешливо.

Он с трудом поднял на меня глаза, но даже не выразил удивления — до такой степени был пьян. Он произнес только одно слово:

— Бренді!¹

Я понял, что времени терять нельзя. Проколзнув под гробом, загородившим палубу, я по трапу сбежал в каюту.

Трудно себе представить, какой там был разгром. Замки у всех ящиков были сломаны. Разбойники, вероятно, искали карту. Пол был покрыт слоем грязи, которую разбойники нанесли на подошвах из того болотистого места, где они пьянистовали. На перегородках, выкрашенных белой краской и украшенных золотым багетом, остались следы грязных пальцев. Десятки пустых бутылок, повинуясь качке, со звоном перекатывались из угла в угол. Одна из медицинских книг доктора лежала раскрытая на столе. В ней не хватало доброй половины листов; вероятно, они были вырваны для раскуривания трубок. Посреди всего этого безобразия по-прежнему чадила тусклая лампа.

Я заглянул в погреб. Бочонков не было; невероятное количество опорожненных бутылок валялось на полу. Я понял, что все пираты с самого начала мятежа не пропретрелись ни разу.

Пошарив, я все-таки нашел одну недопитую бутылку бренди для Хендса. Для себя я взял немного сухарей, немного сушеных фруктов, полную горсть изюму и кусок сыра.

Поднявшись на палубу, я сложил все это возле руля, подальше от боцмана, чтобы он не мог достать. Я вдоволь напился воды из анкерка² и только затем протянул Хендсу бутылку. Он выпил не меньше половины и лишь тогда оторвал горлышко бутылки от рта.

¹ Бренді — английская водка.

² Анкерок — бочонок с водой.

— Клянусь громом,— сказал он,— это-то мне и было нужно!

Я уселся в угол и стал есть.

— Сильно ранены? — спросил я его.

Он сказал каким-то лающим голосом:

— Будь здесь доктор, я бы живо поправился. Но, сам видишь, мне не везет... А эта крыса померла,— прибавил он, кивнув в сторону человека в красном колпаке.— Плохой был моряк... А ты откуда взялся?

— Я прибыл сюда, чтобы командовать этим кораблем, мистер Хендс,— сказал я.— Впредь до следующего распоряжения считайте меня своим капитаном.

Он угрюмо посмотрел на меня, но ничего не сказал. Щеки у него слегка порозовели, однако вид был болезненный, и при каждом толчке корабля он валился на бок.

— Между прочим,— продолжал я,— мне не нравится этот флаг, мистер Хендс. Если позволите, я спущу его. Лучше совсем без флага, чем с этим.

Я подбежал к мачте, опять уклоняясь от гика, дернул соответствующую веревку и, спустив проклятый черный флаг, швырнул его за борт, в море.

— Боже, храни короля! Долой капитана Сильвера! — крикнул я, размахивая шапкой.

Он внимательно наблюдал за мной, не поднимая головы, и на его лице было выражение лукавства.

— Я полагаю...— сказал он наконец,— я полагаю, капитан Хокинс, что вы были бы не прочь высадиться на берег. Давайте поговорим об этом.

— Отчего же,— сказал я,— с большим удовольствием, мистер Хендс. Продолжайте.— И я опять вернулся к еде и стал уничтожать ее с большим аппетитом.

— Этот человек...— начал он, слабо кивнув в сторону трупа.— Его звали О'Брайен... ирландец... Мы с ним поставили паруса и хотели вернуться в бухту. Но он умер и смердит, как гнилая вода в трюме. Не знаю, кто теперь будет управлять кораблем. Без моих указаний тебе с этой шхуной не справиться. Послушай, дай мне поесть и попить, перевяжи рану старым шарфом или платком, и за это я покажу тебе, как управлять кораблем. Согласен?

— Только имейте в виду,— сказал я,— на стоянку капитана Кидда я возвращаться не собираюсь. Я хочу ввести корабль в Северную стоянку и там спокойно пристать к берегу.

— Ладно! — воскликнул он.— Разве я такой идиот? Разве я не понимаю? Отлично понимаю, что я сделал свой ход и про-

играл, промахнулся и что выигрыш твой. Ну что же? Ты хочешь в Северную стоянку? Изволь. У меня ведь выбора нет. Клянусь громом, я помогу тебе вести корабль хоть к самому помосту моей виселицы.

Его слова показались мне не лишенными смысла. Мы заключили сделку. Через три минуты «Испаньола» уже шла по ветру вдоль берега Острова Сокровищ. Я надеялся обогнать Северный мыс еще до полудня, чтобы войти в Северную стоянку до прилива. Тогда мы, ничем не рискуя, подведем «Испаньолу» к берегу, дождемся спада воды и высадимся.

Я укрепил румпель, сошел вниз, разыскал свой собственный сундучок и достал из него мягкий шелковый носовой платок, подаренный мне матерью. С моей помощью Хендс перевязал этим платком глубокую колотую кровоточащую рану в бедре. Немного закусив и хлебнув два-три глотка бренди, он заметно приободрился, сел прямее, стал говорить громче и отчетливее, сделался другим человеком.

Дул попутный бриз. Корабль несся, как птица. Мелькали берега. Вид их менялся с каждой минутой. Высокая часть острова осталась позади. Мы мчались вдоль низкого песчаного берега, усеянного редкими карликовыми соснами. Но кончилась и она. Мы обогнули скалистый холм — самый северный край острова.

Мне нравилось управлять кораблем. Я наслаждался прекрасной солнечной погодой и живописными берегами. Еды и питья было у меня вдоволь, совесть больше не укоряла меня за то, что я дезертировал из крепости, потому что я одержал такую большую победу. Я был бы всем доволен, если бы не глаза боцмана. Он с самым издевательским видом неотступно следил за мной, и на лице его время от времени появлялась странная улыбка. В этой улыбке было что-то бессильное и страдальческое — мрачная улыбка старика. И в то же время было в ней что-то насмешливое, что-то предательское. Я работал, а он ухмылялся лукаво и следил, следил, следил за мной.

Глава XXVI

Израэль Хендс

Ветер, как бы стараясь нам угодить, из южного превратился в западный. Мы без всяких затруднений прошли от северо-восточной оконечности острова до входа в Северную стоянку. Однако мы боялись войти в бухту, прежде чем прилив подни-

мется выше, так как у нас не было якоря. Нужно было ждать. Боцман учил меня, как положить корабль в дрейф, и скоро я сделал большие успехи. Потом мы оба молча уселись и принялись есть.

— Капитан,— сказал он наконец все с той же недобrou усмешкой,— здесь валяется мой старый товарищ О'Брайен. Не выбросишь ли ты его за борт? Я человек не слишком щепетильный и не чувствую угрызений совести, что отправил его на тот свет. Но, по-моему, он мало украшает наш корабль. А, как по-твоему?

— У меня не хватит силы. Да, кроме того, такая работа мне не по вкусу. По-моему, пускай лежит,— сказал я.

— Что за несчастный корабль эта «Испаньола», Джим! — продолжал он, подмигнув.— Сколько людей убито на этой «Испаньоле» и сколько бедных моряков погибло с тех пор, как мы с тобой покинули Бристоль! Никогда я не видел такого неудачного плавания. Вот и О'Брайен умер — ведь он и взаправду умер? Я человек неученый, а ты умеешь читать и считать. Скажи мне без обиняков, напрямик: мертвый так и останется мертвым или когда-нибудь воскреснет?

— Вы можете убить тело, мистер Хендс, но не дух,— сказал я.— Знайте: О'Брайен сейчас жив и следит за нами с того света.

— Ax! — сказал он.— Как это обидно! Значит, я только даром потратил время. А впрочем, духи, по-моему, большого вреда принести не могут. Я не боюсь духов, Джим. Слушай, я хочу попросить тебя спуститься в каюту и принести мне... черт подери, я забыл, что мне нужно... да, принеси мне бутылочку вина, Джим. Это бренди слишком крепко для меня.

Колебания боцмана показались мне подозрительными, и, признаться, я не поверил, что вино нравится ему больше, чем бренди. Все это только предлог. Дело ясное: он хочет, чтобы я ушел с палубы. Но зачем ему это нужно? Он избегает смотреть мне в глаза. Взор его все время блуждает по сторонам: то он поглядит на небо, то на мертвого О'Брайена. Он все время улыбается, даже кончик языка изо рта высовывает от избытка хитрости. Тут и младенец догадался бы, что он что-то замышляет. Однако я и вида не подал, что я хоть что-нибудь подозреваю.

— Вина? — спросил я.— Отлично. Но какого — белого или красного?

— Все равно, приятель,— ответил он.— Лишь бы покрепче да побольше.

— Хорошо... Я принесу вам портвейну, мистер Хендс. Но придется его поискать.

Я сбежал вниз, стараясь стучать башмаками как можно громче. Потом снял башмаки, бесшумно прокрался по запасному коридору в кубрик, там поднялся по трапу и тихонько высунул голову из переднего сходного тамбура. Хендс никогда не догадался бы, что я наблюдала за ним. И все же я принял все меры, чтобы не привлечь к себе его внимания. И с первого же взгляда убедился, что самые худшие мои подозрения были вполне справедливы.

Он поднялся на четвереньки и довольно проворно пополз по палубе, хотя его раненая нога, очевидно, сильно болела, так как при каждом движении он приглушенно стонал. В полминуты дополз он до водосточного желоба, у которого лежал корабельный канат, сложенный кольцом, и вытащил оттуда длинный нож, или, вернее, короткий кинжал, по самую рукоятку окрашенный кровью. Он осмотрел его, выпятив нижнюю челюсть, потрогал рукой острие и, стремительно сунув его себе за пазуху, пополз обратно на прежнее место у фальшборта.

Я узнал все, что мне было нужно. Израэль может двигаться, он вооружен. Раз он старался спровадить меня с палубы, значит, именно я буду его жертвой. Что он собирался делать после моей смерти — тащиться ли через весь остров от Северной стоянки к лагерю пиратов на болоте или палить из пушки, призывая товарищей на помощь,— этого, конечно, я не знал.

Я мог доверять Хендсу в том, в чем наши интересы совпадали: мы оба хотели привести шхуну в безопасное место, откуда ее можно было бы вывести без особого труда и риска. Пока это еще не сделано, жизнь моя в безопасности. Размышляя, я не терял времени: прокрался назад в каюту, надел башмаки, схватил бутылку вина и вернулся на палубу.

Хендс лежал в том самом положении, в каком я его оставил, словно тюк. Глаза его были прищурены, будто он был так слаб, что не мог выносить слишком яркого света. Он поглядел на меня, привычным жестом отбил горлышко бутылки и разом выпил ее почти до дна, сказав, как обычно говорится:

— За твое здоровье!

Потом, передохнув, достал из кармана плитку жевательного табаку и попросил меня отрезать небольшую частицу.

— Будь добр, отрежь,— сказал он,— а то у меня нет ножа, да и сил не хватит. Ах, Джим, Джим, я совсем развалился! Отрежь мне кусочек. Это последняя порция, которую мне доведется пожевать в моей жизни. Долго я не протяну. Скоро, скоро мне быть на том свете...

— Ладно,— сказал я.— Отрежу. Но на вашем месте... чувствуя себя так плохо, я постарался бы покаяться перед смертью.

— Покаяться? — спросил он. — В чем?

— Как — в чем? — воскликнул я. — Вы не знаете, в чем вам каяться? Вы изменили своему долгу. Вы всю жизнь прожили в грехе, во лжи и в крови. Вон у ног ваших лежит человек, только что убитый вами. И вы спрашиваете меня, в чем вам каяться! Вот в чем, мистер Хендс!

Я говорил горячее, чем следовало, так как думал о кровавом кинжале, спрятанном у него за пазухой, и о том, что он задумал убить меня. А он выпил слишком много вина и потому отвечал мне с необыкновенной торжественностью.

— Тридцать лет я плавал по морям, — сказал он. — Видел и плохое и хорошее, и штили и штормы, и голод, и поножовщину, и мало ли что еще, но поверь мне: ни разу не видел я, чтобы добродетель приносила человеку хоть какую-нибудь пользу. Прав тот, кто ударит первый. Мертвые не кусаются. Вот и вся моя вера. Аминь!.. Послушай, — сказал он вдруг совсем другим голосом, — довольно болтать чепуху. Прилив поднялся уже высоко. Слушай мою команду, капитан Хокинс, и мы с тобой поставим шхуну в бухту.

Действительно, нам оставалось пройти не больше двух миль. Но плавание было трудное. Вход в Северную стоянку оказался не только узким и мелководным, но и очень извилистым. Понадобилось все наше внимание и умение. Но я был толковый исполнитель, а Хендс — превосходный командир. Мы так искусно лавировали, так ловко обходили все мели, что любо было смотреть.

Как только мы миновали оба мыса, нас со всех сторон окружила земля. Берега Северной стоянки так же густо заросли лесом, как берега Южной. Но сама бухта была длиннее, уже и, по правде говоря, скорее напоминала устье реки, чем бухту. Прямо перед нами в южном углу мы увидели полусгнивший остов разбитого корабля. Это было большое трехмачтовое судно. Оно так долгоостояло здесь, что водоросли облепили его со всех сторон. На палубе рос кустарник, густо усеянный яркими цветами. Зрелище было печальное, но оно доказало нам, что эта бухта вполне пригодна для нашей стоянки.

— Погляди, — сказал Хендс, — вон хорошее местечко, чтобы причалить к берегу. Чистый, гладкий песок, никогда никаких волн, кругом лес, цветы цветут на том корабле, как в саду.

— А шхуна не застрянет на мели, если мы причалим к берегу? — спросил я.

— С мели ее нетрудно будет снять, — ответил он. — Во время отлива протяни канат на тот берег, оберни его вокруг одной из тех больших сосен, конец тащи сюда назад и намотай на шпиль.

Потом жди прилива. Когда придет прилив, прикажи всей команде разом ухватиться за канат и тянуть. И шхуна сама сойдет с мели, как молодая красавица. А теперь, сынок, не зевай. Мы возле самой мели, а шхуна идет прямо на нее. Правее немногого... так... прямо... правей... чуть-чуть левей... прямо... прямо!..

Он отдавал приказания, которые я торопливо и четко исполнял. Внезапно он крикнул:

— Правь к ветру, друг сердечный!

Я изо всей силы налег на руль. «Испаньола» круто повернулась и стремительно подошла к берегу, заросшему низким лесом.

Я был так увлечен всеми этими маневрами, что совсем позабыл о своем намерении внимательно следить за боцманом. Меня интересовало только одно: когда шхуна днищем коснется песка. Я забыл, какая мне угрожает опасность, и, перегнувшись через правый фальшборт, смотрел, как под носом пенится вода. И пропал бы я без всякой борьбы, если бы внезапное беспокойство не заставило меня обернуться. Быть может, я услышал щорох или краем глаза заметил движущуюся тень, быть может, во мне проснулся какой-то инстинкт, вроде кошачьего, но, обернувшись, я увидел Хендса. Он был уже совсем нёдалеко от меня с кинжалом в правой руке.

Наши взгляды встретились, и мы оба громко закричали. Я закричал от ужаса. Он, как разъяренный бык, заревел от ярости и кинулся вперед, на меня. Я отскочил к носу и выпустил из рук румпель, который сразу выпрямился. Этот румпель спас мне жизнь: он ударил Хендса в грудь, и Хендс упал.

Прежде чем Хендс успел встать на ноги, я выскочил из того угла, в который он меня загнал. Теперь в моем распоряжении была вся палуба, и я мог увертываться от него сколько угодно. Перед грот-мачтой я остановился, вынул из кармана пистолет, прицелился и нажал собачку. Хендс шел прямо на меня. Курок щелкнул, но выстrelа не последовало. Оказалось, что порох на затравке подмочен. Я проклял себя за свою небрежность. Почему я не перезарядил свое оружие? Ведь времени у меня было достаточно! Тогда я не стоял бы безоружный, как овца перед мясником.

Несмотря на свою рану, Хендс двигался удивительно быстро. Седоватые волосы упали на его красное от бешенства и усилий лицо. У меня не было времени доставать свой второй пистолет. Кроме того, я был уверен, что и тот подмочен, как этот. Одно было ясно: мне надо не прямо отступать, а увертываться от Хендса, а то он загонит меня на нос, как недавно загнал на

корму. Если это удастся ему, все девять или десять вершков окровавленного кинжала вонзятся в мое тело. Я обхватил руками грот-мачту, которая была достаточно толста, и ждал, напрягая каждый мускул.

Увидев, что я собираюсь увертываться, Хендс остановился. Несколько секунд он притворялся, что сейчас кинется на меня то справа, то слева. И я чуть-чуть поворачивался то влево, то вправо. Борьба была похожа на игру, в которую я столько раз играл дома среди скал близ бухты Черного Холма. Но, конечно, во время игры у меня сердце никогда не стучало так дико. И все же легче было играть в эту игру мальчишке, чем старому моряку с глубокой раной в бедре. Я несколько осмелел и стал даже раздумывать, чем кончится наша игра. «Конечно, — думал я, — я могу продержаться долго, но рано или поздно он все же прикончит меня...»

Пока мы стояли друг против друга, «Испаньола» внезапно врезалась в песок. От толчка она сильно накренилась на левый бок. Палуба встала под углом в сорок пять градусов, через желоба хлынул поток воды, образовав на палубе возле фальшборта широкую лужу.

Мы оба потеряли равновесие и покатились, почти обнявшись, прямо к желобам. Мертвец в красном колпаке, с раскинутыми, как прежде, руками, тяжело покатился туда же. Я с такой силой ударился головой о ногу боцмана, что зубы у меня лязгнули. Но, несмотря на ушиб, мне первому удалось вскочить — на Хендса навалился мертвец. Внезапный крен корабля сделал дальнейшую беготню по палубе невозможной. Нужно изобрести другой способ спасения, изобрести, не теряя ни секунды, потому что мой враг сейчас кинется на меня. Ванты бизань-мачты висели у меня над головой. Я уцепился за них, полез вверх и ни разу не перевел дыхания, пока не уселся на салинг¹.

Моя стремительность спасла меня: подо мной, на расстоянии полфута от моих ног, блеснул кинжал. Раздосадованный неудачей, Израэль Хендс смотрел на меня снизу с широко открытым от изумления ртом.

Я получил небольшую передышку. Не теряя времени, я вновь зарядил пистолет. Затем для большей верности я перезарядил и второй пистолет.

Хендс наблюдал за мной с бессильной злостью. Он начал понимать, что положение его значительно ухудшилось. После некоторого размышления он с трудом ухватился за ванты и,

¹ Салинг — верхняя перекладина на мачте, состоящей из двух частей.

держа кинжал в зубах, медленно пополз вверх, с громкими стонами волоча за собой раненую ногу. Я успел перезарядить оба пистолета, прежде чем он продвинулся на треть отделявшего нас расстояния. И тогда, держа по пистолету в руке, я заговорил с ним.

— Еще один шаг, мистер Хендс,— сказал я,— и я вышибу ваши мозги! Мертвые, как вам известно, не кусаются,— прибавил я, усмехаясь.

Он сразу остановился. По лицу его я заметил, что он что-то обдумывает. Но думал он так тяжело и так медленно, что я, радуясь своей безопасности, громко расхохотался. Наконец, несколько раз проглотив слону, он заговорил. На лице его по-прежнему было выражение полнейшей растерянности. Он вынул изо рта мешающий ему говорить нож, но с места не двинулся..

— Джим,— сказал он,— мы оба натворили много лишнего, и ты и я. И нам нужно заключить перемирие. Я бы прикончил тебя, если бы не этот толчок. Но мне никогда не везет, никогда! Делать нечего, мне, старому моряку, придется уступить тебе, корабельному юнге.

Я упивался его словами и радостно посмеивался, надувшись, словно петух, взлетевший на забор, но вдруг он взмахнул правой рукой. Что-то просвистело в воздухе, как стрела. Я почувствовал удар и резкую боль. Плечо мое было пригвождено к мачте. От ужасной боли и от неожиданности — не знаю, обдуманно или бессознательно,— я нажал оба курка. Мои пистолеты выстрелили и выпали у меня из рук. Но они упали не одни: с приглушенным криком боцман выпустил ванты и вниз головой полетел прямо в воду.

Глава XXVII

«Пиастры!»

Судно накренилось так сильно, что мачты повисли прямо над водой. Я сидел на салинге, как на насесте, и подо мной была вода залива. Хендс, взобравшийся не так высоко, как я, находился ближе к палубе и упал в воду между мной и фальшбортом. Всего один раз вынырнул он на поверхность в окровавленной пене и погрузился навеки. Когда вода успокоилась, я увидел его. Он лежал на чистом, светлом песке в тени судна. Две рыбки проплыли над его телом. Иногда благодаря колебанию воды

казалось, что он шевелится и пытается встать. Впрочем, он был вдвойне мертвецом: и прострелен пулей и захлебнулся в воде. Он стал пищей для рыб на том самом месте, где собирался прикончить меня.

Я чувствовал тошноту, головокружение, испуг. Горячие струйки крови текли у меня по спине и груди. Кинжал, пригвоздивший мое плечо к мачте, жег меня, как раскаленное железо. Но не боль страшила меня — такую боль я мог бы вынести без стона,— меня ужасала мысль, что я могу сорваться с салинга в эту спокойную зеленую воду, туда, где лежит мертвый боцман.

Я с такой силой обеими руками вцепился в салинг, что стало больно пальцам. Я закрыл глаза, чтобы не видеть опасности. Мало-помалу голова моя прояснилась, сердце стало биться спокойнее и ко мне вернулось самообладание.

Прежде всего я попытался вытащить кинжал. Однако, либо он слишком глубоко вонзился в мачту, либо нервы мои были слишком расстроены, но вытащить его мне никак не удавалось. Дрожь охватила меня. И, как ни странно, именно эта дрожь помогла мне. Кинжал задел меня только чуть-чуть, зацепив лишь клочок кожи, и, когда я задрожал, кожа порвалась. Кровь потекла сильнее прежнего, но зато я стал свободен. Впрочем, мой камзол и рубашка все еще были пригвождены к мачте.

Рванувшись, я освободился совсем. На палубу я вернулся по вантам правого борта. Никакая сила не заставила бы меня спуститься по тем самым вантам, с которых только что сорвался Израэль.

Я сошел в каюту и попытался перевязать себе рану. Она причиняла мне сильную боль. Кровь все еще текла. Но рана была не глубока и не опасна и не мешала мне двигать рукой. Я осмотрелся вокруг. Теперь корабль принадлежал мне одному, и я стал подумывать, как бы избавиться от последнего пассажира — от мертвого О'Брайена.

Я уже говорил, что он скатился к самому фальшборту. Он лежал там, как страшная, неуклюжая кукла. Огромная кукла, такого же роста, как живой человек, но лишенная всех красок и обаяния жизни. Справиться с ним мне было нетрудно — за время моих трагических приключений я уже привык к мертвецам и почти перестал их бояться. Я поднял его за пояс, как мешок с отрубями, и одним взмахом швырнул через борт. Он упал с громким всплеском. Красный колпак слетел у него с головы и поплыл. Когда муть, поднятая падением трупа, улеглась, я

отчетливо увидел их обоих: О'Брайена и Израэля. Они лежали рядом. Вода, двигаясь, покачивала их. О'Брайен, несмотря на свою молодость, был совершенно плешив. Он лежал, положив плешившую голову на колени своего убийцы. Быстрые рыбы проносились над ними обоями.

Я остался на корабле один. Только что начался отлив. Солнце стояло уже так низко, что тени сосен западного берега пересекли бухту и достигли палубы. Подул вечерний бриз, и, хотя с востока бухту защищал холм с двумя вершинами, снасти начали гудеть, а паруса — раскачиваться и хлопать.

Я увидел, что судну грозит опасность. Быстро свернул я кливера и опустил их на палубу. Но опустить грот было куда труднее. Когда шхуна накренилась, гик перекинулся за борт, и конец его с двумя-тремя футами паруса оказался даже под водой. От этого положение стало еще опаснее. Но задача была столь трудна, что я ни к чему не решился прикоснуться. Наконец я вынул нож и перерезал фалы¹. Гафель² сразу опустился, и большое брюхо повисшего паруса поплыло по водяной поверхности. Как я ни бился, я не мог ничего сделать с ниралом³. Это было выше моих сил. Ну что же, приходилось кинуть «Испаньолу» на произвол судьбы. Я ведь и сам кинут на произвол судьбы.

Тем временем бухту окутали сумерки. Последние солнечные лучи, пробившись через лесную прогалину, сияли на парусах корабля, как драгоценные камни на королевской мантии. Становилось холодно. Вода, увлекаемая отливом, уходила, и шхуна все больше ложилась на бок.

Я пробрался на нос и глянул вниз. Под носом было очень мелко, и я, на всякий случай обеими руками уцепившись за канат, осторожно перелез через борт. Вода едва доходила мне до пояса. Песок был плотный, изрытый волнами, и я бодро вышел на берег, оставив «Испаньолу» лежать на боку и полоскать свой парус в воде. Солнце зашло, и в соснах шумел ветер.

Итак, морские мои похождения кончились. И кончились несомненной удачей: шхуна вырвана из рук бандитов, и мы можем хоть сейчас отправиться на ней в океан. Я мечтал поскорее вернуться домой, в нашу крепость, и похвастать своими под-

¹ Фал — снасть, при помощи которой поднимаются паруса.

² Гафель — перекладина, к которой прикрепляется верхний край паруса.

³ Нирал — снасть для спуска парусов.

вигами. Вероятно, меня слегка пожурят за самовольную отлучку, но захват «Испаньолы» загладит все, и даже сам капитан Смоллетт должен будет признать мои заслуги.

Размышляя таким образом, в прекрасном состоянии духа я пустился в путь и направился к частоколу, за которым, как я полагал, меня поджидали друзья. Я хорошо помнил, что самая восточная из речушек, впадающих в бухту капитана Кидда, начинается у двуглавого холма. И я свернул налево, к этому холму, рассчитывая перейти речку в самом узком месте. Лес был довольно редкий. Шагая по косогору, я вскоре обогнул край холма и перешел речку вброд.

Это было как раз то место, где я встретил Бена Ганна. Я стал пробираться осторожнее, зорко посматривая по сторонам. Стало совсем темно. Пройдя через расселину между двумя вершинами холма, я увидел на небе колеблющийся отблеск костра. Я решил, что, вероятно, Бен Ганн готовит себе на пылающем костре ужин, и в глубине души подивился его неосторожности. Если этот отблеск вижу я, его может увидеть и Сильвер из своего лагеря на болоте.

Ночь становилась все темнее. Я с трудом находил дорогу. Двуглавый холм позади и вершина Подзорной Трубы справа служили мне единственными вехами, но очертания их все больше расплывались во мраке. Тускло мерцали редкие звезды. В темноте я натыкался на кусты и сваливался в песчаные ямы.

Вдруг стало немного светлее. Я глянул вверх. Бледное сияние озарило вершину Подзорной Трубы. Внизу, сквозь чащу деревьев, я увидел что-то большое, серебряное и понял, что это взошла луна.

Идти стало гораздо легче, и я ускорил шаги. По временам я даже бежал — так не терпелось мне поскорее добраться до частокола. Но, вступив в рощу, окружающую нашу крепость, я вспомнил об осторожности и пошел немного медленнее. Печально кончились бы мои похождения, если бы я, принятый по ошибке за врага, был застрелен своими друзьями.

Луна плыла все выше и выше. Все лесные полянки были залиты ее светом. Но прямо перед собой между деревьями я заметил какое-то сияние, совсем не похожее на лунное. Оно было горячее, краснее, а по временам как будто становилось темнее. Очевидно, это был костер, который дымился и покрывался золой.

Что же там такое, черт возьми?

Наконец я добрался до опушки. Западный край частокола был озарен луной. Весь остальной частокол и самый дом находились во мраке, кое-где прорезанном длинными серебристыми полосами. А за домом пыпал громадный костер. Его багряные отсветы ярко выделялись среди нежных и бледных отсветов луны. Нигде ни души. Ни звука. Только ветер шумит в ветвях.

Я остановился, удивленный и, пожалуй, немного испуганный. Мы никогда не разводили больших костров. По приказанию капитана мы всегда берегли топливо. И я стал опасаться, не случилось ли чего-нибудь с моими друзьями, пока меня не было здесь.

Я пробрался к восточному краю укрепления, все время держась в тени, и перелез через частокол в том месте, где темнота была гуще всего.

Чтобы не поднимать тревоги, я опустился на четвереньки и беззвучно пополз к углу дома. И вдруг облегченно вздохнул. Я терпеть не могу храпа; меня мучат люди, которые храпят во сне. Но на этот раз громкий и мирный храп моих друзей показался мне музыкой. Он успокоил меня, как успокаивает на море восхитительный ночной крик вахтенного: «Все в порядке!»

Одно мне было ясно: они спят без всякой охраны. Если бы вместо меня к ним подкрадывался сейчас Сильвер со своей шайкой, ни один из них не увидел бы рассвета. Вероятно, думал я, все это оттого, что капитан ранен. И опять я упрекнул себя за то, что покинул друзей в такой опасности, когда им некого даже поставить на страже.

Я подошел к двери и заглянул внутрь. Там было так темно, что я ничего не мог рассмотреть. Кроме храпа, слышался еще какой-то странный звук: не то хлопанье крыльев, не то постукивание. Вытянув вперед руки, я вошел в дом. «Я лягу на свое обычное место,— подумал я, улыбнувшись,— а утром потешусь, глядя на их удивленные лица».

Я споткнулся о чью-то ногу. Спящий перевернулся на другой бок, простонал, но не проснулся.

И тогда в темноте раздался внезапно резкий крик: «Пиастры! Пиастры! Пиастры! Пиастры!». И так дальше, без передышки, без всякого изменения голоса, как заведенные часы.

Это Капитан Флин, зеленый попугай Сильвера! Это он хлопал крыльями и стучал клювом, долбя обломок древесной коры. Вот кто охранял спящих лучше всякого часового, вот кто своим

однообразным, надоедливым криком возвестил о моем появлении!

У меня не было времени скрыться. Услышав резкий, звонкий крик попугая, спящие проснулись и вскочили. Я услышал голос Сильвера. Он выругался и закричал:

— Кто идет?

Я бросился бежать, но налетел на кого-то. Оттолкнув одного, я попал в руки другого. Тот крепко схватил меня.

— Ну-ка, Дик, принеси сюда факел,— сказал Сильвер.

Один разбойник выбежал из дома и вернулся с горящей головней.

ЧАСТЬ ШЕСТАЯ КАПИТАН СИЛЬВЕР

Глава XXVIII

В лагере врагов

Багровый свет головни озарил внутренность дома и подтвердил все самые худшие мои опасения. Пираты овладели блокгаузом и всеми нашими запасами. И бочонок с коньяком, и свинина, и мешки с сухарями находились на прежних местах. К ужасу моему, я не заметил ни одного пленника. Очевидно, все друзья мои погибли. Сердце мое сжалось от горя. Почему я не погиб вместе с ними!..

Только шестеро пиратов остались в живых, и они все были тут, предо мною. Пятеро, с красными опухшими лицами, пробудившись от пьяного сна, быстро вскочили на ноги. Шестой только приподнялся на локте. Он был мертвенно бледен. Голова его была перевязана окровавленной тряпкой. Значит, он ранен, и ранен недавно. Я вспомнил, что во время атаки мы подстрелили одного из пиратов, который затем скрылся в лесу. Вероятно, это он и был.

Попугай сидел на плече у Долговязого Джона и чистил клювом перья. Сам Сильвер был бледнее и угрюмее, чем прежде. На нем все еще красовался нарядный кафтан, в котором он приходил к нам для переговоров, но теперь кафтан этот был перепачкан глиной и изодран шипами колючих кустов.

— Эге,— сказал он,— да это Джим Хокинс, черт меня подери! Зашел в гости, а? Заходи, заходи, я всегда рад старому другу.

Он уселся на бочонок с бренди и стал набивать табаком свою трубку.

— Дай-ка мне огонька, Дик,— попросил он. И, закурив, добавил: — Спасибо, друг. Можешь положить головню. А вы, джентльмены, ложитесь, не стесняйтесь. Вы вовсе не обязаны стоять перед мистером Хокинсом навытяжку. Уж он извинит нас, накажи меня бог! Итак, Джим,— продолжал он затянувшись,— ты здесь. Какой приятный сюрприз для бедного старого Джона! Я с первого взгляда увидел, что ты ловкий малый, но теперь я вижу, что ты прямо герой.

Разумеется, я ни слова не сказал в ответ. Они поставили меня у самой стены, и я стоял прямо, стараясь как можно спокойнее глядеть Сильверу в лицо. Но в сердце моем было отчаяние.

Сильвер невозмутимо затянулся раза два и заговорил снова.

— Раз уж ты забрел к нам в гости, Джим,— сказал он,— я расскажу тебе все, что у меня на уме. Ты мне всегда был по сердцу, потому что у тебя голова на плечах. Глядя на тебя, я вспоминаю то время, когда и я был такой же молодой и красивый. Я всегда хотел, чтобы ты присоединился к нам, получил свою долю сокровищ и умер в роскоши, богатым джентльменом. И вот, сынок, ты пришел наконец. Капитан Смоллэйт хороший моряк; я это всегда утверждал, но уж очень требователен насчет дисциплины. Долг прежде всего, говорит он,— и совершенно прав. А ты убежал от него, ты бросил своего капитана. Даже доктор недоволен тобой. «Неблагодарный негодяй» — называл он тебя. Словом, к своим тебе уже нельзя воротиться, они тебя не желают принять. И если ты не хочешь создавать третью команду, тебе придется присоединиться к капитану Сильверу.

Ну, не так еще плохо: значит, мои друзья живы. И хотя я готов был поверить утверждению Сильвера, что они сердиты на меня за мое дезертирство, я очень обрадовался.

— Я уж не говорю о том, что ты в нашей власти,— продолжал Сильвер,— ты сам это видишь. Я люблю разумные доводы. Я никогда не видел никакой пользы в угрозах. Если тебе нравится служба у нас, становись в наши ряды добровольно. Но если не нравится, Джим, ты можешь свободно сказать: нет. Свободно, ничего не боясь. Видишь, я говорю с тобой начистоту, без всякой хитрости.

— Вы хотите, чтобы я отвечал? — спросил я дрожащим голосом.

В его насмешливой болтовне я чувствовал смертельную угрозу. Щеки мои пылали, сердце отчаянно колотилось.

— Никто тебя не принуждает, дружок,— сказал Сильвер.— Обдумай хорошенько. Торопиться нам некуда: ведь в твоем обществе никогда не соскучишься.

— Ну что ж,— сказал я, несколько осмелев,— раз вы хотите, чтобы я решил, на чью сторону мне перейти, вы должны объяснить мне, что тут у вас происходит. Почему вы здесь и где мои друзья?

— Что происходит? — угрюмо повторил один из пиратов.— Много бы я дал, чтобы понять, что тут у нас происходит.

— Заткнись, пока тебя не спрашивают! — сердито оборвал его Сильвер и затем с прежней учтивостью снова обратился ко мне.— Вчера утром, мистер Хокинс,— сказал он,— к нам явился доктор Ливси с белым флагом. «Вы остались на мели, капитан Сильвер,— сказал он,— корабль ушел». Пока мы пили ром и пели песни, мы прозевали корабль. Я этого не отрицаю. Никто из нас не глядел за кораблем. Мы выбежали на берег, и, клянусь громом, наш старый корабль исчез. Мы просто чуть не повалились на месте. «Что ж,— сказал доктор,— давайте заключать договор». Мы заключили договор — я да он,— и вот мы получили ваши припасы, ваше бренди, вашу крепость, ваши дрова, которые вы так предусмотрительно нарубили, всю, так сказать, вашу лодку, от салинга до кильсона¹. А сами они ушли. И где они теперь, я не знаю.

Он снова спокойно затянулся.

— А если ты думаешь, что тебя включили в договор,— продолжал он,— так вот последние слова доктора. «Сколько вас осталось?» — спросил я. «Четверо,— ответил он.— Четверо, и один из них раненый. А где этот проклятый мальчишка, не знаю и знать не желаю,— сказал он.— Нам противно о нем вспоминать». Вот его собственные слова.

— Это все? — спросил я.

— Все, что тебе следует знать, сынок,— ответил Сильвер.

— А теперь я должен выбирать?

— Да, теперь ты должен выбирать,— сказал Сильвер.

— Ладно,— сказал я.— Я не так глуп и знаю, на что иду. Делайте со мной, что хотите, мне все равно. С тех пор как я встретился с вами, я привык смотреть смерти в лицо. Но прежде я хочу вам кое о чем рассказать,— продолжал я, все больше волнуясь.— Положение ваше скверное: корабль вы потеряли, сокровища вы потеряли, людей своих потеряли. Ваше дело прощее. И если вы хотите знать, кто виноват во всем этом, знайте: виноват я, и больше никто. Я сидел в бочке из-под яблок в ту ночь, когда мы подплывали к острову, и я слышал все, что говорил Хендс, который теперь на дне моря. И все, что я под-

¹ Кильсон — брус на дне корабля, идущий параллельно килю.

слушал, я в тот же час рассказал. Это я перерезал у шхуны якорный канат, это я убил людей, которых вы оставили на борту; это я отвел шхуну в такое потайное место, где вы никогда не найдете ее. Вы в дураках, а не я, и я боюсь вас не больше, чем мухи. Можете убить меня или пощадить, как вам угодно. Но я скажу еще кое-что, и хватит. Если вы пощадите меня, я забуду все прошлое, и когда вас будут судить за пиратство, попытаюсь спасти вас от петли. Теперь ваш черед выбирать. Моя смерть не принесет вам никакой пользы. Если же вы оставите меня в живых, я постараюсь, чтобы вы не попали на виселицу.

Я умолк. Я задыхался. К моему изумлению, никто из них даже не двинулся с места. Они глядели на меня, как овцы. Не дождавшись ответа, я продолжал:

— Мне сдается, мистер Сильвер, что вы здесь самый лучший человек. И если мне доведется погибнуть, расскажите доктору, что я умер не бесславно смертью.

— Буду иметь это в виду,— сказал Сильвер таким странным тоном, что я не мог понять, насмехается он надо мной или ему пришло по душе мое мужество.

— Не забудьте...— крикнул старый моряк с темным от загара лицом, по имени Морган, тот самый, которого я видел в таверне Долговязого Джона в Бристольском порту,— не забудьте, что это он узнал тогда Черного Пса!

— Это еще не все,— добавил Сильвер.— Он, клянусь громом, тот самый мальчишка, который вытащил карту из сундука Билли Бонса. Наконец-то Джим Хокинс попал нам в руки!

— Пустить ему кровь! — крикнул Морган и выругался.

И, выхватив нож, он вскочил с такой легкостью, будто ему было двадцать лет.

— На место! — крикнул Сильвер.— Кто ты такой, Том Морган? Быть может, ты думаешь, что ты здесь капитан? Клянусь, я научу тебя слушаться. Только посмей мне перечить! За последние тридцать лет всякий, кто становился у меня на дороге, попадал либо на рею, либо за борт, рыбам на закуску. Да! Запомни, Том Морган: не было еще человека, который остался бы жить на земле после того, как не поладил со мной.

Том замолк, но остальные продолжали ворчать.

— Том верно говорит,— сказал один.

— Довольно было надо мной командиров,— прибавил другой,— и, клянусь виселицей, Джон Сильвер, я не позволю тебе водить меня за нос!

— Джентльмены, кто из вас хочет иметь дело со мной? — проревел Сильвер.

Он сидел на бочонке и теперь подался вперед. В правой руке у него была горящая трубка.

— Ну, чего же вам надо? Говорите прямо. Или вы онемели? Выходи, кто хочет, я жду. Я не для того прожил столько лет на земле, чтобы какой-нибудь пьяный индюк становился мне поперек дороги. Вы знаете наш обычай. Вы считаете себя джентльменами удачи. Ну что же, выходите, я готов. Пусть тот, у кого хватит духу, вынет свой кортик, и я, хоть и на костыле, увижу, какого цвета у него потроха, прежде чем погаснет эта трубка!

Никто не двинулся. Никто не ответил ни слова.

— Вот так вы всегда,— продолжал Сильвер, сунув трубку в рот.— Молодцы, нечего сказать! Не слишком-то храбры в бою. Или вы не способны понять простую человеческую речь? Ведь я здесь капитан, я выбран вами. Я ваш капитан, потому что я на целую морскую милю умнее вас всех. Вы не хотите драться со мной, как подобает джентльменам удачи. Тогда, клянусь громом, вы должны меня слушаться! Мне по сердцу этот мальчишка. Лучше его я никого не видел. Он вдвое больше похож на мужчину, чем такие крысы, как вы. Так слушайте: кто тронет его, будет иметь дело со мной.

Наступило долгое молчание.

Я, выпрямившись, стоял у стены. Сердце мое все еще стучало, как молот, но у меня зародилась надежда. Сильвер сидел, скрестив руки и прислонившись к стене. Он сосал трубку и был спокоен, как в церкви. Только глаза его бегали. Он наблюдал украдкой за своей буйной командой. Пираты отошли в дальний угол и начали перешептываться. Их шипенье звучало у меня в ушах, словно шум реки. Иногда они обрачивались, и багряный свет головни падал на их взъерошенные лица. Однако поглядывали они не на меня, а на Сильвера.

— Вы, кажется, собираетесь что-то сказать? — проговорил Сильвер и плюнул далеко перед собой.— Ну что ж, говорите, я слушаю.

— Прошу прощения, сэр,— начал один из пиратов.— Вы часто нарушаете наши обычай. Но есть обычай, который даже вам не нарушить. Команда недовольна, а между тем, разрешите сказать, у этой команды есть такие же права, как и у всякой другой. Мы имеем право собраться и поговорить. Прошу прощения, сэр, так как вы все же у нас капитан, но я хочу воспользоваться своим правом и уйти на совет.

Изысканно отдав Сильверу честь, этот высокий болезненный желтоглазый матрос лет тридцати пяти спокойно пошел к выходу и скрылся за дверью. Остальные вышли вслед за ним.

Каждый отдал Сильверу честь и бормотал что-нибудь в свое оправдание.

— Согласно обычаю,— сказал один.

— На матросскую сходку,— сказал Морган.

Мы с Сильвером остались вдвоем у горящей головни. Повар сразу же вынул из рта свою трубку.

— Слушай, Джим Хокинс,— проговорил он еле слышным настойчивым шепотом,— ты на волосок от смерти и, что хуже всего, от пытки. Они хотят разжаловать меня. Ты видел, как я за тебя заступался. Сначала мне не хотелось тебя защищать, но ты сказал несколько слов, и я переменил мои планы. Я был в отчаянии от своих неудач, от мысли о виселице, которая мне угрожает. Услыхав твои слова, я сказал себе: заступись за Хокинса, Джон, и Хокинс заступится за тебя. Ты — его последняя карта, Джон, а он, клянусь громом, твоя последняя карта! Услуга за услугу, решил я. Ты спасешь себе свидетеля, когда дело дойдет до суда, а он спасет твою шею.

Я смутно начал понимать, в чем дело.

— Вы хотите сказать, что ваша игра проиграна? — спросил я.

— Да, клянусь дьяволом! — ответил он.— Раз нет корабля, значит, остается одна только виселица. Я упрям, Джим Хокинс, но, когда я увидел, что в бухте уже нет корабля, я понял: игра наша кончена. А эти пускай совещаются, все они безмозглые трусы. Я постараюсь спасти твою шкуру. Но слушай, Джим, услуга за услугу: ты спасешь Долговязого Джона от петли.

Я был поражен. За какую жалкую соломинку хватается он, старый пират, атаман!

— Я сделаю все, что могу,— сказал я.

— Значит, по рукам! — воскликнул он.— Ты дешево отдался, да и я, клянусь громом, получил надежду на спасение.

Он проковылял к головне, горевшей возле дров, и снова закурил свою трубку.

— Пойми меня, Джим,— продолжал он, вернувшись.— У меня еще есть голова на плечах, и я решил перейти на сторону сквайра. Я знаю, что ты спрятал корабль где-нибудь в безопасном месте. Как ты это сделал, я не знаю, но я уверен, что корабль цел и невредим. Хендс и О'Брайен оказались глупцами. На них я никогда не надеялся. Заметь: я у тебя ничего не спрашиваю и другим не позволю спрашивать. Я знаю правила игры и понимаю, что проиграл. А ты такой молодой, такой храбрый, и, если мы будем держаться друг за друга, мы многоного с тобой добьемся.

Он нацедил в жестяную кружку коньяку из бочонка.

— Не хочешь ли выпить, приятель? — спросил он.

Я отказался.

— А я выпью немного, Джим, — сказал он. — Впереди у меня столько хлопот, нужно же мне пришпорить себя. Кстати о хлопотах. Зачем было доктору отдавать мне эту карту, милый Джим?

На лице моем выразилось такое неподдельное изумление, что он понял бесполезность дальнейших вопросов.

— Да, он дал мне свою карту... И тут, без сомнения, что-то не так. Тут что-то кроется, Джим... плохое или хорошее.

Он снова хлебнул коньяку и покачал своей большой головой с видом человека, ожидающего неминуемых бед.

Глава XXIX

Черная метка опять

Сходка пиратов продолжалась уже много времени, когда один из них воротился в блокгауз и, с насмешливым видом отдав Сильверу честь, попросил разрешения взять головню. Сильвер изъявил согласие, и посланный удалился, оставив нас обоих в темноте.

— Приближается буря, Джим, — сказал Сильвер.

Он стал обращаться со мной по-приятельски. Я подошел к ближайшей бойнице и глянул во двор. Костер почти догорел. Света он уже не давал никакого; немудрено, что заговорщикам понадобилась головня. Они собрались в кружок на склоне холма между домом и частоколом. Один из них держал головню. Другой стоял посередине на коленях. В руке у него был открытый нож, лезвие которого поблескивало, озаренное то луной, то факелом. Остальные немного согнулись, как будто глядя, что он делает. У него в руках появилась какая-то книга. И не успел я подумать, откуда у него такая неподходящая для разбойника вещь, как он поднялся с колен, и все гурьбой направились к дому.

— Они идут сюда, — сказал я.

Я стал на прежнее место. Не желая уронить свое достоинство, я не хотел, чтобы пираты заметили, что я наблюдаю за ними.

— Милости просим, дружок, пусть идут! — весело сказал Сильвер. — У меня еще есть чем их встретить.

Дверь распахнулась, и пятеро пиратов нерешительно столпились у порога, проталкивая вперед одного.

При других обстоятельствах было бы забавно смотреть, как медленно и боязливо подходит выборный, останавливаясь на каждом шагу и вытянув вперед правую руку, сжатую крепко в кулак.

— Подойди ближе, приятель,— сказал Сильвер,— и не бойся: я тебя не съем. Давай, увалень,— что там у тебя? Я знаю обычаи. Я депутата не трону.

Ободренный этими словами, разбойник ускорил шаг и, сунув что-то Сильверу в руку, торопливо отбежал назад к товарищам.

Повар глянул на свою ладонь.

— Черная метка! Так я и думал,— проговорил он.— Где вы достали бумагу?.. Но что это? Ах вы, несчастные! Вырезали из Библии! Ну, будет уж вам за это! И какой дурак разрезал Библию?

— Вот видите! — сказал Морган.— Что я говорил? Ничего хорошего не выйдет из этого.

— Ну, теперь уж вам не отвертесься от виселицы,— продолжал Сильвер.— У какого дурака вы взяли эту Библию?

— У Дика,— сказал кто-то.

— У Дика? Ну, Дик, молись богу,— проговорил Сильвер,— потому что твоя песенка спета. Уж я верно тебе говорю. Пропало твое дело, накажи меня бог!

Но тут вмешался желтоглазый верзила.

— Довольно болтать, Джон Сильвер,— сказал он.— Команда, собравшись на сходку, как велит обычай джентльменов удачи, вынесла решение послать тебе черную метку. Переверни ее, как велит наш обычай, и прочти, что на ней написано. Тогда ты заговоришь по-иному.

— Спасибо, Джордж,— отозвался Сильвер.— Ты у нас деловой человек и знаешь наизусть наши обычаи. Что ж тут написано? Ага! «Низложен». Так вот в чем дело! И какой хороший почерк! Точно в книге. Это у тебя такой почерк, Джордж? Ты первый человек во всей команде. Я нисколько не удивлюсь, если теперь выберут капитаном тебя. Дай мне, пожалуйста, головню, а то трубка у меня никак не раскуривается.

— Ну-ну! — сказал Джордж.— Нечего тебе морочить команду. Послушать тебя — ты такой и сякой, но все же слезай с этой бочки. Ты уже у нас не капитан. Слезай с бочки и не мешай нашим выборам!

— А я думал, ты и вправду знаешь обычаи,— презрительно возразил Сильвер.— Тебе придется еще малость подождать, потому что я покуда все еще ваш капитан. Вы должны предъя-

вить мне свои обвинения и выслушать мой ответ. А до той поры ваша черная метка будет стоить не дороже сухаря. Посмотрим, что из этого выйдет.

— Не бойся, обычаев мы не нарушим,— ответил Джордж.— Мы хотим действовать честно. Вот тебе наши обвинения. Во-первых, ты провалил все дело. У тебя не хватит дерзости возражать против этого. Во-вторых, ты позволил нашим врагам уйти, хотя здесь они были в настоящей ловушке. Зачем они хотели уйти? Не знаю. Но ясно, что они зачем-то хотели уйти. В-третьих, ты запретил нам преследовать их. О, мы тебя видим на сквозь, Джон Сильвер! Ты ведешь двойную игру. В-четвертых, ты заступился за этого мальчишку.

— Это все? — спокойно спросил Сильвер.

— Вполне достаточно,— ответил Джордж.— Нас из-за твоего ротозейства повесят сушиться на солнышке.

— Теперь послушайте, что я отвечу на эти четыре пункта. Я буду отвечать по порядку. Вы говорите, что я провалил все дело? Но ведь вы знаете, чего я хотел. Если бы вы послушались меня, мы все теперь находились бы на «Испаньоле», целые и невредимые, и золото лежало бы в трюме, клянусь громом! А кто мне помешал? Кто меня торопил и подталкивал — меня, вашего законного капитана? Кто прислал мне черную метку в первый же день нашего прибытия на остров и начал всю эту дьявольскую пляску? Прекрасная пляска — я пляшу вместе с вами,— в ней такие же коленца, какие выкидывают те плясуны, что болтаются в лондонской петле. А кто все начал? Эндерсон, Хендс и ты, Джордж Мерри. Из этих смутьянов ты один остался в живых. И у тебя хватает наглости лезть в капитаны! Нет, из этого не выйдет ни черта!

Сильвер умолк. По лицу Джорджа и остальных я видел, что слова его не пропали даром.

— Это пункт первый! — воскликнул Сильвер, вытирая вспотевший лоб.— Клянусь, мне тошно разговаривать с вами. У вас нет ни рассудка, ни памяти. Удивляюсь, как это ваши мамаши отпустили вас в море! В море! Это вы-то джентльмены удачи? Уж лучше бы вы стали портными...

— Перестань ругаться,— сказал Морган.— Отвечай на остальные обвинения.

— А, на остальные! — крикнул Джон.— Остальные тоже хороши. Вы говорите, что наше дело пропащее. Клянусь громом, вы даже не подозреваете, как оно плохо! Мы так близко от виселицы, что шея моя уже кочнеет от петли. Так и вижу, как болтаемся мы в железных оковах, а над нами кружат вороны. Моряки показывают на нас пальцами во время прилива. «Кто

это?» — спрашивает один. «Это Джон Сильвер. Я хорошо его знал», — отвечает другой. Ветер качает повешенных и разносит звон цепей. Вот что грозит каждому из нас из-за Джорджа Мерри, Хендса, Эндерсона и других идиотов! Затем, черт подери, вас интересует пункт четвертый — вот этот мальчишка. Да ведь он заложник, понимаете? Неужели мы должны уничтожить заложника? Он, быть может, последняя наша надежда. Убить этого мальчишку? Нет, мои милые, не стану его убивать. Впрочем, я еще не ответил по третьему пункту. Отлично, извольте, отвечу. Может быть, вы ни во что не ставите ежедневные визиты доктора, доктора, окончившего коллеж? Твоему продырявленному черепу, Джон, уже не надобен доктор? А ты, Джордж Мерри, которого каждые шесть часов трясет лихорадка, у которого глаза желтые, как лимон, — ты не хочешь лечиться у доктора? Быть может, вы не знаете, что сюда скоро должен прийти второй корабль на помощь? Однако он скоро придет. Вот когда вам пригодится заложник. Затем пункт второй: вы обвиняете меня в том, что я заключил договор. Да ведь вы сами на коленях умоляли меня заключить его. Вы ползали на коленях, вы малодушничали, вы боялись умереть с голоду... Но все это пустяки. Поглядите — вот ради чего я заключил договор!

И он бросил на пол лист бумаги. Я сразу узнал его. Это была та самая карта на желтой бумаге, с тремя красными крестиками, которую я нашел когда-то на дне сундука Билли Бонса. Я никак не мог уразуметь, почему доктор отдал ее Сильверу.

Разбойников вид этой карты поразил еще сильнее, чем меня. Они накинулись на нее, как коты на мышь. Они вырывали ее друг у друга из рук с руганью, с криками, с детским смехом. Можно было подумать, что они не только уже трогают золото пальцами, но везут его в полной сохранности на корабле.

— Да, — сказал один, — это подпись Флинта, можете не сомневаться. Д. Ф., а внизу мертвый узел. Он всегда подписывался так.

— Все это хорошо, — сказал Джордж, — но как мы увезем сокровища, если у нас нет корабля?

Сильвер внезапно вскочил, держась рукой за стену.

— Предупреждаю тебя в последний раз, Джордж! — крикнул он. — Еще одно слово, и я буду драться с тобой... Как? Почем я знаю как! Это ты должен мне сказать, ты и другие, которые прорвонили мою шхуну, с твоей помощью, черт возьми! Но нет, мне незачем ждать от тебя умного слова — ум у тебя тараканий. Но разговаривать учтиво ты должен, или я научу тебя вежливости!

— Правильно,— сказал старик Морган.

— Еще бы! Конечно, правильно! — подхватил корабельный повар.— Ты потерял наш корабль. Я нашел вам сокровища. Кто же из нас стоит большего? Но, клянусь, я больше не желаю быть у вас капитаном. Выбирайте, кого хотите.. С меня довольно!

— Сильвера! — заорали все.— Окорок на веки веков! Окорока в капитаны!

— Так вот что вы теперь запели! — крикнул повар.— Джордж, милый друг, придется тебе подождать до другого случая. Счастье твое, что я не помню худого. Сердце у меня отходчивое. Что же делать с этой черной меткой, приятели? Теперь она как будто ни к чему. Дик загубил свою душу, изгадил свою Библию, и все понапрасну.

— А может быть, она еще годится для присяги? — спросил Дик, которого, видимо, сильно тревожило совершенное им кощунство.

— Библия с отрезанной страницей! — ужаснулся Сильвер.— Ни за что! В ней не больше святыни, чем в песеннике.

— И все же на всякий случай лучше ее сохранить,— сказал Дик.

— А вот это, Джим, возьми себе на память,— сказал Сильвер, подавая мне черную метку.

Величиной она была с крону. Одна сторона белая — Дик разрезал самую последнюю страницу Библии,— на другой стороне были напечатаны стиха два из Апокалипсиса. Я помню, между прочим, два слова: «псы и убийцы». Сторона с текстом была вымазана сажей, которая перепачкала мне пальцы. А на чистой стороне углем было выведено одно слово: «Низложен».

Сейчас эта черная метка лежит предо мною, но от надписи углем остались только следы царапин, как от когтя.

Так окончились события этой ночи. Выпив рому, мы улеглись спать. Сильвер в отместку назначил Джорджа Мерри в часовые, пригрозив ему смертью, если он недоглядит чего-нибудь.

Я долго не мог сомкнуть глаз. Я думал о человеке, которого убил, о своем опасном положении и прежде всего о той замечательной игре, которую вел Сильвер, одной рукой удерживавший шайку разбойников, а другой хватавшийся за всякое возможное и невозможное средство, чтобы спасти свою ничтожную жизнь. Он мирно спал и громко храл. И все же сердце у меня сжималось от жалости, когда я глядел на него и думал, какими опасностями он окружен и какая позорная смерть ожидает его.

На честное слово

Меня разбудил, вернее — всех нас разбудил, потому что вскочил даже часовой, задремавший у двери, ясный, громкий голос, прозвучавший на опушке леса:

— Эй, гарнизон, вставай! Доктор идет!

Действительно, это был доктор. Я обрадовался, услышав его голос, но к радости моей примешивались смущение и стыд. Я вспомнил о своем неповиновении, о том, как я тайком убежал от товарищей. И к чему это все привело? К тому, что я сижу в пленау разбойников, которые могут каждую минуту лишить меня жизни. Мне было стыдно взглянуть доктору в лицо. Доктор, вероятно, поднялся еще до света, потому что день только начинался. Я подбежал к бойнице и выглянул. Он стоял внизу, по колено в ползучем тумане, как некогда стоял у этого же блокгауза Сильвер.

— Здравствуйте, доктор! С добрым утром, сэр! — воскликнул Сильвер, уже протерев как следует глаза и сияя приветливой улыбкой. — Рано же вы поднялись! Ранняя птица больше корма клюет, как говорит поговорка... Джордж, очнись, сын мой, и помоги доктору Ливси взойти на корабль... Все в порядке, доктор. Ваши пациенты куда веселей и бодрее!

Так он балагурил, стоя на вершине холма с костылем под мышкой, опираясь рукой о стену, — совсем прежний Джон и по голосу, и по ухваткам, и по смеху.

— У нас есть сюрприз для вас, сэр, — продолжал он. — Один маленький приезжий, хе-хе! Новый жилец, сэр, жилец хоть куда! Спит, как сурок, ей-богу. Всю ночь проспал рядом с Джоном, борт о борт.

Доктор Ливси тем временем перелез через частокол и подошел к повару. И я услышал, как дрогнул его голос, когда он спросил:

— Неужели Джим?

— Он самый, — ответил Сильвер.

Доктор внезапно остановился. Было похоже, что он не в состоянии сдвинуться с места.

— Ладно, — выговорил он наконец. — Раньше дело, а потом веселье. Такая, кажется, у вас поговорка? Осмотрим сначала больных.

Доктор вошел в дом и, холодно кивнув мне головой, занялся своими больными. Он держался спокойно и просто, хотя не мог

не знать, что жизнь его среди этих коварных людей висит на волоске. Он болтал с пациентами, будто его пригласили к больному в тихое английское семейство. Его обращение с пиратами, видимо, оказывало на них сильное влияние. Они вели себя с ним, будто ничего не случилось, будто он по-прежнему корабельный врач и они по-прежнему старательные и преданные матросы.

— Тебе лучше, друг мой,— сказал он человеку с перевязанной головой.— Другой на твоем месте не выжил бы. Но у тебя голова крепкая, как чугунный котел... А как твои дела, Джордж? Да ты весь желтый! У тебя печенка не в порядке. Ты принимал лекарство?.. Скажите, он принимал лекарство?

— Как же, сэр, как же! Он принимал, сэр,— отозвался Морган.

— С тех пор как я стал врачом у мятещников, или, вернее, тюремным врачом,— сказал доктор Ливси с добродушнейшей улыбкой,— я считаю своим долгом сохранить вас в целостности для короля Георга, да благословит его бог, для петли.

Разбойники переглянулись, но молча проглотили шутку доктора.

— Дик скверно себя чувствует, сэр,— сказал один.

— Скверно? — спросил доктор.— А ну-ка, Дик, иди сюда и покажи язык. О, я нисколько не удивлен, что он скверно себя чувствует! Таким языком можно напугать и французов. У него тоже началась лихорадка.

— Вот что случается с тем, кто портит святую Библию,— сказал Морган.

— Это случается с тем, кто глуп, как осел,— возразил доктор.— С тем, у кого не хватает ума отличить свежий воздух от заразного, сухую почву от ядовитого и гнусного болота. Вполне вероятно, что все вы схватили малярию, друзья мои,— так мне кажется,— и много пройдет времени, прежде чем вы от нее избавитесь. Расположиться лагерем на болоте!.. Сильвер, вы меня удивили, ей-богу! Вы не такой дурак, как остальные, но вы не имеете ни малейшего понятия, как охранять здоровье своих подчиненных... Отлично,— сказал доктор, осмотрев пациентов и дав им несколько медицинских советов, которые они выслушали с такой смешной кротостью, словно были питомцами благотворительной школы, а не разбойниками.— На сегодня хватит. А теперь, если позволите, я хотел бы побеседовать с этим юнцом.— И он небрежно кивнул в мою сторону.

Джордж Мерри стоял в дверях и, морщясь, принимал какое-то горькое снадобье. Услышав просьбу доктора, он весь побагровел, повернулся к нему и закричал:

— Ни за что!

И выругался скверными словами.

Сильвер хлопнул ладонью по бочке.

— Молчать! — проревел он и посмотрел вокруг, как рассвирепевший лев. — Доктор, — продолжал он учтиво, — я был уверен, что вы захотите поговорить с Джимом, потому что знал — этот мальчик вам по сердцу. Мы все так вам благодарны, мы, как видите, чувствуем к вам такое доверие, мы пьем ваши лекарства, как водку. Я сейчас устрою... Хокинс, можешь ты мне дать честное слово юного джентльмена, — потому что ты джентльмен, хотя родители твои люди бедные, — что ты не удерешь никуда?

Я охотно дал ему честное слово.

— В таком случае, доктор, — сказал Сильвер, — перелезайте через частокол. Когда вы перелезете, я сведу Джима вниз. Он будет с одной стороны частокола, вы — с другой, но это не помешает вам поговорить по душам. Всего хорошего, сэр! Переходите привет сквайру и капитану Смоллетту.

Едва доктор вышел, негодование пиратов, сдерживаемое страхом перед Сильвером, прорвалось наружу. Они обвиняли Сильвера в том, что он ведет двойную игру, что он хочет выгородить себя и предать всех остальных. Словом, они действительно разгадали его намерения. Я не думал, что ему и на этот раз удастся вывернуться. Но он был вдвое умнее всех их, взятых вместе, и его вчерашняя победа дала ему огромную власть над ними. Он обозвал их глупцами, заявил, что без моего разговора с доктором невозможно обойтись, тыкал им в нос карту и спрашивал: неужели они хотят нарушить договор в тот самый день, когда можно приступить к поискам сокровищ?

— Нет, клянусь громом! — кричал он. — Придет время, и мы натянем им нос, но до той поры я буду ублажать этого доктора, хотя бы мне пришлось чистить ему сапоги ромом!

Он приказал развести костер, взял костиль, положил руку мне на плечо и заковылял вниз, оставив пиратов в полном замешательстве. Чувствовалось, что на них повлияли не столько его доводы, сколько настойчивость.

— Не торопись, дружок, не торопись, — сказал он мне. — Они разом кинутся на нас, если заметят, что мы оба торопимся.

Мы медленно спустились по песчаному откосу к тому месту, где за частоколом поджидал нас доктор. Сильвер остановился.

— Пусть Джим расскажет вам, доктор, как я спас ему жизнь, хотя за это чуть не лишился капитанского звания, — сказал он. — Ах, доктор, когда человек ведет свою лодку навстречу

погибели, когда он играет в орлянку со смертью, он хочет услышать хоть одно самое маленькое доброе слово! Имейте в виду, что речь идет не только о моей жизни, но и о жизни этого мальчика. Заклинаю вас, доктор, будьте милосердны ко мне, дайте мне хоть тень надежды!

Теперь, отойдя от товарищей и стоя спиной к блокгаузу, Сильвер сразу сделался другим человеком. Щеки его ввалились, голос дрожал. Это был почти мертвец.

— Неужели вы боитесь, Джон? — спросил доктор Ливси.

— Доктор, я не трус. Нет, я даже вот настолько не трус, — и он показал кончик пальца, — но говорю откровенно: меня кидают в дрожь при мысли о виселице. Вы добный человек и правдивый. Лучшего я в жизни своей не видал. Вы не забудете сделанного мною добра, хотя, разумеется, и зла не забудете. Я отхожу в сторону, видите, и оставляю вас наедине с Джимом. Это тоже вы зачтете мне в заслугу, не правда ли?

Он отошел в сторону, как раз на такое расстояние, чтобы не слышать нас, сел на пень и принялася насвистывать. Он вертелся из стороны в сторону, поглядывая то на меня, то на доктора, то на неукрощенных пиратов, которые, валяясь на песке, разжигали костер, то на дом, откуда они выносили свинину и хлеб для завтрака.

— Итак, Джим, — грустно сказал доктор, — ты здесь. Что посоешь, то и пожнешь, мой мальчик. У меня не хватает духу бранить тебя. Одно только скажу тебе: если бы капитан Смоллент был здоров, ты не посмел бы убежать от нас. Ты поступил бесчестно, ты ушел, когда он был болен и не мог удержать тебя силой.

Должен признаться, что при этих словах я заплакал.

— Доктор, — взмолился я, — пожалуйста, не ругайте меня! Я сам себя достаточно ругал. Моя жизнь на волоске. Я и теперь был бы уже мертвецом, если бы Сильвер за меня не вступил. Смерти я не боюсь, доктор, я боюсь только пыток. Если они начнут пытать меня...

— Джим... — перебил меня доктор, и голос его слегка изменился, — Джим, этого я не могу допустить. Перелезай через забор, и бежим.

— Доктор, — сказал я, — я ведь дал честное слово.

— Знаю, знаю! — воскликнул он. — Что поделаешь, Джим! Уж я возьму этот грех на себя. Не могу же я бросить тебя здесь беззащитного. Прыгай! Один прыжок — и ты на свободе. Мы помчимся, как антилопы.

— Нет, — ответил я. — Ведь вы сами не поступили бы так. Ни вы, ни сквайр, ни капитан не изменили бы данному слову.

Значит, и я не изменю. Сильвер на меня положился. Я дал ему честное слово. Но, доктор, вы меня не дослушали. Если они станут меня пытать, я не выдержу и разболтаю, где спрятан корабль. Мне повезло, доктор, мне посчастливилось, и я увел их корабль. Он стоит у южного берега Северной стоянки. Во время прилива он подымается на волне, а во время отлива сидит на мели.

— Корабль! — воскликнул доктор.

Я в нескольких словах рассказал ему все, что случилось. Он выслушал меня в полном молчании.

— Это судьба,— заметил он, когда я кончил.— Каждый раз ты спасаешь нас от верной гибели. И неужели ты думаешь, что теперь мы дадим тебе умереть под ножом? Это была бы плохая награда за все, что ты для нас сделал, мой мальчик. Ты открыл заговор. Ты нашел Бена Ганна. Лучшего дела ты не сделаешь за всю твою жизнь, даже если доживешь до ста лет. Этот Бен Ганн — ой-ой-ой! Кстати о Бене Ганне... Сильвер! — крикнул он.— Сильвер, я хочу дать вам совет,— продолжал он, когда повар приблизился,— не торопитесь отыскивать сокровища.

— Я, сэр, изо всех сил буду стараться оттянуть это дело,— сказал Сильвер.— Но, клянусь вам, только поисками сокровищ я могу спасти свою жизнь и жизнь этого несчастного мальчика.

— Ладно, Сильвер,— ответил доктор,— если так — ищите. Но я дам вам еще один совет: когда будете искать сокровища, обратите внимание на крики.

— Сэр,— сказал Сильвер,— вы сказали мне или слишком много или слишком мало. Что вам нужно? Зачем вы покинули крепость? Зачем вы отдали мне карту? Я этого не понимал и не понимаю. И все же я слепо выполнил все, что вы требовали, хотя вы не дали мне ни малейшей надежды. А теперь эти новые тайны... Если вы не хотите прямо объяснить мне, в чем дело, так и скажите, и я выпущу румпель.

— Нет,— задумчиво сказал доктор,— я не имею права посвящать вас в такие дела. Это не моя тайна, Сильвер. Иначе, клянусь париком, я бы вам все рассказал. Если я скажу еще хоть слово, мне здорово влетит от капитана. И все же я дам вам маленькую надежду, Сильвер: если мы оба с вами выберемся из этой волчьей ямы, я постараюсь спасти вас от виселицы, если для этого не нужно будет идти на клятвопреступление.

Лицо Сильвера мгновенно просияло.

— И родная мать не могла бы утешить меня лучше, чем вы! — воскликнул он.

— Это первое, что я могу вам сказать,— добавил доктор.— И второе: держите этого мальчика возле себя и, если понадобится помочь, зовите меня. Я постараюсь вас выручить, и тогда вы увидите, что я говорю не впустую... Прощай, Джим.

Доктор Ливси пожал мне руку через забор, кивнул головой Сильверу и быстрыми шагами направился к лесу.

Глава XXXI

Поиски сокровищ Указательная стрела Флинта

— Джим,— сказал Сильвер, когда мы остались одни,— я спас твою жизнь, а ты — мою. И я никогда этого не забуду. Я ведь видел, как доктор уговаривал тебя удрать. Краешком глаза, но видел. Я не слышал твоего ответа, но я видел, что ты отказался. Этого, Джим, я тебе не забуду. Сегодня для меня впервые блеснула надежда после неудачной атаки на крепость. И опять-таки из-за тебя. К поискам сокровищ, Джим, мы приступаем вслепую, и это мне очень не нравится. Но мы с тобой будем крепко держаться друг за друга и спасем наши шеи, несмотря ни на что.

Один из пиратов, возившихся у костра, крикнул нам, что завтрак готов. Мы уселись на песке возле огня и стали закусывать поджаренной свининой. Разбойники развели такой костер, что можно было бы зажарить быка. Вскоре костер запылал так сильно, что к нему — и то не без опаски — приближались только с подветренной стороны. Так же расточительно обращались пираты с провизией: нажарили свинины по крайней мере в три раза больше, чем было нужно. Один из них с глупым смехом швырнул все оставшиеся куски в огонь, который запылал еще ярче, поглотив это необычайное топливо.

Никогда в своей жизни не видел я людей, до такой степени беззаботно относящихся к завтрашнему дню. Все делали они спустя рукава, истребляли без всякого толка провизию, засыпали, стоя на часах, и так далее. Вообще они были способны лишь на короткую вспышку, но на длительные военные действия их не хватало.

Даже Сильвер, сидевший в стороне со своим попугаем, не сделал им ни одного замечания за их расточительность. И это очень меня удивило, так как я знал, какой он осторожный и предусмотрительный человек.

— Да, приятели,— говорил он,— ваше счастье, что у вас есть Окорок, который всегда за вас думает. Я вывел то, что мне нужно. Корабль у них. Пока я еще не знаю, где они его спрятали. Но, когда у нас будут сокровища, мы обыщем весь остров и снова захватим корабль. Во всяком случае, мы сильны уже тем, что у нас имеются шлюпки.

Так разглагольствовал он, набивая себе рот горячей свининой. Он внушал им надежду, он восстанавливал свой пошатнувшийся авторитет и в то же время, как мне показалось, подбадривал самого себя.

— А наш заложник,— продолжал он,— в последний раз имел свидание с тем, кто мил его сердцу. Из его разговоров с ним я узнал все, что мне было нужно узнать, и очень ему благодарен за это. Но теперь кончено. Когда мы пойдем искать сокровища, я поведу его за собой на веревочке — он нам дороже золота, и мы сохраним его в целости: пригодится в случае чего. А когда у нас будут и корабль и сокровища, когда мы веселой компанией отправимся в море, вот тогда мы и поговорим с мистером Хокинсом как следует, и он получит свою долю по заслугам.

Неудивительно, что их охватило веселье.

Что касается меня, я страшно приуныл и пал духом. Если план Сильвера, только что изложенный им, будет приведен в исполнение, этот двойной предатель не станет колебаться ни минуты. Он ведет игру на два фронта и, без сомнения, предпочтёт свободу и богатство пирата той слабой надежде освободиться от петли, которую мы могли предложить ему.

Но если обстоятельства принудят Сильвера сдержать данное доктору слово, нам все равно грозит смертельная опасность. Подозрения его товарищей каждую минуту могут превратиться в уверенность. Тогда и ему и мне придется защищать свою жизнь: ему — калеке и мне — мальчишке, от пятерых здоровенных матросов.

Прибавьте к этим двойным опасениям тайну, которой все еще были покрыты поступки моих друзей. Почему они покинули крепость? Почему они отдали карту? Что значат эти слова, сказанные доктором Сильверу: «Когда будете искать сокровища, обратите внимание на крики»? Не было ничего странного в том, что завтрак показался мне не слишком-то вкусным и что я с тяжелым сердцем поплелся за разбойниками на поиски клада.

Мы представляли довольно странное зрелище — все в измазанных матросских куртках, все, кроме меня, вооруженные до самых зубов. Сильвер тащил два ружья: одно на спине, другое

на груди. К поясу его пристегнут был кортик. В каждый карман своего широкополого кафтана он сунул по пистолету. В довершение всего на плече у него сидел Капитан Флинт, без умолку и без всякой связи выкрикивавший разные морские словечки. Вокруг моей поясницы обвязали веревку, и я послушно поплелся за поваром. Он держал конец веревки то свободной рукой, то могучими зубами. Меня вели, как дрессированного медведя.

Каждый тащил что-нибудь: одни несли лопаты и ломы (разбойники выгрузили их на берег с «Испаньолы» прежде всего остального), другие — свинину, сухари и бренди для обеда. Я заметил, что все припасы были действительно взяты из нашего склада, и понял, что Сильвер вчера вечером сказал сущую правду. Если бы он не заключил какого-то соглашения с доктором, разбойникам, потерявшим корабль, пришлось бы питаться подстреленными птицами и запивать их водой. Но к воде у них не было особой любви, а охотиться моряки не умеют. И если они не запаслись даже пищей, то порохом не запаслись и подавно. Как бы то ни было, мы двинулись в путь, даже пират с разбитой головой, которому гораздо полезнее было бы остьаться в постели. Гуськом доковыляли мы до берега, где нас поджидали две шлюпки. Даже эти шлюпки свидетельствовали о глупой беспечности вечно пьяных пиратов: обе были в грязи, а у одной изломана скамья. Решено было разместиться в двух шлюпках, чтобы ни одна не пропала. Разделившись на два отряда, мы наконец отчалили от берега. Дорогой начались споры о карте. Красный крестик был слишком велик и не мог, конечно, служить точным указателем места. Объяснения на обороте карты были слишком кратки и неясны. Если читатель помнит, в них говорилось следующее:

«Высокое дерево на плече Подзорной Трубы, направление к С. от С.-С.-В.

Остров Скелета В.-Ю.-В. и на В.

Десять футов».

Итак, прежде всего нужно было отыскать высокое дерево. Прямо перед нами якорная стоянка замыкалась плоскогорьем в двести — триста футов высотой, которое на севере соединялось с южным склоном Подзорной Трубы, на юге переходило в скалистую возвышенность, носившую название Бизань-мачты. На плоскогорье росли и высокие и низкие сосны. То здесь, то там какая-нибудь одна сосна возвышалась на сорок — пятьдесят футов над соседями. Какое из этих деревьев капитан Флинт называл высоким, можно было определить только на месте с помощью компаса.

Тем не менее не проплыли мы и половины пути, а уже каждый облюбовал себе особое дерево. Только Долговязый Джон пожимал плечами и советовал подождать прибытия на место.

По указанию Сильвера мы берегли силы, не очень налегали на весла и после долгого плавания высадились в устье второй реки, той самой, которая протекает по лесистому склону Подзорной Трубы. Оттуда, свернув налево, мы начали взбираться к плоскогорью.

Вначале наше продвижение очень затруднялось топкой почвой и густой болотной растительностью. Но мало-помалу подъем стал круче, почва каменистее, растительность выше и реже. Мы приближались к лучшей части острова. Вместо травы по земле стлался пахучий дрок и цветущий кустарник. Среди зеленых зарослей мускатного ореха там и сям возвышались багряные колонны высоких сосен, бросавших широкую тень. Запах муската смешивался с запахом хвои. Воздух был свеж. Сияло солнце, но легкий ветерок освежал наши лица.

Разбойники шли веером и весело перекликались между собой.

В середине, несколько отстав от всех, брел Сильвер, таща меня за собой на веревке. Трудно было ему взбираться по сыпучему гравию склона. Мне не раз приходилось поддерживать его, а то он споткнулся бы и покатился с холма.

Так прошли мы около полукилометра и уже достигли вершины, как вдруг разбойник, шедший левее других, громко закричал от ужаса. Он кричал не переставая, и все побежали к нему.

— Вы думаете, он набрел на сокровища? — сказал старый Морган, торопливо пробегая мимо нас. — Нет, нет, мы еще не добрались до того дерева...

Да, он нашел не сокровища. У подножия высокой сосны лежал скелет человека. Вьющиеся травы оплели его густой сетью, сдвинув с места некоторые мелкие кости. Кое-где на нем сохранились остатки истлевшей одежды. Я уверен, что не было среди нас ни одного человека, у которого не пробежал бы по коже мороз.

— Это моряк, — сказал Джордж Мерри, который был смелее остальных и внимательно рассматривал сгнившие лохмотья. — Одежда у него была морская.

— Конечно, моряк, — сказал Сильвер. — Полагаю, ты не надеялся найти здесь епископа. Однако почему эти кости так странно лежат?

И действительно, скелет лежал в неестественной позе.

По странной случайности (виноваты ли тут клевавшие его птицы или, быть может, медленно растущие травы, обвивавшие

его со всех сторон) он лежал навытяжку, прямой, как стрела. Ноги его показывали в одну сторону, а руки, поднятые у него над головой, как у готового прыгнуть пловца, — в другую.

— Эге, я начинаю понимать, — сказал Сильвер. — Это компас. Да-да! Вон торчит, словно зуб, вершина Острова Скелета. Проверьте по компасу, куда указывает этот мертвец.

Проверили. Мертвец действительно указывал в сторону Острова Скелета. Компас показал направление на В.-Ю.-В. и на В.

— Так я и думал! — воскликнул повар. — Это указательная стрелка. Значит, там Полярная звезда, а вот там веселые доллары. Клянусь громом, у меня все холдеет при одной мысли о Флинте. Это одна из его милых острот. Он остался здесь с шестью товарищами и уокошил их всех. А потом из одного убитого смастерили себе компас... Кости длинные, на черепе рыжие волосы. Э, да это Аллардайс, накажи, меня бог! Ты помнишь Аллардайса, Том Морган?

— Еще бы, — сказал Морган, — конечно. Он остался мне должен и, кроме того, прихватил с собой мой нож, когда уезжал на остров.

— Значит, нож должен быть где-нибудь здесь, — промолвил другой разбойник. — Флинт был не такой человек, чтобы шарить в карманах матроса. Да и птицы... Не могли же они унести этот нож!

— Ты прав, черт тебя возьми! — воскликнул Сильвер.

— Однако здесь нет ничего, — сказал Мерри, внимательно ощупывая почву. — Хоть медная монетка осталась бы или, например, табакерка. Все это кажется мне подозрительным...

— Верно! Верно! — согласился Сильвер. — Тут что-то не так. Да, дорогие друзья, но только если бы Флинт был жив, не гулять бы нам в этих местах. Нас шестеро, и тех было шестеро, а теперь от них остались только кости.

— Нет, будь покоен, он умер: я собственными глазами видел его мертвым, — отозвался Морган. — Билли водил меня к его мертвому телу. Он лежал с медяками на глазах.

— Конечно, он умер, — подтвердил пират с повязкой на голове. — Но только если кому и бродить по земле после смерти, так это, конечно, Флинту. Ведь до чего тяжело умирал человек!

— Да, умирал он скверно, — заметил другой. — То приходил в бешенство, то требовал рому, то начинал горланить «Пятнадцать человек на сундук мертвеца». Кроме «Пятнадцати человек» он ничего другого не пел никогда. И, скажу вам по правде, с тех пор я не люблю этой песни. Было страшно жарко. Окно было

открыто. Флинт распевал во всю мочь, и песня сливалась с предсмертным хрипеньем...

— Вперед, вперед! — сказал Сильвер. — Довольно болтать! Он умер и не шатается по земле привидением. А если бы даже ему и вздумалось выйти из могилы, так ведь привидения показываются только ночами, а сейчас, как вы видите, день... Нечего говорить о покойнике, нас поджидают дублоны.

Мы двинулись дальше. Но хотя солнце светило вовсю, пираты больше не разбегались в разные стороны и не окликали друг друга издали. Они шли рядом и говорили меж собой вполголоса: такой ужас внушил им умерший пират.

Глава XXXII

Поиски сокровищ Голос в лесу

Отчасти вследствие расслабляющего влияния этого ужаса, отчасти же для того, чтобы дать отдохнуть Сильверу и больным пиратам, на вершине плоскогорья весь отряд сделал привал.

Плоскогорье было слегка наклонено к западу, и потому с того места, где мы сидели, открывался вид в обе стороны. Впереди за вершинами деревьев мы видели Лесистый мыс, окаймленный пеной прибоя. Позади видны были не только пролив и Остров Скелета, но также — за косой и восточной равниной — простор открытого моря. Прямо над нами возвышалась Подзорная Труба, заросшая редкими соснами и местами зияющая глубокими пропастями.

Тишина нарушалась только отдаленным грохотом прибоя да журжаньем бесчисленных насекомых. Безлюдье. На море ни единого паруса. Чувство одиночества еще усиливалось широтой окрестных пространств.

Сильвер во время отдыха делал измерения по компасу.

— Здесь три высоких дерева, — сказал он, — и все они расположены по прямой линии от Острова Скелета. «Плечо Подзорной Трубы», я думаю, вот эта впадина. Теперь и ребенок нашел бы сокровища. По-моему, неплохо было бы раньше покушать.

— Мне что-то не хочется, — проворчал Морган. — Я как вспомнил о Флинте, у меня сразу пропал аппетит.

— Да, сын мой, счастье твое, что он умер, — сказал Сильвер.

— И рожа у него была, как у дьявола! — воскликнул третий пират, содрогаясь.— Вся синяя-синяя!

— Это от рома,— добавил Мерри.— Синяя! Еще бы не синяя! От рома посинеешь, это верно.

Вид скелета и воспоминание о Флинте так подействовали на этих людей, что они стали разговаривать все тише и тише и дошли наконец до еле слышного шепота, почти не нарушавшего лесной тишины. И вдруг из ближайшей рощи чей-то тонкий, резкий, пронзительный голос затянул хорошо знакомую песню:

Пятнадцать человек на сундук мертвеца.
Йо-хо-хо, и бутылка рому!

Смертельный ужас охватил пиратов. У всех шестерых лица сделались сразу зелеными. Одни вскочили на ноги, другие судорожно схватились друг за друга. Морган упал на землю и пополз, как змея.

— Это Флинт! — воскликнул Мерри.

Песня оборвалась так же резко, как началась, будто на середине ноты певцу сразу зажали рот. День был солнечный и ясный, голос поющего — резкий и звонкий, и я не мог понять испуга своих спутников.

— Вперед! — сказал Сильвер, еле шевеля серыми, как пепел, губами.— Этак ничего у нас не выйдет. Конечно, все это очень чудно, и я не знаю, кто это там куролесит, но уверен, что это не покойник, а живой человек.

Пока он говорил, к нему вернулось мужество, и лицо его чуть-чуть порозовело. Остальные тоже под влиянием его слов ободрились и как будто пришли в себя. И вдруг вдали опять раздался тот же голос. Но теперь он не пел, а кричал словно откуда-то издали, и его крик тихо пронесся невнятным эхом по раселинам Подзорной Трубы.

— Дарби Мак-Гроу! — вопил он.— Дарби Мак-Гроу!

Так он повторял без конца, затем выкрикнул непристойную ругань и завыл:

— Дарби, подай мне рому!

Разбойники приросли к земле, и глаза их чуть не вылезли на лоб. Голос давно уже замер, а они все еще стояли как вкопанные и молча глядели вперед.

— Дело ясное,— молвил один.— Надо удирать.

— Это были его последние слова! — простонал Морган.— Последние слова перед смертью.

Дик достал свою Библию и начал усердно молиться. Прежде чем уйти в море и стать бандитом, он воспитывался в набожной семье.

Один Сильвер не сдался. Зубы его стучали от страха, но он и слышать не хотел об отступлении.

— На этом острове никто, кроме нас, даже и не слышал о Дарби,— бормотал он растерянно.— Никто, кроме нас...— Потом взял себя в руки и крикнул: — Послушайте! Я пришел сюда, чтобы вырыть клад, и никто — ни человек, ни дьявол — не остановит меня. Я не боялся Флинта, когда он был живой, и, черт его возьми, не испугаюсь мертвого. В четверти мили от нас лежат семьсот тысяч фунтов стерлингов. Неужели хоть один джентльмен удачи способен повернуться кормой перед такой кучей денег из-за какого-то синерожего пьяницы, да к тому же еще и дохлого?

Но его слова не вернули разбойникам мужества. Напротив, непочтительное отношение к призраку только усилило их панический ужас.

— Молчи, Джон! — сказал Мерри.— Не оскорбляй привидение.

Остальные были до такой степени скованы страхом, что не могли произнести ни слова. У них даже не хватало смелости разбежаться в разные стороны. Страх заставлял их тесниться друг к другу, поближе к Сильверу, потому что он был храбрее их всех. А ему уже удалось до известной степени освободиться от страха.

— По-вашему, это привидение? Может быть, и так, — сказал он.— Но меня смущает одно. Мы все явственно слышали эхо. А скажите, видел ли кто-нибудь, чтобы у привидений была тень? Если не может быть тени, значит, нет и эха. Иначе быть не может.

Такие доводы показались мне слабыми. Но вы никогда не можете заранее сказать, что подействует на суеверных людей.

К моему удивлению, Джордж Мерри почувствовал большое облегчение.

— Это вёрно, — сказал он.— Ну и башка же у тебя на плечах, Джон!.. Все в порядке, дорогие друзья! Вы просто взяли неправильный галс. Конечно, голос был вроде как у Флинта. И все же он был похож на другой... Скорее это голос...

— Клянусь дьяволом, это голос Бена Ганна! — проревел Сильвер.

— Правильно! — воскликнул Морган, приподнимаясь с земли и становясь на колени.— Это был голос Бена Ганна!

— А велика ли разница? — спросил Дик.— Бен Ганн покойник, и Флинт покойник.

Но матросы постарше презрительно отнеслись к его замечанию.

— Плевать на Бена Ганна! — крикнул Мерри. — Живой он или мертвый, не все ли равно?

Странно было видеть, как быстро пришли эти люди в себя и как быстро на их лицах опять заиграл румянец. Через несколько минут они как ни в чем не бывало болтали друг с другом и только прислушивались, не слышно ли странного голоса. Но все было тихо. И, взвалив на плечи инструменты, они двинулись дальше. Впереди шел Мерри, держа в руке компас Джона, чтобы все время быть на одной линии с Островом Скелета. Он сказал правду: жив ли Бен Ганн или мертв, его не боялся никто.

Один только Дик по-прежнему держал в руках свою Библию, испуганно озираясь по сторонам. Но ему уже никто не сочувствовал. Сильвер даже издевался над его суеверием:

— Я говорил тебе, что ты испортил свою Библию. Неужели ты думаешь, что привидение испугается Библии, на которой нельзя даже присягнуть? Как же! Держи карман! — И, приостановившись на миг, он щелкнул пальцами перед самым носом Дика.

Но Дика уже нельзя было успокоить словами. Скоро мне стало ясно, что он серьезно болен. От жары, утомления и страха лихорадка, предсказанная доктором Ливси, начала быстро усиливаться.

На вершине было мало деревьев, и идти стало значительно легче. Теперь мы спускались вниз, потому что, как я уже говорил, плоскогорье имело некоторый наклон к западу. Сосны — большие и маленькие — были отделены друг от друга широким пространством. И даже среди зарослей мускатного ореха и азалий то и дело попадались просторные, выжженные солнечным зноем поляны. Идя на северо-запад, мы приближались к плечу Подзорной Трубы. Внизу под нами был виден широкий западный залив, где так недавно меня кидало и кружило в челноке.

Первое высокое дерево, к которому мы подошли, после проверки по компасу оказалось неподходящим. То же случилось и со вторым. Третье поднималось над зарослями почти на двести футов. Это был великан растительного мира, с красным стволом в несколько обхватов толщиной. Под его тенью мог бы маршировать целый взвод. Эта сосна безусловно была видна издалека и с восточной стороны моря и с западной, и ее можно было отметить на карте как мореходный знак.

Однако спутников моих волновали не размеры сосны: они были охвачены волнующим сознанием, что под ее широкой

сенью зарыты семьсот тысяч фунтов стерлингов. При мысли о деньгах все их страхи исчезли. Вспыхнули глаза, шаги стали торопливее, тверже.

Они думали только об одном — о богатстве, ожидающем их, о беспечной, роскошной, расточительной жизни, которую принесет им богатство.

Сильвер, подпрыгивая, ковылял на своем костыле. Ноздри его раздувались. Он ругался, как сумасшедший, когда мухи садились на его разгоряченное, потное лицо. Он яростно дергал за веревку, поглядывая на меня со смертельной ненавистью. Он больше уже не старался скрывать свои мысли. Я мог читать их, как в книге. Оказавшись наконец в двух шагах от желанного золота, он обо всем позабыл — и о своих обещаниях и о предостережениях доктора. Он, конечно, надеялся захватить сокровища, потом ночью найти «Испаньюлу», перерезать всех нас и отплыть в океан.

Потрясенный этими тревожными мыслями, я с трудом поспевал за пиратами и часто спотыкался о камни. Тогда Сильвер дергал за веревку, бросая на меня кровожадные взоры... Дик плелся позади, бормоча молитвы и ругательства. Лихорадка его усиливалась. От этого я чувствовал себя еще более несчастным. Вдобавок перед моими глазами невольно вставала трагедия, когда-то разыгравшаяся в этих местах. Мне мерещился разбойник с посиневшим лицом, который умер в Саванне, горланя песню и требуя рома. Здесь собственоручно он убил шестерых. Эта тихая роща оглашалась когда-то предсмертными криками. Мне чудилось, что я и сейчас слышу стоны и вопли несчастных.

Мы вышли из зарослей.

— За мною, приятели! — крикнул Мерри.

И те, что шли впереди, кинулись бежать.

Внезапно, не пробежав и десяти ярдов, они остановились. Поднялся громкий крик. Сильвер скакал на своей деревяшке, как бешеный. Через мгновение мы оба тоже внезапно остановились.

Перед нами была большая яма, вырытая, очевидно, давно, так как края у нее уже обвалились, а на дне росла трава. В ней мы увидели рукоятку заступа и несколько досок от ящиков. На одной из досок каленым железом была выжжена надпись: «Морж» — название судна, принадлежавшего Флинту.

Было ясно, что кто-то раньше нас уже нашел и похитил сокровища — семьсот тысяч фунтов стерлингов исчезли.

Глава XXXIII

Падение главаря

Кажется, с тех пор как стоит мир, не было такого внезапного крушения великих надежд. Все шестеро стояли, как пораженные громом. Сильвер первый пришел в себя. Всей душой стремился он к этим деньгам, и вот в одно мгновение все рухнуло. Однако он не потерял головы, овладел собой и успел изменить план своих будущих действий, прежде чём прочие поняли, какая беда их постигла.

— Джим,— прошептал он,— вот возьми и будь наготове. И сунул мне в руку двуствольный пистолет.

В то же время он начал спокойнейшим образом двигаться к северу, так что яма очутилась между нами обоими и пятью разбойниками. Потом Сильвер посмотрел на меня и кивнул, словно говоря: «Положение нелегкое», и я был вполне с ним согласен. Теперь взгляд его снова стал ласков. Меня возмутило такое двуличие. Я не удержался и прошептал:

— Так что вы снова изменили своим.

Но он ничего не успел мне ответить. Разбойники, крича и ругаясь, прыгали в яму и разгребали ее руками, разбрасывая доски в разные стороны. Морган нашел золотую монету. Он поднял ее, осыпая всех бранью. Монета была в две гинеи. Несколько мгновений переходила она из рук в руки.

— Две гинеи! — заревел Мерри, протягивая монету Сильверу.— Это, что ли, твои семьсот тысяч? Ты, кажется, любитель заключать договоры? По-твоему, тебе все всегда удается, деревянная ты голова?

— Копайте, копайте, ребята,— сказал Сильвер с холодной насмешкой.— Авось выкопаете два-три земляных ореха. Их так любят свиньи.

— Два-три ореха! — в бешенстве взвизгнул Мерри.— Товарищи, вы слышали, что он сказал? Говорю вам: он знал все заранее! Гляньте ему в лицо, там это ясно написано.

— Эх, Мерри! — заметил Сильвер.— Ты, кажется, снова намерен пролезть в капитаны? Ты, я вижу, напористый малый.

На этот раз решительно все были на стороне Мерри. Разбойники стали выползать из ямы, с бешенством глядя на нас. Впрочем, на наше счастье, все они очутились на противоположной стороне.

Так стояли мы, двое против пятерых, и нас разделяла яма. Ни одна из сторон не решалась нанести первый удар. Сильвер стоял неподвижно. Хладнокровный и спокойный, он наблюдал за

врагами, опираясь на свой костыль. Он действительно был смешной человек.

Наконец Мерри решил воодушевить своих сторонников речью.

— Товарищи, — сказал он, — смотрите-ка, их всего только двое: один — старый калека, который привел нас сюда на погибель, другой — щенок, у которого я давно уже хочу вырезать сердце. И теперь...

Он поднял руку и возвысил голос, готовясь вести свой отряд в наступление. И вдруг — пафф! пафф! пафф! — в чаще грянули три мушкетных выстрела. Мерри свалился головой вниз, прямо в яму. Человек с повязкой на лбу завертелся юлой и упал рядом с ним, туда же. Трое остальных пустились в бегство.

В то же мгновение Долговязый Джон выстрелил из обоих стволов своего пистолета прямо в Мерри, который пытался выкарабкаться из ямы. Умирая, Мерри глянул своему убийце в лицо.

— Джордж, — сказал Сильвер, — теперь мы, я полагаю, в расчете.

В зарослях мускатного ореха мы увидели доктора, Грея и Бена Ганна. Мушкеты у них дымились.

— Вперед! — крикнул доктор. — Торопись, ребята! Мы должны отрезать их от шлюпок.

И мы помчались вперед, пробираясь через кусты, порой доходившие нам до груди.

Сильвер из сил выбивался, чтобы не отстать от нас. Он так работал своим костылем, что, казалось, мускулы у него на груди вот-вот разорвутся на части. По словам доктора, и здоровый не выдержал бы подобной работы. Когда мы добежали до откоса, он отстал от нас на целых тридцать ярдов и совершенно выбился из сил.

— Доктор, — кричал он, — посмотрите! Торопиться нечего!

Действительно, спешить было некуда. Мы вышли на открытую поляну и увидели, что три уцелевших разбойника бегут в сторону холма Бизань-мачты. Таким образом, мы уже находились между беглецами и лодками и могли спокойно передохнуть. Долговязый Джон, вытирая пот с лица, медленно подошел к нам.

— Благодарю вас от всего сердца, доктор, — сказал он. — Вы поспели как раз вовремя, чтобы спасти нас обоих... А, так это ты, Бен Ганн? — прибавил он. — Ты, я вижу, молодчина.

— Да, я Бен Ганн, — смущенно ответил бывший пират, извиваясь перед Сильвером, как угорь. — Как вы поживаете, мистер Сильвер? — спросил он после долгого молчания. — Кажется, плохо?

— Бен, Бен,— пробормотал Сильвер,— подумать только, какую штуку сыграл ты со мной!

Доктор послал Грея за киркой, брошенной в бегстве разбойниками. Пока мы неторопливо спускались по откосу к нашим шлюпкам, доктор в нескольких словах рассказал, что случилось за последние дни. Сильвер жадно вслушивался в каждое слово. Полупомешанный пустынник Бен Ганн был главным героем рассказа.

По словам доктора; во время своих долгих одиноких скитаний по острову Бен отыскал и скелет и сокровища. Это он обобрал скелет и выкопал из земли деньги, это его рукоятку от заступа видели мы на дне ямы. На своих плечах перенес он все золото из-под высокой сосны в пещеру двуглавой горы в северо-восточной части острова. Эта тяжкая работа, требовавшая многодневной ходьбы, была окончена всего лишь за два месяца до прибытия «Испаньолы».

Все это доктор вывел у него при первом же свидании с ним в день атаки на нашу крепость. Следующим утром, увидев, что корабль исчез, доктор пошел к Сильверу, отдал ему карту, которая теперь не имела уже никакого значения, и предоставил ему крепость со всеми припасами, так как пещера Бена Ганна была в изобилии снабжена соленой козлятиной, которую Бен Ганн заготовил своими руками. Благодаря этому мои друзья получили возможность, не подвергаясь опасности, перебраться из крепости на двуглавую гору, подальше от малярийных болот, и там охранять сокровища.

— Конечно, я предвидел, милый Джим,— прибавил доктор,— что тебе наше переселение окажет дурную услугу, и это очень огорчало меня, но прежде всего я должен был подумать о тех, кто добросовестно исполнял свой долг. В конце концов, ты сам виноват, что тебя не было с нами.

Но в то утро, когда он увидел меня в пленау у пиратов, он понял, что, узнав об исчезновении сокровищ, они выместили свою злобу на мне. Поэтому он оставил сквайра охранять капитана, захватил с собой Грея и Бена Ганна и направился наперерез через остров, прямо к большой сосне. Увидев дорогой, что наш отряд его опередил, он послал Бена Ганна вперед, так как у Бена были очень быстрые ноги. Тот решил тотчас же воспользоваться суеверием своих бывших товарищей и нагнал на них страху. Грей и доктор подоспели и спрятались невдалеке от сосны, прежде чем прибыли искатели клада.

— Как хорошо,— сказал Сильвер,— что со мной был Хокинс! Не будь его, вы бы, доктор, и бровью не повели, если бы меня изрубили в куски.

— Еще бы! — ответил доктор Ливси со смехом.

Тем временем мы подошли к нашим шлюпкам. Одну из них доктор сейчас же разбил киркой, чтобы она не досталась разбойникам, а в другой поместились мы все и поплыли вокруг острова к Северной стоянке.

Нам пришлось проплыть не то восемь, не то десять миль. Сильвер, несмотря на смертельную усталость, сел за весла и греб наравне с нами. Мы вышли из пролива и оказались в открытом море. На море был штиль. Мы обогнули юго-восточный выступ острова, тот самый, который четыре дня назад огнибала «Испаньола».

Проплывая мимо двуглавой горы, мы увидели темный вход в пещеру Бена Ганна и около него человека, который стоял, опершись на мушкет. Это был сквайр. Мы помахали ему платками и трижды прокричали «ура», причем Сильвер кричал громче всех.

Пройдя еще три мили, мы вошли в Северную стоянку и увидели «Испаньолу». Она носилась по воде без руля и ветрил. Прилив поднял ее с мели. Если бы в тот день был ветер или если бы в Северной стоянке было такое же сильное течение, как в Южной, мы могли бы лишиться ее навсегда. В лучшем случае мы нашли бы одни лишь обломки. Но, к счастью, корабль был цел, если не считать порванного грота. Мы бросили в воду, на глубину в полторы сажени, запасной якорь. Потом на шлюпке отправились в Пьяную бухту — ближайший к сокровищнице Бена Ганна пункт. Там мы высадились, а Грея послали на «Испаньолу», чтобы он стерег корабль в течение ночи.

По отлогому склону поднялись мы к пещере. Наверху встретил нас сквайр.

Со мной он обошелся очень ласково. О моем бегстве не сказал ни одного слова — не хвалил меня и не ругал. Но когда Сильвер учтиво отдал ему честь, он покраснел от гнева.

— Джон Сильвер, — сказал он, — вы гнусный негодяй и обманщик! Чудовищный обманщик, сэр! Меня уговорили не преследовать вас, и я обещал, что не буду. Но мертвцы, сэр, висят у вас на шее, как мельничные жернова...

— Сердечно вам благодарен, сэр, — ответил Долговязый Джон, снова отдавая ему честь.

— Не смеите меня благодарить! — крикнул сквайр. — Из-за вас я нарушаю свой долг. Отойдите прочь от меня!

Мы вошли в пещеру. Она была просторна и полна свежего воздуха. Из-под земли пробивался источник чистейшей воды и втекал в небольшое озеро, окаймленное густыми папоротниками. Пол был песчаный. Перед пылающим костром лежал капитан Смоллэтт. А в дальнем углу тускло сияла громадная

груда золотых монет и слитков. Это были сокровища Флинта — те самые, ради которых мы проделали такой длинный, утомительный путь, ради которых погибли семнадцать человек из экипажа «Испаньолы». А скольких человеческих жизней, скольких страданий и крови стоило собрать эти богатства! Сколько было потоплено славных судов, сколько замучено храбрых людей, которых заставляли с завязанными глазами идти по доске! Какая пальба из орудий, сколько лжи и жестокости! На острове все еще находились трое — Сильвер, старый Морган и Бен, — которые некогда принимали участие во всех этих ужасных злодействах и теперь тщетно надеялись получить свою долю богатства.

— Войди, Джим,— сказал капитан.— Ты по-своему, может быть, и неплохой мальчуган, но даю тебе слово, что никогда больше я не возьму тебя в плавание, потому что ты из породы любимчиков: делаешь все на свой лад... А, это ты, Джон Сильвер! Что привело тебя к нам?

— Вернулся к исполнению своих обязанностей, сэр,— ответил Сильвер.

— А! — сказал капитан.

И не прибавил ни звука.

Как славно я поужинал в тот вечер, окруженный всеми моими друзьями! Какой вкусной показалась мне соленая козлятина Бена, которую мы запивали старинным вином, захваченным с «Испаньолы»! Никогда еще не было людей веселей и счастливее нас. Сильвер сидел сзади всех, подальше от света, но ел вовсю, стремительно вскакивал, если нужно было что-нибудь подать, и смеялся нашим шуткам вместе с нами — словом, опять стал тем же ласковым, учтивым, услужливым поваром, каким был во время нашего плавания.

Глава XXXIV

И последняя

На следующее утро мы рано принялись за работу. До берега была целая миля. Нужно было перетащить туда все наше золото и оттуда в шлюпке доставить его на борт «Испаньолы» — тяжелая работа для такой немногочисленной кучки людей. Три разбойника, все еще бродившие по острову, мало беспокоили нас. Достаточно было поставить одного часового на вершине холма, и мы могли не бояться внезапного нападения. Да, кроме того, мы

полагали, что у этих людей надолго пропала охота к воинственным стычкам.

Мы трудились не покладая рук. Грэй и Бен Ганн отвозили золото в лодке на шхуну, а прочие доставляли его на берег. Два золотых слитка мы связывали вместе веревкой и взваливали друг другу на плечи — больше двух слитков одному человеку было не поднять. Так как мне носить тяжести было не под силу, меня оставили в пещере и велели насыпать деньги в мешки из-под сухарей.

Как и в сундуке Билли Бонса, здесь находились монеты самой разнообразной чеканки, но, разумеется, их было гораздо больше. Мне очень нравилось сортировать их. Английские, французские, испанские, португальские монеты, гинеи и луидоры, дублоны и двойные гинеи, муадоры и цехины, монеты с изображениями всех европейских королей за последние сто лет, странные восточные монеты, на которых изображен не то пучок веревок, не то клок паутины, круглые монеты, квадратные монеты, монеты с дыркой посередине, чтобы их можно было носить на шее, — в этой коллекции были собраны деньги всего мира. Их было больше, чем осенних листьев. От возни с ними у меня ныла спина и болели пальцы.

День шел за днем, а нашей работе не было видно конца. Каждый вечер груды сокровищ отправляли мы на корабль, но не меньшие груды оставались в пещере. И за все это время мы ни разу ничего не слыхали об уцелевших разбойниках.

Наконец — если не ошибаюсь, на третий вечер, — когда мы с доктором поднимались на холм, снизу, из непроглядной тьмы, ветер внезапно принес к нам не то крик, не то песню. Как следует расслышать нам ничего не удалось.

— Прости им боже, это разбойники, — сказал доктор.

— Все пьяны, сэр, — услышал я за спиной голос Сильвера.

Сильвер пользовался полной свободой и, несмотря на всю нашу холодность, снова начал держать себя с нами по-приятельски, как привилегированный и дружелюбный слуга. Он как бы не замечал всеобщего презрения к себе и каждому старался услужить, был со всеми неустанно вежлив. Но обращались все с ним, как с собакой. Только я и Бен Ганн относились к нему не-сколько лучше. Бен Ганн все еще несколько побаивался прежнего своего квартирмейстера, а я был ему благодарен за свое спасение от смерти, хотя, конечно, имел причины думать о нём еще хуже, чем кто бы то ни был другой, — ведь я не мог позабыть, как он собирался предать меня вновь. Доктор резко откликнулся на замечание Сильвера:

— А может быть, они больны и бредят...

— Правильно, сэр,— сказал Сильвер,— но нам с вами это вполне безразлично.

— Я полагаю, вы вряд ли претендуете на то, мистер Сильвер, чтобы я считал вас сердечным, благородным человеком,— заметил насмешливо доктор,— и я знаю, что мои чувства покажутся вам несколько странными. Но если бы я был действительно уверен, что хоть один из них болен и в бреду, я, даже рискуя своей жизнью, отправился бы к ним, чтобы оказать им врачебную помощь.

— Прошу прощения, сэр, вы сделали бы большую ошибку,— возразил Сильвер.— Потеряли бы свою драгоценную жизнь, только и всего. Я теперь на вашей стороне и душой и телом и не хотел бы, чтобы ваш отряд лишился такого человека, как вы. Я очень многим вам обязан. А эти люди ни за что не могли бы сдержать свое честное слово. Мало того — они никогда не поверили бы и вашему слову.

— Зато вы хорошо умеете держать свое слово,— сказал доктор.— В этом можно было убедиться недавно.

Больше о трех пиратах мы почти ничего не узнали. Только однажды до нашего слуха донесся отдаленный ружейный выстрел; мы решили, что они занялись охотой. Между нами состоялось совещание, и было постановлено не брать их с собой, а оставить на острове. Бен Ганн страшно обрадовался такому решению. Грей тоже его одобрил. Мы оставили им большой запас пороха и пуль, груду соленой козлятины, немного лекарства и других необходимых вещей, инструменты, одежду, запасной парус, несколько ярдов веревок и, по особому желанию доктора, изрядную порцию табаку.

Больше нам нечего было делать на острове. Корабль был уже нагружен и золотом, и пресной водой, и, на всякий случай, остатками соленой козлятины. Наконец мы подняли якорь и вышли из Северной стоянки. Над нами развевался тот самый флаг, под которым мы сражались, защищая нашу крепость от пиратов.

Тут обнаружилось, что разбойники следили за нами гораздо внимательнее, чем мы думали раньше, ибо, плывя проливом и приблизившись к южной оконечности острова, мы увидели их троих: они стояли на коленях на песчаной косе и с мольбой простирали к нам руки. Нам было тяжело оставлять их на необитаемом острове, но другого выхода у нас не было. Кто знает, не поднимут ли они новый мятеж, если мы возьмем их на корабль! Да и жестоко везти на родину людей, которых там ожидает виселица. Доктор окликнул их, сообщил им, что мы оставили для них пищу и порох, и принял объяснить, как эти припасы

найти. Но они называли нас по именам, умоляли сжалиться над ними и не дать им умереть в одиночестве.

Под конец, видя, что корабль уходит, один из них — не знаю который — с диким криком вскочил на ноги, схватил свой мушкет и выстрелил. Пуля просвистела над головой Сильвера и пронзила гроб.

Мы стали осторожнее и спрятались за фальшбортом. Когда я решился выглянуть из-за прикрытия, пиратов уже не было на косе, да и самая коса почти пропала. А незадолго до полудня, к невыразимой моей радости, исчезла за горизонтом и самая высокая гора Острова Сокровищ.

Нас было так мало, что приходилось работать сверх сил. Капитан отдавал приказания лежа на корме на матраце. Он поправился, но ему все еще был нужен покой. Мы держали курс на ближайший порт Испанской Америки, чтобы подрядить новых матросов: без них мы не решались плыть домой. Ветер часто менялся и сбивал наш корабль с пути: кроме того, два раза испытывали мы свирепые штормы и совсем измучились, пока добрались до Америки.

Солнце уже садилось, когда мы наконец бросили якорь в живописной закрытой гавани. Нас окружили лодки с неграми, мулатами и мексиканскими индейцами, которые продавали нам фрукты и овощи и были готовы ежеминутно нырять за брошенными в воду монетами. Добродушные лица (главным образом черные), вкусные тропические фрукты и, главное, огоньки, вспыхнувшие в городе, — все это было так восхитительно, так не похоже на мрачный, залитый кровью Остров Сокровищ! Доктор и сквайр решили провести вечер в городе. Они захватили с собой и меня. На берегу мы встретились с капитаном английского военного судна и поехали к нему на корабль. Там мы очень приятно провели время и вернулись на «Испаньюол», когда уже начался рассвет.

На палубе был только один человек — Бен Ганн, и, как только мы взошли на корабль, он принял каяться и обвинять себя в ужасном проступке, делая самые дикие жесты. Оказалось, что Сильвер удрал. Бен признался, что сам помог ему сесть в лодку, так как был убежден, что нам всем угрожает опасность, «пока на борту остается этот одногий дьявол». Но корабельный повар удрал не с пустыми руками. Он незаметно проломил перегородку и похитил мешочек с деньгами — триста или четыреста гиней, которые, несомненно, пригодятся ему в дальнейших скитаниях. Мы были довольны, что так дешево от него отделались.

Не желая быть многословным, скажу только, что, взяв к себе

на корабль несколько новых матросов, мы прибыли благополучно в Бристоль.

«Испаньола» вернулась как раз к тому времени, когда мистер Блендли уже начал подумывать, не послать ли нам на помошь второй корабль. Из всего экипажа только пятеро вернулись домой. «Пей, и дьявол тебя доведет до конца» — вот пророчество, которое полностью оправдалось в отношении всех остальных. Впрочем, «Испаньола» все же оказалась счастливее того корабля, о котором пели пираты:

Все семьдесят пять не вернулись домой —
Они потонули в пучине морской.

Каждый из нас получил свою долю сокровищ. Одни распорядились богатством умно, а другие, напротив, глупо, в соответствии со своим темпераментом. Капитан Смоллэтт оставил морскую службу. Грей не только сберег свои деньги, но, внезапно решив добиться успеха в жизни, занялся прилежным изучением морского дела. Теперь он штурман и совладелец одного превосходного и хорошо оснащенного судна. Что же касается Бена Ганна, он получил свою тысячу фунтов и истратил их все в три недели, или, точнее, в девятнадцать дней, так как на двадцатый явился к нам нищим. Сквайр сделал с Беном именно то, чего Бен так боялся: дал ему место привратника в парке. Он жив до сих пор, ссорится и дружит с деревенскими мальчишками, а по воскресным и праздничным дням отлично поет в церковном хоре.

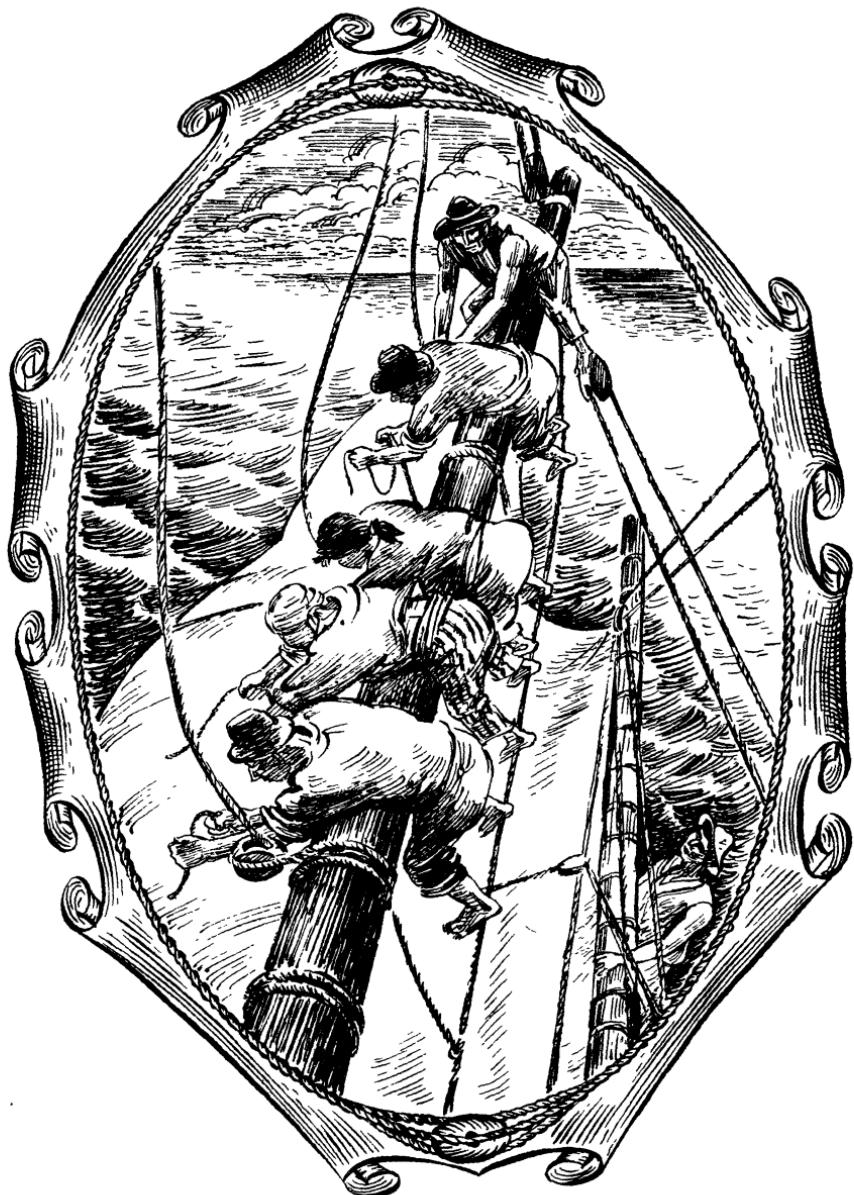
О Сильвере мы больше ничего не слыхали. Отвратительный одноногий моряк навсегда ушел из моей жизни. Вероятно, он отыскал свою чернокожую женщину и живет где-нибудь в свое удовольствие с нею и Капитаном Флинтом. Будем надеяться на это, ибо его шансы на лучшую жизнь на том свете совсем невелики. Остальная часть клада — серебро в слитках и оружие — все еще лежит там, где ее зарыл покойный Флинт. И, по-моему, пускай себе лежит. Теперь меня ничем не заманишь на этот проклятый остров. До сих пор мне снятся по ночам буруны, разбивающиеся о его берега, и я вскакиваю с постели, когда мне чудится хриплый голос Капитана Флинта:

— Пиастры! Пиастры! Пиастры!

Рональд
Фредерик Дадерфилд

ПРИКЛЮЧЕНИЯ
БЕНЯ ГАННА

КАК ПОЯВИЛАСЬ НА СВЕТ ЭТА КНИГА

Помню отлично, как я впервые прочитал «Остров Сокровищ».

Я начал читать в шесть часов вечера. Два часа спустя настороживший стук в наружную дверь вызволил меня из осажденного блокгауза. Сбегая со второго этажа по лестнице, чтобы открыть, я был готов увидеть на пороге Билли Бонса или Черного Пса... Это были всего-навсего мои тетушка и дядюшка, внезапно нагрянувшие в гости из Лондона.

Тетушка была моей любимицей, к тому же ее появление сулило мне полкronы на карманные расходы. Тем не менее я всей душой желал, чтобы наши гости лежали на дне Северной бухты рядом с Хендсом и О'Брайеном. В тот момент я мечтал лишь об одном — скорее вернуться в блокгауз.

С того далекого дня я перечитывал «Остров Сокровищ» не менее раза в год. Он никогда не надоедал мне и — я знаю это! — никогда не надоест.

Когда подросли мои дети, Вероника и Поль, я стал читать им вслух «Остров Сокровищ».

В тот вечер, когда я перевернул последнюю страницу, мне пришлось тут же начать чтение снова. А после третьего раза на меня градом посыпались вопросы.

Вопросы Поля были обычного свойства. Что случилось с тремя пиратами, оставленными на острове? Удалось ли кому-нибудь найти оружие и серебряные слитки? Как получилось, что Бен Ганн нашел сокровище?

Веронику занимали дела посложнее. Почему такой одаренный человек, как Сильвер, стал преступником? Кому принадлежал корабль, который затонул в Северной бухте и у которого «на палубе расцвел настоящий цветник»? Почему такие друзья, как Хендс и О'Брайен, схватились насмерть друг с другом? И, самое главное, как мог стать пиратом такой безобидный человек, как Бен Ганн?

Ни один из этих вопросов не был для меня новым. Я сам уже чуть ли не тридцать лет ломал над ними голову и даже пытался — безуспешно — добиться ответа у друзей, как и я, любящих «Остров Сокровищ». В конце концов оставалось лишь одно: ответить самому.

Таким образом, настоящая книга не является продолжением «Острова Сокровищ». От души надеюсь, что она не будет воспринята и как плохое подражание. Это скорее всего дополнение, притом такое, которое, сдается мне, заслужило бы одобрение Стивенсона. Да, мне хочется верить, что он одобрил бы ее: ведь он очень любил своих героев. Иначе чем объяснить, что они так полюбились многим поколениям читателей?

АВТОР

Написано в 1805 году
Джеймсом Хокинсом,
сквайром, в его доме,
в поместье Оттертон,
графство Девон.

Бен Ганн, в прошлом пират, скончался восемь месяцев тому назад, дожив до весьма почтенного возраста — восемидесяти лет.

Мы похоронили его на маленьком кладбище в Ист-Бэллей, в том самом приходе, где он родился в 1725 году. Он лежит меньше чем в двадцати ярдах от могилы своей матери, которая дала ему жизнь и сердце которой он, по его собственным словам, разбил. Впрочем, мне всегда сдавалось, что Бен относился к числу бедняг, склонных взваливать на свои плечи более тяжелое бремя вины, нежели они того заслуживают.

Лично я никогда не видел в Бене Ганне пирата. Для меня он всегда оставался тем человеком, которого я встретил в тот страшный день на Острове сокровищ, когда он окликнул меня в лесу и я услышал историю, показавшуюся мне тогда бессвязным набором слов.

В конечном счете, Бен являлся скорее прислужником, вроде Дарби Мак-Гроу, чем настоящим пиратом, и люди Флинта относились к нему с насмешливым презрением. Вместе с тем он отнюдь не был таким простаком, каким казался. Хитрость, расчетливость и осторожность Бена не раз сослужили ему хорошую службу на протяжении его сумбурной жизни.

Однокая жизнь на острове сделала Бена другим человеком, и он никогда больше не переступал закона.

Мы с Беном стали большими друзьями еще задолго до смерти сквайра Трелони и доктора Ливси. Он всегда относился ко мне особенно тепло — ведь я первый встретил его на острове. Бен охотно рассказывал мне истории, которые ни за что не поведал бы ни сквайру, ни доктору. И если я теперь предаю его рассказы гласности, то лишь потому, что он сам разрешил сделать это после его смерти.

Сдается мне, что Бен, соглашаясь на опубликование своей истории, видел в ней нечто вроде посмертной исповеди. До самых последних дней его угнетал страх перед возмездием. Мне никак не удавалось убедить Бена, что смелое поведение во время борьбы против бунтовщиков с «Испаньолы» полностью искупило все его прегрешения.

Вначале я собирался изложить историю Бена Ганна так,

как он сам поведал ее, но это оказалось мне не по силам. Дело в том, что рассказ Бена никогда не был стройным и последовательным: он начинал говорить об одном, затем перескакивал на другое. Вместе с тем повествование многое потеряло бы, если бы не велось от первого лица. Я пошел по среднему пути, позволив себе произвести отбор эпизодов и изложить их в соответствии со взглядами и мышлениями Бена.

Я уверен, что он ничего не утаивал от меня. Он относился ко мне с полным доверием, и я надеюсь, что оправдал это доверие до конца.

К сему: Джим Хокинс.
Поместье Оттертон,
1805 год.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

СЫН ПРИХОДСКОГО СВЯЩЕННИКА

Глава I

не было всего семнадцать лет, когда священник Аллардайс поселился со своей семьей в Ист-Бэдлей, приняв приход, предложенный ему новыми владельцами Большого поместья.

К тому времени мы уже свыклись с переменами, потому что с тех пор, как умер старый сквайр и имение за отсутствием прямых наследников перешло к Кастерам, в приходе все перевернулось вверх дном. Кастеры и раньше-то, видно, не были хорошими людьми, а внезапное богатство не сделало их лучше. Именно их плохое обращение с мелкими владельцами и арендаторами в округе и привело к тому, что должность приходского священника оказалась свободной. Гиббинс предпочел стать капелланом у одного из Бофортов, а на его место прибыл священник Аллардайс с женой и двумя детьми.

Я тогда был у Аллардайсов садовником, выполнял для них также различную другую работу, а сверх того помогал отцу, когда начинались зимние дожди и требовалось особенно много могил. Священник платил мне фруктами и овощами со своего огорода. Семья у нас была большая, и мать с радостью принимала все, что я только мог принести в дом, тем более что новый сквайр запретил собирать на его полях колоски после жатвы.

Аллардайсы относились ко мне хорошо, особенно дочь мисс Далси, прекрасная девушка с независимым характером. Брат Ник был года на два, на три моложе ее и учился в колледже на

врача. Мисс Далси очень любила брата и не уставала говорить о его способностях. Тогда я не очень-то прислушивался к ее словам. Знай я, как тесно переплетутся наши с Ником пути в последующие годы, я расспросил бы о нем побольше.

Священник был человек прямой, суровый и непреклонный и мастак читать проповеди. Мы понимали лишь отдельные слова, когда он говорил с амвона, такой он был ученый. Жена его носила роскошные платья, каких мне никогда не приходилось видеть. Дела мужа ее не занимали, она жила исключительно сыном и с малых лет испортила его своим баловством. Зато мисс Далси всегда сопровождала отца в его обходах и меньше чем за месяц стала в приходе всеобщей любимицей.

Мы жили в маленьком домике из двух комнат у самой церковной ограды. Кастеры никак не могли собраться ее починить, и зимой грязные ручьи с кладбища текли через наш двор.

Как я уже говорил, в приходе царил полный разброд, а все из-за того, что Кастеры ввели строгий запрет против охоты в своих владениях и огораживали земли, которые при старом сквайре всегда считались общественным выгоном.

Зачинщиком всех этих притеснений называли Бэзила Кастера, сына нового владельца. Ему тогда было лет около двадцати пяти. Высокий, бледный, рыжий, хилого сложения, он чем-то напоминал хорька. Бэзил Кастер твердо решил стать настоящим сквайром и ездил только верхом. Однако он был никудышным наездником и то и дело шлепался с седла наземь. Зато Кастер хорошо стрелял из охотничьего ружья; однажды с расстояния в двести шагов он ранил в руку Эйба Гудинга, когда тот ставил силки на опушке Бэйкерских зарослей. Эйбу удалось уйти, но пришлось бежать из дома и завербоваться в солдаты, чтобы избежать ссылки за море. А вскоре после этого мой дядя Джейк подстрелил последнего в своей жизни фазана, положив начало событиям, которые забросили меня на другой край света. Но об этом я расскажу чуть дальше. Сначала нужно объяснить, каким образом оказался замешанным во все это Ник, сын священника.

Через несколько месяцев после того, как приехали Аллардайсы, появился и их сыночек. Он набедокурил в Лондоне: променял учение на игру и на скачки и так залез в долги, что сидеть бы ему в долговой тюрьме, если бы мать вовремя не подбросила денег.

Ник вовсе не производил впечатления неисправимого повесы. Он был рослый, широкоплечий, густые волосы курчавились, на открытом лице весело сияли голубые глаза. Руки Ника

белизной и нежностью кожи напоминали женские, но в силе не уступали рукам нашего кузнеца Неда Семмера, и Ник почти всегда одолевал Неда, когда они летними вечерами затевали корнуоллскую борьбу на траве.

По речи Ника сразу было слышно, что это настоящий джентльмен, однако с нами он держался как с равными.

Ник и Бэзил очень скоро стали врагами, и моя семья оказалась замешанной в их ссоре, потому что все началось из-за дяди Джейка. Бэзил убил его, да так жестоко и подло это сделал, что стал самым ненавистным помещиком во всей округе от Экса до Тэймера.

Под рождество чуть ли не все торговцы дичью в округе упоминали на Джейка, и он не жалел сил, чтобы оправдать их надежды — за счет Кастеров. Конечно, это было нехорошо и противозаконно, однако не давало еще права Бэзилу Кастеру расставлять в лесу капканы на людей. Стража — другое дело. С ними у нас шел честный поединок, в котором побеждал наибольший ловкий. Но капкан с зубьями, как у пилы, и с хваткой голодной акулы — от такой штуки хоть у кого душа закипит смертельной ненавистью.

Однажды ночью Джейк не вернулся домой. Он часто проводил под открытым небом по два-три дня — когда охотился, когда отсыпался в одном из своих тайников после особенно бурной выпивки, но теперь его отсутствие очень уж затянулось. Мы отправились на розыски и прочесали чащу до береговых утесов на юге. На второй день поисков мой брат нашел его — мертвого. Дядя Джейк попал в один из капканов Кастера и истек кровью. Его дворняжка Тафти лежала полумертвая от голода рядом с хозяином и жалобно скулила. Если бы Джейк не выучил собаку вести себя тихо на охоте, он еще дожил бы, возможно, до выездного суда.

Хоронить Джейка собралось очень много людей, пришли даже из Попплефорда. Много недобрых слов было высказано и много сумрачных взглядов обращалось в сторону помещичьей усадьбы, но дальше этого не пошло.

Впрочем, нашелся смельчак, который не побоялся выложить то, что у него накопилось на душе. Это был Ник Аллардайс. Ник не участвовал в похоронах, но когда мы с отцом принялись засыпать могилу, он появился на кладбище и остановился около нас в раздумье, покуривая длинную виргинскую сигару.

Наконец он сдвинул сигару в угол рта и сдержанно произнес:

— Вы, Ганн, по-видимому, не собираетесь посчитаться за брата?

Отец поднял голову и осмотрелся кругом, чтобы убедиться, что его никто не услышит.

— Дом, в котором я живу, принадлежит Кастерам, и ваш отец платит мне из десятины, которую получает от Кастеров. Нас дома тринадцать ртов, и всех-то надо накормить и одеть. Мне ли думать о том, чтобы сводить счеты, мистер Аллардайс?

Он был благоразумен, мой отец, и знал свое место.

Ник ухмыльнулся и пошел прочь, кивнув мне на прощание. Он знал, как я смотрю на это дело, но знал также, думается мне, что в словах моего отца заключен здравый смысл.

В этот миг за оградой послышался стук копыт, и Бэзил Кастер выбежал по ступенькам и зашагал через могилы туда, где мы работали. Ник замер на месте в нескольких ярдах от нас.

Кастер постоял около свежей могилы, похлопывая по тощей ноге своей тяжелой плеткой с набалдашником из слоновой кости, и вдруг рассмеялся. Это был резкий, скрипучий смех, заставивший меня вспомнить звук бороньи, скребущей по гравию.

— Что ж, Ганн,— сказал он,— одним браконьером стало меньше, притом, если я верно слышал, самым отъявленным из всех них!

— Будь у здешних людей хоть капелька мужества, Кастер, лежать бы и вам в той могиле! — раздельно произнес Ник.

Змеиный взгляд Бэзила Кастера скользнул по Нику. Краска залила его лицо, тут же сменившись смертельной бледностью.

— Побереги лучше свое остроумие для черни Ковент-Гардена, Аллардайс, а не то как бы не остаться твоему отцу без прихода! — взвизгнул он.

Ник стоял все так же неподвижно, не спуская глаз с Бэзила.

— Если ты расставишь свою западню для меня или для кого-нибудь из нашей семьи,— произнес он наконец,— я вызову тебя на поединок. Мне все едино — кулаки, дубинки, пистолеты или шпаги! Я ведь тебе не какой-нибудь льстивый арендатор, Кастер!

Я ждал, что Бэзил тут же набросится на него. Он подался вперед, потом вдруг остановился, повернулся кругом, сбежал по кладбищенской лестнице, вскочил в седло и поскакал прочь; только искры засверкали из-под копыт его кобылы.

В тот день Ник по-настоящему завоевал мое сердце. Он посеял что-то новое в моей душе, и этому посеву суждено было дать всходы, которые продолжали расти даже тогда, когда от могучего тела Ника остался лишь скелет — этот скелет ты видел сам, Джим...

Глава II

О последующей стычке Бэзила и Ника я узнал с чужих слов. Случилась она в ночь Охотничьего бала, который давали в Большой усадьбе накануне рождества. На этот раз причиной раздора оказалась женщина, красавица мисс Фейрфилд из Эксминстер-Холл.

По-видимому, Ник произвел на балу выгодное впечатление своей внешностью и искусством танцора. Так или иначе мисс Энн решила сгладить его с Бэзилом. Да и какая хорошенькая женщина не поступит так, если представится случай! Кончилось тем, что молодые люди крепко повздорили, и Ник предложил тут же решить дело поединком. Ему явно не терпелось увидеть, какого цвета кровь у Бэзила.

Разумеется, до дуэли не дошло. Об этом позабылся сквайр Кастер. Но он не ограничился этим: вызвав священника Аллардайса, сквайр предложил ему на выбор — либо священник отправит своего сына обратно в Лондон, а еще лучше за море, либо расстанется с приходом.

По этому поводу в доме Аллардайсов состоялся семейный совет. Мать Ника была целиком на стороне сына и говорила, что нельзя давать спуску этим Кастерам. Отважные поступки Ника сделали его героем в наших глазах. Каждый из нас, молодых, только обрадовался бы, увидев Бэзила на носилках. Мы ни минуты не допускали мысли, что Ник может проиграть единоборство.

Но священник судил более здраво. Он не собирался терять хороший приход из-за сына, которого буйный нрав сделал притчей во языцах. Короче, он предложил Нику готовиться к новой жизни в колониях, а пока держаться подальше от Бэзила Кастера.

Ник встретил это решение без особой радости. Я подозреваю, что мать и сестра подбивали его не повиноваться отцу.

Мы виделись с ним часто в это время. После случая у могилы Джейка Ник стал относиться ко мне с особым расположением и сделал меня чем-то вроде личного слуги. Главной моей обязанностью было доставлять его по ночам домой из таверны и других злачных мест. Нелегко мне приходилось, когда нужно было заставить его, мертвеецки пьяного после очередной пирушки, держаться в седле. Однажды мы пустились вперегонки с плимутской почтовой каретой и чуть было не попали под нее. В другой раз мы загнали стадо коров Кастера на посевы. Следующая выдумка Ника заключалась в том, что мы нацепили черные маски и под видом разбойников остановили карету на Йеттинг-

тонской дороге. Ник отобрал у ехавшего в карете сидмутского нотариуса и его жены кошельки, драгоценности и часы, но на следующий же день отослал добычу владельцам, присовокупив письмо, в котором говорилось, что он прозрел и отныне решил стать честным человеком.

Месяца три-четыре мы тешились такого рода забавами, но тут вмешалась моя мать. Она пошла к священнику Аллардайсу и заявила, что либо это прекратится, либо ей придется обратиться к сквайру. На следующий же день священник Аллардайс отправился в Плимут и оплатил сыну проезд на бриге до Чарстона. Вернувшись, он вручил Нику сотню гиней на дорогу и дал ему три дня срока на то, чтобы собраться в путь.

Ник решил ехать. Сдается, беспутная жизнь ему не очень-то нравилась — просто он не мог придумать ничего лучшего. Приняв решение, он тут же начал строить планы. А задумал он стать плантатором в Каролине. Не знаю, собирался ли Ник Аллардайс сеять табак или хлопок, или думал вести хозяйство на английский лад, но только планам его не суждено было осуществиться, потому что хотя мы в конце концов и очутились в тех краях, но в обществе таких людей, которые сколачивали себе богатство совсем иными путями и собирали урожай не в поле, а в открытом море.

На прощание приятели Ника в Эксетере решили устроить пиршество. Я поехал с ним.

Теплой весенней ночью мы возвращались домой через общинные земли. По пути мы проезжали мимо усадьбы Кастеров, лежавшей в двух милях на восток от деревни. Полная луна ярко освещала широкий фасад и портик с колоннами. На западе, где местность понижалась к морю, чернели притихшие леса.

И тут Ник предложил такую штуку, которую можно объяснить только тем, что он был еще пьянее меня.

— Бен,— сказал он вдруг,— давай-ка сыграем сейчас Кастерам утреннюю зорю! Через неделю я буду уже далеко, и мне никогда больше не представится такой случай!

Не дожидаясь ответа, он пришпорил свою кобылу, ворвался в ворота усадьбы и помчался по главной аллее, стреляя в воздух из пистолетов и честя во всю глотку Кастеров так, как их, наверно, еще никто не честил.

Примерно на полдороге аллея круто поворачивала, и на мгновение я потерял Ника из виду. Наконец я миновал поворот и в тот же миг увидел выскочивших из усадьбы людей. Их было двое или трое, один из них — тощий и высокий. Я признал в нем самого Бэзила Кастера.

Пожалуй, Ник все-таки был трезвее, чем хотел казаться, потому что он тоже заметил их и круто свернул с аллеи на узкую дорожку, которая вела между купами рододендронов в сторону большой рощи.

Я был готов повернуть и спасаться бегством, предоставляя Нику самому расхлебывать заваренную им кашу, но сзади уже подоспел вооруженный сторож. Остался только один свободный путь. Я ринулся следом за Ником и успел прокрасться в рощу перед самым носом у тех, кто выбежал из усадьбы.

Под деревьями было темно, как в мешке, и мне пришлось сбивать ход. Шум погони стих. Я подумал, что преследователи вернулись домой, и, привязав пони к дереву, решил отыскать Ника, прежде чем он выкинет еще какую-нибудь штуку. Это было опрометчивое решение, и оно обошлось мне дорого, но ведь я был еще мальчишкой да к тому же успел привязаться к Нику.

Через рощу вела узенькая тропка; я двинулся по ней, медленно и осторожно, как учил меня когда-то на охоте дядя Джейк, и дошел до небольшой прогалины. Здесь стояла маленькая хижина, которой сторожа пользовались ночью.

Только я ступил на прогалину, как из-за деревьев выглянул краешек луны, и я увидел Бэзила. Он стоял неподвижно за хижиной, держа ружье наперевес в левой руке.

В ту же секунду на другом краю поляны в свете луны появился Ник, он вел лошадь в поводу. Кастер круто повернулся и выстрелил, даже не вскидывая ружья к плечу.

Ник вскрикнул и покачнулся, продолжая держаться за повод, а его лошадь поднялась на дыбы. Я увидел, как Бэзил, швырнув ружье на землю, бросился к Нику, но тут плотные облака заслонили луну, и поляна погрузилась в густой мрак.

Я услышал тяжелое дыхание, треск кустарника и ринулся туда. Тут снова выглянула луна, и я увидел Ника. Он прислонился к дереву, а его лошадь беспокойно переступала с ноги на ногу чуть поодаль. Бэзил Кастер стоял на коленях между Ником и лошадью, опираясь на руки и наклонив голову.

Крикнув: «Мистер Аллардайс! Это я, Бен», я подбежал к Нику. В этот момент Бэзил как-то странно кашлянул и упал замертво на траву. Я обернулся к Нику — он медленно валился наземь, цепляясь руками за ствол. Даже при слабом лунном свете я увидел, что его рубашка и шарф потемнели от крови; правая рука Ника сжимала нож.

Размышлять было некогда. На тропе, по которой я пришел, слышались крики, шум доносился и со стороны усадьбы.

Я подвел Нику лошадь.

— Вы можете сесть в седло?

Он ничего не ответил, через силу поднялся на ноги и стал искать стремя. Я помог ему вдеть левую ногу и подсадил его. Ник вскочил в седло и повалился на шею лошади, а я взялся за повод.

Мое былое увлечение охотой спасло нам жизнь в эту ночь. Я знал владения Кастеров как свои пять пальцев. Мне удалось без труда провести сторожей и выйти через пролом в ограде со стороны Колитон Рейли. По конной тропе мы добрались до старого форта, и, когда в небе над Оттерхедом зарделась заря, были уже на дорожке, ведущей к скалам.

Зайдя в густой ельник, я остановился и дал Нику выпить добрый глоток бренди из фляги, подвешенной к седлу. Потом я осмотрел его и увидел, что пуля вошла в мякоть левой руки. Нетрудно было сообразить, что за нами от самой поляны должен был протянуться кровавый след, и как только совсем рассветет, нас без труда разыщут. Видно, Ник подумал о том же, потому что он сказал:

— Наложи-ка мне жгут, Бен, пока я не истек кровью... Они в любой момент могут настигнуть нас.

Я срезал ветку и затянул с ее помощью жгут, свитый из его шарфа. Ник глотнул еще бренди и попытался изобразить улыбку.

— У меня не было выбора, Бен. Либо я его, либо он меня. Ты ведь видел? Он выстрелил без предупреждения и подбежал прикончить меня!

— Нам сейчас некогда говорить об этом, мистер Аллардайс,— ответил я.— Надо найти место, где можно будет укрыть вас, пока я схожу за помощью.

— Поступай как знаешь, Бен,— сказал Ник.

Инстинкт заставил меня идти к скалам. Примерно в миle от того места, где мы сейчас стояли, начинался глубокий овраг, полого спускающийся к берегу моря. Если нам удастся незаметно добраться до оврага, мы успеем спрятаться в одном из тайников дяди Джейка — маленькой пещере в песчанике над ручьем, в четверти мили от моря.

Прежде всего надо было отдельаться от лошади, тем более что подковы оставляли слишком заметный след. Я ссадил Ника и хлестнул как следует кобылу прутом, погнав ее в сторону Оттерхеда.

Нас выручил туман. Дважды Ник терял сознание, но каждый раз тут же приходил в себя и брел дальше. Мало-помалу, почти через час после того, как бросили лошадь, мы добрались до

пещеры Джейка — укромной расщелины с песчаным полом, вход в которую надежно прикрывали плющ и кустарник.

Ник был еле жив после перенесенного и лежал совсем без движения, пока я раздевал его и промывал рану. Я ослабил жгут и перевязал руку, порвав на бинты подкладку куртки Ника. Час или два я еще крепился, но потом и сам уснул. Тем временем люди Кастера обшаривали скалы, не подозревая, что мы тут же рядом.

За час до заката я проснулся и выглянул из пещеры. Кроваво-красное солнце спускалось к Хэлдонским холмам, кутаясь в тяжелые багровые облака. Я прислушался — с берега доносился какой-то скрипучий звук. Нетрудно было сообразить — то Сэм Редверс крал гравий. Мне сразу стало легче на душе: Сэм превратился в бунтаря с тех пор, как Кастеры прибрали к рукам все права на прибрежную полосу, лишив его средств к существованию.

Я прополз через кустарник и выглянул из него; совсем рядом орудовал Сэм. Заметив меня, он тотчас сmekнул, в чем дело, и, продолжая свою работу, постепенно приблизился к кустам.

— Я спрятал мистера Аллардайса в пещере Джейка посредине оврага, — сообщил я ему.

На лице Сэма отразилось сильное удивление.

— А мы считали, что он уже мертв, — ответил он. — Сторожа говорили, что из него кровь хлестала, как из зарезанной свиньи, они прошли по вашим следам до старого форта. И как только вам удалось спуститься по оврагу?

— Что происходит в деревне? — спросил я его вместо ответа.

— Сквайр Кастер обещал сто гиней тому, кто найдет вас живыми или мертвыми.

Этим было сказано все. Я понял, что чуть ли не все население к западу от Дорчестера будет усиленно разыскивать нас.

Я объяснил Сэму, что надо сделать.

— Прежде всего доставь нам чистые бинты, теплую одежду, одно-два одеяла и хоть сколько-нибудь еды. Потом дай знать мисс Далси, но только не проговорись никому, где мы укрылись.

Я не сомневался, что мисс Далси готова сто миль пройти босиком, чтобы помочь брату.

— Я вернусь, как только стемнеет, — сказал Сэм. — Но к пещере подходить не стану, чтобы не навести никого на след. А положу все в мой кожаный мешок и оставлю его вон под тем утесом.

Он показал на большую скалу, возвышавшуюся в таком месте, куда не доходил прилив.

— А еще я скажу вот что, Бен,— продолжал он.— Один из вас рассчитался сполна с Кастерами, и я этого никогда не забуду. Я вас не брошу, хотя бы мне за то пришлось стоять рядом с вами на суде.

Край солнца уже коснулся холмов, и начало темнеть. Я вернулся обратно к пещере и обнаружил Ника сидящим. Он шарил вокруг себя, пытаясь найти флягу. Я разыскал ее, дал ему выпить глоток, после чего передал то, что услышал от Сэма, и спросил, верно ли я поступил, попросив сообщить обо всем его сестре.

Ник пробормотал в ответ что-то неразборчивое. Видно, его уже начинала одолевать лихорадка. Вскоре он опять уснул, а я, скрестив ноги, сел караулить у входа в пещеру.

Должно быть, я вздрогнул, потому что звук шагов по гравию заставил меня вздрогнуть от неожиданности. Я не решался выйти, но тут трижды раздался крик козодоя, причем третий крик последовал с перерывом. Это был один из наших старых охотничьих сигналов, и я понял, что спокойно могу спускаться на берег.

Там меня ждал Сэм с полным мешком всякого добра, а рядом с ним — мисс Далси собственной персоной.

— Вы подождите, Сэм,— попросила она.— Спрячьтесь пока. Бен приведет меня обратно.

Я взял ее за руку и повел вверх по оврагу. За четверть часа мы добрались до тайника.

В пещере царила непроглядная тьма. Слышно было только тяжелое, свистящее дыхание Ника. Сэм догадался положить в мешок потайной фойарь, который я и зажег. Ник лежал на спине, красный от жара, весь в испарине. Мисс Далси велела разобрать мешок, а сама стала разбинтовывать рану. Я как раз выкладывал съестные припасы на выступ и стоял к ней спиной, когда раздался громкий щелчок и Ник протяжно застонал. Обернувшись, я увидел, что мисс Далси улыбается.

— Нашла,— сказала она, показывая мне хирургические щипцы, в которых была зажата пуля Бэзила. Из маленького надреза под самой ключицей Ника сочилась кровь.

Мисс Далси наложила на обе раны мазь, затем плотно и надежно перевязала их.

— Здесь нельзя разжигать огонь,— снова обратилась она ко мне.— Я пришлю одеяла и побольше теплой одежды. Укрывайте его хорошенько и не давайте шевелить рукой, даже миску держать не давайте. А это возьмите себе, Бен, вам пригодится.

Она протянула мне плитку табаку и короткую глиняную трубочку.

— Я буду завтра в это же время,— сказала она на прощание, когда я отвел ее на берег.

Глава III

Мы провели в пещере девятнадцать дней и двадцать ночей, и не было ночи, чтобы к нам не приходила мисс Далси, когда с Сэмом, когда одна. И это несмотря на то, что Кастеры и их подручные день и ночь прочесывали окрестные деревни и патрулировали побережье. Они знали, что мы где-то поблизости, но так и не смогли нас найти. Я все думал, что будь у них капля здравого смысла, они должны были установить наблюдение за мисс Далси и проследить ее до ручья. Может, они и пытались, да она их перехитрила. Так или иначе нас никто не нашел. Тем временем рана Ника заживала с чудесной быстротой.

Вы спрашиваете, почему я не взял ноги в руки и не улизнул, раз я не был замешан в убийстве? Так вот, дело в том, что мне это и в голову не приходило, я чувствовал себя надежнее рядом с Ником. Меня брал страх при одной только мысли о том, чтобы расстаться с Ником и обороняться в одиночку.

Я был молод тогда, теперь мне куда ближе до могилы, но на вопрос, почему я не задал стрекача из пещеры и не попытался поладить с Кастерами, выдав Ника, могу только сказать, что лучше я убил бы самого себя на месте.

И ведь, когда Ник и мисс Далси разработали свой план, Ник предлагал мне покинуть его. Сказал, что мать прислала достаточно денег, чтобы мы могли оба уехать за границу, а если я останусь, он готов поделить со мной деньги пополам. Но я ответил, что какой бы путь он ни избрал, его выбор подойдет и мне, что я скорее всего попадусь, едва уйду от него, и только наведу на него след шерифа и Кастеров.

Услышав эти слова, Ник удивился и ответил:

— Хорошо, Бен, дружище, я втянул тебя в эту переделку, и я должен тебя выручить! Ты поступил, как настоящий товарищ, и я этого никогда не забуду.

Ник не счел нужным обсудить свои замыслы со мной, и я только много позже узнал, что придумали мисс Далси, ее мать и один их родственник, бывший военный моряк, нашедший себе хорошее местечко на суше, в Плимуте. Весь их план основывался на том, что Ник как-никак без пяти минут врач.

И вот однажды вечером Ник велел мне сложить все наши вещи в принесенный мисс Далси саквояж и быть готовым выходить в полночь, как только Сэм подаст сигнал. Сказал, что мы поплыем морем, поскольку водный путь для нас единственно безопасный. Сперва доберемся до Фалмута на побережье Корнуолла, а там пересядем на военный корабль, который доставит нас через океан в Кингстон, или в Порт-о-Ф-Спейн, или еще какой-нибудь порт, откуда потом можно будет перебраться в Мэйн.

— Свое плавание мы отработаем,— объяснял Ник.— Я в качестве судового врача, ты будешь моим слугой. Тебя никогда не манило море, Бен?

Я ответил отрицательно. Мальчишкой я ходил на лов макрели и убедился, что плохо переношу качку. К тому же мне вовсе не улыбалось очутиться на борту военного корабля. Я знал в деревне людей, которые служили на флоте, и все они предпочли бы умереть, чем попасть туда снова.

Видно, Ник разгадал мои сомнения, потому что он продолжал:

— Да ты не тревожься, Бен! Хорош я буду, если в награду за верность помешу тебя на полубак военного корабля. Нам бы только добраться, а там нас ждут плантации и богатство, и никакие королевские указы нас не достанут!

Мне хотелось еще спросить, почему нельзя было устроиться на обычном торговом судне, но тут с берега донесся сигнал Сэма. Мы вышли из пещеры и стали пробираться вниз по оврагу. Из мрака донесся скрип уключин, потом скрежет киля о гравий.

В то время я так плохо разбирался в морском деле, что думал весь путь до Фалмута проделать на шлюпке. А когда мы отошли подальше от берега и нас стало бросать на волнах, я сильно усомнился, что мы вообще доберемся туда.

Ник чувствовал себя ненамного лучше, чем я. Он сидел молча на корме, погруженный в мрачные размышления. Внезапно из темноты вынырнул, заставив меня вздрогнуть от неожиданности, корпус судна.

Мы вскарабкались по веревочному трапу. Для Ника с его рукой это было не так-то просто, но все же он справился. Человек, который доставил нас, подогнал шлюпку к корме, где ее привязали, и тоже поднялся на судно.

Едва мы ступили на борт, как на корабле началось движение, послышались слова команды. Судно быстро заскользило по ветру, а нас повели вниз, в маленькую каюту, где мы могли спать на рундуках. После стольких тревожных ночей я здорово

устал, и необычность обстановки меня не трогала. Я заснул как убитый и проснулся только двенадцать часов спустя.

Проснувшись, я первым делом увидел Ника. Он сидел у столика и уписывал баранину с белым хлебом. Должно быть, Ник захватил собственные припасы, потому что на бриге в отношении еды были не очень-то разборчивы. Мы провели на нем двое с половиной суток, и все это время команда в составе семи человек получала только пожелтевшую солонину да червивые сухари.

Приключения — вещь хорошая, Джим, для того, кто их любит, я же, оглядываясь теперь назад, вижу, что был рожден для мирной, спокойной жизни, а не для суровых испытаний. Тем большее восхищение вызывал у меня Ник. Он получил утонченное воспитание, всегда имел все, что только можно купить за деньги, и тем не менее сразу почувствовал себя на море как рыба в воде.

Мне мало что запомнилось из этого моего первого путешествия. Бриг назывался «Милость господня»; это был голландский контрабандист, шедший из Гааги с грузом цветочных луковиц на палубе (голландские тюльпаны как раз вошли в моду в Англии) и с какими-то бочонками в трюме.

Обращались с нами на бриге любезно, как и положено с платными пассажирами. Постепенно мой желудок перестал бунтовать, и я смылся с качкой гораздо быстрее, чем ожидал сам. Вскоре я уже с удовольствием стоял на носу, слушая пение ветра в вантах и провожая взором бегущие вдаль зеленые валы. Я забывал о своем положении, в то время мне еще не было и девятнадцати, и будущее рисовалось мне в радужном свете.

Мы достигли Фалмута без происшествий. Однако здесь Ник предупредил меня, что нам придется оставаться на борту, пока к судну, на котором мы поплывем через океан, пойдет плакшоут. Шлюпка доставит нас на этот плакшоут, и наше путешествие начнется всерьез.

...Это произошло два дня спустя.

Мы стояли на якоре довольно близко от берега, и я увидел толпу людей, спускавшихся к пристани между двумя шеренгами солдат морской пехоты в красных мундирах. Я одолжил подзорную трубу и стал рассматривать эту группу, которая тем временем начала грузиться на плоскодонное суденышко. Вскоре я понял, что это каторжники, скованные вместе по четыре. Плакшоут взял курс на корабль, стоящий у самого горизонта, милях в шести-семи от берега.

Я все еще следил за этой необычной сценой, когда Ник тронул меня за локоть. Он стоял в новом плаще, держа в руке саквояж.

— Пошевеливайся, Бен! — сказал он. — Вот и наш транспорт.

Мы спустились в шлюпку к плакшоуту, который в это время достиг уже середины пролива. Сидевший на корме сержант вежливо поздоровался с Ником и сухо кивнул в ответ на мое приветствие.

Всего на плакшоуте плыло десятка четырех ссыльных, и только один, сидевший вблизи меня, не был подавлен своим положением. Он устремил зоркие зеленые глаза на горизонт, и было в его лице нечто такое, что я подумал — этот оставляет Англию без всякого сожаления. Остальные жадно всматривались в родную землю.

Время от времени, когда внимание сержанта отвлекалось разговором с Ником, каторжник устремлял на охранника взгляд, полный холодной ненависти. Я содрогнулся бы от такого взгляда, хотя ноги и руки каторжника были надежно закованы в кандалы.

Около полудня мы подошли достаточно близко к кораблю, чтобы прочитать его название, написанное большими буквами на корме. Он смахивал на фрегат четвертого-пятого ранга, но и в то же время от него отличался: на корме и на носу было необычно много надстроек. Удивило меня и то, что девять из десяти пушечных портиков забиты. Это не был обычный тюремный транспорт — перевозкой ссыльных занимался предназначенный для этого корабль «Неистовый». Многочисленные надстройки и забитые пушечные портики лишили «Моржа» всех качеств военного корабля.

Было что-то зловещее в этом судне, сочетавшем в себе признаки фрегата, «купца» и плавучей тюрьмы. Я ступил на его палубу с предчувствием чего-то недоброго, чему и сам не мог найти названия. Словно здесь притаилась сама смерть, и всем, кто находился на борту — капитану, команде, солдатам, каторжникам, никогда не суждено было больше увидеть сушу. Возможно, Ник тоже ощущал нечто подобное. Когда он полез через бортик и я протянул руку, чтобы взять саквояж, я коснулся его ладони — она была влажная и холодная. Вдруг он покривился, и его глаза точно сказали: «Ну что ж, Бен, кажется, дело начинается всерьез!»

Нас встретил капитан, степенный пожилой человек в синем мундире без эполетов. Он деловито обратился к Нику:

— Мистер Аллардайс, если не ошибаюсь?

Ник улыбнулся и кивнул, а капитан продолжал:

— Вы с вашим слугой поместитесь в средней части корабля, рядом с солдатами. Когда пробьет шесть склянок, я распоряжусь, чтобы фалмутские пассажиры были выстроены для осмотра. Мы уже двоих зашили в брезенты, мистер Аллардайс. Надеюсь, когда вы присоединитесь к нам, у нас больше не будет больных до самого Порт-Ройяла.

— Это зависит,— ответил Ник учтиво,— от их нынешнего состояния, сэр.

Капитан выразительно взглянул на него, но ничего больше не стал говорить. Минут десять спустя, пытаясь разместить наши вещи в отведенной нам тесной клетушке позади грат-мачты, я почувствовал, как «Морж» накренился и заскользил по волнам. Выглянув в открытую дверь, я увидел расправляющиеся на ветру паруса. По канатам и реям, словно обезьяны, сновали матросы.

Ник обратился ко мне:

— Раньше это был сорокавосьмипушечный фрегат, Бен. Рассчитан на команду в сто десять человек. Угадай, сколько теперь людей на борту?

Я ответил, что не имею ни малейшего представления и не понимаю, как он может это знать, едва ступив на борт.

— Человек всегда должен стремиться знать, что происходит вокруг него,— ответил Ник, озабоченно потирая свой длинный подбородок.— Я беседовал с нашим спутником, сержантом морской пехоты Хокстоном. Команда насчитывает шестьдесят человек, а этого совершенно недостаточно. Далее, на корабле находится два десятка солдат под командой двух офицеров. А под палубой, там где раньше из портиков скалились пушки, закованы в цепи двести сорок человек, Бен,— слишком много, сдается мне, чтобы можно было устроить для них мюцион на палубе, даже если разбить их на группы!

Глава IV

...Стоит подробнее рассказать о судне, которому суждено было сыграть такую большую роль в дальнейших событиях.

Это был фрегат водоизмещением всего в триста тонн, маневренный и быстроходный. В свое время «Морж» мог, вероятно, обойти большинство судов той же оснастки, но переоборудование из военного корабля в транспорт ухудшило его остойчиви-

вость, он сильно кренился на волне и заваливался при встречном ветре — очевидно, из-за нагромождения шатких надстроек.

Мне еще предстояло хорошо узнать этот корабль и его повадки, Джим. Я уже говорил, что быстро почувствовал себя на море, как прирожденный моряк,— вероятно, потому что был крепок и вынослив, хотя и маловат ростом, и еще потому, что от моего родного дома было рукой подать до проплыва.

Мне сразу пришли по сердцу лихие обводы «Моржа», его стройные мачты и послушание рулю в неожиданный шквал, и потому, что я полюбил судно, мне было жаль его, обреченного ежегодно мотаться через океан с грузом несчастных узников, вместо того, чтобы меткими залпами гнать французов и испанцев с морских просторов в порты, заделывать пробоины.

«Морж» был двухдечный корабль: нижнюю, пушечную палубу превратили в плавучую тюрьму для каторжников.

Командир корабля, капитан Айртон, был моряк лет пятидесяти, высокий и сухощавый, весь в шрамах. Он взялся перевозить каторжников лишь потому, что состояния не имел, а пенсии на жизнь не хватало.

Должность помощника капитана занимал лейтенант Окрайт, совсем еще юноша; однорукий боцман, старый морской волк, опекал его, словно бабушка любимого внука. Охраной командовали два хлыща, совершенно не подходившие к должности офицера; они направлялись к месту своей службы в Вест-Индии. Собственно, все их обязанности выполнял сержант Хокстон — тот самый служака с бычьей шеей, который доставил нас на борт,— и он очень скоро снискал всеобщую ненависть на корабле не только у каторжников, с которыми обращался самым варварским образом, но и у команды и солдат.

Списанный с флота фрегат — не самое подходящее судно для перевозки каторжников. Но в том году в портах западного побережья сильно возросла преступность; после заключения мира последовало несколько неурожаев, а неурожай повлекли за собой возмущения, и весенние судебные сессии в Уинчестере, Дорчестере, Эксетере и Тонтоне приговорили к высылке шестьсот сорок мужчин, женщин и детей.

Мало кто из них, даже осужденные на короткие сроки, мог надеяться когда-либо вновь увидеть родные места. Война заметно сократила приток черных рабов, и безжалостные надсмотрщики-метисы заставляли белых невольников работать до изнеможения.

Даже английские власти были смущены последним отчетом с «Неистового»: около сотни каторжников отдали богу душу в пути, еще тридцать человек скончались вскоре по прибытии на место. Мертвый невольник плантатору ни к чему, да немощный тоже. Из Порт-Рояля посыпались жалобы, и власти постановили, чтобы очередную партию каторжников сопровождал судовой врач.

Все это я узнал, понятно, гораздо позже, когда жизнь свела меня с беглыми каторжниками и рабами из Вест-Индии. В то время там часто встречались мужчины и парни, которым нечего было продать, кроме собственных рук, и которые шли в кабалу на плантации за скучное вознаграждение, стол и жилье.

Карибские пираты пополняли свои ряды почти исключительно за счет беглых каторжников и рабов, а также насилием завербованных моряков. Последние, попав в плен к пиратам, предпочитали примкнуть к победителям и променять солонину и линек на буйную жизнь в тени виселицы. Видя, как судовладельцы и офицеры обращаются с моряками, я только удивлялся, что они все не перебегают к пиратам. Если вы относитесь к человеку, как к тупому, злобному животному, Джим, он скорее всего таким и станет и вцепится в вас зубами, едва вы зазеваетесь.

...Я затрудняюсь даже описать вам, что делалось на пушечной палубе, где были собраны люди, которым предстояло стать грозой морей под главенством этого архидьявола Флинта.

Прежде всего вас поражало зловоние: около двухсот пятидесяти человек, скованных по четыре, занимали пространство, в котором могло разместиться от силы полсотни подвесных коек. А пушечные портики, как я уже говорил, были забиты, и воздух проходил только через два зарешеченные отверстия — одно у носа, другое у кормы, — если не считать люки, отпираемые дважды в день для раздачи пищи.

До того, как очутиться на «Морже», эти люди не один день провели в застенках, умирая с голода, и к нам попали только самые выносливые, уцелевшие от страшных эпидемий, подобно ангелу смерти опустошивших тюрьмы между судебными сессиями.

Всякие люди собирались здесь: молодые деревенские парни и престарелые, седые бедняки, рослые верзилы с огромными кулачищами и жалкие калеки, жертвы законов против бродяжничества. И всех их объединяло мрачное отчаяние, из-за которого вольному человеку было опасно приближаться к ним иначе, как в сопровождении вооруженных до зубов солдат.

В тот день когда трое каторжников скончались и были защищены в брезент для похорон на морском кладбище, Ник попытался убедить капитана регулярно выпускать узников на палубу, чтобы они прогулялись и ополоснулись морской водой. Он объяснял, что ежедневное пребывание на морском воздухе и относительная чистота тела помогут предотвратить эпидемию, способную за неделю скосить две трети каторжников. Но капитан и слышать не хотел о массовых прогулках. Он отвечал за безопасность на корабле. Людей у него в обрез, и он не может выделить никого в помощь малочисленной охране. Двадцать два человека на двести сорок негодяев!

Ник заметно помрачнел после этого разговора. Он все чаще прописывал своим подопечным больничный рацион и прогулки у люка, чем изрядно обозлил солдат, которые должны были час за часом стоять в карауле, вместо того чтобы отдыхать между вахтами.

Однажды вечером, когда люки задраили после очередного обхода, Ник, опираясь на борт и глядя, как заходящее солнце превращает море в чашу с червонным золотом, облегчил передо мной свою душу..

— Бен,— сказал он.— Я скорее за них, чем против! Если бы они вырвались наверх и пошвыряли за борт всех людей короля, я стоял бы рядом и размахивал шляпой, приветствуя это справедливое дело!

От таких слов у меня по спине побежали мурашки — это говорил человек, получивший хорошее воспитание и сам занимавший на борту должность офицера!

Ник продолжал:

— Есть там, внизу, один человек, способный на это, человек, которого ни угрозы, ни голод не заставят плыть по течению. Этот человек не будет невольником, Бен. Он уже испытал эту долю и вырвался на свободу, и сделает это снова.

Ник выпрямился и сплюнул в море.

— Будь прокляты те, кто способен гнать за море своих братьев, словно скот на продажу! — выпалил он.— Это Кастеры и им подобные толкают людей на беззаконные дела, а кто раз провинился, у того уже нет никаких надежд снова стать человеком! Ты понимаешь, как это действует на людей, Бен? Их сердца превращаются в сгустки ненависти!

Я знал человека, о котором он говорил,— это был Пью. И вам тоже довелось его узнать, Джим, только он был лет на двадцать моложе, когда я впервые столкнулся с ним.

Он был прикован к главной цепи, тянувшейся во всю длину

пушечной палубы, вместе с тремя другими узниками, такими же головорезами, как сам Пью. Первым слева от него сидел могучий детина лет двадцати, у которого руки были как дышла, а буйный взор с трудом пробивался сквозь заросли темных волос и бакенбардов. Звали его Андерсон, уже тогда он прославился неукротимым, вспыльчивым нравом.

Дальше следовал Черный Пес, щуплый рабой юноша. Пройхдя ученичество у замочных дел мастера, он проявил повышенный интерес к чужим замкам. Свое прозвище он получил благодаря длинным черным волосам, которые оттеняли его бледное лицо и придавали ему сходство со спаниелем. Черный Пес с самого начала попал под влияние Пью и все те годы, что я их знал, оставался его подручным.

Последний из четверки, сидевший у самой переборки, был тоже ваш старый знакомый — не кто иной, как Израэль Хендс. До тех пор он еще ни разу не встречался с остальными тремя, которые попали на судно из одной тюрьмы. Угрюмый от природы, Израэль держался особняком и все время усердно обрабатывал какую-то поделку из кости, неустанно шлифуя ее о звенья своей цепи. Я решил тогда, что он трудится над моделью парусника, намереваясь продать ее за несколько пенсов по прибытии на место. Позже оказалось, что Хендс ухитрился из столь необычного материала изгнотовить короткий, но страшный нож. Я говорю об этом потому, что оружие, изготовленное Хендсом во мраке под палубой, сыграло немалую роль в нашей судьбе.

Здесь уместно, пожалуй, рассказать вам несколько больше об этом милом квартете, ставшем ядром дьявольской шайки, с которой мне пришлось плавать в последующие годы.

Пью — признанный главарь четверки до появления Джона Сильвера — начинал свою жизнь мальчиком на побегушках в Дептфорде; я слышал от него, что он не знал ни отца, ни матери. Может быть, это было к лучшему, потому что они скорее всего кончили свою жизнь на виселице. Юношей Пью попал в море, в первые годы Испанской войны был капрером. Подобно большинству приватиров, он быстро разобрался, что выгоднее — иначе говоря, предпочел капреству открытое пиратство и стал грабить подряд все суда, независимо от национальности.

В отличие от Сильвера Пью никогда не связывался с работорговлей, а продолжал пиратствовать у берегов Аравии, пока военные корабли не очистили Персидский залив; тогда он вернулся на родину и стал контрабандистом. На берегу, близ Фоуи, в схватке с таможенной полицией Пью был ранен; приятели

скрылись в ночном мраке, а его взяли. Его ожидала виселица, только молодость и могучее сложение спасли ему жизнь; раб Пью представлял большую ценность, чем труп на виселице на перекрестке корнуоллских дорог...

Туповатый Джоб Андерсон был портовым грузчиком; его схватили в той же стычке. Он родился в Бристоле и еще в юности столкнулся с контрабандистами. Подобно большинству этих людей, Джоб любил выпить; глотнув вина, он превращался в льва, а трезвый он был послушен, как ягненок.

Израэль Хендс, которому тогда было около тридцати, успел уже стать прожженным негодяем. Он плавал с самым пресловутым из всех пиратов, знаменитым Эдвардом Тичем, более известным под кличкой Черная Борода. Незадолго до моей встречи с Хендсом кровавой карьере Тича положил конец сметливый лейтенант из колоний, молодой парень по фамилии Мэйнард.

Израэль Хендс был у Тича пушкарем и спасся только благодаря тому, что находился на берегу на излечении после одной из милых забав своего капитана. Черная Борода любил подшутить; в разгар веселой пирушки в каюте он вносил еще большее оживление, незаметно опуская под стол пистолеты и посылая наугад пули в ноги своим собутыльникам. Дня за два, за три до встречи с кораблем Мэйнарда у капитана как раз проходила очередная попойка, и Израэль Хендс, сидевший напротив Черной Бороды, получил пулью в колено; с тех пор и до конца своих дней он всегда прихрамывал.

После гибели Тича Израэль бежал в Нью-Провиденс, островную республику пиратов, и плавал со многими капитанами, в том числе с Инглендом, Девисом и Стид-Беннетом.

Израэль явно родился под счастливой звездой. Ингленда высадили на остров, Стид-Беннет был пойман и повешен, но пушкарь каким-то образом вышел сухим из всех переделок и вернулся в Бристоль, намереваясь зажить в довольстве на свою долю в пиратской добыче.

Однако ром погубил Хендса, как губил других его приятелей, и уже через полгода ему пришлось заняться мелким воровством, чтобы добить средства к существованию. Летом он участвовал в ограблении таможенного склада в Уотчете и в итоге оказался в кандалах рядом с Пью.

Ну вот, Джим, это, собственно, все. Должен сказать, что, на мой взгляд, этой четверке еще повезло, потому что уже к двадцати годам они были самым подходящим украшением для виселицы. Что поделаешь, так повелось — люди, которых толкает на

преступление нужда, рассчитываются сполна и отправляются на тот свет, а негодяи вроде Пью и Хендса благополучно здравствуют и бесчинствуют до глубоких седин.

А теперь расскажу, как мы в этом злополучном плавании столкнулись с самым прожженным изо всех них.

Как я уже говорил, в безветренный вечер мы с Ником стояли, беседуя, возле носового люка. Вдруг у самого горизонта с левого борта вспыхнуло яркое пламя. Впередсмотрящий поднял тревогу, и капитан вышел на палубу узнать, что случилось.

Сначала мы подумали, что там горит корабль, но минуту или две спустя пламя превратилось в красную точку, а затем и вовсе исчезло. Мы решили, что это был сигнал бедствия. Капитан Айртон тотчас велел рулевому править в ту сторону.

Последующие события показали, что лучше бы капитан проявлял человеколюбие на своем судне.

Мы внимательно наблюдали за горизонтом, но новых сигналов не последовало. Должно быть, потерпевшие крушение, заметив огни «Моржа», подожгли свой парус в последней отчаянной попытке привлечь наше внимание.

Мы подошли к ним только под утро. Розовое сияние зари осветило безбрежный океанский простор и на нем — одиноко дрейфующий баркас.

Ник вооружился подзорной трубой, потом передал ее мне. Я увидел рослого, широкоплечего человека. Он был одет в костюм из добротного сукна, отделанная позументом шляпа оставляла открытым высокий чистый лоб. Он улыбался во весь рот, зато его товарищ, коренастый моряк с почерневшим от солнечных лучей лицом, лежал при последнем издыхании плашмя на банках.

— Вы подниметесь сами, или вам надо помочь? — крикнул капитан Айртон.

Человек в шляпе лихо отдал ему честь и звонко ответил:

— Я поднимусь к вам мигом, сэр, но за Томом придется спустить люльку: бедняга чуть жив!

Здоровяк поднялся по трапу и ступил на палубу, приветствуя капитана почтительным жестом и широкой, до ушей, улыбкой, от которой его кроткие голубые глаза вспыхнули мальчишеским задором.

— Докладывает капитан Сильвер, сэр, — заговорил он приятным и вежливым голосом, — бывший шкипер и совладелец барка «Розалия» — невольничьего судна, вышедшего из Гвинеи двадцать девять дней тому назад! Господь благословил вас, сэр, мой добрый плотник и я не забудем, что вы спасли нам жизнь, во

всяком случае, мне, так как боюсь, что бедняге Тому уже ничто не поможет.

Айртон спросил, сколько дней они пробыли в лодке.

— Двадцать три,— последовал ответ.— От всей команды осталось только четверо после того, как на корабле вспыхнул пожар, спустя неделю после отплытия.

— Что же случилось с остальными двумя? — осведомился капитан.

— Отдали концы, сэр, как честные моряки, служившие своему капитану до последнего вздоха,— отчеканил Сильвер.— А теперь, сэр, я ваш слуга на всю жизнь, прошу извинить меня, только дайте мне добрую кружку холодной воды. Отныне я пью одну воду, сэр. Скорее умру, чем разбавлю ее чем-нибудь!

Пока они беседовали, два моряка спустились в баркас и положили бесчувственного плотника в люльку. Затем его подняли на борт и отнесли в каюту.

В тот день и в последующую ночь я больше не видел спасенных. С ними обращались хорошо, и Ник, которого вызвали осмотреть плотника, сообщил мне, что он встанет на ноги через день-два, а Сильвер пребывает в полном здравии, словно не было никакого бедствия.

— Уж если кого называть удачником, то именно этого работогорвца,— сказал Ник.— Чтобы такое вынести, нужно иметь сложение и запас сил, как у хорошего быка.

Глава V

Всяких людей можно встретить на море, Джим. За двадцать лет скитаний я повидал и хороших и плохих, но Сильвер ни в какие мерки не ложился.

Угадать, что у него на уме, было просто невозможно, и никто, даже сам Флинт, не мог чувствовать себя в безопасности рядом с ним. Иногда мы приходили к окончательному и бесповоротному убеждению, что он последний мерзавец, негодяй от клотика до киля, но в следующий миг он хлопал вас по плечу и вел себя так, что вы спрашивали себя — уж не возводите ли вы напраслину на лучшего товарища, какого только можно себе представить?

Люди вроде Флинта, Билли Бонса или Хендса были перед ним милыми детками. Назовите их головорезами, свирепыми, как разъяренный бык, но Сильвер, тот вообще был не человек, а помесь дьявола, башибузука, рубахи-парня и горничной.

В отличие от Пью или, скажем, Черного Пса Джон рос не оборванцем. Отец его, как я слышал, держал постоянный двор в Топшеме и собрал достаточно денег, чтобы дать сыну хорошее образование. Да только Сильвер-младший оказался слишком твердым орешком для школьных учителей. Обломав об одного из них палки, предназначенные для его же воспитания, Джон бежал и завергался на каботажное судно.

Вскоре он стал уже плавать в дальние рейсы, не раз ходил в Левант. Одно из плаваний едва не кончилось печально для Джона. Вместе со всей командой он попал в плен к алжирским пиратам; да только Окорок оказался слишком скользким, чтобы эти нехристи смогли удержать его. Однажды ночью он прокрался на полуют и выбросил капитана за борт, после чего расправился с вахтенными, освободил белых пленников и привел пиратскую галеру в Геную с богатой добычей.

Набив карман, Джон Сильвер приобрел пай в одной из Восточных компаний и со временем сделался бы преуспевающим дельцом, если бы его судно, «Кентскую Деву», не захватили пираты. С ними он очутился в лагере капитана Ингленда на Мадагаскаре.

В те времена Мадагаскар был пиратским раем, и Джон очень скоро стал своего рода главнокомандующим всей северной части этого кровавого острова.

Когда на корабле Ингленда вспыхнул бунт и капитана высадили на острове Св. Маврикия, Сильвер остался с ним. Вместе они затеяли работторговое предприятие, которое привело их в Карибское море. Здесь их пути разошлись. Джон всерьез занялся работторговлей, подрядившись поставлять невольников на плантации Нового Света, и дважды удачно сбыл живой груз, а на третий раз его постигло худшее, что только может случиться на корабле,— пожар в открытом море.

Сам он, как всегда, ухитрился спасти свою шкуру, и он не обманул капитана, сообщив, что кроме него спаслось еще трое. Но Сильвер сказал капитану не все. Об этом я узнал потом от Тома Моргана, того самого плотника, которого подняли скорее мертвого, чем живого, на борт «Моржа».

Он видел собственными глазами, как Сильвер убил ножом белого и вышвырнул за борт негра. Смертельный страх перед Сильвером остался у Тома на всю жизнь, и не без основания: он считал, что быть бы и ему за бортом, не подбери мы их вовремя. Он был на редкость догадлив, этот Том Морган.

Говорят, если ты выудил человека из воды и спас его от гибели, то будешь связан с ним на всю жизнь, Джим. Что-то в этом роде произошло и теперь. В несколько часов Сильвер сделался на корабле своим человеком. Молодой помощник капитана поместил его у себя в каюте, а столовался Джон вместе с самим капитаном и офицерами охраны.

Долгое плавание нагоняет скуку, а в Сильвере они нашли приятного собеседника: когда Джон был в ударе, слушатели забывали обо всем на свете.

Большинство матросов быстро привыкли называть Сильвера его корабельным прозвищем — Окорок. Обходительность Джона и щедрость, с которой он раздавал серебро из позякивающего парусинового мешка, спасенного от пожара, быстро сделали его всеобщим любимцем.

Как ни странно, изо всех только Ник не поддался тогда его чарам.

— Не пойму я что-то этого Сильвера,— сказал он мне однажды.— Каждый раз, когда мне встречаются этакие краснобаи, я настороживаюсь. Откуда вдруг такое благочестие у работорговца?

В самом деле, получив однажды разрешение присутствовать при осмотре каторжников, Сильвер деловito семенил между рядами кандалников и извергал из себя потоки благочестивых речей, которые сделали бы честь любому расстриге.

— И еще,— продолжал Ник.— Когда мы были внизу, я слышал, как один из ссыльных назвал его Окороком. Откуда эти люди могут знать кличку Сильвера?

В тот же вечер мы приблизились к разгадке этой тайны.

Вскоре после захода солнца в нашу каюту просунулась голова Сильвера.

— Прошу извинить меня, мистер врач,— произнес он с обычной почтительностью.— Капитан Айртон был так любезен, что разрешил мне спуститься вниз к этим бедолагам и раздать им немного табачку!

Я немало удивился, но Ник и глазом не моргнул.

— Без охраны? — спросил он с расстановкой.— И вам не страшно, мистер Сильвер, появляться одному среди этих людей?

— Нет, сэр, нисколько,— ответил Сильвер невозмутимо.— Да и чего мне страшиться? Когда небесный кормчий соблаговолил направить мой челн прямо к вашему судну, он сделал это не

для того, чтобы я был растерзан шайкой кандальников! Я убежден, что он уготовил мне более достойную судьбу, сэр!

Ник громко расхохотался.

— Ладно, мистер Сильвер,— сказал он самым любезным тоном.— Я уже спускался сегодня в трюм и ничуть не жажду сделать это еще раз. Вот ключ от люка.

Мы прошли вдвоем на нос. Вахтенные удивились, что мы идем без солдат, но Сильвер не колеблясь нырнул в темное отверстие люка. Я последовал за ним.

Едва мы очутились одни, как он доверительно обратился ко мне:

— Бен, дружище, мне кажется, я могу сказать тебе правду и положиться на тебя. Понимаешь, сердце мое обливается кровью, когда я вижу, что с человеческими созданиями обращаются как со скотом. Поэтому я собрал в ведерке кое-что из еды, чтобы отдать самым достойным среди этих несчастных. Ты поднимись быстренько по трапу и пройди к каюте. В ней никого нет, помощник на вахте, а ведерко стоит сразу за дверью.

На то, чтобы забрать ведерко и вернуться, у меня ушло минут пять или десять, но, когда я достиг конца трапа, из темноты протянулась рука и затащила меня за переборку. Голос Ника прошептал мне на ухо, чтобы я не двигался с места. Очевидно, Ник шел за нами до носового люка, а потом подождал, когда я пройду на корфу, и спустился по трапу.

В колеблющемся свете фонаря я увидел Сильвера. Он шептался о чем-то с Пью, и Хендс тоже пододвинулся к ним, насколько позволяла цепь. Мы с Ником напрягали слух до предела, но смогли уловить только два слова: «Флинт» и «Порт-Ройял».

Наконец Сильвер выпрямился и крикнул:

— Бен, ты здесь?

Ник живо поднялся вверх по трапу, успев сказать, чтобы я сразу же привел Сильвера к нему.

Я прошел к Джону и подал ему ведерко, которое затем перешло в руки Пью.

Сильвер громко произнес:

— Ну вот, поделите это с соседями, а завтра получите еще — для тех, кто этого заслуживает.

— Господь да благословит вас, мистер Сильвер,— отозвался Черный Пес.— Никто из нас никогда не забудет вашу доброту — верно, парни?

Послышалось одобрительное бормотание, однако что-то

подсказывало мне, что все это говорится для меня, а не для Сильвера.

Как только мы поднялись и заперли люк, я сказал Сильверу, что Ник ждет его. Он сразу же подчинился. Ник сидел на своем рундуке и попыхивал сигарой.

— Сильвер,— начал он резким тоном, едва я прикрыл дверь.— Вы сами расскажете, какое дело задумали, или мне обратиться к капитану?

Надо было в эту минуту видеть лицо Сильвера. Выражения сменялись одно за другим, пока не застыла на лице смесь грусти и печального удивления.

— Добро, мистер врач,— вымолвил он наконец.— Чувствую, что вы раскусили меня, и поделом — не пытайся привести такого образованного джентльмена, как вы!

— Ладно, ладно,— ответил Ник со смехом в голосе.— Итак, сколько человек вы отобрали для себя?

Сильвер не спеша сел; он успел полностью овладеть собой.

— Лучше говорить все как есть, раз вы меня обошли. Могу только добавить, что вы не проиграете, если поладите со мной, мистер Аллардайс. Дело обстоит несколько сложнее, чем вы думаете. Двое из тех, что гниют там внизу в кандалах, мои старые корабельные товарищи. А я не такой человек, чтобы отвернуться от друзей, застрявших на подветренном берегу, вот какое дело, мистер врач!

— Которые двое?

— Габриэл Пью и Израэль Хендс,— ответил Сильвер без запинки.— Я плавал с ними обоими — с первым на борту «Королевской удачи», со вторым года два назад, когда было покончено с Эдом Тичем, и Хендс явился без гроша в кармане на Нью-Провиденс!

— Насколько мне известно,— ухмыльнулся Ник,— «Королевская удача» была пиратским судном, а Нью-Провиденс — заповедным краем пиратов, где они могли сбывать добычу, не опасаясь нескромных вопросов?!

Сильвер даже не моргнул.

— Совершенно верно,— сказал он.— Как и то, что у вас острый глаз и хорошая память. Да только вы, похоже, никогда не слыхали о королевской амнистии, которой я воспользовался вместе с большинством членов Берегового братства.

С этими словами он достал из кармана и бросил на стол грязный свиток пергамента.

Свиток был испещрен буквами, написанными рукой какого-то законника; внизу красовалась большая красная печать, по-

трескавшаяся и обломанная по краям, но сохранившая рисунок королевского герба.

Ник внимательно изучил пергамент; и раз уж я взялся поведать вам все, что знаю о золотой поре карибских флибустьеров, стоит, пожалуй, рассказать поподробнее об «индульгенции Вудса-Роджерса».

Капитан Вудс-Роджерс стал губернатором нескольких островов Карибского моря лет за сорок до событий, о которых я вам говорю. Ему удалось склонить английского короля на то, чтобы объявить полную амнистию всем, кто бросит разбойный промысел и вместо этого займется колонизацией заморских земель, став честным плантатором или торговцем. Пиратам разрешалось сохранить все добытое имущество: корабли, золото, серебро, драгоценности...

Большинство членов Берегового братства воспользовалось прощением, и в той части света пиратство прекратилось на много лет. Конечно, как только Вудс-Роджерс умер, все началось сначала. Время от времени губернаторы Ямайки и других владений объявляли новые амнистии, но все они назывались по имени первого человека, которому эта мысль пришла в голову.

— Слыхал я об «индульгенциях», но вижу впервые! — сказал Ник. — Однако мне непонятно: если амнистия объявлена для всех, почему ваши приятели до сих пор в кандалах?

— Находятся люди, — произнес Сильвер назидательно, — которым недостает ума воспользоваться милостью Его Величества и начать новую жизнь. А вот я, сами видите, распросился с прошлым и занялся честным промыслом, как записано на этом клочке бумаги.

— А капитану Айртону известно об этом? — спросил Ник.

— Нет, сэр, — отчеканил Сильвер. — Я решил, что ему это незачем. И давайте договоримся сей же час, что все будет шито-крыто. Там внизу сидят двое добрых моряков, которые пригодятся мне, когда я обзаведусь кораблем.

— Но ведь вы можете просто купить их, — заметил Ник.

— Нет, сэр, не могу, — возразил Джон. — Шкипер сказал, что все каторжники на корабле уже расписаны по плантаторам Северной и Южной Каролины.

— Что же вы намерены сделать? — спросил Ник.

— Помочь им сняться с якоря, когда мы зайдем за провиантлом в Порт-Ройял, — ответил Сильвер прямо. — Они мне нужны, и я добьюсь своего — это мой долг перед друзьями!

— Вы, видно, очень доверчивый человек, что делитесь со мной своими планами,— медленно произнес Ник.

— Нет, сэр, вы ошибаетесь,— Сильвер осклабился.— Вы извините меня, но мне сдается, что с вами можно поладить. Двадцать гиней за молчание.

Ник расхохотался.

— А если я пообещаю вам молчать совершенно бесплатно? — предложил он.

Глаза Сильвера сузились.

— Одно из двух, мистер Аллардайс. Либо вы на редкость великолупшный джентльмен, либо знаете сами, почем фунт лиха! Итак, по рукам, сэр?

— Только эти двое? — спросил Ник.

— Только двое, провалиться мне на этом месте! — воскликнул Сильвер.

Отсюда все и началось: у меня на глазах Ник Аллардайс, сын приходского священника, и Джон Сильвер, пират и работорговец, ударили по рукам и стали, так сказать, птицами одного полета... После той ночи они с Сильвером редко разлучались.

...Но вот настал долгожданный день, когда мы услышали крик впередсмотрящего:

— Земля!

Мы подошли к первому из множества островов, протянувшихся вдоль горизонта, словно изумруды по краю огромной синей чаши. А вслед за тем показался ослепительно белый Порт-Роял, и мы бросили якорь на рейде, окруженные кораблями всех размеров и всех наций.

Плоскодонные лодки с командой из чернокожих негров или бронзоволицых метисов, а в лодках целые горы дынь, апельсинов, гранатов, при виде которых текут слюнки... В обширном полукруге залива огромные корабли под английским, французским, голландским или испанским флагом, с зарифленными парусами... Шхуны, люгеры, шнявы, барки, бриги, ялики... Неиссякаемый поток людей, перекликающихся на дюжине различных языков. А краски, Джим! Ярко-красные мундиры морской пехоты, золотистый песок за полосой прибоя, слепящая глаз белизна правительственные зданий вдоль пристани, серебряные блики на оружии часовых на крепостном валу и на металлических пуговицах нарядно одетых мужчин. Добавьте к этому огненно-красные и желтые юбки мулаток с корзинами на голове. А в громоздящемся за набережной городе, дома которого точно расталкивали друг друга, спеша спуститься к прохладному берегу,— дьявольский разгул...

Но подлинное лицо города открылось мне лишь потом, а в то утро я переживал, быть может, самые счастливые часы моей гречной жизни.

Сильвер был моим первым проводником по городу. Он был в ударе, весь излучал дружелюбие и охотно рассказывал обо всем, что нам попадалось навстречу. Так мы бродили час или два; вдруг откуда-то вынырнул рослый негр и сунул Сильверу клочок бумаги, а сам замер на месте, словно ожидая ответа.

Сильвер прочел записку, прищурился, затем хлопнул меня по плечу и попросил обождать его на молу, около которого стоял наш корабль.

— У меня срочное дело,— объяснил он торопливо.— Речь идет о судне, которое я могу приобрести очень дешево, только надо не мешкать.

Он пересек набережную и исчез в кабачке, меньше чем в кабельтове от того места, где его остановил негр. Вряд ли я стал бы задумываться о случившемся, если бы не заметил, как Сильвер на секунду замер у входа в кабачок и воровато осмотрелся по сторонам. Он был весь какой-то подобравшийся и напряженный, точно охотничий пес перед норой.

Странное поведение Джона заставило меня насторожиться. Я сказал себе, что в этой записке речь шла скорее о двух висельниках с пушечной палубы «Моржа», чем о будущем судне господина Сильвера. Иначе зачем бы ему проверять, что никто из нашей команды не видит, как он идет заключать сделку?

И я решил последить за Сильвером — выждал минуту-другую, потом направился к улице Форт-Кос, чтобы подойти к кабачку с другой стороны.

Совершив обходный маневр, я очутился возле нагретой солнцем задней стены кабака. Между грубо обтесанными бревнами зияли широкие щели, в которые могла бы пролезть крыса. Людей с этой стороны было немного, и я уселся подле стены, время от времени заглядывая в щель. Я не боялся вызвать подозрений — здесь на каждом шагу сидели бездельники.

Не могу сказать, чтобы увиденное и услышанное в тот раз подтвердило мои догадки.

Сильвер сидел за столиком у дальней стены, и вместе с ним еще двое, моряки с виду. Такой зловещей парочки мне никогда не приходилось встречать. Зная кое-что о прошлом Сильвера, я без труда догадался, что это флибустьеры, и притом главари, судя по одеянию одного из них.

Именно он в первую очередь привлек мое внимание. Бросались в глаза его могучее сложение и высокий рост; широкие плечи и узкие бедра обличали человека, умеющего не только нанести мощный удар, но и ловко уйти от ответного выпада. На нем был выгоревший красный камзол, вроде тех, что носят кавалеристы, и поношенные, но еще прочные флотские сапоги, плотно облегающие икры. Поверх шелкового кушака с длинными кистями он затянул широкий пояс с пряжкой и четырьмя зажимами, в которые были вставлены пистолеты. Голубая батистовая рубаха с открытым воротом потемнела от пота. Завершался весь этот несколько поблекший наряд простым шерстяным колпаком, который плотно облегал череп флибустьера, наводя на мысль, что он лысый и обычно носит парик.

Однако больше всего меня поразила не одежда, а лицо этого человека. Продолговатое, по-лисьему коварное, оно все было усеяно темными точечками.

Разумеется, он не родился с таким лицом; говорили, что Флинта изуродовало взрывом, который едва не отправил его на тот свет и испещрил порошниками все лицо от лба до шеи.

Мне всегда казалось самым страшным во Флинте не лицо, не голос и даже не жуткое хладнокровие, а его смех. Когда Флинт смеялся, наступал час вспомнить про катехизис и перебрать в памяти все свои прегрешения, потому что смеялся он редко, а если смеялся, то это означало, что кто-то из окружающих может не спеша собираться в путь на тот свет. Смех Флинта был какой-то особенный, утробный, ни один звук не вырывался при этом из его горла, и лицо оставалось совершенно неподвижным, только плечи тряслись.

Второй пират обладал далеко не такой выразительной внешностью, хотя и обращал на себя внимание добротной морской одеждой и чистым бельем. Из-под надвинутой на лоб треуголки торчал большой нос с горбинкой — единственная примечательная черта его широкого обветренного лица. Возраст Флинта невозможно было определить, этот же выглядел лет на сорок; его можно было принять за владельца небольшого морского судна или жемчугопромысловой шхуны. Вообще, казалось, он попал в эту компанию случайно.

Все трое переговаривались вполголоса, и было видно, что речь идет о весьма серьезном деле. Вдруг занавес около них раздвинулся, и вошел еще один человек. Он нес чашу с пуншем, за край которой были зацеплены изогнутыми ручками медные кружки.

Сильвер приветствовал его с большим радушием, дружелюбно похлопав по спине. Я услышал, что он назвал его Дарби. И до чего же этот человек был непохож на троицу за столом: низкорослый, кривоногий и горбатый — словом, жалкий калека с бессмысленным выражением глаз, какое бывает у полуумных.

Он вяло улыбнулся в ответ на приветствие Сильвера, но ничего не сказал, только издал какие-то кудахтающие звуки. Позднее я узнал, что он немой. За несколько лет до того он попал в плен к испанским пиратам с острова Тортуга и доставил им развлечение на один вечер, после чего бежал... с отрезанным языком.

Это был Дарби Мак-Гроу, тот самый, к которому я взвывал голосом Флинта в день решающей стычки на плече Подзорной Трубы. Дарби принадлежал Флинту душой и телом.

Вы не ошиблись, Джим, если предположили, что второй спутник Флинта, в черной суконной одежде, был Билли Бонс, тот самый старый морской волк, который доставил вам и вашим друзьям столько неприятностей, но зато подарил такое богатство.

Негр, стоявший на страже у входа, был человеком Билли — беглый раб с флоридских плантаций, известный в Порт-Рояле под кличкой Большой Проспер. Он был беззаветно предан Бонсу, спасшему его от погони, когда беглеца настигали волкодавы. Негр следовал за Бонсом как тень, готовый убить даже самого Флинта по первому знаку Билли.

Это был удивительный человек и непревзойденный боец. Он пользовался необычным оружием — деревянным молотом с железными нашлепками и длинной рукояткой. Своим молотом он орудовал с такой легкостью, словно это была зубочистка, сшибал по три человека разом, а то и больше. Большой Проспер всегда шел во главе абордажников.

Мне не пришлось долго подслушивать: распив пунш, все трое поднялись и прошли следом за Дарби во внутреннюю комнатку за занавесом. Видно, речь пошла о таких делах, которые они предпочитали обсуждать в более укромном месте...

Возвратившись на корабль, я рассказал Нику обо всем случившемся, однако он лишь потрепал меня за ухо и сказал, что Сильвер, конечно, не овечка, но ведь и убийство не лучше (имея в виду нас), так по какому праву я шпионил за ним?

Я забрался на свою койку и попытался осмыслить виденное и слышанное за этот день. Однако прогулка на берегу после трехмесячного плавания утомила меня больше, чем я думал.

...Очнувшись от сна, я вышел на палубу и увидел, что давно наступил день. В этот момент судовая лебедка подняла полдюжины больших бочек с грузовой баржи и опустила их в кормовой трюм. Стояла ясная солнечная погода, с моря дул освежающий бриз. Я протер глаза, прогоняя остатки сна, и окунул взором залив. Ничто не говорило мне, Джим, что это последнее утро, которое я встречаю как человек с незапятнанной совестью.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ ПИРАТ ПОНЕВОЛЕ

Глава VII

Большую часть этого дня мы с Ником провели вместе на берегу.

Ник был очень ласков, разговаривал со мной как с братом, убеждал, что мне нечего горевать из-за неприятностей, которые он на меня навлек, наш побег и для меня обернется началом новой жизни, о какой я не мог бы и мечтать в Англии.

Я собрался с духом и задал ему вопрос, который тревожил меня вот уже неделю, если не больше, каким способом, по его мнению, Долговязый Джон освободит своих друзей, Хендса и Пью. Он ответил мне без околичностей, что Сильвер спрятал напильники в объедках, которые я отнес в трюм, и, наверно, оба уже освободились от кандалов и только ждут удобного случая бежать с корабля. И конечно, Сильвер придумал, как выпустить их из-под палубы, недаром он вызвался быть посредником между квартирмейстером «Моржа» и корабельным поставщиком и так пристально следил за погрузкой бочек в кормовой трюм. Поэтому Ник и решил сойти на берег. Он предпочитал быть в стороне, если что-нибудь сорвется и Сильвера накроют с поличным.

Ответ Ника успокоил меня, и я не стал больше ломать себе голову: какое нам дело до затеи Сильвера!

Мы вернулись на корабль на закате и узнали, что все припасы получены и через два дня поутру мы отчаливаем. Хендс и Пью все еще находились на борту, и меня это встревожило, но

потом я рассудил, что Сильвер скорее всего дожидается темноты, чтобы выпустить их через кормовой трюм и незаметно переправить на берег.

...Проснулся я от страшного вопля. Было еще темно, до рассвета оставалось не меньше двух часов. Ночь выдалась безлунная, и я не видел койки Ника, не знал даже — на месте ли он. На корабле царила дикая сумятица, слышались крики, топот бегущих ног, звон маталла и редкие выстрелы.

Наконец я собрался с духом и высек огонь кремнем, который всегда лежал у меня под рукой на полочке. При первой же вспышке я разглядел Ника, он сидел на бочонке у самой двери, бледный как мел. Выражение его лица испугало меня еще больше, чем зловещий шум на палубе.

— Оставайся на своей койке, Бен, — резко произнес Ник. — Выходить наружу сейчас равносильно смерти!

— Что случилось? — выдавил я из себя, стуча зубами.

— Они захватили корабль! — ответил он коротко.

— Каторжники?

— Шайка Сильвера!

Я не представлял себе, как это могло случиться. Корабль стоял всего в четверти мили от берега, под самыми дулами крепостных пушек. Я знал, что капитан и офицеры охраны — на берегу; они гостили в доме губернатора со дня нашего прибытия. Но ведь на корабле всегда оставалось от десяти до пятнадцати вахтенных, не говоря уж о часовых, число которых ввиду близости берега удваивалось после захода солнца. Другими словами, на палубе находилось не менее двух десятков караульных с огнестрельным оружием. Даже если приятели Сильвера освободили половину каторжников, что может сделать сотня безоружных, истощенных бедняг, на которых смотрят сквозь люки ружейные дула?

Только я хотел выглянуть в ветровое окошко, как кто-то забарабанил в дверь нашей клетушки.

— Приготовь нож, Бен, будем отбиваться! — буркнул Ник.

В ту же минуту за дверью раздался голос Сильвера — совсем не такой, каким я привык его слышать до сих пор. В разгар схватки Джон ревел, как разъяренный бык.

— Стой, Том! Костоправ тоже часть нашей добычи! Веди ребят на полуют, и отправьте за борт последних «омаров»!

Люди Тома сразу повиновались, и я услышал, как Ник усмехнулся. Сильвер часто называл его «костоправом» — обычная кличка судовых врачей. А под «омарами» он подразумевал солдат, прозванных так из-за красных мундиров.

Финал был коротким... Я услышал несколько выстрелов... Поток брани... И, наконец, громкий всплеск. «Счастливец тот, кто умеет плавать!» — подумал я.

А затем к нам в дверь постучался сам Сильвер.

— Придется отворить, мистер Аллардайс, — сказал он. — Мы поднимаем паруса, и ребята требуют, чтобы каюта была немедленно открыта!

— Добро, — ответил Ник с расстановкой. — Первые двое, кто переступит порог, не смогут потом хвастаться своим подвигом, Окорок! У нас пистолеты, а промахнуться на таком расстоянии невозможно!

Сильвер только расхохотался в ответ.

— Бросьте, мистер Аллардайс. Никто здесь не тронет вас, покуда я нахожусь на борту. Только поэтому я позволил себе заглянуть к вам в ваше отсутствие и одолжить ваши пугачи! Открывайте, и приступим к переговорам!

— Я предпочитаю, Джон, чтобы во время переговоров нас разделяла дверь! — ответил Ник непреклонно.

— Как хотите, — уступил Сильвер. — Я не желаю вам зла и говорю об этом прямо. Кое-кому из наших нужен врач. Ваши познания — ваш выкуп, если можно так выразиться. Это вас устраивает, мистер Аллардайс?

— Вполне, — ответил Ник. — С условием, что это распространяется также и на Бена!

— Идет! — согласился Сильвер, после чего Ник без колебаний отодвинул задвижку и распахнул дверь.

Перед нами с окровавленной саблей в руках стоял Сильвер, за ним, держа потайной фонарь, плотник Том Морган.

Рядом с Морганом стояла кучка людей. Я узнал негра Пропсера и Израэля Хенду. При виде мундира Ника они заворчали, но Сильвер одним движением руки заставил их умолкнуть.

— Все наверх! — скомандовал он. — Крепостные пушки откроют огонь, как только первый из этих плавающих «омаров» выкарабкается на берег!

Несколько человек уже облепили кабестан, поднимая якорь, другие карабкались по вантам, чтобы разрифить паруса.

— Что ж, пошли вниз, костоправ, — сказал Сильвер. — Повсюди нам, Том.

Мы прошли на корму и спустились в каюту капитана. Даже при слабом свете фонаря были видны следы схватки. Три-четыре убитых матроса распластались у трапа, все еще сжимая в руках свои ружья. Дверь капитанской каюты была взломана,

внутри лежали еще убитые — два солдата, отстреливавшихся из-за поваленного стола.

Я никак не мог поверить в случившееся, а ведь, в конечном счете, мы с Ником сами были во всем повинны: одно своеевременно сказанное слово могло предотвратить гибель честных людей, павших на своем посту.

Сильвер налил себе вина из капитанского графина, затем нашел еще две стопки и протянул нам.

— Итак,— произнес Ник, опрокинув свою стопку,— вы захватили корабль и собираетесь выйти из гавани под дулами крепостных пушек. А каковы ваши намерения относительно нас, единственных оставшихся в живых на борту людей короля?

— О, для вас дело найдется,— заверил Сильвер, вытирая свою саблю о скатерть и вкладывая ее в ножны.— Вахтенные и «омары» оказались упорнее, чем я ожидал. Билли получил неприятный удар, след от которого останется на его шкуре до Судного дня, а четверо других схватили по пуле — следствие излишней горячности и недостаточной осмотрительности!

— И мне предлагается залатать шкуры этих негодяев в обмен на собственную жизнь? — спросил Ник холодно.

— Так точно,— ответил Сильвер.— Билли: единственный здесь, кто умеет проложить курс до карте. Если он истечет кровью, нам придется нелегко.

— А я принимал вас за опытного моряка, Сильвер,— язвительно заметил Ник.

— О, вы переоценили меня,— усмехнулся Сильвер.— Кораблевождение никогда не было моим делом. Я квартирмейстер, мой долг — заботиться о том, чтобы команда четко и быстро выполняла все приказания. Однако хватит разговоров. Выбирайте: целительное прикосновение врача или перерезанные глотки и двойной всплеск воды за бортом?

— А что потом? — не унимался Ник.

Я обливался холодным потом, ожидая, что терпению Сильвера вот-вот придет конец.

— Потом? — переспросил Сильвер, подняв брови.— Возможно, мы предложим вам присоединиться к нашей компании — подпишите пиратский контракт, и все в порядке, будете получать свою долю добычи. Ведь вы же, так сказать, человек учений, можете пользу принести.

Вот как все это было, Джим! Ник согласился лечить раненых в обмен на наши жизни, и я был только рад этому.

Мы отправились вниз. К моему удивлению, большинство каторжников все еще оставались в кандалах. Однако задавать вопросы было некогда. Нас ждали раненые...

Билли даже ни разу не застонал, пока Ник зашивал ему щеку при свете фонаря, который держал Морган. Помните багровый шрам на лице Бонса, сохранившийся у него до конца жизни? Тогда-то он его и получил, и счастье Билли, что удар был скользящий, не то снесло бы ему полголовы. Едва операция была закончена и повязка наложена, как Билли поспешил к штурвалу. Крепость уже дала первый выстрел, который заставил всех людей на палубе укрыться за бульверком.

Двое других раненых были мне совершенно незнакомы.

Когда Ник закончил свое дело, снова появился Сильвер, неся вино, хлеб и сыр. Я понял по его лицу, что мы благополучно вышли из гавани и слышанные мною пушечные выстрелы не достигли цели. Крепостные пушки заслуживали того, чтобы их вздернуть на виселицу: не смогли хотя бы одним ядром поразить корабль.

Ника и меня в тот день наверх не выпускали.

Около шести склянок пришел за лечением Израэль Хендс. Ник положил на его рану какую-то едкую мазь — и не без удовольствия, потому что Израэль отличался желчным и вспыльчивым нравом, и мы не испытывали к нему никакого сочувствия. Он был, конечно, храбрым бойцом и не нуждался в роме для отваги, лучше его никто не умел метнуть нож, но вряд ли вам захотелось бы оказаться рядом с ним в безлунную ночь, в особенности, с деньгами в пояске.

Попозже спустились еще двое — оружейник и парусный мастер из команды «Моржа». Они уцелели потому, что были оглушены во время схватки, а потом им посчастливилось попасть на глаза Сильверу, который привел их в сознание, окатив морской водой. Оба моряка, сытые по горло строгостями капитана Айртона и линьком его боцмана, охотно согласились присоединиться к пиратам. От них-то мы и узнали, как был захвачен корабль.

Ник не ошибся в своей догадке насчет Хендса и Пью — они перепилили кандалы еще в четырех днях пути от Порт-Ройяла. Но Ник не знал, что Хендс освободил также Андерсона и молодого слесаря, Черного Пса. Это было важной частью их плана, потому что могучая сила Андерсона и ловкость замочных дел мастера сослужили пиратам хорошую службу. Кроме них, среди каторжников было отобрано около дюжины самых отчаянных головорезов. Правда, распилить кандалы не успели, но Израэль не зря столько потрудился, изготавливая костяной нож. Черный

Пес открыл им два замка, скреплявших восемь каторжников с главной цепью; тем временем Андерсон освободил еще четырех, выдернув голыми руками крюк из палубы, и эта группа прямо в кандалах ринулась в бой.

Теперь мы подошли к самой хитроумной части плана. Вы помните, что Сильвер посредничал при закупке провианта, помните большие бочки, которые грузили в кормовой трюм? Так вот, две бочки были легче других; вместо свинины в них были... Флинт и Большой Проспер.

До заката они просидели тихонько, затем вылезли и принялись за временную переборку, отделявшую кормовой трюм от застенка.

Когда заступила ночная вахта, Проспер уже выпил лаз в переборке и прокрался к Хенду и Пью. Затем четверо коноводов собрались в кормовом трюме, а освобожденные кандалники во главе с Проспером и Черным Псом притаились у трапа, чтобы встретить солдат, которые ринутся вниз на первый же шум.

Итак, все было готово, ждали только сигнала — морской песенки. Ее должны были затянуть Бонс и полдюжины головорезов Флинта, когда их лодка подойдет к «Моржу».

Как только послышалась песня, Флинт, Пью и Андерсон выскользнули из трюма и напали на солдат, которые уселись играть в карты на носовом люке.

Пираты действовали почти без помех, об этом говорят ничтожные для такого дела потери.

Пока шла расправа с караульными, лодка Бонса пристала к борту, и его отряд ворвался на полуют, преследуя уцелевших. Тем временем Флинт и его компания открыли люки, и на палубу выскочили каторжники. Они в несколько минут расправились с оставшимися людьми короля. Все шло гладко. Будь на борту хоть один из старших офицеров, дело обернулось бы иначе, но на корабле находились только лейтенант и двое гардемаринов, да и те прыгнули за борт, едва поднялась тревога.

Вот примерно и все, что я помню о захвате «Моржа». Обычно флибустьеры в тех краях предпочитали суда поменьше, не с такой глубокой осадкой, ведь там кругом мелководье. Но у Флинта были свои замыслы, для выполнения которых он нуждался в добром корабле.

В первый же день началось переоборудование «Моржа», и наверху застучали молотки.

Мы с Ником не успели еще понять, в чем дело, как внизу появился Сильвер. Он пришел переговорить с каторжниками, и,

сидя в кормовом трюме, мы слышали всю его речь. Надо сказать, что во всякого рода переговорах от главарей всегда выступал Сильвер. Флинт был плохим оратором, так же как и Бонс. Только Долговязый Джон был наделен даром красноречия, а с такой командой, как у него, хорошо подвешенный язык играл далеко не последнюю роль.

Итак, незадолго до заката Сильвер, стоя на трапе, обратился к каторжникам с воодушевляющей речью.

— Друзья,— начал он.— Сдается мне, что вы все до одного родились под счастливой звездой. Вы сидели тут, словно медведи на цепи, и что вам предстояло? Убить всю жизнь на то, чтобы выращивать сахарный тростник и табак на плантациях Виргинии, набивать чужие карманы! Да только теперь дело обернулось иначе, после того как ваш дорогой капитан выудил меня из могилы и предоставил возможность набрать команду из самых подходящих кандидатов в джентльмены удачи, каких только мне доводилось видеть. А у меня на это дело глаз наметанный, недаром я пил из одной чарки с первыми бойцами не только здешних вод, но и более южных широт! «Что он за человек?» — скажете вы, и правильно — только дурак поверит моряку на слово. Буду говорить все как есть, напрямик — зовут меня Джон Сильвер, я квартирмейстер этого корабля и подчиняюсь отныне только капитану Флинту, да и то лишь тогда, когда на горизонте появится приз! «Что с нами будет?» — спросите вы. И опять правильно. А мой ответ таков: это зависит только от вас самих, с той минуты, как с вас снимут кандалы и вы подниметесь на палубу!

Итак, друзья, вопрос ясен, решайте сами. Никто вас не неволит: ни я, ни Флинт, ни даже король Георг, которому теперь до вас уже не дотянуться! Можете подписать с нами контракт, будем делить добычу поровну. Но я нарушил бы свой долг, если бы не предупредил тех, кто пойдет с нами и станет служить у меня, будь то под «Веселым Роджером» или любым другим флагом, что я человек такой — люблю отдавать приказания и люблю, чтобы их выполняли быстро и весело. А если вам это не по душе и есть среди вас кто-нибудь, кому захотелось бы поспорить со мной, то пусть выйдет вперед и скажет об этом. Посмотрим, кто из нас лучше владеет абордажной саблей, вымбовкой и любым другим оружием по выбору вызвавшего! И еще скажу, раз уж об этом зашла речь,— коли найдется среди вас такой человек и одолеет меня и я выйду живым из поединка, то будет он с той минуты моим начальником, а я дам отбой и стану козырять ему наравне со всеми! Вот и все, что я хотел вам сказать.

А вот и наши оружейные мастера, они снимут с вас кандалы и сделают джентльменами удачи тех, кто хочет добыть себе богатство вместе со мной, капитаном Флинтом и лучшей командой, какая когда-нибудь выжимала выкуп из испанской колонии!

Можете себе представить, как приняли эту речь бедняги с пушечной палубы, люди, которые во всем отчаялись, а тут вдруг чудом обрели свободу. Они подняли такой шум, что, наверное, было слышно в Порт-Ройяле, и всю эту ночь двое оружейников разбивали цепи и посыпали освобожденных наверх, подписывать контракт на квартирдеке под присмотром Бонса.

Только один человек решительно отказался пожертвовать, как говорится, бессмертием ради свободы. Об этом человеке, старике Джейбсе Пэтморе, вы услышите еще не раз. Я так и не смог выяснить, за что его сослали. Он знал наизусть почти все Писание и говорил изречениями, хотя менее подходящую паству трудно было бы придумать. Он сказал оружейникам, чтобы не касались его кандалов — мол, они надеты на него самим всемогущим богом и только богу дано снимать их.

Он умер бы с голода, если бы Ник на проследил за тем, чтобы ему носили еду и воду. Позднее, когда Сильвер хотел ссадить старика на берег, тот заявил, что предпочитает остаться, и его оставили как своего рода корабельный талисман. Позднее удалось убедить его освободиться от оков; с тех пор бывшего проповедника часто можно было видеть по ночам сидящим на якорных цепях и громко распевающим псалмы. А в каждое полнолуние он прорицал конец света...

Глава VIII

Мы шли через Наветренный пролив, затем вдоль берегов Гаити до острова Тортуга (что означает «черепаха»), который стал сборным пунктом береговых братьев. Путь этот требовал большого искусства от штурмана. По чести говоря, Билли Бонсу следовало бы оставаться в каюте, особенно в самое жаркое время дня, но все чувствовали себя увереннее, когда он находился на своем посту, и надо признать, этот старый мошенник держался бодро, выстаивал на вахте чуть ли не двенадцать часов подряд.

Наше положение с Ником продолжало оставаться опасным, и нам приходилось все время быть начеку. Сами понимаете, что первое время мы находились на положении пленников и у нас

просто не было выбора. Либо плыть одним курсом со всеми, либо отправиться за борт. Правда, Сильвер держался очень любезно, но зато Хендс и Пью по-прежнему видели в нас людей короля. Будь их воля, нас давно отправили бы на корм акулам.

Впрочем, это не мешало Нику считать нас наполовину пиратами уже потому, что мы несли главную ответственность за захват судна Сильвером.

Весь первый день мы с Ником только об этом и говорили. В итоге он пришел к заключению, что лучше предоставить событиям идти своим чередом, во всяком случае, пока не окажемся вблизи какого-нибудь поселения. А тогда что-нибудь придумаем.

У Ника оставалось достаточно денег, однако мы хранили это в глубокой тайне. Пронюхай кто-нибудь, что Ник носит пояс, набитый английскими гинеями, нам тут же пришел бы конец.

На второй день мы отправились на квартердек и подписали контракт. Так распись Ника появилась на круглом листе, приложенном к условиям, сочиненным Сильвером в первую ночь. Я тоже нацарапал свое имя и приложил большой палец. Пираты всегда расписывались по кругу, чтобы по подписям нельзя было распознать главаря, если контракт попадет в руки судей.

А теперь пора рассказать вам, Джим, что представляло собой Береговое братство сорок с лишним лет назад.

Начнем с того, что между пиратами и пиратским атаманом были совсем другие отношения, чем между командой военного корабля и адмиралом. Пираты чувствовали себя гораздо свободнее и вольнее, и ни один человек, даже такой, как Флинт или Девис, не мог безраздельно распоряжаться командой вроде нашей, исключая моменты боевых схваток и абордажа.

Капитана выбирали всеобщим голосованием, отдавая предпочтение лучшим бойцам и тем, кто особенно искусно умел разработать план захвата приза. Точно так же его могли и сместить, что нередко случалось, если команда была недовольна ходом дел.

Далеко не всегда капитан был моряком — взять хоть того же Флинта, — и тогда ему приходилось во всем полагаться на настоящего шкипера, вроде Билли, а уж тот прокладывал курс к цели, намеченной атаманом, — во Флоридский пролив или район Багамских островов, где проходили торговые пути в прибрежные города с малочисленными гарнизонами, либо на перехват испанских серебряных караванов, которые дважды в году отчаливали от Перешейка.

Подлинным хозяином на корабле в промежуток между набегами был квартирмейстер — нечто среднее между казначеем и боцманом; обычно в этой роли выступал образованный или полуобразованный человек вроде Сильвера. Квартирмейстеру надлежало обладать твердой рукой и острым языком, особенно когда начинался дележ добычи. По сути дела, именно он заправлял всей командой и отвечал за дисциплину на корабле.

Вместе с тем неверно было бы утверждать, что на пиратском корабле вовсе не знали субординации. Люди посмышленнее держались заодно и помыкали обитателями нижних палуб. Экипаж пиратского судна делился на «господ» и на «чернь».

К числу «господ» относились капитан, штурман, квартирмейстер, старший канонир, боцман, рулевой, плотник и оружейные мастера. Они составляли своего рода комитет, который умел навязать свою волю остальным.

«Чернь» называли рядовых членов палубной команды и марсовых; им при дележе добычи причиталось на одну треть меньше, чем «господам». Ник принадлежал к «господам», как лекарь; я же, не имея никакой морской выучки, всегда находился вместе с «чернью».

На борту пиратского корабля действовали определенные правила. Все было предусмотрено и записано, словно в корабельном уставе на военном судне.

Так, запрещалось приводить женщин на борт, и нарушение каралось смертью. Не дозволялись также дуэли на корабле; всякого рода недоразумения полагалось разрешать на берегу при секундантах. Лучшие пистолеты с захваченного приза вручали тому, кто первым заметил противника. Тем, кто потерял в бою руку или ногу, глаз или хотя бы палец, увеличивали долю. И так далее, всего около сотни правил, включая пункт, ограничивающий пирушки на корабле после полуночи, и запрет играть в карты на деньги во время плавания. Кстати, если бы Хендс и ирландец О'Брайен не нарушили этот запрет, вам никогда не удалось бы захватить у них «Испаньюолу».

Я еще не рассказал вам о прошлом двух главарей — Флинта и Бонса.

Флинт стал на путь разбоя еще в юности, плавал с Инглендом, Девисом, Черной Бородой и даже со Стид-Беннетом, пока сам не стал капитаном. Он был сыном каторжника, сосланного на Барбадос в конце прошлого столетия за участие в бунте против короля Джеймса. Всего после того бунта из западных графств сослали за моря около тысячи человек.

Отец Флинта был в то время совсем молодым. Когда короля Джеймса сменил голландец Вильгельм и объявил амнистию, он получил участок земли на острове, женился на квартеронке и стал семьянином. Наш Флинт был у него третим сыном и мог бы вырасти почтенным плантатором или судовладельцем, если бы не испанцы, которые во что бы то ни стало хотели изгнать англичан, французов и голландцев, так как испанский король объявил своими владениями всю Вест-Индию и Мэйн.

Однажды ночью на поселение напал испанец-приватир. Он сжег все дотла и повесил старика Флинта и двоих старших сыновей на жердях под крышей их собственного дома. Младший Флинт отсиделся в зарослях, а потом примкнул к французским bucanьерам в районе Сан-Доминго. Вместе с ними он много лет успешно сражался против испанцев.

Подобно Сильверу, он воспользовался королевской амнистией, однако лишь затем, чтобы получить передышку и попытаться раздобыть судно покрупнее. Мелкие суда и шхуны теперь его не соблазняли, он мечтал атаковать серебряный караван или большое поселение на материке.

Совсем иначе сложилась жизнь Бонса. Много лет он был благонравным шкипером, ходил между Бостоном и Кубой, пока пираты не ограбили его корабль около Гаваны. Бонс ожесточился и решил вернуть свое добро тем же путем, каким потерял. Бонс держался особняком от остальных, и никто его не препягал за это, потому что он был ужасен в сражениях, однаково искусно владея абордажной саблей и железным костьюлем.

Билли был превосходным моряком, умел читать, писать и считать. Если бы не потеря брига, он, без сомнения, стал бы со временем членом Бостонского городского совета и владельцем полудюжины судов, управляемых Бонсами-младшими.

В этом нашем первом плавании меня больше всего поразило то, что Ник продолжал водить дружбу с Сильвером. Сначала я подумал, что Ник обхаживает Сильвера, стараясь обезопасить нас от других пиратов, а также подготовить нам возможность улизнуть с корабля, как только мы придем в какой-нибудь порт, откуда можно будет добраться до Чарлстона. Очень скоро, однако, мне стало ясно, что дело обстоит куда серьезнее, что беспечный сын священника и сладкоречивый головорез не только поладили друг с другом, но и сколачивают вокруг себя наиболее смышленых членов команды. Похоже, Сильвер уже тогда задумал при первом случае отделиться и составить свою команду.

Вот как обстояли дела в тот день, когда мы бросили якорь у острова Тортуга и большинство команды сошло на берег. Ник отозвал меня в сторону, сказал, что хочет потолковать со мной, и я спустился вместе с ним в ту часть пушечной палубы, которую отвели под кубрик.

Нужно сказать, что к этому времени «Морж» совершенно преобразился. Все «курятники» на палубе исчезли, а высота бульверка на всем его протяжении была увеличена фула на полтора. Пираты всегда предпочитают высокий бульверк и чистую палубу; бульверк защищает от картечи и пуль, когда корабли сходятся для схватки, а отсутствие лишних надстроек создает меньше целей для ядер противника.

Когда мы спустились, Ник снял свой пояс, отсчитал пятьдесят гиней, ссыпал их в мешочек и протянул мне.

— Зачем это? — спросил я. — Что я буду с ними делать?

— Эти деньги твои, Бен, — ответил он. — Сбереги их, они помогут тебе перебраться в любое место по твоему выбору. А я остаюсь, во всяком случае, пока у нас с Сильвером не соберется достаточно денег, чтобы развернуть большое дело на берегу. До сих пор ты шел за мной, но дальше я не вправе тебе приказывать. Отсюда на Мэн ходят немало судов, и Сильвер тебя пристроит. Ну, что ты скажешь на это, Бен!

Сначала я вообще ничего не мог вымолвить, до того меня потрясли его слова. Наконец я произнес:

— Так, значит, я вам больше не нужен, мистер Ник? Значит, это конец?

— Видишь ли, Бен, — заговорил он, — я забочусь о твоем же благе. До сих пор я не разлучался с тобой, так как считал себя обязанным за все то, что ты сделал для меня. Уберечь тебя от лап девонского шерифа было моим долгом, но теперь нам уже ничто не грозит, и было бы нечестно толкать тебя в новую петлю, когда можно избежать ее.

— А как же вы сами? — спросил я.

— Бен, я понимаю, тебе должно показаться странным — как это я решаюсь по собственной воле войти в шайку таких головорезов. А все потому, что ты считаешь меня не таким, как они.

— Еще бы! — воскликнул я. — Клянусь небом, разве можно сравнивать!

Ник рассмеялся.

— Эх, Бен, простая ты душа! — сказал он. — Один человек выжимает пот из невольников, пока за сахар и табак не купит место в парламенте, чтобы стать одним из Кастеров, — это называется коммерцией! Другой, вроде Сильвера, действует

более откровенно, идет напролом, рискуя башкой, срывает куш на море — это называют пиратством! А какая, в сущности, разница?!

Но это рассуждение было слишком глубокомысленным для меня. Знай я тогда Священное Писание так же хорошо, как теперь, Джим, я напомнил бы ему, что надлежит воздать кесарево кесарю и божье Богу. Да дело-то в том, что все возможности просветить свой ум на этот счет я упустил, так как на проповедях крепко спал, а то и просто предпочитал играть в «орлянку» на могильных плитах за ризницей.

— Не буду убеждать тебя поступать вопреки совести,— продолжал Ник,— но ты подумай о тех, кого мы увезли из Англии, вспомни кандалников с нижней палубы. В чем они проницались? В том, что, движимые голодом, присвоили какую-нибудь мелочь, как это было с твоим дядей Джейком? И зачем далеко ходить за примерами... Оглянись на свою собственную семью — живут в сырой лачуге у церковной стены и кланяются и раболепствуют перед Кастерами ради куска хлеба, который им необходим, чтобы были силы работать на тех же Кастеров! Где уж тут высшая справедливость! Неужели человек должен ползать на брюхе, чтобы прокормить своих детей? Нет, Бен, я уже решился. Хватит быть беглецом, буду драться, пока не смогу развернуть большое дело. А там, глядишь, вернусь в Англию и схвачусь с Кастерами в открытую.

Может быть, Ник говорил искренне, а может быть, всеми этими разговорами о большой плантации он хотел обмануть меня или самого себя. Знаю только, что я предпочитал быть пиратом рядом с Ником, чем честным человеком вдали от него,— и я ему так и сказал, просто и ясно, как мог.

— Ладно, Бен,— молвил он наконец,— тогда я вот что скажу. Если бы ты взял курс на Чарлстон с этими гинеями, ты очень скоро сел бы на мель и все равно примкнул бы к пиратам. Но раз ты сделал выбор, выходит, я по-прежнему отвечаю за тебя. Тогда уж действительно оставайся со мной и постараися не падать духом в беде. А я присмотрю за тобой, будем поровну делить хорошее и плохое, как делали до сих пор. Раздобудь абордажную саблю и пару пистолетов у оружейников, да пойдем на берег, выпьем за нашу дружбу!

Мы сошли на берег вместе с Сильвером, Морганом, Пью и другими, и к закату вся наша компания напилась в доску вольном порту Тортуги. Нельзя сказать, чтобы мы составляли в этом смысле исключение,— к закату на Тортуге все перепивались до положения риз, кроме содержателей притонов и непьющих куп-

цов-евреев, которые скупали у пиратов награбленное добро за десятую часть его рыночной стоимости, после чего отвозили скупленное на Кубу или в порты Мэйна и втридорога сбывали тем, кому эти товары некогда предназначались.

Глава IX

Не буду рассказывать всего, что приключилось за годы моих плаваний на «Морже», Джим. Да я все равно не смог бы вспомнить и половины, ведь человек склонен предавать забвению поступки, которых стыдится, а таких поступков на моем счету накопилось немало.

Опишу в самых общих чертах, что произошло после того, как мы подновили корабль и вышли с Тортуги на юго-запад, и подробнее о том, как нам удалось добыть такие богатства и скончонить их на Острове Сокровищ.

Помню первый захваченный нами приз — голландский барк «Ганс Фохт», шедший из Хука в Картахену.

У пиратов было заведено при виде встречного судна поднимать «Беселого Роджера» и выпускать одно ядро для острастки, чтобы заставить жертву лечь в дрейф.

Так было и с голландцем; он сдался, не дожидаясь второго выстрела. В трюмах мы обнаружили груз рейнвейна и коленкора, но больше всего нас обрадовали бочонки отличного пороха.

Пью и Сильвер обыскали все закоулки, и после них, наверно, не осталось ничего даже тараканам. Потом на полуяют «Моржа» составили опись добычи, чтобы выдать каждому его долю в конце плавания. Дележом всегда распоряжался Билли, проводя его с придирчивой точностью.

Все это время капитан-голландец сидел на люке трюма и бесстрастно покуривал огромную трубку, вырезанную в виде головы негра. Наконец, когда корабль был опустошен, Флинт сказал капитану, что тот волен плыть дальше. Однако часть его команды перешла к нам.

У нас был набор флагов всех национальностей, и мы пользовались ими, чтобы одурачивать выслеженные корабли. Если показывалось английское судно, мы поднимали «Юнион Джек», но стоило нам подойти поближе, как на нок взлетал пиратский флаг и перед носом у жертвы плюхалось в воду пушечное ядро.

Самая хорошая охота была в проливе между Флоридой и Багамскими островами, но мы часто крейсировали и вдоль

северного побережья Кубы, не брезгуя мелкой добычей. Иногда спускались на юго-запад до Подветренных и Наветренных островов.

Многие английские и французские губернаторы земель, отторгнутых от Испании, жили с нами в добром согласии. В Англии и во Франции найдется немало семейств, чьи поместья были куплены на выручку от краденого добра, которое поставляли губернаторам Флинт и другие пираты. И выходит, Ник и Сильвер по-своему были правы: бог и впрямь помогал тому, кто сам не зевал. Я не раз спрашивал себя, кто же большие грешники — букианьеры, с риском для жизни занимающиеся грабежом, или губернаторы, сидящие в полной безопасности на берегу и наживающиеся на перепродаже награбленного?

С таким кораблем, как «Морж», и с такой командой Флинт мог потягаться на ходу и в бою с любым судном в водах Мэйна. Девять из десяти кораблей, которым мы бросали вызов, поднимали белый флаг после первого же нашего выстрела. А если доходило до схватки, абордажный отряд во главе с Сильвером и Пью в два счетаправлялся с врагом.

Иногда Флинт приводил захваченное судно в какой-нибудь порт, где и сбывал его по дешевой цене. Однако чаще он отпускал ограбленное судно, надеясь, что оно еще доставит ему хорошую добычу.

Если в бою с нами судно противника получало сильные повреждения, мы поджигали его и бросали на произвол судьбы вместе со строптивым капитаном.

Случалось, хоть и очень редко, что нам давали отпор. Однажды мы замахнулись на американский люгер, да только там были отменные пушкари, потому что мы получили дюжину пробоин и потеряли бизань-мачту. Пришлось улепетывать на Гренадины, где мы зализывали свои раны.

Рассказывают, будто пираты завязывали пленникам глаза и заставляли идти по положенной на борт доске, пока они не упадут в море. За все годы, что я был джентльменом удачи, я ни разу не видел такой расправы, даже не слышал о ней. Мы никогда не проливали кровь, если этого можно было избежать. Чаще всего так оно и получалось: «купцы» вели себя как овцы при виде волков.

Дважды в год, когда подводная часть корабля обрастала настолько, что это тормозило ход, мы чистили днище. Килевать такой большой корабль, как «Морж», дело нелегкое. Мы отыскивали уединенную гавань, снимали пушки и такелаж, сажали судно на песок и с помощью воротов клали набок. После чего

принимались соскрабать водоросли и ракушки. Частенько мы заходили для килевания на Остров Сокровищ, или остров Кидда, как его еще называли.

Буканьеры облюбовали этот островок лет за сто до нас. Сруб на берегу поставил Кидд, он превращал его в укрепленный форт на то время, пока корабль стоял вверх дном.

Большинство пиратов — изрядные лентяи, Джим, и хотя мы не раз посещали остров, мало кто уходил далеко от берегов Южного залива или Северной бухты. Но мы с Ником никогда не упускали случая поразмять ноги, и в тот раз Сильвер повел нас на Подзорную Трубу стрелять диких коз. Это у него я научился засаливать мясо.

Охотясь в лощинах Подзорной Трубы, мы вели себя как шкодливые мальчишки, и если на долю Ника или Долговязого Джона выпадал удачный выстрел, между скал раздавались веселые крики и смех. Много лет спустя, когда я очутился на острове один, мне нередко чудилось, что я слышу, как они перекликаются под соснами...

Флинт никогда не пользовался срубом Кидда. Он выставлял батарею на Острове Скелета и вел строгое наблюдение за проливом — вдруг появится чужак. И однажды чужак появился; это был французский корсар, который стал нашим сообщником.

Произошло это в наш третий заход на остров, и, видно, Флинт давно уже задумал большое дело, потому что он запретил Израэлю стрелять. Когда из-за мыса показался бушприт француза, он поднял «Веселого Роджера» на флагштоке, установленном на песчаной косе.

Оказалось, что и француз не ищет схватки: на его ноке тоже взвился флаг с черепом и скрещенными костями. Судно было крупное, больше нашего. Называлось оно «Ля Паон», по-нашему — «Пава», и для пирата у него была чересчур глубокая осадка. Вы видели этот корабль, Джим, во всяком случае, его остов: «Паву» оставили гнить на мели в Северной бухте после страшной трепки, которую ей два года спустя задали пушки военного корабля.

Французского капитана звали Пьер ле Бон. Это был настоящий франт, со страусовым пером на шляпе и в замшевых сапогах. Его небесно-голубой камзол сверкал позолоченными пуговицами и серебряными галунами, а белую, словно грудь чайки, сорочку украшало пышное кружевное жабо шириной в девять дюймов. И всегда он был вооружен до зубов. На усеянной драгоценными камнями портупее висела рапира, в патронташ воткнуты длинные, с серебряной инкрустацией мавританские пистолеты...

Конечно, его команда состояла не из одних французов. Это был еще более пестрый сброд, чем у нас: французы, голландцы, испанцы, американцы, негры, немалоmetisов. В тот раз мы их почти не видели, потому что «Пава» зашла только набрать воды, и у Флинта было свидание с ле Боном, и позже мы стали действовать с французом в паре, причем немало выгадали на этом.

После этой встречи нам долго сопутствовала удача.

Месяц спустя, когда мы крейсировали у берегов Гаити, нам попался один из кораблей вице-короля Вест-Индии с грузом шелка, атласа и прочих предметов роскоши для нового дворца в Куско. Немало собрали мы и с пассажиров: жемчужные серьги, золотые цепочки, груды звенящих монет. С одного этого приза на каждого пришлось фунтов семьдесят — восемьдесят, а «господа» получили и того больше.

Правда, на сей раз не обошлось без драки. Испанец был хорошо вооружен и вез солдат, но Флинт подкрался к нему из-за мыса на восходе. Солнце светило испанским пушкарям прямо в глаза, и они успели дать только один залп.

Мне впервые довелось участвовать в настоящем бою, и я понял, почему Флинт, не профессиональный моряк, пользуется таким уважением среди пиратов: он первым вскочил на палубу испанца; его сопровождал Большой Проспер, орудуя своим грозным молотком, а за Проспером следовали черный от порохового дыма Хендс, Пью, Сильвер и Андерсон. Стреляя из пистолетов и рубя саблями абордажные сети, эта орава с проклятиями ворвалась на кормовую палубу испанца.

Противник сгрудился вокруг гроб-мачты, ощетинившись мушкетами, которые косили наших издали по двое, по трое сразу. Я шел на абордаж рядом с Черным Псом и видел, как вражеская сабля отsekла ему два пальца на руке. Пират с визгом покатился по палубе, и ему тут же пришел бы конец, не застrelil я ранившего его испанца.

Наши предводители атаковали солдат, окруживших своего капитана — высокого бледного человека в доспехах, с широкой бородой и сверкающими глазами. Флинт в несколько приемов разоружил его и нанес страшный удар, от которого капитан рухнул на палубу с разрубленным плечом. Вскоре испанцы бросили оружие, прося пощады.

Возможно, Сильвер и пощадил бы их, если бы не Флинт. «Смерть! Смерть!» — кричал он жутким голосом. Испанцы в страхе попрыгали за борт, и раненые с помощью Пью и Хендса отправились туда же.

Я встретил Ника около грот-мачты и едва узнал его. Он был весь изранен, и лицо у него было такое же свирепое и озверелое, как у других пиратов.

— Вот это жизнь, Бен, это жизнь!..

Его лицо и слова потрясли меня куда больше, чем вид палубы, на которой трупы лежали вперемешку с обломками такелажа, искрошенного пушками Израэля. Мы потеряли в этой схватке семнадцать человек, но все считали, что добыча того стоила.

Кстати, именно в тот раз Сильвер раздобыл своего попугая, которого вы знали под именем «Капитан Флинт», но тогда Джон называл его «Педро». Помните, Сильвер говорил, будто эта птица видела, как поднимали суда с сокровищами около Переяшка, и научилась там кричать «пиастрь»?

У Долговязого Джона было много таких любимцев. Так, на Мартинике он однажды принес на корабль беломордую обезьяну, которую назвал «Епископом», потому что она любила, повиснув на вантах, бормотать что-то неразборчивое — ни дать ни взять священник, читающий проповедь. Обезьянка прожила на «Морже» довольно долго и успела стать всеобщей любимицей, но однажды ночью она добралась до запальных шнуров Израэля и чуть не подожгла корабль. После этого Джон велел Тому Моргану сколотить для нее клетку, проказница начала чахнуть, и пришлось хозяину выпустить ее на одном из Гренадинских островов.

Ограбление испанца длилось почти два дня, затем Флинт поджег судно, и целую ночь, уходя на юго-запад, мы видели в море огромный факел. Я пытался заглушить голос своей совести, вспоминая все, что говорил мне Сильвер о свирепости испанцев: как они истязают и убивают каждого англичанина, ступающего на землю Мэйна, как доводят цветных на плантациях до полного изнеможения, и бедняги тысячами гибнут во всех владениях, над которыми развеивается красный с золотом флаг. Я надеялся, что после такой удачи Ник наконец-то вспомнит свои обещания и порвет с пиратами. Но он ничего не сказал, и я не стал ему напоминать. По правде говоря, я уже так привязался к морю, что готов был навсегда связать с ним свою жизнь; думаю, то же самое произошло с Ником, потому что он больше никогда не вспоминал о своем желании стать плантатором.

Вот как оно бывает, когда человек по своей воле избирает путь зла, Джим. Стоит только заглушить голос совести, и быстро станешь отпетым, вроде меня. А там, если бы и захотел повернуть назад, — поздно, все пути отрезаны.

Мы ходили по морям, грабили, бражничали в портовых кабаках и ставили судно на кильватер — дважды на Гренадинах и четыре-пять раз на Острове Сокровищ.

С Ником я виделся редко. Странно, казалось бы, ведь мы были в одной команде. Но дело в том, что он говорил по-французски как француз, и когда мы работали вместе с ле Боном, Ник немало времени проводил на «Паве», представляя интересы Флинта.

Конечно, он не терял связи с нами и даже ухитрялся поспорить с Флинтом и Пью. С первым — по поводу правила, запрещающего попойки на палубе после полуночи, со вторым — из-за его жестокого обращения с пленными. Счастье Ника, что Сильвер оба раза становился на его сторону. Долговязый Джон всегда был за соблюдение правил; он даже посулил Флинту черную метку.

С той самой поры Флинт возненавидел Ника, хотя трудно сказать, как бы он обошелся без него: француз был хитрая бестия и урвал бы львиную долю добычи, если бы не Ник.

Старый ворчун Бонс всегда жаловал Ника и ко мне относился хорошо. Он учил меня мореходному делу, и я позволю себе сказать, что был способным и внимательным учеником.

Правда, в боях я особенно не отличался, больше помогал Дарби на камбузе. Это открыло мне доступ на корму, к «господам»; там я и проводил о том, что Флинт задумал смелый налет, суливший нам небывалую добычу.

А пока все шло как обычно, безмятежные дни чередовались со шквалами. Помню, мне больше всего по душе были «концерты», которые иногда затевались на палубе обычно в тихие лунные ночи. «Господа» и «чернь» собирались на баке и шкафуте, а полуют превращался в подмостки для скрипачей и плясунов. Как сейчас слышу и вижу: скрипки, пилякающие всякие диковинные мелодии, и босые ноги, отплясывающие по надраенной палубе. Остальные — у многих были хорошие голоса — в это время пели песенки своего детства, напоминавшие им о доме, о давно минувших годах.

В общем-то, это были дурные люди, Джим, но лишь единицы, вроде Пью и Флинта, — совсем отпетые мерзавцы, а другие, особенно бывшие каторжники и ссыльные, знали когда-то мирную жизнь у домашнего очага. И когда они пели в те лунные ночи, вы не отличили бы их от крестьян из нашей деревни.

...А теперь мы подошли к тому времени, когда Флинт и ле Бон сговорились вместе напасть на Санталену — маленькую колонию на Мэйне, где собиралась часть «Серебряного каравана».

До сих пор атаки на «Серебряный караван» сводились к налетам на отдельные суда, идущие к месту сбора; теперь же было задумано дерзкое предприятие, которое можно сравнить только с походом капитана Моргана на Панаму.

Хотя в Санталене было не так уж много домов, она играла очень большую роль. Отсюда корабли выходили под надежной защитой эскорта и могли уже не опасаться пиратов. Но примерно за месяц до отплытия каравана представлялась возможность застигнуть врасплох от четырех до десяти транспортов, охраняемых лишь пушками форта, и освободить от драгоценного металла склад на берегу. Да и в трюмах судов было чем поживиться.

Кстати, мне вспомнилась одна вещь, которая может вас заинтересовать. Когда мы попадали в те края, то обычно запасались пресной водой на одном из Подветренных островов. Это был даже не остров, а скорее длинная высокая скала, с виду напоминающая гроб. Мы называли ее «Сундук Мертвеца», и пиратская песенка, которую вы так часто слышали на «Испаньоле», посвящена как раз этой скале. За много лет до того на ней очутились пятнадцать букиньеров, спасшихся с разбитого корабля. Сильвер рассказывал мне, что им удалось выловить несколько бочонков рома, прибитых волнами к берегу, и есть, понятно, было нечего, и когда их подобрал один из кораблей Девиса, все они были мертвецы пьяны...

Флинт разузнал все о Санталене от юнги, единственного уцелевшего из кучки пиратов, высаженных той весной на необитаемом островке у Барбадоса. Всего их было шестеро. А вышло это вот как: пиратский капитан плохо ладил со своей командой и разделался с вожаками, прибегнув к подлому трюку, — отправил их на берег за черепахами и бросил там на верную смерть, подкупив седьмого увести лодку.

Правда, у брошенной шестерки было оружие, несколько дней они стреляли птиц и ели их сырыми. Потом двое поссорились и убили друг друга. Еще трое помешались и тоже умерли, так что мы застали в живых одного лишь юнгу, парнишку лет пятнадцати. Он соорудил себе навес из одежды умерших товарищей, кормился черепашьими яйцами и дотянул до появления «Моржа».

Звали этого юношу Джордж Мерри — тот самый Джордж, который хотел выпустить из вас кишки на Подзорной Трубе,

Джим, да только Бен Ганн тоже не зевал, укрывшись в кустарнике! Я не испытывал никаких угрызений совести, когда отправил его на тот свет. Джордж Мерри всегда отличался склонным и вероломным нравом. Однажды он получил выволочку от Сильвера за продажу метисам корабельного имущества; ему даже обрывок старого каната нельзя было доверить.

Джордж вполне вознаградил Флинта за свое спасение с голого островка. Годом раньше Мерри был юнгой на одном «купце» и наблюдал рождение Санталены,— его судно доставило тес на строительство форта. Он знал, сколько пушек в крепости и какого они калибра, знал, как подобраться к поселку с суши, каков гарнизон, сколько в нем колонистов и сколько опытных солдат из Европы. Флинт и ле Бон разработали хитроумный план набега, который сулил самую крупную добычу, какая когда-либо приходилась на долю двух судов с тех пор, как Ингленд и его сообщники перехватили в Персидском заливе паломников, шедших в Мекку.

План был бесспорно хорош. Я считал так тогда, считаю и теперь, ведь вон какой куш мы отхватили, но что поделаешь, если счастье отвернулось от Флинта в тот самый день, когда мы вышли из Санталенской гавани.

Флинт замыслил разделить свои силы: француз на закате совершил отвлекающее нападение с моря, а мы в это время высадимся на берег в десяти милях от Санталены, за болотистой низиной, прикрывающей подступы к поселку с севера. Ле Бон ждет нашего сигнала и крейсирует в виду берега, за пределами досягаемости пушек форта, пока мы не займем исходную позицию для ночного марша вверх по реке до висячего моста, про который рассказал Джордж Мерри. Оттуда мы незаметно спускаемся к морю и атакуем форт с суши; если встретим отпор, француз поддержит нас с моря огнем всех своих пушек.

Вычислив, что на предварительные маневры уйдет два дня, мы взяли курс на Мэн и расстались с «Павой» в дневном переходе от Санталены. Француз пошел на юго-запад, «Морж» — прямо на север; Билли знал одну глубокую речушку, которая впадала в море как раз посередине между Картахеной и облюбованной нами целью.

Вечером Сильвер собрал всех людей на корме и объявил, что нас ждет добыча, которая позволит каждому, кто пожелает, навсегда оставить море и стать состоятельным джентльменом, завести собственный дом, экипаж и столько же рабов и жен, сколько есть у короля Дика на Мадагаскаре.

Затем он разбил нас на отряды. Два десятка человек оставались на корабле, остальные (сто тридцать один человек) должны были высадиться с лодок на берег, причем только ночью, чтобы нас не обнаружили с суши. Правда, туземцы не стали бы предупреждать испанцев, но мы могли нарваться на белого охотника.

Все шло, как было задумано. Мы разместились в шести шлюпках: из тех, кого вы знаете, на «Морже» остался один лишь Бонс, Флинт и Большой Проспер сидели в первой шлюпке, другими командовали Сильвер, Пью, Хендс, Андерсон и Ник. Я плыл с Ником, наша шлюпка была замыкающей.

Джордж Мерри, наш проводник, шел с Флинтом. Две долгие ночи длился трудный переход, который потребовал немалого напряжения сил. Наконец мы добрались до болота в дельте реки, на подступах к Санталене. Люди спрятались в укромном месте на берегу, после чего Флинт велел затопить шлюпки.

Понятно, пираты не обрадовались, видя, как уничтожалось их единственное средство к спасению. Один верзила из числа плимутских каторжников даже выразил вслух свое недовольство. Флинт дал ему высказаться, потом застрелил на месте. После этого уже никто не спорил.

Целый день мы провели в засаде, осаждаемые тучами злых насекомых. Двоих или троих поразил солнечный удар, еще один был укушен ядовитой змеей и умер меньше чем через час. Мы облегченно вздохнули, когда сгостились сумерки и начался марш вверх по реке. Миль через десять — двенадцать отряд и впрямь достиг мостика, связанного местными жителями из лиан.

Мостик не охранялся, и мы пошли по нему гуськом. Пере- правляться здесь было все равно что идти с корзиной угля по канату над оловянным рудником в Корнуолле. По настоянию Израэля мы взяли с собой бронзовую пицаль, и несшие ее пираты по милости пушкаря чуть не угодили прямо в пасть к хищным рыбам и аллигаторам, которыми кишила река.

Начало штурма было приурочено к восходу солнца. Топкая местность и всевозможные лишения, которые мы перенесли в пути, подорвали наши силы, и было непохоже, что мы сможем нанести сокрушительный удар. Но Сильвер показал себя пре- восходным командиром. Ник говорил после, что если бы Долговязый Джон избрал честный путь, он мог бы стать генералом или адмиралом и прославить свое имя в веках, и я думаю, Ник был прав: Джон умел добиться успеха там, где другой ни за что не справился бы,— лишь бы впереди маячила славная добыча.

Примерно на полпути до побережья Ник передал мне свой мушкет. Он тащил тяжелый сверток из парусины, с которым ни за что не хотел расстаться. Я никак не мог понять, что за тяжесть такая в этом свертке, но Черный Пес объявил мне, что это, должно быть, боеприпасы для пищали.

В тот самый миг, когда небо над заливом начало светлеть, мы наконец-то выбрались из топи и увидели первые признаки поселения. У самой реки стояло на сваях что-то вроде заставы, а на берегу стирала одежду метиска. Один из наших пополз через камыши и схватил ее.

Пленница ответила на все вопросы Флинта. Дело обошлось без угроз — взглянув на его синее лицо, она решила, что это сам дьявол вышел из мангровых зарослей. Мы узнали, что в домике на сваях находится всего двое солдат, остальных отзвали, чтобы подкрепить гарнизон, так как в прибрежных водах появился пиратский корабль.

Флинт спросил, сколько судов стоит в заливе и сколько боеспособных людей в Санталене. Она сказала, что судов пять: четыре из «Серебряного каравана» и один люгер, он зашел недавно на починку. Гарнизон состоит из полуроты пехотинцев и двадцати человек местного караула. Да еще есть моряки, которые сошли на берег.

Эта новость озадачила нас. Выходило, что нам противостоят не менее сотни человек, из них половина — опытные солдаты. И если моряки тоже окажут достойное сопротивление, мы можем обломать зубы о Санталену...

Израэль и Черный Пес прокрались в домик и мигом перерезали глотки часовым. Затем мы двинулись через камыши к двум рядам деревянных домов, которые составляли всю Санталену.

Сигналом для ле Бона должен был явиться «Веселый Роджер» на флагштоке бастиона. Таким образом, мы не могли рассчитывать на помощь с моря, пока не захватим форт, да и тогда ле Бон рисковал поразить ядрами своих. В крайнем случае, сказал мне Ник, француз высадит десант.

Первым попался нам сонный мулат, который вышел снять ставни с окон своей лавки. Мы набросились на него, не дав ему опомниться, и минуту спустя улицу заполнили вымазанные илом, орущие пираты. Они неудержимым потоком хлынули к берегу, где улица разветвлялась. Одна дорога вела на восток, к дому губернатора, другая — на запад, к форту, который стоял примерно на полпути к одному из двух мысов, замыкавших бухту.

По правде говоря, порт представлял собой довольно хлипкое сооружение из привозного леса, окруженное неглубоким рвом, в котором в эти часы не было воды из-за отлива.

Бастион соединялся с улицей подъемным мостом, и мост был спущен — непростительная глупость, ведь гарнизон знал, что с моря подошли пираты. Потом уже выяснилось, мы подоспели в то самое время, когда комендант собирался выйти из форта, чтобы проверить посты.

Я бежал из всех сил, пытаясь сообразить, что же мы станем делать, когда окажемся у стен бастиона. Как-никак, высота их не меньше пятнадцати футов, а вместе со рвом и того больше, а у нас никакой лестницы нет.

Право же, мне следовало догадаться, что Флинт и это предсмотрел. В следующую секунду меня сбило с ног взрывом, от которого земля заходила ходуном, а в воздух взвился вихрь песка и обломков.

Ник подорвал мину под самыми воротами форта; одну створку отбросило далеко в сторону, другая распахнулась и повисла на массивных петлях. Оказалось, что в таинственном свертке он принес самодельную «адскую машину», равную по силе двенадцатифунтовому ядру. В открывшуюся брешь могло проникнуть по три человека в ряд, и первыми ворвались в бастион Большой Проспер и Флинт, который с яростными криками рубил налево и направо. Оглушенные взрывом солдаты были сметены, словно кегли. Быстрее, чем это расскажешь, мы рассыпались по всему форту и штурмовали главное здание, преследуя отступающих.

Комендант и два офицера попытались укрепиться в одном из верхних помещений, но Израэль направил на забаррикадированную дверь свою пищаль, и когда мы раскидали обломки, то обнаружили трех покойников. Бастион был наш.

Флинт послал меня и Андерсона поднять наш флаг; не прошло и пятнадцати минут с начала штурма, как над фортом уже разевался «Веселый Роджер».

Тем временем Сильвер атаковал дом губернатора. Сам иdalго и его супруга были в постели — где еще быть им в четыре часа утра! — но патруль, только что сменившийся с поста в гавани, успел застрелить троих или четверых пиратов. Тем не менее, когда мы подоспели, Долговязый Джон уже связал губернатора и его домочадцев.

Возвращаясь вдоль берега, я увидел, как «Пава» медленно входит в маленькую гавань. Пушки стоявших на якоре кораблей молчали. Не иначе, их капитаны увидели «Веселый Роджер» над фортом и смекнули, что сопротивляться нет смысла.

Флинт первым делом вызвал на берег ле Бона с половиной его команды; вторая половина должна была держать на прицеле суда испанцев. Головорезам ле Бона велели охранять форт, куда мы согнали уцелевших солдат гарнизона; кроме того, французы расставили мушкетеров вдоль всей улицы, на случай, если санталенцы задумают освободить своего губернатора.

Вы не должны забывать, что в поселке еще находились двести с лишним вооруженных испанцев с кораблей, и кто мог поручиться, что никто из людей идальго не ускользнул из поселка и не скачет во весь опор в Картахену за помощью.

Флинт прикинул, что половина добычи должна быть на берегу, другая половина на кораблях. Он решил начать с первой половины, а суда предупредить, чтобы не двигались с места, иначе их угостят изо всех пушек форта и «Павы».

А когда к бухте вскоре подошел и «Морж», испанские моряки, наверно, потеряли всякую надежду прорваться в море. Откуда им было знать, что у Билли Бонса всего двадцать человек!

Итак, Флинт, во всяком случае до конца этого дня, оказался полным хозяином положения. Пришло время заняться губернатором, который все еще сидел связанный в своем доме. Нам нужны были ключи от сокровищницы, единственного каменного здания во всем поселке. Дверь не уступала в прочности хорошим городским воротам, и вряд ли удалось бы ее взорвать, даже если бы у нас была взрывчатка.

Ле Бон и Пью предлагали засунуть старику между пальцами ног запальный шнур и поджечь, но Ник убедил Флинта разрешить ему потолковать с пленником.

Флинт хорошо знал гордый нрав испанцев, он сказал, что дает Нику на переговоры полчаса и ни минуты больше. Если старик упрется, он и все его люди подвергнутся пытке огнем.

Ник решил испытать твердость женщин. Он сказал им, что только ему под силу убедить пиратов не жечь поселок и не истреблять все мужское население, включая малолетних. А что до женщин, то их, и белых и цветных, сделают рабынями, если не будет выдан ключ от сокровищницы:

Жена идальго не поддалась. Она была такая же храбрая и гордая, как ее супруг, и только честила Ника по-испански. Для женщины она бранилась совсем недурно, и плевалась тоже, чем немало меня удивила, ведь я считал ее благородной.

Зато сестра губернатора, тучная женщина, вся в побрякушках, которые звенели при каждом ее вдохе, оказалась говор-

чивее. Когда Ник сказал, что Флинт готов подвесить ее брата за ноги и вертеть над огнем, как вертят свинью тушу, она залилась слезами и выпалила, что ключи от сокровищницы лежат в тайнике под кроватью идальго. Бедная женщина кричала, что пожертвует не только всеми сокровищами Санталены, но и рубиновым ожерельем, в котором была на приеме у испанского короля в Мадриде,— только бы мы не убивали их.

Думаю, Ник был рад не меньше моего, что обошлось без пыток. Флинт, который не забывал следить за морем, тоже был доволен, хотя и по другой причине: ему не терпелось управиться и уйти, пока не нагрянул эскорт.

Короче, мы прибрали к рукам все золото — сто десять слитков, да сверх того пятьдесят три мешка монет. Никто из нашей шайки не видел еще столько денег зараз; большинство вообще не представляло себе, что в Новом Свете могут существовать такие богатства.

Кроме того, нам досталось четыреста одиннадцать слитков серебра — целое сокровище! — и множество рубинов, топазов, изумрудов и бриллиантов на брошках, брелках и часах. В добычу входило также оружие тонкой работы, главным образом пистолеты и рапиры, инкрустированные драгоценностями.

Пока шла погрузка, Флинт следил, чтобы никто не выпускал из рук оружия, и сам стоял на пристани, держа в каждой руке по пистолету. Кругом раздавались ликующие крики, а он хоть бы раз улыбнулся.

Солнце уже приготовилось нырнуть в мангровые заросли за поселком, когда из форта явился Израэль. На берегу еще лежало серебро, и вид сокровища доставил пушкарю такую радость, что он засвистел веселую песенку.

Вдруг Флинт подошел к нему и прорычал:

— Крепостные пушки заклинены?

— Нет, капитан, еще нет, а куда спешить — ведь Билли еще не бросил якоря!

Флинт взорвался, как петарда.

— Куда спешить, чурбан безголовый? — заорал он. — До темноты мы уже должны приняться за транспорты, а с утренним приливом выйти на Тортугу. Может, ты хочешь, чтобы нас отправили в преисподнюю, пока мы тут копаемся?

Видели бы вы, как Израэль Хендс припустил к форту, — только пятки засверкали. Меньше чем за час он вывел из строя пушки форта и залил водой пороховой склад.

Шлюпок было предостаточно, и, погрузив последний слиток на борт «Павы», мы принялись за суда.

До утра мы прочесывали транспорты, по полсотни человек на каждом; добычу перевозили на «Моржа». Мы не спали уже третью ночь и прямо-таки валились с ног, но Флинт с его пистолетами не отходил от нас, да и Сильвер был начеку. Глоток рома — вот и все, чем мы могли подкрепиться.

На рассвете, ровно через сутки после того, как мы выбрались из топи, все сокровища Санталены были уложены в наши трюмы, и мы снялись с якоря.

«Пава» отплыла немногим раньше нас, и я до сих пор не пойму, как это могло случиться, что мы так быстро потеряли друг друга. Мы шли одним курсом — на Тортугу, делить добычу, — но под вечер спустился легкий туман, а когда он незадолго до полуночи рассеялся, француза и след простыл. Сразу прошел слух, что ле Бон улизнул неспроста, ведь на его корабле находилось почти все золото и серебро.

Как бы то ни было, итог оказался бедственным для француза, да и для нас тоже: плыви мы вместе, ле Бон не попал бы в такую переделку. Да и все обернулось бы иначе, если бы мы, как намечалось, дошли до Тортуги.

На третий день после выхода из Санталены около полудня умеренный западный бриз донес до нас звуки пушечной стрельбы. Где-то за горизонтом шел бой, и Флинт тотчас велел рулевому править в ту сторону.

Вскоре мы увидели облако дыма, а затем Сильвер, глядя в подзорную трубу, громогласно возвестил:

— Разрази меня гром, если это не наш француз нарвался на испанский военный корабль!

Так оно и было, причем ле Бону явно приходилось туда. Приблизившись, мы увидели, что «Пава» потеряла грот и бизань; среднюю часть палубы охватило пламя, и в воздухе расплылся густой черный дым. Испанский корабль громил француза почем зря, стоя в двух кабельтовых от него.

Флинт мигом смекнул, как действовать.

— Поднять красно-желтый флаг! — скомандовал он. — Пушкари, по местам и ждать, когда подойдем вплотную. Хендс, без моей команды огня не открывать!

Пушкари побежали вниз, а Флинт продолжал:

— Сильвер, выдать всем на палубе шишаки! Сейчас дон испанец получит такую помощь, от которой ему не поздоровится!

Сильвер понял его с полуслова. У нас было достаточно испанского снаряжения, чтобы устроить небольшой спектакль на полуяте. Сильвер и Бонс раздали шишаки и кожаные куртки,

затем приказали нам стать вдоль бульверка, кричать и размахивать руками. Тем временем Бонс повел наш корабль между двумя сражающимися сквозь облако дыма, затмившего солнце.

Мне кажется, испанский капитан, увидев наш маневр, смеялся, что к чему, да только поздно он спохватился. Очнувшись борт о борт с испанцем, мы в упор дали залп ядрами и картечью. Последствия были ужасны, высокий корабль сразу накренился под углом в сорок пять градусов. Вообще-то второй залп был уже не нужен, но пушкари «Моржа» не поленились добить противника. Пламя охватило его паруса, люди пачками прыгали за борт. Еще один поворот, и мы подошли к окутанному дымом французу, в тот же миг испанец со страшным грохотом взорвался.

Теперь все наше внимание обратилось на «Паву». Подходить к ней вплотную было опасно, огонь легко мог перекинуться к нам, поэтому мы легли в дрейф и живо спустили шлюпки. Наше счастье, что Билли настоял на том, чтобы взять с собой захваченные в Санталене лодки взамен затопленных нами при высадке на берег.

Я в числе первых ступил на палубу француза, и хотя душа моя успела уже очерстветь, мне стало не по себе. Вне сомнения, «Паве» до нашего прихода достался не один залп: кругом лежали мертвые и умирающие — половина команды, включая самого ле Бона, его штурмана и старшего пушкаря. Уцелевшие передавали друг другу ведра, борясь с огнем в средней части палубы. Не говоря ни слова, мы кинулись помогать.

Никогда не забуду два последующих дня.

Не будь «Пава» так сильно повреждена, мы могли бы не спеша перенести сокровища на «Моржа», а затем бросить ее. И мы начали было грузить золото в шлюпки, но погода ухудшилась, и всех послали на помпы. Стоило ослабить темп, как корабль оседал, все больше кренясь на левый борт. Еще до ночи нам пришлось сбросить в море все пушки и прочий груз; одна восьмерка сменяла другую на помпах — мы качали, не жалея сил.

Понятно, теперь мы не могли идти на Тортугу; «Пава» связала нам руки, и появившись вдруг еще один испанец, мы не успели бы сделать ни одного выстрела. На наше счастье, неспокойное море оставалось пустынным, и, взяв «Паву» на буксир, мы потащились на юго-восток, чтобы у ближайшего островка передохнуть и очистить трюмы разбитого судна.

Случилось так, что ближайшим оказался остров Кидда. До него было два дня хода при попутном ветре, и мы потянулись туда, следя друг за другом, словно два подраненных гуся.

Погода продолжала портиться, и Билли, чтобы управлять «Моржом», нужно было не меньше семидесяти человек. При мерно столько же осталось на «Паве» откачивать воду. Мы смеялись на помпах каждые полчаса, урывая минуты для еды и отдыха. Только страх потерять золото придавал нам силы выдерживать этот каторжный труд. И Сильвер не без умысла напоминал, что гибель семидесяти восьми человек из команды ле Бона увеличила долю остальных...

...Любопытно расположен остров Кидда, он же Остров Сокровищ.

В этой части Карибского моря, от Пуэрто-Рико на юг и юго-восток, широкой дугой протянулись Малые Антильские острова. По обе стороны от главной дуги лежат на отшибе уединенные островки, но большинство из них, подобно Сундуку Мертвца, представляют собой почти голые скалы, и только остров Кидда достигает сравнительно крупных размеров.

Флинт прикинул, что если мы доберемся до Южной стоянки, а еще лучше — до Северной бухты, можно будет посадить «Паву» на мель и разгрузить ее трюмы, а потом почистить днище «Моржа» и идти на Тортугу: ведь у нас, помимо золотых слитков, было немало добра для скупщиков. Наши «господа» — Флинт, Бонс, Сильвер, Хенкс, Пью и Ник — сошлись на том, что этот план всего полнее учитывает разные обстоятельства. Команда тоже его одобрила, не зная, конечно, что Флинт и Сильвер замыслили оставить команду «Павы» на бобах, считая, что ле Бон хотел их надуть.

Нам опять здорово повезло. Погода неожиданно наладилась, и мы вошли в Северную бухту, никого не встретив по пути.

Ох и обрадовались мы, Джим, когда увидели над горизонтом знакомые вершины! Вряд ли у меня хватило бы сил еще один час качать воду, к тому же мы не сомневались, что весть о набеге на Санталену уже дошла до Панамы и все испанские корабли в Мэйне разыскивают нас.

Билли перешел на «Паву» и во время прилива посадил ее на мель под самыми деревьями — там, где вы видели ее в последний раз, — а мы сошли на берег, чтобы, как было заведено, поставить защитную батарею и подготовить «Моржа» к кильванию.

Всю добычу свезли на остров и разложили на четыре кучи — золотые слитки, серебряные слитки, монеты и оружие. И уж поверьте мне, Джим, любая из этих куч представляла целое сокровище.

Когда все подсчитали и рассортировали, а «Морж» начал обретать свой прежний вид, Флинт велел всем собраться в час

отлива. Прошел слух, что Сильвер будет говорить про дележ и про будущие дела. И вот мы сидим на горячем песке...

Стоит мне закрыть глаза, Джим, и я как сейчас все вижу.

Солнце светило над деревьями, над берегом плыл свежий, бодрящий запах смолы от сосен на двуглавой вершине, сладко пахли лесные цветы. Большинство людей сидели голые по пояс, обвязав голову от солнца яркими платками; пояса и портупеи они отложили в сторону.

Какой только народ тут не был — англичане, французы, голландцы, испанцы, левантинцы, мавры, курчавые негры, тьма метисов из всех поселений Мэйна. Были тут старики — лысеющие, с седыми бакенбардами — и мужчины в цвете лет, вроде Ника и Сильвера, и безусые парни, слишком юные для такой компании. И все они не сводили глаз с Сильвера, разве что изредка косились на разложенную на песке добычу, чтобы убедиться, что на нее никто не покушается.

Сильвер сдернул с головы шляпу и оглядел нас, лучезарно улыбаясь. Я до сих пор слово в слово помню, что он нам тогда говорил.

— Друзья,— начал он.— Когда мы подписывали контракт, я говорил кое-кому, что вы родились под счастливой звездой, и сдается мне, я оказался прав — да-да, поглядите туда, и вы согласитесь. За вас думают такие люди, как я и капитан, и сейчас самое время сказать об этом напрямик, как положено настоящим морякам, потому что нам еще придется немало поломать голову, чтобы переправить добычу в такое место, где мы пустим ее в оборот, как положено джентльменам удачи! А дело все в том, что сейчас мы не можем идти с нашей добычей прямо на Тортугу, придется подержать ее здесь, пока «Серебряный караван» не уйдет подальше, вместе с кораблями военного эскорта!

Что тут было, скажу я вам! Словно гром прокатился по рядам сидевших вокруг пиратов. Несколько человек вскочили на ноги, стараясь его перекричать. Ведь все настроились на немедленный дележ, и слова Долговязого Джона были для них горькой пилюлей. Однако он умел заставить слушать себя. Достаточно было ему обвести нас строгим взглядом и поднять в руке шляпу, и Джон продолжал:

— Запомните: вице-король мечтает украсить свои виселицы вашими особами не меньше, чем занять королевский трон в Мадриде! Идти теперь на Тортугу с нашей добычей — это же все равно, что добровольно сложить сокровища на пристани Кадикса или явиться на главную площадь Панамы с петлей на шее! «У нас быстроходный корабль, мы можем уйти от погони

либо принять бой», — скажете вы. Верно, судно и впрямь добroe, — а сколько у нас груза? Вы мне вот что скажите: что с нами будет, коли до схватки дойдет? Потеряй мы хоть одну стенгу — и крышка, и вообще, какой бой, когда повернуться негде! Один меткий залп — и наша песенка спета, один риф — и прощай вся казна! Нет, лучше всего не спешить, склонить добычу здесь, в надежном месте, после чего вернуться за ней на двух, даже на четырех судах, потому что плох тот купец, который кладет все яйца в одну корзину!

Вторая часть речи Сильвера произвела заметное впечатление. Он совершенно верно сказал, что корабль, набитый золотом, мало пригоден для боя; куда там сражаться, когда на уме только одно: как бы улизнуть с добычей. Верно было и то, что чем дальше караван с эскортом уйдет в океан, тем больше надежд найти поселение, где нам окажут радушный прием.

Вдруг встает Джоб Андерсон и задает вопрос, который, без сомнения, беспокоил большинство пиратов.

— Ну ладно, Джон, допустим, мы с тобой согласились, сейчас не время выходить с добычей в открытое море — но кто же будет хоронить сокровище? Кто будет знать, где оно спрятано?

Его поддержали дружные возгласы, и Сильвер снова заулыбался. Он чувствовал, что самое трудное позади и команда опять в его руках.

— Вопрос прямой, Джоб, и ответ должен быть таким же прямым! — воскликнул он. — Верно, в нашем положении не очень-то приходится доверять друг другу, и лично я предпочел бы не связываться с таким делом — господи, пронеси, как говорится. Может, кто-то и доверяет мне, но я ничуть не обижусь, если другие откажут мне в доверии! Но ведь кому-то надо взять на себя эту задачу! И если хотите знать мое мнение, так, по-моему, лучше всего, как у нас заведено в серьезных делах, тянуть жребий. «Господа» — отдельно, «чернь» — отдельно, чтобы не было подвоха! «А дальше?» — спросите вы. А дальше все будет очень просто. Кому выпадет жребий, те останутся здесь зарывать сокровища, а мы ждем на борту сигнала, что дело сделано, после чего мы забираем их и держим, так сказать, заложниками, покуда не сбудем остальное барахло на французской Тортуге, снарядим суда и вернемся на остров для большого дежла!

— Сколько же надо выбрать? — крикнул Джордж Мерри.

— Как можно меньше, — отчеканил Сильвер. — Чем меньше их будет, тем легче за ними уследить, сдается мне!

В конце концов постановили, что «господа» выделяют одного представителя, а лопатами работать будут всего лишь шесть человек. Нелегкий труд предстоял им с такой огромной добычей!

Жеребьевка состоялась в ту же ночь при свете костров, разведенных на берегу. Проверка показала, что «господ» десятеро, а «чернь» насчитывает сто семьдесят восемь человек. В жеребьевке не участвовали раненые, которым тяжелая работа на берегу была бы не под силу. Ник подготовил сто семьдесят восемь ярлычков, пометил крестиками шесть, после чего положил все в медный котел, который поставили между двумя самыми большими кострами.

«Чернь» первой тянула жребий. «Господа» окружили котел, а пираты подходили один за другим и доставали бумажку, после чего отходили в сторону.

Первые тридцать — сорок бумажек оказались без пометки, и напряжение достигло предела, когда наконец один из французов вытащил крест. Почти сразу же вслед за этим ярлык с меткой попался мулату, который перешел на «Моржа» с одного из наших призов.

Еще человек двадцать взяли чистые ярлыки, потом крест достался коренастому здоровиле, бывшему контрабандисту из Западной Англии, затем опять французу и, наконец, голландцу из нашей команды. Осталось полтора десятка человек — и один, последний крестик.

Ей-богу, Джим, с меня пот катил градом. Мне ничуть не улыбалось закапывать золото в такой вероломной компании. Но, жеребьевка была для всех, а тут еще Ник заметил, что я мешкаю, и воскликнул:

— Подходи, Бен, дружище, — ты единственный среди нас, кто за деньги рыл ямы раньше, чем стать джентльменом удачи!

Я шагнул вперед под общий хохот — все знали, что я был в прошлом могильщиком, — сунул руку в котел, взял ярлычок и стал его развертывать. Бумажка была сложена вчетверо, и дрожащие пальцы не хотели меня слушаться, наконец я справился и в беспокойном свете костра увидел... Шестым заложником оказался я.

Не помню точно, что было потом. Кажется, я ушел подальше от костров, чтобы побывать наедине со своими мыслями. Все остальные обступили котел — предстояла еще жеребьевка среди «господ», — и внезапно раздался крик, который, наверное, было слышно на другом конце острова. Ник побежал ко мне и сказал, что жребий пал на Флинта.

Худшей новости я не мог услышать. Оставаться на берегу в обществе Флинта, пятерки головорезов и груды золота — от такого задрожали бы колени и у человека похрабрее меня, Джим.

Глава XI

На следующее утро произошло нечто странное. Сильвер собрал нашу шестерку, отвел в сторону и объявил, что, пока не отчалит «Морж», мы должны находиться отдельно от всех, а именно в хижине на южном берегу залива, которую обычно занимал Флинт.

Мы побрали к хижине — двое французов, мулат, голландец, беглый каторжник-англичанин и я,— развели свой костер, чтобы приготовить еду, и тут вдруг пришла на ум история, которую я слышал от одного индейца. Он рассказывал про обычай своих языческих сородичей в Перу: как они, когда просили дождя у богов, приносили человеческие жертвы, а предназначенных для этого юношей и девушек до самой церемонии жертвоприношения держали обособленно, запрещали до самой церемонии с ними разговаривать и даже смотреть на них. Сами понимаете, от такого воспоминания я не повесел.

Тем временем остальные пираты укладывали золото, половину серебра, монеты и самое дорогое оружие в ящики; вторую половину серебра было решено увезти с собой. Всего было девять ящиков — четыре с золотыми слитками, два с монетами, один с оружием и два с серебром. Оружейный мастер выжег на них клеймо «Моржа». Только ящик с оружием оказался неудобным для переноски, к остальным приделали толстые веревочные ручки.

Закончив работу, все, кроме нескольких «господ», отправились на корабль, и к ночи на берегу воцарилась непривычная тишина. Лишь позднее, когда на «Морже» раздали ром, над заливом поплыли приятные звуки песни.

Флинт не появлялся, и мы сгрудились вокруг нашего костра, чтобы поужинать. Нам было жутко и одиноко на пустынном берегу, где еще днем гудели голоса и толпились люди. Луна пока не взошла, и лес казался угрюмым и черным. Конечно, у нас был ром, но он почему-то не брал нас в ту ночь. Мы говорили вполголоса, и, помнится, наш разговор был совсем не похож на обычные беседы пиратов. Один из французов, молодой парень по имени Базен, спел трогательную песенку про свой

родной дом в краю вина, около Бордо; от этой песни у меня сжалось горло... Когда пришло время спать, выяснилось, что хижина мала для шестерых, и я лег на воле, укрывшись своим плащом.

Уже за полночь я вдруг проснулся: кто-то дергал меня за плечо, одновременно зажимая мне рот рукой.

Я сел и при свете взошедшей луны увидел Ника; в тени под деревьями стоял еще кто-то. Не говоря ни слова, Ник жестом предложил мне встать и идти за ним к опушке. Здесь я разглядел, что второй человек — Джон Сильвер.

— Бен, — сказал Ник, убедившись, что нас не услышат в хижине, — ты вернешься на корабль с Джоном.

— А как же моя работа? — спросил я. — Ведь я выбран честно, по правилам.

— Ты — да, — ответил Ник. — Но Флинт — нет, и мы с Джоном решили последить за ним. Так что делай, как я сказал, ступай с Джоном. И если Флинт задумал какую-нибудь каверзу, ему придется иметь дело со мной.

— Он смекнет, что вы его раскусили, и сразу убьет вас, — сказал я.

— Пусть попробует! — Ник подмигнул Сильверу. — Да у него не будет выбора, придется взять меня с собой, ведь корабль уже отойдет. С началом отлива «Морж» покидает бухту, а когда поднимется солнце, он будет уже далеко. На-ка, выпей!

Он протянул мне склянку с какой-то жидкостью, пахнущей камфорой.

— Что это? — спросил я.

— Это поможет тебе прикинуться больным, — объяснил Ник. — А на самом деле, кроме пользы, ничего не будет, положись на меня!

По правде говоря, я был только рад, что мне не надо оставаться на острове в обществе Флинта, да и секрет тайника давил бы на мою душу тяжелее, чем десять пушечных ядер. Однако я видел, что они готовят какой-то подвох, и беспокоился за Ника.

— Когда тебя увидят на борту, Джон скажет, что ты захвратил и в последнюю минуту я заменил тебя, — добавил он. — Так что на этот счет не беспокойся. Им один черт, кто останется на берегу, — ты или я.

Разговор был исчерпан, я сделал добрый глоток из склянки и вернул ее Нику. Сильверу не терпелось сесть в гичку, причаленную к берегу поодаль, и он поторопил нас.

— Ладно, идет, только держите наготове пистолеты и кинжал, — предупредил я Ника.

Он усмехнулся и протянул мне руку.

— Мы с тобой не раз в переделках бывали, Бен,— сказал он. Это были последние слова, которые мне довелось услышать от Ника.

...Мы вернулись на судно без происшествий. Все было готово для выхода в море, и букиньеры лежали вповалку на палубе, забывшись в пьяном сне. Только вахтенные бодрствовали в ожидании отлива, да на корме виднелась коренастая фигура Билли Бонса. Я спрашивал себя, можно ли положиться на Сильвера и разделяет ли Билли его подозрения относительно Флинта. Во всяком случае, Бонс, увидев меня, ничего не сказал, а через два часа всю команду вызвали поднимать якоря, и вскоре «Морж» уже вошел в пролив и лег на курс норд-вест, оставив Фок-мачту с левого борта.

Не знаю, что за снадобье дал мне Ник, но, видно, в нем было примешано снотворное: весь этот день, да и последующий тоже, меня одолевал сон, и все решили, что у меня болотная лихорадка, а то и что-нибудь похуже.

Стояла жаркая погода, почти без ветра, и команде не было покоя: мы все время лавировали в двух-трех милях от берега, чтобы не терять из виду Подзорную Трубу.

Утром пятого дня, когда мы подошли поближе, на полуяте вдруг раздался громкий крик, и тотчас палуба загудела от топота ног.

Я уже почти оправился и спросил одного из пиратов, в чем дело. Он ответил, что замечен сигнал Флинта, и показал на тонкий столб дыма, поднимающийся со склонов Бизань-мачты, на западном берегу Южной бухты.

Мы вошли в бухту через пролив между Островом Скелета и Буксирной Головой и бросили якорь на глубине четырех саженей.

Вся команда ринулась к левому бульверку, и поднялся невообразимый шум. Из-за своего малого роста я не видел берега, но зато услышал возглас Израэля:

— Гром и молния, это Флинт, и он один!

Этих слов было достаточно, чтобы я бросился к вантам бизань-мачты. Поднявшись по ним выше бульверка, я убедился, что Израэль прав. Флинт — без своей треуголки, голова обмотана голубым шарфом — медленно греб к судну. Он был один, и когда лодка приблизилась, стало видно, что наш капитан сам на себя не похож и едва управляет с веслами.

— Эгей! — окликнул его Пью. — Где остальные, капитан?

Флинт придержал правое весло, подвел лодку к борту

«Моржа», схватил конец, брошенный ему Андерсоном, и привязал за фалинъ.

Затем он поднял голову, и мы увидели, что лицо его еще страшнее обычного: бледное, как мел, щеки провалились, воспаленные глаза горят, будто угли, в глубоких глазницах. Словно взяли череп и обтянули коричневой кожей.

— Остальные? — прорычал Флинт. — Остальные отдали концы, черт бы побрал эту вероломную сволочь!

Поднимаясь по трапу, он едва не сорвался: пришлось Андерсону спуститься и чуть ли не на руках втащить его на борт.

Когда Флинт ступил на палубу, стояла мертвая тишина. Команда таращилась на него, и он в ответ уставился на нас, обнажив желтые зубы в волчьем оскале.

— Ну, — сказал он наконец, — кто-нибудь жаждет присоединиться к ним?

Правая рука Флинта потянулась к одному из четырех пистолетов, висевших у него на поясе.

Никто не двинулся с места, все молча смотрели на ужасное, зловещее лицо капитана.

— Вы, кажется, ранены! — крикнул вдруг Билли с полуята.

Он не добавил «капитан», и мне почудилось, что его голос, и без того хриплый, прозвучал еще грубее обычного.

— Так точно, — медленно ответил Флинт, — я ранен, и сделал это подлец-костоправ, когда я разделался с остальными, чтобы они не разделались со мной! Кто это все придумал? Уж я дознаюсь! Кто...

Флинт не договорил. Внезапно он пошатнулся и со всего роста рухнул на палубу. При этом шарф слетел с его головы и обнажилась длинная рана, похожая на след от плети. Редкие волосы от левого виска к затылку слиплись от крови. Мало кто пережил бы такую рану, и Флинт только чудом остался жив.

— Вот тебе раз, — произнес как всегда невозмутимый Сильвер, — Флинт с раскроенным черепом, а остальная шестерка в земле сырой! А ну-ка, помогите отнести его в каюту. Если он сыграет в ящик, мы все останемся на бобах — сам черт не скажет нам, где тайник!

Вряд ли когда-нибудь на борту «Моржа» так бережно обращались с раненым. Флинта снесли вниз, рану промыли, потом сняли с капитана грязную одежду и уложили его на койку. Двести нянек сутились вокруг него, наперебой предлагая свои способы лечения. В конце концов вмешались Сильвер и Бонс. Израэль и Пью ни на шаг не отставали от них, и все четверо зорко следили друг за другом, точно коты, окружившие котячку. По приказу Сильвера каюту освободили.

— Все будет в порядке, приятели, за капитана не тревожьтесь! Предоставьте это дело мне и дайте ему покой!

Юный Джордж Мерри оказался самым недоверчивым.

— А может, Флинт начертил карту? — допытывался он.

— Мы проверили его одежду, половина команды видела, — ответил Пью. — Ничего похожего на карту, так что, сдается мне, у него все в голове.

Те, кто видел, как обыскивалась одежда капитана, подтвердили неутешительное сообщение Пью. С той минуты, как Флинт поднялся на борт, он все время находился у нас на глазах, и было ясно: либо он ничего не доверил бумаге, либо надежно спрятал карту на берегу.

В тот же вечер мы взяли курс на Тортугу; поднялся занавес для последнего известного мне акта в истории «Моржа» и его команды.

Глава XII

Что было после, Джим?

Об этом можно в нескольких словах сказать так: для большинства нашей команды — смертный бой и кровавый конец, для некоторых ее членов, например, Пью и Сильвера, долгие страдания и невзгоды. И только для меня оборвалась стезя, которая вела прямиком в преисподнюю, и начался путь домой.

Я говорил уже, что после Санталены счастье отвернулось от Флинта. Но мы не подозревали, чем это обернется для нас, пока не попали в ураган восточнее Сен-Китса и корабль не занесло далеко на запад, в опасные для нас воды южнее Ямайки. Ураган сменился штилем, и вскоре мы — не забудьте, нас стало двести человек — начали ощущать острый недостаток воды, так что пришлось ограничить выдачу до кружки в день на человека.

Флинт не вставал с койки; его видели только «господа» да преданный Дарби, который день и ночь ухаживал за капитаном. Но мы знали, что Флинт жив, потому что в тихие ночи было слышно, как он бредит и горланит моряцкие песенки.

Сильвера почти мы не видели. Он подолгу просиживал в каюте капитана, теперь мне понятно — почему. Вместе с остальной тройкой он добивался от Флинта, чтобы тот заполнил белые пятна на карте острова Кидда, которую начертил Билли. Во всяком случае, так он сказал, когда команда, заподозрив неладное, прислала депутацию к квартирмейстеру.

Пора гнетущего бездействия кончилась неожиданно и

ужасно? Только мы, набрав на островке чуть западнее Большого Каймана воды, вышли из залива, намереваясь лечь на курс норд-вест, в сторону заходящего солнца, как из-за ближайшего мыса вынырнул новехонький фрегат с «Юнион Джеком» на стеньге. На всех парусах он шел наперевес «Моржу» со скоростью, вдвое превосходящей скорость нашего корабля, не успевшего еще, как говорится, расправить свои крылья.

Все понимали, что мы нарвались на морской дозор, о котором слышали, но с которым до сих пор ни разу не встречались.

В следующий миг фрегат развернулся и дал залп всеми пушками правого борта.

Никогда еще мне не доводилось ни наблюдать, ни тем более испытывать действие такого опустошительного залпа на палубе, битком набитой людьми. Одновременно рухнули форс-марс, бизань и часть грот-мачты. На шкафуте сразу было убито человек тридцать — сорок, да еще почти столько же покалечило обломками на носу и на корме. Изорванные паруса накрыли бак, словно саваном.

Все, кто мог, ринулись к трапам, подгоняемые хриплыми криками Билли с полулюта. Бонс торопился восстановить порядок и открыть ответный огонь, прежде чем фрегат подойдет ближе и обрушит на нас новый залп.

Я бежал, словно кролик. В моем плече застриял осколок, но я ничего не чувствовал; зато после не одну неделю чуть не выл от боли.

Мы сгрудились на нижней палубе — и хуже ничего не могли придумать. Не успели мы разобраться, что к чему, и выкатить хотя бы одну пушку, как фрегат накрыл нас в упор вторым бортовым залпом, который пришелся по пушечным портикам.

Последствия были ужасными. Если первый залп стоил нам полсотни убитых, то второй унес еще больше жертв, опрокинув наши пушки и разметав лафеты во все стороны, прямо на людей, которые лихорадочно разбирали такелаж и всякий хлам. В несколько секунд пушечная палуба обратилась в ад кромешный.

Сильвер лежал возле переборки, из-за которой мы с Ником когда-то смотрели, как он сговаривается с Пью и Хендсом. Его придавило пушечным стволом, сорвавшимся с лафета при внезапном крене «Моржу». Окорок кричал, как ребенок, но ему никто не мог помочь — каждый спасал свою шкуру.

Во всей этой сумятице только один человек сохранил присутствие духа: старший пушкарь Израэль Хендс. Вот уж истинно говорят, Джим, что человека трудно раскусить. Тупица

Хендс, мрачный пьяница, только на то и пригодный, чтобы буйнить или горланить песни после доброй порции рома, — этот отпетый прохвост совершенно преображался, стоя у пушки с запальным шнуром в руках. В такую минуту это был просто необыкновенный человек — хладнокровный, расчетливый, отважный, как гладиатор.

Движимый каким-то инстинктом, я ринулся к нему, чувствуя, что он один может сделать что-то, прежде чем третий залп превратит уцелевших в рыбий корм.

На корме, в самом углу между переборкой и камбузом, Хендс нашел то, что искал: двенадцатифунтовую пушку, которая смотрела в портик. Рядом лежали картуз пороха и два ядра — остальные выкатились наружу.

Пушка очутилась здесь совершенно случайно. Ее почему-то не поставили на место после килевания, но причиненное двумя залпами сотрясение каким-то образом развернуло лафет так, что дуло смотрело как раз в последний портик по правому борту.

Израэль поглядел вдоль ствола и удовлетворенно крякнул. Через его плечо и я увидел, что его так обрадовало. Фрегат находился от нас меньше чем в полукабельтовом и как раз поворачивал к ветру, то ли готовясь дать новый залп правым бортом, то ли собираясь идти на абордаж. Корма фрегата являла собой мишень высотой с церковную стену, и Хендс, слегка поправив прицел, поднес к заряду запальный шнур.

В общем гуле одинокий выстрел прозвучал довольно жалко, но он достиг цели: ядро попало прямо в руль и разбило его. С этой минуты фрегат оказался беспомощной игрушкой волн и крепнущего ветра.

Забыв о царящем позади нас бедламе, мы с Израэлем вдвоем пробанили ствол, вбили заряд и оттолкнули пушку от переборки, которая остановила откат. Теперь Хендс прицелился повыше, ядро пробило бульверк на корме и пронеслось над палубой фрегата, кося столпившихся людей.

Два наших выстрела произвели не меньшее действие, чем добрый бортовой залп, и они-то нас спасли. Подойди фрегат вплотную к «Моржу», нас смяли бы первым же натиском, и еще до конца месяца мы сушились бы под солнцем на виселицах.

Когда начался бой, дело шло к закату. На наше счастье, сумерки в Карибском море делятся недолго, и скоро совсем стемнело. Море, разделявшее оба корабля, стало фиолетовым, потом багровым, потом черным, а нас все дальше относило друг от друга. Фрегат был целиком во власти ветра.

Что же касается Бонса, то он, умело используя уцелевшие паруса, строго выдерживал курс норд-вест. Всю ночь Билли простоял на руле, пока остальные убирали обломки и ставили временные мачты на носу и на корме.

Плечо ныло, но мне было не до него. Уже светало, когда я наконец пошел спать,— слабый от потери крови, правая рука висела, будто палка.

Два человека, Израэль и Бонс, выручили нас, но был еще третий, кто отличился в этом бою, хотя и не на главной палубе. Не будь его, две трети наших раненых не дожили бы до Саванны, куда Билли вел «Моржа».

На нижней палубе глазу открывалось зрелице, какого самая закаленная душа на всем Мэйне не снесла бы.

Сильвер лежал с расплющенной ногой подле искалечившей его пушки. Ослепший Пью в беспамятстве царапал грубые бинты на голове, громко стонал и так богохульствовал, что казалось — сейчас через люк ворвется молния и испепелит его.

Всего убитых было девяносто два, примерно столько же раненых; в числе погибших оказались наши лучшие люди — плотники, оружейники, парусные мастера.

Сильвер стойко переносил страдания. Я дал ему немного бренди, потом пошел на корму, чтобы отыскать медицинский сундучок Ника, в котором лежали его мази и инструменты. И я сказал себе, что многие на борту теперь, должно быть, проклинаят Флинта за то, что он убил нашего судового врача. Не один член команды был обязан жизнью искусству Ника.

Лекарства куда-то запропастились, но пока я искал их, мне встретился полупомешанный псалмопевец Джейбс Пэтмор — тот самый старик, который не пожелал расстаться со своими кандалами, когда пираты захватили корабль в гавани Порт-Ройяла.

Джейбс по собственному почину взял на себя обязанности судового врача; и что всего удивительнее — сейчас он не производил впечатления помешанного. В аду на нижней палубе расхаживал сильный духом человек, чем-то напоминавший святого; он подавал напиться, зашивал зияющие раны, извлекал картечные осколки, — короче говоря, орудовал инструментами Ника так, словно родился заправским хирургом.

Кстати, Джейбс и Сильвера спас. Он очистил ему рану и наложил лубки, а Джон, чтобы не потерять сознания, жевал табак и, обливаясь холодным потом, крепко сжимал своими ручищами два рым-болта. Джейбс перевязал пустые глазницы Пью, потом оказал помочь еще полсотне пройдох, после чего занялся легкоранеными вроде меня.

Билли неспроста выбрал Саванну: у него были друзья среди тамошних управителей. Многие английские губернаторы (да и испанские тоже) ладили с нами. Они были не прочь приобрести кое-что, не платя пошлины королю Георгу, и охотно предъявляли нам убежище, лишь бы мы не бесчинствовали в их городах.

Войдя в гавань и бросив якорь, мы сразу заметили корабль Юджина Девиса «Возмездие», спокойно стоявший в окружении мирных «купцов».

Девис был известный пират, под его началом все еще служили ветераны, плававшие с Робертсом. Правда, он и Флинт не были закадычными друзьями, но Сильвер хорошо знал Девиса; к тому же в этих водах действовало правило «ворон ворону глаза не выклюет». Каждому хватало поживы.

Увидев наше бедственное состояние, Девис тотчас прибыл на борт «Моржа». Он захватил с собой судового лекаря; тот осмотрел наших раненых, в первую очередь Джона, и сразу же сказал, что ногу придется отнять, если только Сильвер не хочет умереть от гангрены.

Долговязый Джон спокойно воспринял его слова.

— Ладно, режьте, — пробурчал он. — Лишь бы я потом смог выследить тот фрегат и его команду, чтобы им гореть в вечном огне!

Ампутацию провели незамедлительно, и все время, пока я еще оставался на борту, Сильвер балансировал на грани между жизнью и смертью. И только много лет спустя я услышал, что в конце концов он оправился и на одной ноге выказывал такую же прыть, как прежде на двух. Да, Джим, что ни говори, Долговязый Джон был на голову выше большинства людей, когда-либо стоявших на палубе корабля. За все годы моих скитаний я ни разу не встречал человека, равного ему.

Пью быстро поправлялся, но слепота сделала его еще злее прежнего. Само собой, он был обречен на нищенство, и я долго ничего о нем не знал, пока не столкнулся с вами.

Флинту не становилось ни хуже, ни лучше; он все так и лежал в каюте, общаясь только с Билли и Мак-Гроу. Видно, в эти-то дни и была дорисована карта, после чего Билли Бонс решил улизнуть с ключом от сокровища. Однажды утром, за несколько дней до того, как я сам оставил корабль, выяснилось, что он исчез. Никто не знал и не видел, когда и как ушел Бонс; занятые собственными невзгодами, пираты не придали значения его побегу, пока не смекнули, что к чему.

Мои мысли в ту пору были поглощены другим: для меня важнее всего на свете было выяснить, что же случилось с Ником,

хотя бы для этого пришлось приставить нож к горлу Флинта, а добившись ответа,— прикончить нашего капитана.

Все это время Флинт ни разу не вставал с койки, вряд ли он даже знал о роковом боे,— ведь он постоянно находился в бреду, когда от раны, когда от рома. Быть может, он мог бы еще оправиться и снова стать во главе своей шайки, но Дарби был слишком туп, чтобы понять это, либо не меньше моего стремился прикончить Флинта: он позволял своему хозяину пить вволю: мы то и дело слышали, как Флинт горланил, зовя своего Дарби и требуя бутылку.

Долгожданный миг наступил через неделю после того, как мы бросили якорь. Большая часть команды съехала на берег сбывать то, что удалось спасти из награбленного. Дарби отправился за фруктами, и Джейбс попросил меня позаботиться о капитане. «Что ж, можно и позаботиться...» — сказал я себе. Сойдя вниз, я раздобыл кинжал, после чего направился в каюту Флинта под полуятом. День выдался знойный, и почти все оставшиеся на борту спали.

Спускаясь по трапу, я услышал невнятное бормотание Флинта, потом, уже возле самой двери, какой-то скрежет, будто ржавая цепь терлась о брашиль.

Я шагнул в каюту и подошел к открытому иллюминатору, под которым помещалась койка Флинта. Кажется, только в эту минуту я до конца осознал, как его ненавижу. Меня била дрожь, но не от страха, в нем уже не было ничего страшного, он выглядел только щуплым и жалким под своим грубым одеялом,— уродливая голова запрокинулась на подушке, подбородок торчал кверху.

— Капитан,— сказал я, вытащив кинжал.— Я пришел узнать правду насчет Аллардайса и советую вам выложить все начистоту, пока я не перерезал вам глотку!

Он не ответил, не поглядел на меня, даже не шевельнулся, его глаза были все так же устремлены на открытый иллюминатор. В душной каюте слышалось только жужжение мухиных полчищ, круживших над батареей пустых бутылок на рундуке.

Я нагнулся, посмотрел на лицо Флинта... И громко расхохотался. Он был мертв. То, что мне показалось скрежетом, было его предсмертным хрипом. Стоя с кинжалом в руке, я хохотал как безумный. Возможно, я и впрямь был не в себе, а может быть, оказывалась слабость после ранения.

Так или иначе, мне было ясно, что я уже никогда не узнаю, как Ник встретил свою кончину в окружении несметных сокровищ.

Не помню, сколько я такостоял, несколько секунд или час, но внезапно меня осенила мысль, что этот случай — своего рода знамение. Да-да, теперь я уверен, что именно тогда сделал первый, пусть еще нетвердый шаг по стезе, уводящей меня прочь от прежней беспутной жизни. И мной овладело такое смятение, что я стремглав выскочил из каюты, словно сам дьявол гнался за мной по пятам, и кинулся искать кого-нибудь, с кем я бы мог потолковать и посоветоваться.

На всем нашем злосчастном корабле был только один такой человек, и я направился к старине Джейбсу; он безотлучно оставался на борту, ухаживая за ранеными. Ограничиваться полу-признанием не было никакого смысла, и я рассказал ему все без утайки, начиная с того, как нам с Ником пришлось бежать, и кончая тем, как я вошел в каюту Флинта, замыслив убийство.

Джейбс Пэтмор внимательно все выслушал и сказал:

— Ясно как день, Бен, что все вышний задумал тебя спасти. Ты теперь на распутье — решай сам, по какому пути пойдешь.

— А какой у меня выбор, если не оставаться на «Морже»? — спросил я. — Я такой же преступник, как все остальные, новую жизнь начинать поздно.

— Никогда не бывает поздно, Бен, — возразил Пэтмор. — Иначе бог не вмешался бы и не убрал бы Флинта раньше, чем ты успел с ним расправиться. Вот тебе мой совет: уходи с корабля сейчас, сию минуту, пока тобой еще владеет раскаяние.

— Так уйдем вместе! — воскликнул я.

В тот миг я особенно нуждался в человеке, за которого мог бы держаться; но Джейбс только покачал своей седой головой.

— Мое место здесь, — спокойно произнес он. — Я уже давно это знаю. Видишь, я помог тебе одуматься — бог даст, найдутся и другие, кого он сочтет достойными спасения.

В это время с кормы донесяся стон, кто-то из раненых просил пить. Джейбс выпрямился, благословил меня и пошел на корму, захватив кружку с водой.

Это была наша последняя встречка, и с того дня я ничего не слышал о Джейбсе Пэтморе. Больше тридцати лет прошло, он, верно, давно скончался, но если мне в час последнего суда понадобится заступник, я призову Джейбса, потому что, помяняв мое слово, он попал в число святых.

Уложив кое-какие вещи, я вышел на палубу, подозвал одну из лодок, которые постоянно вертелись вокруг кораблей в расчете на поживу, и попросил отвезти меня на берег. Я ни с кем не

попрощался и не взял с собой даже ножа: хотелось вступить в будущее свободным от всего такого.

Сойдя на берег, я повернулся лицом на север и зашагал вперед, надеясь в том или ином порту восточного побережья найти место на «купце», чтобы впервые после того далекого времени, когда я рыл могилы на ист-бэдлейском кладбище, зарабатывать деньги честным путем.

Не прошло и недели, как я уже был марсовым на трехмачтовой шхуне из Чарлстона и решил, что раз и навсегда покончил с пиратскими делами. Увы, мне предстояло убедиться, что изменить курс жизни не так-то просто. Преступное прошлое, как бы искренне человек ни раскаивался, готовит западню там, где он меньше всего ее ждет. Так получилось со мной, Джим. Четыре года спустя, когда мне казалось, что девять десятых пути назад к честной жизни уже пройдено, прошлое напомнило о себе.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ ПУТЬ ДОМОЙ

Глава XIV

Любопытно, как я вновь очутился на Острове Сокровищ,— можно сказать, совершенно случайно, ведь он лежит вдали от обычных морских путей.

На этот раз я шел на небольшом бриге «Ласточка» из Филадельфии.

Нас было четырнадцать человек, включая капитана и его помощника. На палубе добрую половину составляли испанцы, но боцман был янки, и мы с ним неплохо ладили, так как нам доводилось плавать вместе раньше. Звали его Оксли; этого человека я считаю своим вторым злым гением после Сильвера.

Мы шли курсом зюйд-вест и везли свиней на один из Гренадинских островов, но нас преследовали штили, и вскоре пресная вода оказалась на исходе. А при таком грузе нам требовалось особенно много воды; мы рассчитывали не меньше двух-трех раз пополнить в пути свои запасы.

Наконец полоса штилей осталась позади, но воды у нас не прибавилось, поэтому мы на всех парусах понеслись на юг. Однако сильные шквалы сбили нас с курса, и, заступив на вахту однажды утром, я над горизонтом на юго-востоке увидел — что бы вы думали? — вершину Подзорной Трубы!

Меньше всего на свете мне хотелось очутиться на острове Кидда — и не только потому, что нам в этих широтах грозила встреча с буканьерами. Вот уже отчетливо видно береговую линию; и когда я убедился, что судно идет прямо в Южную бухту, у меня сердце сжалось.

— О чём думает капитан? — спросил я Оксли. — Ведь это излюбленное убежище буканьеров!

Штурман услышал мои слова и подозрительно поглядел на меня.

— А ты откуда знаешь? — осведомился он.

— Я бывал тут раньше, — признался я. — Несколько лет назад мы попали здесь в такую переделку, что едва унесли ноги! Хорошо еще, что пираты вытащили свое судно на берег для починки и не могли пуститься за нами в погоню.

К этому времени я уже научился не лазить за словом в карман, и у меня всегда была наготове какая-нибудь история.

— Пираты не пираты, а придется нам войти в бухту, — сказал штурман. — Вода кончается, без нее наш груз пропадет. На всякий случай усилить наблюдение!

Он ушел на корму, а я тут же поведал Оксли о сокровище. Можете себе представить, какое впечатление произвел на него мой рассказ! До сих пор я никому ни словом не обмолвился о том, что был на корабле Флинта, но тут положился на Оксли — и свалял дурака, потому что не прошло и часа, как он разболтал новость всей команде. Придя с вахты, я увидел алчно горящие глаза и услышал рассуждения о том, что на острове, пожалуй, можно найти кое-что поценнее пресной воды.

— Бен, сходил бы ты к капитану да повторил ему то, что мне рассказал, — заявил Оксли. — Может, он задержится и позволит нам поискать. Ведь если мы и впрямь найдем клад Флинта, все богачами станем.

Однако капитан принадлежал к числу людей, считающих, что лучше синица в руке, чем журавль в небе (под синицей подразумевались двести свиней в трюме). К тому же мне пришлось сознаться, что я совершенно не представляю себе, где зарыт клад.

— Наберем воды и пойдем дальше, — решительно объявил он и велел мне возвращаться на свой пост.

Решение капитана чуть не привело к бунту. Моряки заявили, что коли вдруг выпал редчайший случай стать богачами из богачей, они не собираются упускать его из-за каких-то непоенных свиней. Выбрали депутатию, штурман поддержал их, и капитану ничего иного не оставалось, как уступить. Постановили, что небольшой отряд высадится на берег и попробует разыскать золото.

Совестно сказать, Джим, но мне не меньше других хотелось попытать счастье. Вот до чего доводит людей преклонение перед золотом! Исключая капитана, не было человека на бриге, кото-

рый не считал бы, что сокровище уже в наших руках, остается только пустить его в оборот и зажить в роскоши и неге.

Мы бросили якорь почти на том самом месте, где Андерсон тащил на борт раненого Флинта. Минуло четыре с лишним года, как я видел эти берега, и, к стыду своему, должен сказать, что я меньше всего думал о бедняге Нике,— а ведь если бы не он, белеть бы моим костям на этом острове... Все мои благие намерения как ветром сдуло, в душе я снова был самый обыкновенный морской разбойник, готовый пристукнуть всякого, кто станет между мной и золотом.

Когда мы спускали шлюпку, подошел капитан; я заметил, что его губы скривились в усмешке.

— Бен Ганн,— небрежно обратился он ко мне.— Чем объяснить твою осведомленность о делах Флинта и его золотишке?

Я ждал этого вопроса и заранее приготовил ответ.

— Я был захвачен в плен пиратами как раз незадолго перед тем, как они спрятали здесь сокровище,— сказал я.— Пираты напали на наш корабль и потопили его недалеко отсюда. Это было вскоре после налета буканьеров на Санталену.

— О! — воскликнул капитан все с той же усмешкой.— Выходит, нам просто повезло, что ты оказался с нами?

И он ушел, напевая себе под нос, а мы, во главе со штурманом, попрыгали в шлюпку и навалились на весла так, словно сам черт гнался за нами.

До свиней ли тут! День за днем, вооруженные кирками и заступами, бродили мы под немилосердно палящим солнцем по злосчастному острову, роясь в земле, точно навозные жуки. А нашли только скелет одного из французов; я узнал его по распятию на шее, на которое обратил внимание в тот далекий вечер, когда мы сидели вшестером у костра на берегу Северной бухты.

Мы изрыли всю землю вокруг скелета, но, кроме распятия, так ничего и не обнаружили, да и то чуть не передрались из-за него.

На двенадцатый день, так и не найдя никаких признаков клада, мы побрали обратно в Южную бухту. Настроение у всех было прескверное. Неподалеку от шлюпки на берегу стоял капитан, все с той же язвительной улыбкой на губах.

— Ну как?..— протянул он, когда мы вышли из леса с кирками и лопатами на плечах.— Хватит на «Ласточке» места сложить ваши драгоценные находки?

— Ни гроша нет! — воскликнул штурман и выругался.— И мы так думаем: Бен Ганн все это сочинил, чтоб ему гореть в вечном огне!

— Что вы говорите,— отозвался капитан,— весьма прискорбно, потому что места в трюмах довольно — без воды все свиньи околели.

Штурман первым поспешил признать свой промах и покаяться. Сразу после него слово взял мой приятель Оксли.

— Это Бен нас подбил,— заявил он,— а мы, дурни, развесили уши!

— Вот именно,— подхватил капитан уже более резким голосом.— Дурни! По справедливости, так заковать бы вас в кандалы, всю шайку, и отдать под суд в Филадельфии как бунтовщиков. Но без вас я не доведу судно до места, а потому я вас прощаю — при условии, что вы тотчас принимаетесь за дело и с приливом мы выходим в море! Живо наполняйте бочки и готовьтесь поднимать якоря, пока я не передумал и не всадил кому-нибудь пулю в лоб!

Честное слово, мы трудились так, что угодили бы самому придиличному капитану. Через три часа все бочки были наполнены водой. Матросы заняли места в шлюпке, оставалось столкнуть ее и простиаться с островом.

Капитан спокойно сидел на планшире, но едва я вошел в воду и взялся за борт шлюпки, как он поднял руку.

— Нет-нет, Бен,— сказал он.— На тебя мой приказ не распространяется, ты заслужил особую милость. Можешь остаться здесь и искать дальше, а отыщешь — помни: через пять лет я снова зайду сюда и стребую свою долю в возмещение за свиней, которые сдохли по твоей вине!

Я стоял по колено в воде и смотрел на него. Я не мог поверить, что моряк, которого никак нельзя было назвать буканьером, человек, который дважды в день собирал нас на молитву, способен бросить меня одного в таком месте. Кто-то из матросов засмеялся, но тут опять заговорил капитан:

— Я не шучу, Бен. Я решил оставить тебя на острове, как это сделали бы твои старые друзья, пираты. С той разницей, что они вряд ли позаботились бы о твоем пропитании. В старом блокгаузе ты найдешь мушкет, порох и дробь, найдешь также бочку солонины и еще кое-какие припасы. Ну а лопат и застулов даже больше, чем нужно, вон их сколько лежит на берегу. Надеюсь, они тебе пригодятся. Времени у тебя сколько угодно, вся жизнь впереди, если только твои приятели не нагрянут сюда чистить днище!

С этими словами капитан поднялся и махнул Оксли, чтобы тот отчаливал; одновременно он выхватил пистолет и взвел курок на тот случай, если я ринусь следом за ними.

— Капитан,— вскричал я,— смилуйтесь!..

— Смилостивиться? — отозвался он.— С тобой обошлись куда милостивее, чем ты с моими свиньями!

Я стоял в воде и смотрел, как шлюпка идет к «Ласточки». Ни один из команды не решился спорить с капитаном, не попытался смягчить его. Вот уже подняты на борт последние бочки, поднята лодка, а через два часа бриг вышел из бухты и взял курс норд-вест.

На закате «Ласточка» была уже маленькой точкой на горизонте. Я остался один на острове Кидда, в обществе коз и пристаков.

Глава XV

И все-таки мне не верилось, что «Ласточка» ушла совсем. Я твердил себе, что капитан просто решил проучить меня, и целую неделю не покидал берег злополучной бухты, до боли в глазах всматриваясь в море. Тщетно, никакого намека на парус... И когда стало очевидно, что меня бросили на произвол судьбы, я не выдержал и разрыдался.

...Первые два месяца пребывания на острове ~~не~~ оставили почти никакого следа в моей памяти. Я жил в блокгаузе, ел в основном солонину, поймал двух черепах.

Первые ночи были для меня сплошной мукой. А затем мало-помалу душевное равновесие восстановилось, и к концу третьего месяца, завершив знакомство с островом, которое началось для меня еще во время наших охотничьих вылазок на Подзорную Трубу, я более или менее пришел в себя.

В один из моих походов я набрел на старое кладбище, где лежали люди Кидда, погибшие в схватке на берегу,— а может быть, их скосила желтая лихорадка, когда еще строили блокгауз. Памятая слова Ника о том, что болото по соседству с блокгаузом — источник вредных испарений, я решил поискать пещеру, где мог бы сложить свой нехитрый скарб и укрыться сам в пору ливней, первый из которых чуть не затопил старый сруб.

Я нашел то, что мне было нужно, над Пьяной бухтой. Пещера была сухая, прохладная и очень удобная для наблюдения за морем. Я все еще не терял надежды, что какое-нибудь

судно, подобно «Ласточке», зайдет на остров за водой и подберет меня.

Как проходило мое время? Большой частью я охотился, причем старался беречь порох. Коз на острове было много, и я смог засолить мяса впрок, используя бочонки, подобранные на берегах Северной бухты; рассолом служила морская вода, которую я выпаривал в Пьяной бухте.

Немало времени ушло на то, чтобы построить лодку, которая вас так выручила. Пришлось вооружиться терпением, Джим;— ведь у меня не было ни топора, ни гвоздей, ни дегтя. Я пробовал конопатить швы козьим жиром, но он для этого не годился, зато из него вышло хорошее горючее для плошек, которые освещали мою пещеру после захода солнца.

Правда, в моем распоряжении были еще останки «Павы». Я тщательно их обследовал и собрал немало полезных вещей, в том числе огниво и длинные болты, из которых понаделал острог. Помните, Джим, что я сказал вам при первой нашей встрече? Человек, говорил я, коли постарается, всюду себя покажет. Так оно и есть; когда не на кого надеяться, положись на собственные силы и принимайся за работу.

Обеспечив себе добрый запас провианта, я начал шаг за шагом прочесывать остров. У меня был один-единственный ключ — останки француза, обнаруженные нами на склонах Фок-мачты. С этого места я и начал, решив еще раз осмотреть скелет, прежде чем хоронить его.

Судя по всему, француза застрелили сзади: затылочная кость была раздроблена, и я даже нашел в черепе пулю.

Поразмыслив, я решил, что у Флинта был только один способ победить в неравной схватке: разделить шестерку на несколько групп и бить их поочередно из засады. В самом деле, ведь сокровище состояло из трех частей: золото, серебро и оружие. Монеты, очевидно, скрохонили вместе с золотом, серебро — отдельно, оружие — отдельно; осторожность не позволила бы Флинту сложить все в одну яму.

И ведь я верно угадал, Джим, карта это подтвердила. Флинт зарыл серебро в северном тайнике, оружие — в песчаном холме к северо-востоку от Северной бухты, а главную часть сокровища — в южной части острова, на склонах Подзорной Трубы. Но тогда я этого не знал, и приходилось действовать вслепую.

Поблизости от останков француза я нашел тайник с оружием. Видимо, сначала вся шестерка, выполняя команду Флинта, отнесла сундуки в намеченные места, а потом, когда

оставалось только забросать клады землей, капитан разделил их по двое и учинил расправу.

Эта догадка подтверждалась моим вторым открытием: дальше к северу, у подножья восточного пригорка, я обнаружил скелеты мулатов и другого француза.

Оба эти скелета лежали в зарослях примерно в сажени друг от друга. Мулат (я узнал его по зажатому в руке ножу с причудливой гравировкой), вероятно, пытался дать отпор, француз же был застигнут врасплох. Его сабля лежала в ножнах, и пистолеты были заряжены, но ржавчина успела сделать их непригодными к стрельбе.

Я очень внимательно осмотрел сам пригорок и весь прилегающий участок, искал останки Ника или какие-нибудь намеки на то, что тут копали землю. Но Флинт сработал чисто, я больше ничего не нашел.

К началу дождей я не успел осмотреть лишь возвышенный участок, который окаймляет с запада Южную бухту и упирается в Буксирую Голову.

Здесь-то, на самом гребешке, ведущем к Подзорной Трубе, и были захоронены главные богатства; и с берег бы немало сил и времени, если бы сразу пришел сюда, вместо того чтобы бродить вокруг болота и в лесах.

После дождей я возобновил розыски.

Чуть ли не в первый день поисков наткнулся я на останки голландца и англичанина-контрабандиста. Они лежали в роще, у корней огромного дерева, которое служило приметой главного тайника, так что я, сам того не зная, прошел прямо над кладом. Здесь явно был бой — оба погибших держали в руках сабли, а в десяти ярдах ниже по склону валялся в кустах старый мушкет. Я тут же их похоронил.

Поразмыслив, я заключил, что Флинт подкрался к этой двойке уже после того, как прикончил всех остальных. Сперва он, очевидно, выстрелил из мушкета, потом отбросил его и ринулся вверх, падая из пистолетов. Противники Флинта выхватили сабли, но не успели дать отпор, как их уже скосили пули капитана.

Но что же произошло с Ником? Я выяснил судьбу пятерых, однако по-прежнему ничего не знал об участии человека, который был мне ближе остальных. Сопровождал ли он голландца и англичанина? Или действовал в одиночку? Если первое — где тело Ника? Наконец, поскольку ни один из найденной мной пятерки не успел выстрелить (трое держали в руках либо сабли, либо нож, а пистолеты остальных двоих так и оста-

лись заряженными), каким образом Флинт получил страшную рану, которая в конечном счете доконала его?

Я решил довести дело до конца и проверить маленькое плато между макушками Бизань-мачты.

Как вы помните, это один из самых красивых уголков острова: благоухающий ракитник, пестрящие цветами кусты, заросли мускатного ореха, и надо всем этим — устремленные ввысь могучие стволы мамонтового дерева и шелестящих на ветру сосен.

В тот день, основательно утомившись, я устроился в тени, чтобы перекусить и промочить глотку из горлянки, которую всегда носил с собой. Утолив голод и жажду, я привалился спиной к дереву, и тут что-то блестящее на земле, примерно в ярде от моих пяток, привлекло мой взгляд.

С минуту я смотрел довольно безучастно: подумаешь, какой-нибудь кусочек кварца или капля росы!.. Но потом любопытство взяло верх, я поднялся, шагнул вперед и увидел — позолоченную пуговицу! От ужаса я отпрянул назад, как если бы сам Флинт вдруг бросился на меня из кустов: на земле у моих ног лежал облаченный в лохмотья скелет Ника Аллардайса.

Я прислонился к дереву, сердце отчаянно колотилось, грозя выскочить из груди.

Да, это был Ник... Он лежал в том самом положении, в каком вы потом нашли его: длинные руки вытянуты над головой, как у ныряльщика, ноги направлены в сторону Южной бухты, переплетенные пальцы указывают прямо на плато, где разыгралась последняя схватка.

И мне сразу все стало ясно. Ник был убит вместе с остальными, а потом Флинт оттащил его сюда и придал ему такую позу — шуточка как раз в духе нашего капитана, тем более что он возненавидел Ника еще с тех пор, как они повздорили из-за нарушения Флинтом корабельных порядков.

«Но какой в этом смысл?» — спросил я себя в следующую минуту. Шутка шуткой, но ведь должна быть и серьезная причина, чтобы тяжелораненый стал так утруждать себя! Да еще сложил руки покойника наподобие указательной стрелки...

И тут меня осенило. Ну конечно же! От волнения меня опять кинуло в дрожь. Флинт сделал из Ника указатель, руки мертвца показывают туда, где захоронена главная часть клада!

Говорите, что хотите, Джим, но от золотой лихорадки можно излечиться разве что на том свете. Сколько времени я разыскивал останки Ника, чтобы вознести молитву над ними, а затем

предать их земле по христианскому обряду, но мысль о сокровище, лежащем где-то совсем близко, разом все заслонила, и я ринулся, точно козел, вверх по лесистому склону, к свежим могилам голландца и контрабандиста.

Добежав туда, я упал на четвереньки и стал обнюхивать землю, как пес. И когда мне попался клочок, где растительность как будто была помоложе, чем кругом, я немедленно голыми руками принялся рыть землю, пока не ободрал в кровь пальцы и не обломал все ногти.

Солнце нещадно палило, пот катил с меня градом; наконец я опомнился и решил передохнуть. Было очевидно, что нужно сходить в пещеру за киркой и лопатой. Я тотчас отправился в путь, а когда вернулся, уже повеяло вечерней прохладой. Но я и не думал сдаваться. Казалось бы, у меня времени воз, но нет, я должен был приступить тотчас и не успокоился, пока лопата не стукнула о дерево. Увы, спустившийся мрак не позволял разглядеть, что я откопал... Тогда я вылез наконец из ямы и побрел, шатаясь, домой, к пещере.

Всю ночь я не сомкнул глаз, меня бросало в жар от одной мысли, что завтра утром кто-нибудь раньше меня поспеет к яме. Сдается мне, всеышний для того и создал золото, чтобы посмотреть, на какие глупости способен человек. Взять хоть меня, два года с лишним провел на острове в одиночестве, а теперь не мог уснуть, боясь, как бы козы и попугай не посягнули на мои шестьсот тысяч фунтов стерлингов...

И вот рассвело. Однако в этот день я никуда не пошел, до того мне было худо. Накануне я сперва перегрелся, когда орудовал лопатой, точно одержимый, на солнцепеке, а вечером простыл на ветру. Итогом всего этого явилась лихорадка, и я почти целую неделю пролежал, выползая из пещеры лишь затем, чтобы набрать воды в горлянку.

Глава XVI

Когда я наконец оправился настолько, что смог пройти через весь остров и подняться на плечо Подзорной Трубы, то, сами понимаете, там все было по-прежнему. Яма никуда не делась, и на дне ее, на глубине сажени, выглядывал из земли угол ящика. Правда, я был еще очень слаб, но это не помешало мне спрыгнуть вниз и в два счета взломать крышку.

Как я и ожидал, в ящике лежали золотые слитки, а рядом второй ящик — с монетами.

Опустившись на колени подле моей находки, я громко рас-

смеялся... Вот оно, богатство — добыто трудом сотен людей, досталось одному, сыну могильщика из далекого Девона, а что мне проку от него на необитаемом острове, где бочонок пороха дороже всех сокровищ на свете?

Эта мысль отрезвила меня. Нет, я не выкинул золото из головы — до самого конца моего пребывания на острове я почитай что только о нем и думал, — но дальше я уже вел себя, как подобает моряку, а не как дикарь, пляшущий вокруг горшка с серебряными монетами.

Я решил все как следует продумать, и меня сразу осенило, что надо, не теряя времени, подыскать новый тайник.

Больше ста человек знало про клад на острове Кидда, и рано или поздно кто-нибудь — скорее всего под предводительством Сильвера или Бонса — должен был явиться за ним.

Задумал я перепрятать сокровище в такое место, чтобы никакая карта, кому бы она ни досталась, не позволила его отыскать.

Но тут передо мной сразу возник следующий вопрос: как в одиночку перенести эти ящики?

Допустим, я с помощью блоков и талей, найденных на «Паве», подниму их из ямы. А дальше? Как я переправлю такую тяжесть через лес и топь в другой конец острова?

Словом, оставалось одно: разбить ящики и носить слиток за слитком, мешочек за мешочком, покуда в тайнике Флинта не останутся одни лишь сломанные доски.

Поставил я под большим деревом палатку из козьих шкур и переселился к кладу. По правде говоря, я просто не мог оторваться от денег. Бывало, вспомню ту пору, когда клад еще не был найден, и даже вздохну: как привольно мне жилось! Видно, такова цена богатства, Джим, каким бы путем оно ни досталось. Да вы небось теперь и сами в этом убедились.

Всю весну и часть лета провозился я с этим золотом. Вытащу слиток и отнесу на поляну среди зарослей, в нескольких сотнях ярдов на восток от ямы. И только подняв последний слиток, я сшил мешки из козьих шкур и принялся переносить золото в свою пещеру над Пьяной бухтой.

За один раз я мог взять либо два слитка, либо четыре мешочка монет, а это значило, что мне предстоит прогуляться с грузом не один десяток раз. К тому же мне приходилось намеренно удлинять путь, так как вскоре я обнаружил, что протоптал от ямы к пещере дорожку, по которой ничего не стоило выследить новый тайник. Тогда я начал разнообразить свой маршрут. То шел на юг и пересекал болото около Южной бухты, то поднимался на север, к заливу Лесистого мыса, потом круто

сворачивал вправо и выходил к пещере с другой стороны.

Климат там был благодатный, и дорожка быстро заросла, осталась только сеть неясных следов, которые разбегались во все стороны с плеча Подзорной Трубы и вполне могли сойти за козы тропки.

Вы можете сказать, что моя пещера была не таким уж надежным тайником,— и ошибетесь... Я вам открою один секрет, которого не поведал тогда даже сквайру: в самом темном углу пещеры я выложил фальшивую стенку, за ней-то и хранился клад. Немало дней ушло у меня на то, чтобы запасти камни и глину, зато потом я мог при желании очень быстро замуровать вход в пещеру. Кстати, я как раз собирался это сделать, когда встретил вас на другой день после прихода «Испаньолы». Если бы люди Сильвера взяли верх, они ни в жизнь не нашли бы ни меня, ни сокровища. Представляю себе, какие физиономии были бы у бунтовщиков, когда пришлось бы убираться вовсююси ни с чем!

Так вот, еще до начала дождей я успел перепрятать все до последней монеты, а потом пришлось заняться охотой, потому что запасы мои сильно истощились. Все эти дни я не подходил к останкам Ника, но мысль о них не давала мне покоя.

До тех пор мертвецы меня, прирожденного, так сказать, могильщика, никогда не страшили. К тому же от пиратской жизни я стал совсем жестокосердным. Но здесь дело обстояло иначе. Ведь Ник был моим другом и единственным человеком, на кого я мог опереться все эти годы, что мы делили с ним и хорошее и плохое. Больше того, Ник был последним звеном, которое связывало меня с родным домом, и я никак не мог смириться с мыслью, что он отдал концы.

В конце концов я собрался с духом и решил все-таки похоронить Ника и высечь на камне, как его звали, сколько лет ему было,— по моим подсчетам, в год смерти ему сравнялось тридцать лет. Конечно, не мешало добавить к этому стих-другой из Библии, но сколько я ни скреб в затылке, ничего не мог припомнить. Ладно, сказал я себе, главное — потрудиться и вырыть для Ника добрую могилу на склоне над Южной бухтой. У подножья Бизань-мачты я нашел хорошую гранитную плиту. Во время одной из наших долгих стоянок на Тортуге Ник показал мне, как расписываться, научил также немного читать и считать, и теперь мне казалось, что я сумею, если очень постараюсь, высечь то, что задумал.

Из всех задач, какие я себе задавал на острове Кидда, эта оказалась самой каверзной. Правда, у меня был самодельный

молоток из камня со сквозным отверстием и было долото, выточенное из куска якорной цепи,— но ведь надо еще верно написать!

Я испортил две плиты, обе расколол на втором «к» в слове «Ник» (только от вас, Джим, я узнал, что «Ник» пишется через одно «к»). И когда мне, наконец, удалось справиться с именем, я сказал себе, что этого хватит. Изобразить «Аллардайс» было сверх моих сил, да и цифру «З» тоже, хотя ноль я, пожалуй, одолел бы.

Для могилы я выбрал место на небольшом уступе, примерно в кабельтове от кустов, где нашел Ника, и понемногу закатил вверх по склону тяжелый камень с надписью, потратив на это почти целую неделю.

Я еще раз прошел к останкам Ника и напряг свою несчастную башку, пытаясь вспомнить заупокойную молитву, но сколько ни бился, нужные слова ускользали от меня. Кончилось тем, что от обиды и разочарования я разрыдался, как ребенок, и зашагал прочь.

До вечера было еще далеко, а мне вовсе не хотелось торчать в пещере и предаваться унылым размышлениям, поэтому я выбрал дальний путь, вдоль плеча Буксирной Головы и крутых утесов Бизань-мачты. Эта часть острова всегда меня привлекала. Я любил слушать волны, а здесь, у подножья обрыва, непрестанно ревел прибой, и в реве мне чудились величавые звуки органа и церковного хора...

Вечером я вернулся в пещеру совсем усталый, зато на душе у меня было легко. Поужинав, я сразу лег и впервые за много лет увидел во сне мать.

Рано утром я проснулся в отличном настроении и, как обычно, собрался пойти искупаться в заливе. Однако, выйдя из пещеры, я замер на месте, будто меня поразило громом. Вдоль берега, что называется, у самых моих дверей, прямо к Южной бухте медленно шла незнакомая шхуна. Она была так близко, что я отчетливо различал сновавших на палубе людей.

Я до того опешил и растерялся, что продолжал стоять на виду — рот разинут, колени дрожат... Попытался крикнуть — не смог, язык словно прилип к горлышку. Тем временем «Испаньола» скрылась за мысом, а затем над Островом Скелета взмыли тучи птиц, и скрип талей дал мне понять, что вы уже спускаете шлюпки, чтобы верповаться через пролив.

Глава XVII

До сих пор не возьму в толк, как это вы меня сразу не заметили.

Я стоял как столб у входа в пещеру, а ее с моря было видно очень хорошо; кстати, я потому в ней и поселился. Должно быть, вам было просто не до того: сторонники капитана лихорадочно соображали, как удержать корабль в своих руках, а мятежники помышляли только о несметном богатстве, ожидающем на берегу. Так или иначе меня не увидели, и, опомнившись, я нырнул обратно в пещеру, чтобы обмозговать, как быть дальше. Ведь я вас принял за пиратов, Джим...

Поразмыслив, я успокоился, а вместе со спокойствием ко мне вернулось и мужество. Как-никак, золото спрятано надежно, и замуровать его недолго. Я знал, что никто из вас еще не высадился на берег и вряд ли высадится до вечера — отлив не позволит. Поэтому я решил, прежде чем замуровывать клад, получше все разведать.

Вдруг вы зашли в Южную бухту всего-навсего пресной воды набрать?

Захватив мушкет, пули и порох, я выскользнул из пещеры и осторожно, стараясь не выдать себя, двинулся вперед. Охота на коз научила меня подкрадываться незаметно, в этом я теперь хоть с кем мог потягаться. Вдоль восточного берега я пробрался к зарослям между блокгаузом и Южной бухтой. Здесь, почти у самой воды, росла высоченная сосна, я вскарабкался на нее и с макушки увидел вдали шхуну.

Все утро я просидел на дереве и слез, только когда от шхуны отделились две шлюпки. Мне захотелось подобраться поближе к месту высадки. Я не сомневался, что густые заросли надежно скроют меня от глаз моряков.

Первое, что я увидел, как вы выскочили из передней шлюпки и стремглав бросились в чащу. Я приписал это мальчишескому возбуждению и сразу же о вас забыл, потому что, когда на берег высыпали остальные, испытал новое потрясение: среди моряков был Джоб Андерсон, я тотчас узнал его.

Не дожидаясь, когда подойдет вторая шлюпка, я на всех четырех пустился наутек. Если бы не моя поспешность, я тогда же увидел бы Сильвера; впрочем, уже через час мы с вами встретились около осыпи, и вы помогли мне разобраться, что к чему.

Я смекнул, что отряд скорее всего пойдет по речке: это был наиболее легкий путь в глубь острова. А заросли по берегам позволяли мне следить за отрядом, оставаясь незамеченным.

Сильвер, как вы знаете, направился вверх по склону, прихватив с собой беднягу Тома, большинство же зашагало прямо по руслу реки, и я неотступно следовал за ними, прячась в кустах. Вскоре я опознал еще одного старого приятеля, плотника Моргана — того самого, которого мы подняли на борт «Моржа» вместе с Сильвером, после чего начались все наши злоключения.

Меня удивило, что Морган еще жив: ведь он был уже пожилой человек, когда мы встретились впервые. Кстати, я не сказал бы, что он с той поры очень изменился. Джордж Мерри — тоже мой старый приятель — в этот день оставался на шхуне. Он был в числе пятерки, открывшей огонь по ялику, на котором люди капитана гребли к блокгаузу.

На небольшой поляне, где русло реки расширялось, отряд — их было десять человек — остановился. Андерсон, видно, был за старшего, он первым подал голос:

— Ну что ж, братцы, здесь и передохнем, самое время выяснить, кто за кого!

Большинство отозвалось одобрительными возгласами, только один матрос — Алан, который плелся сзади, был явно чем-то озабочен.

— Вот что, Джоб,— сказал он, стоя подле могучего дуба, купавшего свои корни в потоке,— не пора ли тебе открыть карты и перестать играть втемную? Что значит все это перешептывание и шушуканье? Ты что же, надумал бросить корабль? Увести на берег всю команду в таком пустынном месте только потому, что капитан Смоллетт не дает спуску лентяям? Я хочу знать правду, Джоб, тотчас выкладывай, без этого я и шагу дальше не сделаю!

Андерсон с усмешкой поглядел на него, щуря глаза от солнца.

— Алан,— ответил он,— ты хотел слышать правду, так вот она! Мы пришли сюда за сокровищем и не уйдем, пока не добудем его, и Джон тебе об этом уже толковал, если я не ошибаюсь!

— Верно,— отозвался Алан,— это ведомо всем и каждому на борту. Ведомо с той минуты, как мы вышли из Бристоля, но я одного не возьму в толк: неужто скора с капитаном увеличит нашу долю? Вот я что хочу знать!

Морган громко расхохотался.

— Послушай ты, пустая голова! — воскликнул он.— Сокровище будет наше, наше — все, до последнего гроша! Пусть этот надутый сквайр не думает, что может заткнуть нам глотки какими-то двумястами монетами! Только не мне и не Джону, если я его верно знаю!

Видно, бедняга Алан лишь теперь стал догадываться, с кем жил в одном кубрике. На простоватом лице его отразились ужас и недоумение.

— Вы что же, хотите их прикончить? — вымолвил он.— Прикончить и все деньги загреши?

— Вот именно,— ответил Андерсон.— Ты попал в самую точку, Алан, а теперь выбирай, да поживее, с кем ты — с нами или с капитаном?

Алан постоял, переводя взгляд с одного на другого, и вдруг сорвался с места, намереваясь бежать назад к шлюпкам. Но Морган явно ждал этого и с громким криком подставил Алану ногу, так что тот кубарем покатился в кусты. Тут же Джоб бросился на беднягу, и в лесу прозвучал предсмертный вопль, который вы, находясь выше по реке, так отчетливо услышали.

Андерсон поднялся и вытер кинжал; Алан лежал недвижим, пораженный в самое сердце. А я со всей быстротой, на какую был способен, стараясь не шуметь, пополз прочь, чтобы вернуться в пещеру и замуровать сокровище. У меня больше не осталось никаких сомнений насчет происходящего на «Испаньоле».

Не прошло и десяти минут, Джим, как вы снова попались мне на глаза, и должен сознаться, я поначалу был в замешательстве, так как не мог решить, кто передо мной — разведчик пиратов или беглец, которому грозит та же участь, что и бедняге, павшему от руки Андерсона. К тому же вы, сами того не зная, шли прямо к моей пещере, и как-то надо было вам помешать.

Из укрытия я тщательно рассмотрел вас и решил, что вы бежали от пиратов, а значит, можете оказаться моим союзником. Тогда я выступил вперед и окликнул вас. И до чего же вы были ошарашены, Джим, не в обиду вам будет сказано: лицо испуганное, руки дрожат... Да, в тот момент пистолет ваш был не опаснее деревянной сабли.

К счастью для всех нас, вы предпочли рассказать мне всю историю. И я тут же, не сходя с места, решил, что отдаю большую часть сокровища в обмен на возможность вернуться домой и начать новую жизнь.

Но сперва нам предстояла нешуточная схватка, это стало мне ясно, как только вы назвали имя главаря шайки. С великим облегчением услышал я, что карта у сквайра. Ведь ради нее Сильвер будет ходить за вами как привязанный, не подозревая, что карте теперь грош цена.

Когда над блокгаузом взвился «Юнион Джек», я сразу воспрянул духом: значит, ваши натянули нос Долговязому

Джону, и он вряд ли сумеет в этот угол острова. Затем пираты открыли огонь, и мы с вами разбежались в разные стороны. Я выбрал удобное место для наблюдения, в кустарнике выше белой скалы, под которой была спрятана моя лодка.

Дальше, Джим, вам вроде бы все известно, однако есть кое-какие вопросы, которые вы, наверное, хотели бы выяснить. Постараюсь в этом помочь...

Я смекнул, что мне пока лучше всего держаться в укрытии, помогать вам исподтишка. Прикинул силы обеих сторон. Вы мне сказали — их девятнадцать против шести, не считая вас самих, Джим. Но Эйб Грей перешел на сторону капитана, а двое были убиты; выходило уже не девятнадцать, а шестнадцать. Еще одного пирата убили вечером около блокгауза; итого оставалось пятнадцать бунтовщиков — девять на берегу и шесть на «Испаньоле».

Правда, один из оставшихся на борту, как вы помните, был смертельно ранен выстрелом сквайра Треллони, но тогда ни вы, ни я этого не знали; вот и получилось у меня пятнадцать против шестерых плюс один мальчик.

Когда стемнело, мне удалось подползти вплотную к пиратам, которые устроили попойку, собравшись у костра на краю болота. Здесь-то я и увидел вновь Сильвера, а рядом с ним сидел бывший пушкарь «Черной Бороды», Израэль Хендс, все такой же худой и угрюмый.

Помните, в последний раз я видел Окорока в Гаванне, когда ему отхватили ногу и он метался в жару на своей койке. И вот он опять передо мной, такой же подвижный, как всегда. Я невольно поразился проворству, с каким он сновал вокруг костра. Это был все тот же Сильвер, неунывающий и обходительный: он даже сам приготовил для всех ужин.

Пятерка пиратов во главе с пушкарем тоже съехала на берег, и вы тут явно прозевали случай совершить вылазку и вернуть себе шхуну, ведь в ту ночь на ней не оставалось ни одного человека. Меня так и подмывало отправиться на корабль самому, но я оставил эту мысль. Даже если бы мне удалось незаметно перерубить якорный канат, в одиночку я все равно не справился бы с парусами.

Пираты прихватили с корабля ром, и, сами понимаете, еще до полуночи вся компания перепилась, один Сильвер остался трезвым. Они пели, кричали, спорили, в общем, подняли такой шум, что разобрать, о чем идет речь, не было никакой возможности. В конце концов все завернулись в одеяла и уснули, как убитые, даже не выставив часового. Подкрадись люди капитана в это время, и можно было одним махом прикончить больше

половины шайки, а остальных обратить в бегство, но вы явно предпочитали отсиживаться в блокгаузе.

Тогда я решил вмешаться. У меня была с собой узловатая дубинка, которой я глушил коз. С этим оружием я медленно, дюйм за дюймом, подполз к хранившим букиньярам и нанес одному из них удар, после которого ему не суждено было проснуться.

В тот же миг Сильвер с руганью вскочил на ноги, а его погоня поднял истощный крик: да только я уже был в безопасности. Пираты даже не видели, кто это на них напал, и я без помех добрался до своей пещеры, довольный тем, что хоть немногого сократил численное превосходство противника.

Глава XVIII

На следующее утро я поднялся чуть свет, наскоро перекусил, искупался в море, потом взял дубинку, мушкет и отправился на разведку.

На этот раз мне удалось поближе подобраться к мятежникам и кое-что подслушать. Но сначала я их пересчитал, чтобы точно знать, что на меня никто не нападет врасплох со спины. Все были налицо, включая того, которого я ночью зашиб насмерть.

Судя по всему, Сильвер уже успел повздорить с приятелями, а именно с Андерсоном, Хендсом и Джорджем Мерри. Все трое недвусмысленно выражали свое недовольство ходом событий, обвиняли Джона в скверном руководстве, даже грозили ему черной меткой.

Но Окорок легко их одолел. В бою ли, в споре ли, он мог дать сто очков вперед любому из этой милой тройки, а остальные еще доверяли ему и в перепалке со смутьянами заняли его сторону.

— А я вам говорю,— объяснил Сильвер,— что нам сейчас куда выгоднее вести переговоры, чем лезть на рожон! Кто не видит этого,— болван, который только того и заслуживает, чтобы ему продырявили его тупую башку! Судите сами: они сидят в надежном укрытии, у них два десятка мушкетов. Одни будут заряжать, другие, кто стреляет получше, укладывать нас наповал. «Штурмовать!» — кричит Джоб, и, наверно, он прав, когда говорит, что мы справимся с ними раньше, чем они успеют прикончить половину нашего отряда. Что ж, братья, коли вам это по душе — давай вперед! Кто-то из нас отправится на тот свет, зато другим больше останется, можно и так рассуж-

дать. Ну а если выйдет иначе? Вдруг атака не удастся? Представьте себе, что этот чертов сквайр, который вчера с качающейся лодки прострелил башку Дику, выпустит в нас три-четыре пули, прежде чем мы доберемся до них? А доктор, а капитан? А Эйб Грей, которого я еще до конца этой недели надеюсь поджарить на вертеле,— представьте, что они, раньше чем мы до них доберемся, уложат человек шесть? Тогда у нас не будет такого перевеса. Вот ведь что! То ли дело, когда нас чуть не втрое больше, чем их,— и уж мы сумеем использовать свое превосходство, или назовите меня шваброй! Пусть вы даже отделяетесь ранами — кто вас будет лечить и выхаживать в этом чумном климате, пока остальные откапывают сокровище? Нет уж, чертова отродье, раз я выбран вожаком этой шайки и меня еще не сместили, послушайте, что я скажу. А я задумал так: прежде всего добыть карту. Дальше... Дальше будет видно. Скажу лишь одно: когда дело будет сделано и мы переправим денежки на шхуну, никто из них жив не останется.

Речь Сильвера явно произвела впечатление, и хотя смульяны по-прежнему оставались недовольны, пришлось им смириться под напором большинства. Сошлись на том, что Сильвер пойдет парламентером к защитникам блокгауза, предложит перемирие и посулит в обмен на карту сохранить им жизнь. Не согласятся — блокгауз будет взят штурмом.

Бунтари отправились на опушку леса следить за Сильвером, я же, полагая, что они скоро вернутся, остался на месте. И правда, не прошло и часа, как они возвратились. На этот раз больше всех бушевал Сильвер. Сколько я знал Окорока, никогда еще не видел его в таком бешенстве, а Израэль и остальные двое не преминули подлить масла в огонь,— дескать, они другого и не ожидали, надо было с самого начала их послушать.

Ваше счастье, что Сильвер так взбесился... Ему не терпелось добраться до ваших глоток, и он совсем упустил из виду такое страшное средство, как мина. А ведь Израэль мог бы за каких-нибудь два часа изготовить ее,— помните Санталену? Набей бочонок порохом и железным ломом, подложи у изгороди и врывайся через брешь! И тому же Израэлю ничего не стоило смастить зажигательные снаряды, какими мы часто пользовались в бою. Один такой снаряд на крышу блокгауза — и она вспыхнула бы ярким пламенем. Дым мигом выгнал бы вас наружу, прямо под пули.

Но Сильвер из всей военной науки припомнил только правило прикрывать атакующих огнем, да и то распылил свои силы,

задумав идти на штурм сразу со всех сторон. Правда, это усложнило мою задачу, ведь я-то задумал пощипать их с тыла, в разгар схватки, а при таком расположении мне было трудно выбрать безопасную позицию.

Только я отыскал в кустарнике удобный для стрельбы просвет, как из-за деревьев с северной стороны выскочили семеро пиратов и ринулись на частокол.

Я прицелился в ближайшего ко мне — он был голый по пояс, жилистый, коренастый, — и спустил курок в тот самый миг, когда кто-то из ваших уложил наповал его соседа. Но я поспешил и только ранил пирата; через секунду он уже был на ногах и нырнул в лес. Я сильно переживал свой промах, тем более что не успел перезарядить мушкет и выстрелил снова. А впрочем, моя пуля тоже сделала свое дело, ведь она сократила до пяти число прорвавшихся за ограду. В таких стычках подчас один лишний человек решает исход.

Ваш отряд задал жару этой пятерке, и не успел я перезарядить мушкет, как последний из нападавших перевалился через частокол обратно и зайцем пустился наутек. Было ясно, что штурм сорвался, орешек оказался пиратам не по зубам.

Израэль, изрыгая проклятия, бросился вперед и попытался поднять бунтовщиков на новую атаку, но он был среди них единственный, кто еще сохранил боевой дух, остальные предпочли отступить в глубину леса.

Осторожно вернувшись на свой удобный пост возле пиратского лагеря, я тотчас увидел, что ряды бунтовщиков заметно поредели. Осталось только восемь человек, да и то один был небоеспособен: моя пуля ранила его в голову и чуть не отправила на тот свет.

В жизни не видел такой унылой компании.

Они усердно прикладывались к бутылке с ромом и громко сетовали на свою неудачу, словно мальчишки, которых застигли врасплох в чужом курятнике и проводили колотушками.

Я переводил взгляд с одного на другого... Сильвер, мрачный, как грозовая туча; Израэль, уже порядком захмелевший; рослый ирландец в красном колпаке, которого Хендс потом зарезал на шхуне, а вы сбросили за борт к акулам; Дик — испуганный парнишка, пробежавший мимо меня в лесу; старик Том Морган, угрюмый и пришибленный; Джордж Мерри, упорно твердящий, что все кончилось бы иначе, послушайся Сильвер его совета; раненый пират — он перевязывал себе голову! И еще двое: один постарше, с седыми висками, другой — рыжий матрос, которого Сильвер склонил к измене. Да, более жалкой ватаги мне не при-

ходилось видеть. Ни как моряки, ни как джентльмены удачи они ломаного гроша не стоили.

Вдруг мне пришла в голову мысль застрелить Сильвера и одним махом все кончить. С того места, где я притаился, это было очень легко сделать, я даже прицелился, однако тут же подумал, что, если убью его, остальные скорее всего ударят на шхуне и бросят нас на острове. А это ни меня, ни вас не устраивало. Поэтому я решил пока оставить бунтовщиков в покое и выяснить, как обстоят дела вашего отряда.

Сделав большой круг, я вышел к блокгаузу с западной стороны и только стал соображать, чем бы подать сигнал,— вижу, идет доктор, вооруженный до зубов и невозмутимый, как скала. Я с первого взгляда его опознал, ведь вы мне сказали, что сквайр и капитан — оба высокого роста. Войдя в лес, он двинулся в северо-восточном направлении, и я сразу смекнул, что он задумал найти меня. Чистейшее безрассудство, я об этом ему потом сколько раз говорил. Ведь попадись он на глаза пиратам — и его песенка была бы спета. И вам от этого — никакого толку!

Так или иначе доктор продолжал смело шагать через лес, а я крался за ним, перебегая от дерева к дереву, как накануне, когда следил за вами. Наконец мы достаточно удалились от лагеря, и тогда я окликнул его. Он сразу остановился и взял мушкет наизготовку, но, сколько ни вертел головой, никак не мог меня обнаружить. Моя одежда из козьих шкур была хорошей маскировкой.

— Доктор! — крикнул я.— Стойте на месте, будем вести переговоры!

Он рассмеялся и повесил мушкет на плечо.

— Джим рассказал нам про вас, Бен Ганн, и вам нечего опасаться,— ответил он.— Неужели я для того рисковал жизнью, чтобы разговаривать с вами подобным образом!

Что верно, то верно... Я вышел из-за дерева и пригласил доктора пройти со мной в пещеру. И мы зашагали гуськом через топь, затем вверх на Двуглавую гору, к моему убежищу.

Я ожидал, что вид несметного сокровища ошарашил его, но не тут-то было. Доктор всегда оставался невозмутимым, и теперь он даже бровью не повел.

— Что ж, Бен,— сказал он, осмотрев клад и садясь на камень у входа,— похоже, вы нас опередили, так попробуем договориться по-доброму. Что вы скажете, если я предложу вам проезд на родину, никаких вопросов о прошлом и тысячу фунтов впридачу.

Предложение доктора превзошло мои самые смелые ожидания. Я был готов отдать все до последнего гроша, только бы поставить крест на прошлом и увидеть родной дом! Мы тут же, как говорится, ударили по рукам, после чего стали обсуждать, как управляться с бунтовщиками. Сначала доктор сказал, что мне следует нагрузиться козлятиной и идти в блокгауз, вступать в отряд капитана, но я быстро убедил его, что принесу вам гораздо больше пользы, свободно передвигаясь по острову. Чем смотреть в бойницу, как Сильвер снова поведет своих людей в атаку, я лучше постараюсь помочь вам выбраться из осады.

Но больше всего меня заботила судьба корабля. Доктор Ливси рассказал, что придет еще одно судно, да разве мог я ждать! При одной мысли о шхуне, стоящей в Южной бухте, меня бросало в дрожь, так мне не терпелось скорее ступить на палубу и идти домой под всеми парусами!

Я не стал вдаваться в подробности своей пиратской жизни, сказал только, что был силой завербован людьми Флинта, когда плыл в Америку с Ником в качестве его слуги. Уже потом, узнав доктора ближе, я рассказал ему, как был убит Кастер, и он обещал поручиться за меня, когда мы приедем в Девон. Не сомневаюсь, что он выполнил бы свое обещание, если бы в Англии не выяснилось, что Ник давным-давно написал письмо, в котором брал всю вину на себя и совершенно оправдывал меня.

Закончив переговоры с доктором Ливси, я проводил его до частокола, после чего еще раз проведал пиратов. Шесть человек сидели, распевая песни, у костра, а двое отправились на шхуну. Выяснив это, я вернулся к себе в пещеру, очень довольный тем, как все хорошо складывается.

А на рассвете третьего дня, идя по горе над Белой скалой курсом на лагерь бунтовщиков, я заглянул в бухту и вдруг обнаружил, что шхуны нет.

Хотите верьте, хотите нет, Джим, я сел на землю и разрыдался, словно ребенок. Как же я проклинал себя за то, что не уследил за бунтовщиками, не забил тревогу, когда они подняли паруса: ведь я-то решил, что это Сильвер увел корабль.

Придя в себя, я решил все-таки сперва навестить стоянку пиратов, а уже потом сообщить вам печальную новость. Можете представить себе мое удивление, когда я застал на прогалине кучку людей ошарашенных и подавленных не менее, чем я сам! Сильвер и его компания почти в одно время со мной обнаружили пропажу судна, и теперь вся шестерка сыпала такими проклятиями, что сам черт, услышь он их, смущился бы.

Оставалось только предположить, что шхуна сорвалась с якоря (но как?) и ее унесло отливом. Не теряя времени, я поспе-

шил через лес к блокгаузу. И обнаружил, что отряд капитана встревожен совсем другим происшествием.

— Джим пропал! — сказал мне доктор, даже не поздоровавшись.— Ушел вчера вечером, и с тех пор ни слуху ни духу!

Никто из них не допускал и мысли, что вы переметнулись к Сильверу, они все приписывали мальчишескому озорству. Да только от этого было ничуть не легче — кто мог поручиться, что вас не убили ночью? Сквайр жестоко бранил себя за то, что втянул мальчишку в столь безрассудное предприятие. А вообще-то все мы, и сквайр, и доктор, да и Сильвер тоже, попали впросак. Откуда нам было знать, что судно в целости и сохранности стоит в другом месте? Каждый был уверен, что оно исчезло на всегда.

И тут взял слово капитан. Хотя он сильно ослаб от двух ран, полученных накануне, голова у него работала лучше, чем у всех нас остальных, вместе взятых. Капитан сказал, что исчезновение корабля вынуждает наш отряд сменить убежище. Пока Сильвер разгуливает хозяином по острову, нужно тщательно охранять клад. Весь вопрос в том, как из блокгауза перебраться в пещеру?

Капитан, понятно, не мог идти сам, его надо было нести. Значит, у двоих будут руки заняты, и остаются только два бойца. Казалось, положение безвыходно. Но тут доктор напомнил о нашем козырном тузе — старой и теперь уже совершенно бесполезной карте. Он спросил меня, пойдет ли Сильвер ради карты на двухчасовое перемирие и можно ли положиться на его слово? Нелегкий вопрос?

— Конечно,— ответил я,— Джон все, что угодно, пообещает, только бы завладеть картой, что же до его честности, то, поклявшись он хоть на ста Библиях, я не положусь на слово Сильвера.

Эйб Грей поддержал меня.

— Постойте,— вмешался капитан.— Вы забываете одну вещь: когда он получит карту, у него просто не будет другого выбора, как тотчас отправиться за кладом. Зная эту шайку, я не сомневаюсь, что они мигом похватают кирки и лопаты! И как только они перевалят через плечо Подзорной Трубы, никто не помешает нам дойти до пещеры.

Мы посовещались и решили, что лучшего не придумать. На самом-то деле мы просчитались, ведь Сильвер целых двенадцать часов не подавал виду своим приятелям, что карта у него! Он выложил ее лишь после того, как над ним и вами, Джим, на-висла смертельная угроза. Тем не менее наша уловка себя

оправдала, она помогла нам беспрепятственно совершить переход из блокгауза в пещеру.

Итак, я устроился в засаде у стоянки пиратов, а доктор и Эйб Грей с белым флагом в руках пошли парламентариями к бунтовщикам. Кроме передачи карты, условия соглашения предусматривали, что доктор окажет помошь раненым, а пираты получат все находящиеся в блокгаузе припасы, нам же за это разрешался свободный проход в северную часть острова.

Сильвер и доктор Ливси совещались поодаль от остальных, даже Грей отошел в сторонку, но все стояли с оружием в руках, не спуская глаз друг с друга. Наконец доктор скрылся в чаще, и Сильвер проковылял к костру. Приятели тотчас окружили его, требуя ответа: что ему удалось выговорить?

— Провиант, без которого никто из нас не может обойтись, даже ты, Джордж Мерри,— отчеканил Долговязый Джон.— Теперь, когда шхуна ушла, где еще мы его возьмем? Может быть, кто-нибудь из вас подаст совет?

— Им и в блокгаузе не худо, с чего это они вдруг затеяли уходить? — спросил Морган.

— В северную часть острова... — подхватил Мерри.— Что им там понадобилось, в северной части? Вдруг сокровище лежит там, они подбросят нам бочку солонины, а сами все денежки загребут!

Сильвер косо взглянул на него: так он некогда глядел на тех, кого мысленно приговаривал к смерти за предательство.

— Послушай, Джордж, у тебя есть лучший план? — медленно вымолвил он.— Если да — выкладывай, и мы обговорим его, потолкуем, как быть, чтобы не подохнуть с голоду, здесь, у костра!

— Перехватим их на марше,— сказал Джордж,— и перебьем всех до единого. Тогда все будет наше: сокровище, солонина, бренди, блокгауз, или я не джентльмен удачи и никогда им не был!

— Вот это верно,— негромко отозвался Сильвер.— Ты им никогда не был, иначе не предложил бы чушь, достойную дурачка, которого в младенчестве уронили вниз головой! А теперь слушайте, что я скажу, недоношенные павианы,— продолжал он, возвысив голос так, что с окружающих деревьев взлетели птицы.— Откуда нам знать, что доктор не пронюхал, где шхуна, и не столковался с этим пропойцем Хендсом и с ирландцем, чтобы те забрали их вместе с сокровищем? Разрази меня гром, так оно и есть, вот что они затеяли, и теперь у нас только один шанс: не спускать с них глаз, пока Хендс не при-

ведет шхуну в условленное место и не подаст сигнал! Перебить их, говоришь? Да ведь тогда всем нам крышка, потому что некому будет ответить на сигнал Хендса, и останемся мы без сокровища и без судна!

С этими словами Сильвер круто повернулся и стал навешивать на себя оружие, чтобы идти в блокгауз. Казалось, даже спина Джона выражает его презрение к тупицам, с которыми он связался.

Сидя за кустами, я с трудом удерживался от смеха, такие рожи были у его приятелей.

Долго пираты молча переваривали сказанное Сильвером, потом Морган взял слово.

— Что ж, Джон,— решительно произнес он, вынимая трубку изо рта и сплевывая в огонь,— сдается мне, ты прав, и я с тобой заодно, недаром изо всех нас ты самый башковитый!

Да, Сильвер снова одержал верх. И так как он ни словом не упомянул о карте, я окончательно понял, что дела мятежников совсем плохи и отныне Окорок будет нам скорее союзник, чем враг.

Я думал о басне Сильвера, будто Хендс сговорился с нами, и удивлялся, как это они дали заморочить себе голову! Казалось бы, яснее ясного, что люди капитана никак не могли пробраться ночью на шхуну и подбить Хендса на такую немыслимую затею. И однако пираты клюнули на удочку. Не больно-то они доверяли друг другу, если не усомнились, что собственный товарищ им так легко изменил... Отведя душу отборной бранью, бунтовщики забрали свое оружие и нехитрый скарб и угремо побрали к блокгаузу. Я проводил их до частокола, потом отправился догонять отряд сквайра, который шел через топь к моей пещере.

Нелегко нам пришлось в болотных зарослях, мы не раз проваливались по пояс, но все же благополучно добрались до места. И уж я постарался устроить своих гостей возможно уютнее, капитану подстелил целую груду козьих шкур и запас побольше питьевой воды на случай осады.

А сколько мы в тот день ломали голову, Джим, пытаясь уразуметь, что с вами! Под вечер, когда «Испаньола» вошла в Северную бухту, доктор, Грей и я караулили в зарослях у подножия Двуглавой горы, чтобы Сильвер не застиг нас врасплох. Оттого мы и не увидели вас, когда вы в одиночку вели шхуну, а Хендс с кинжалом наготове ждал удобной минуты, чтобы расправится с вами.

Как только стемнело, доктор и Грей возвратились в пещеру, а я решил проверить, чем заняты пираты. Сквозь щель в часто-

коле я увидел, как они, сидя у костра, прилежно потягивали оставленное вами бренди и распевали песни.

Убедившись, что нам пока не грозит никакая опасность, я еще до восхода луны направился обратно в пещеру. Задержись я на полчаса, вы встретились бы мне в лесу и не попали бы прямо в лапы врагу. Вот ведь как бывает...

Утром доктор, как и было условлено, пошел оказать помощь раненым пиратам, а два часа спустя вернулся и ошеломил нас известием, что вы в плена у бунтовщиков и, как только пираты вместо клада увидят пустую яму, ваша песенка будет спета.

Нам оставалось одно: попасть туда первыми и устроить засаду. Доктор Ливси, Эйб Грей и я тотчас вышли в путь по тропинке, которую я вытоптал, перенося золото. Но мы продвигались слишком медленно. Я-то привык к этим местам и мог еще прибавить ходу, но доктор, уже отмахавший с утра десять — двенадцать миль через топь, начал отставать. Тогда я объяснил ему, как найти яму, а сам припустился бегом и на длинном склоне пониже большого дерева обнаружил вас. Вы с пиратами стояли над останками бедного Ника и что-то обсуждали. Могильной плиты вы не увидели, так как прошли западнее.

Но как задержать пиратов, чтобы доктор и Грей раньше подоспели к яме? И тут мне пришло в голову изобразить призрака, голосом Флинта позвать Мак-Гроу, требуя рома, как это делал наш капитан в Саванне много лет назад.

К счастью для вас, Джим, моряки, даже самые отпетые, суеверный народ. Не сомневаюсь, от первого же моего крика их бросило в дрожь, а зубы их стучали, как испанские кстаньеты!

Во всяком случае, уловка достигла цели. Пираты сразу сбились ход, тем временем подошли доктор и Грей, и мы засели в кустарнике на расстоянии половины мушкетного выстрела от пустой ямы.

До чего забавно было видеть выражение их лиц, особенно Сильвера, когда они заметили яму и, подбежав к ней, нашли... одну золотую монету, рукоятку от заступа и старые доски! Джордж Мерри задыхался от ярости. Не уложи я его первым же выстрелом, он искромсал бы своим ножом любого, кто попался бы ему под руку, будь то вы или сам Долговязый Джон. Доктор еще не отышался после быстрого перехода, поэтому он промазал, зато пуля Эйба прикончила раненого пирата с повязкой на голове.

Ну вот, Джим, остальное вы и сами знаете. А чего не знаете, так я вам расскажу. Ведь, по чести говоря, я потом снова спас

vas и ваших друзей, когда на обратном пути спровадил Окорока.

Хотите верьте, хотите не верьте, Джим, но это была, пожалуй, самая важная услуга, какую я окказал вам и вашим друзьям. Честное слово, этот коварный и сладкоречивый Сильвер задолго до прихода шхуны в Бристоль успел бы всем вам заморочить голову и подстроить какую-нибудь каверзу. Даже если бы я вас предупредил, что он замышляет новые козни, и вы заковали бы его в кандалы, все равно Долговязый Джон сумел бы выкрутиться и провести вас.

Было только два способа уберечь вас от его коварства: либо хладнокровно убить Джона, на что никто из вас не пошел бы, либо способствовать его побегу, что я и сделал и о чем никогда потом не жалел.

Как это было? Сейчас расскажу. И кончу на том свою повесть, которую вы обещали держать в тайне, пока я не отчалию в те края, где человеку позарез нужен надежный кормчий.

Глава XIX

Уже началось наше обратное плавание, а я не находил себе покоя, Джим, и все потому, что Долговязому Джону предоставили на корабле полную свободу.

Спору нет, нам не хватало людей; семь человек, один совсем еще мальчик, должны были выполнять работу тридцати. Но все равно, вы бросали вызов провидению, которое до сих пор было необычно милостиво к нам. И, глядя, как весело и беззаботно старый Джон орудует у себя в камбузе, я решил держать ухо востро.

Я наперед знал, что очень скоро Сильвер начнет прощупывать меня,— и не ошибся, это случилось уже на третий день нашего плавания, когда я принес в камбуз грязные миски из каюты капитана.

— Бен,— обратился он ко мне воркующим голосом,— Бен, дружище, скажи по чести старому товарищу, какую долю золота, добытого тобой в тайнике Флинта, обещал тебе капитан Смоллетт? Тысяч пять? Или десять?

Я ответил, что мы сошлись на тысяче фунтов и бесплатном проезде домой.

Сильвер сокрушенно поцокал языком.

— Ну и ну! — воскликнул он.— Я бы не назвал это честным и справедливым дележом! Если учесть, что за проезд ты, как и все остальные, расплачиваешься своим трудом и что сквайру

богатство от тебя же досталось!.. Тысяча, говоришь? Разрази меня гром, Бен, это же и сотой доли не составит!

— Джон,— сказал я ему на это.— Я давно уже уразумел, что одна, честно заработанная гинея дороже тысяч, за которые расплачиваются виселицей!

— И ты прав, Бен, клянусь небом, ты прав! — подхватил старый мошенник.— Кто-кто, а уж я-то тебя понимаю! Но другие могут сказать, что сокровище тебе досталось честным путем! Ты сам его отыскал, сам перенес, и ты же обвел негодяев вокруг пальца!

С первой минуты, как Сильвер перешел на вашу сторону, он с великим осуждением говорил о своих прежних приятелях, точно забыл, что он сам подбил их на бунт. Это могло бы показаться смешным, не будь он таким законченным злодеем.

— Может, и так,— ответил я,— но не забудьте, что я тоже помогал доставить золото на борт «Моржа». И что бы вы ни говорили, мне голову не заморочите! Каждая монета добыта ценою крови и разбоя!

Долговязый Джон рассмеялся и добродушно похлопал меня по плечу.

— Э, Бен,— льстиво протянул он,— деньги странная вещь, ей-богу! Провалиться мне на этом месте, если найдется на свете хоть одна гинея, добытая честным путем! Взять хоть золотые слитки в нашем трюме... Им цена этак двести — триста гиней за штуку. Где мы их добыли? У испанцев, скажешь ты. А испанцы? Из рудников, скажешь ты. Ну, а кто добыл золото в рудниках? Индейцы, вот кто, и они мерли при этом, как мухи, не столько даже от непосильной работы, сколько от плетей! Вот и ответь мне теперь: у кого больше прав на это золото? У индейцев, у испанцев? А может быть, у тебя?

Сильвер явно был в ударе, и я знал: стоит мне замешкаться на камбузе, и он убедит меня, что нет на свете занятия честнее, чем морской разбой, что пираты, захватывая и топя корабли, делают людям благо. Поэтому я выскочил на палубу и отправился на нос, чтобы обдумать, как уберечь всех нас от новой беды.

Я видел три возможности. Во-первых, можно прикинуться, будто я заодно с Сильвером, побольше выведать и предупредить капитана, чтоб тот заковал его в кандалы. Но чего я этим достигну? Еще не придумали тех кандалов, которые могли бы обуздить Сильвера больше, чем на две вахты... Убить его? Тоже выход, да только я себе твердо сказал, что с убийствами покончено, не подниму руку даже на мерзавца, который лучшего не заслуживает.

Третий выход заключался в том, чтобы позволить Джону бежать и сплавить его на берег. Я начал соображать, как это сделать, а тут Эйб Грэй окликнул меня и сообщил последнюю новость: мол, решено войти в ближайший порт на Мэйне, чтобы набрать команду для перехода через океан. Как раз то, что мне нужно, сказал я себе. Помогу Сильверу улизнуть, а потом чистосердечно во всем признаюсь...

Все получилось куда проще, чем я рассчитывал. Ведь что вы сделали в первый же вечер, когда мы бросили якорь у берегов Суринама? Отправились на английский военный корабль и гостили на нем до полуночи, оставив меня и Эйба Грэя охранять золото! Правда, вы заперли Сильвера на полубаке; да только, скажу по чести, меня разбирал смех, когда я увидел, как легко вы клюнули на его обещания исправиться и как уповаете на простую щеколду и на двоих моряков, которых Окорок столько раз обводил вокруг пальца.

За час до восхода луны я прошел на нос и окликнул Джона. Ответа не последовало, и, приглядевшись, я увидел, что дверь отпerta. Сильвер сделал из проволоки крюк и отодвинул щеколду.

— Тем лучше,— сказал я себе.— Удрал, и слава богу, мне меньше хлопот.

И я отправился на корму, где Эйба поставили сторожить вход в капитанскую каюту. Так и есть! Лежит и храпит, мушкет и пистолеты бросил, хочешь — бери их, хочешь — так перешагни.

Только я хотел разбудить его криком «тревога!», посмотреть, как он вскочит и схватит оружие,— вдруг снизу донесся скребущий звук, словно кто-то волочил швартов по палубе. На миг я опешил, но тут же меня осенило: Сильвер еще на борту и добирается до дублонов, которые мы так любезно припасли для него...

Я разулся, прошел вперед, спустился на галерейную палубу и прокрался на корму — совсем как вы, когда задумали незаметно понаблюдать за раненым Хендсом. У кормового трапа я постоял, прислушиваясь. Скребущий звук становился все громче. Так и есть, пилит...

— Джон! — тихо позвал я.— Это я, Бен. Пришел за своей долей!

Шум в парусной каюте стих, потом из люка вынырнула голова Сильвера. Он вспотел и весь был осыпан опилками; на костыле висела плотничья пила. Увидев меня, он ничуть не удивился.

— А, Бен,— вымолвил он.— Я так и думал, что ты не захочешь оставаться в стороне. Ты очень кстати подошел, а то ведь с моей деревянной ногой много не унесешь, только на перевоз хватит. Прягай сюда, подсоби старому другу!

Я спустился в каюту и посмотрел на его работу. При свете потайного фонаря Сильвер выпил в потолке квадратное отверстие и уже приготовился лезть за добычей.

— Джон,— продолжал я вполголоса, не сомневаясь, что Эйб пристрелит нас обоих, если проснется,— сколько ты задумал взять и как собираешься попасть на берег?

— Возьму, сколько смогу увезти,— ответил Сильвер.— А под кормой меня ждет негр с лодкой, он заберет нас с собой.

Не спрашивайте меня, откуда он раздобыл этого негра и как с ним договорился, это выше моего разумения. Как бы ни было, под кормой и впрямь качалась зачаленная лодка, и в ней сидел человек.

— Джон,— прошептал я,— мне с тобой не по пути. Бери один мешочек с монетами, так и быть уж, донесу его до лодки. А если тебе этого мало, приготовься к схватке — и не только с Эйбом Греем, который проснется от первого же моего крика, но и со мной! Вот так, вот тебе мои условия, а теперь решай!

Мои слова поразили его, и несколько секунд он пристально глядел на меня, потом усмехнулся и хлопнул себя свободной рукой по животу.

— Разрази меня гром, Бен, да ведь ты это всерьез! — восхликал он.— А я-то голову ломал, старался угадать, какую хитрость ты замышляешь!

— Так как же, Джон,— продолжал я,— на чем порешили? Ноги в руки — и на берег с дублонами в кармане — или путешествие в кандалах туда, где твою толстую шею ждет петля?

Сильвер понял, что проиграл.

— Эх, Бен, Бен,— вздохнул он,— подумать только, ты одолел меня!

Я не стал терять времени на разговоры, а протиснулся через выпиленный им лаз, выбрал мешочек поменьше и отнес его на палубу. Джон сбросил золото в лодку и остановился над свисавшим с кормы веревочным трапом.

— Бен, дружище,— начал Сильвер прощальную речь,— только не забывай моих слов о том, как люди добывают деньги. За двадцать лет я успел убедиться, что верно говорят: не зевай сам, и бог тебе поможет! Ну а кому нравится ради хлеба спину гнуть, пускай гнут, покуда вовсе не загнутся! Что до меня, Бен, то я одинокий волк. Хватит, набегался в стае, отныне

я охочусь в одиночку, или можешь назвать меня грязной швабой!

С этими словами он лихо козырнул мне, соскользнул по трапу в лодку и налег на весла.

Стоя у поручней, я провожал его взглядом, пока лодка не затерялась среди береговых огней.

Потом я пошел к Эйбу предупредить его о побеге Сильвера, пока капитан не вернулся.

Глава XX

Ну, что еще добавить напоследок, Джим?

Капитан и сквайр не очень-то корили меня за то, что я позволил Сильверу бежать. А может быть, я их не понял, и они не меньше моего рады были от него избавиться. Так или иначе, когда мы вернулись в Англию, сквайр и доктор съездили в Экс-тер и добились отмены приказа о моем аресте за соучастие в убийстве Кастера. Надо думать, им помогло письмо Ника, переданное доктору мисс Далси. Сам я этого письма не видел, но доктор Ливси рассказал мне его содержание. Ник сообщал, что он один повинен в убийстве Бэзила Кастера, которое совершил в целях самозащиты. Дескать, я только утром нашел Ника и, выполняя его приказ, доставил своего раненого хозяина в почтовой карете до Плимута, а про убийство узнал уже на борту корабля, когда не мог ничего сделать.

Не знаю, поверили ли шериф словам Ника; во всяком случае, меня не стали преследовать по закону, и после смерти старого сквайра Кастера, когда его поместье перешло в чужие руки, я смог вернуться в родные места.

Моя старушка мама и отец давно уснули вечным сном, и мне оставалось лишь оплакать их могилу, в которой вы торжественно пообещали склонить меня, когда пробьет мой час.

Пожалуй, тяжелее всего мне пришлось, когда я собрался с духом навестить мисс Далси. Она по-прежнему жила в доме священника, бледная, уже совсем седая, но все такая же приветливая. Мисс Далси попросила меня рассказать все, что я помнил о Нике: как он выглядел, что говорил, часто ли вспоминал ее и как умер.

Я наврал ей с три короба, Джим, и ничуть в этом не раскаиваюсь, ведь правда прикончила бы ее. На прощание она дала мне гинею, и у меня не хватило духу отказаться. Мисс Далси безоговорочно поверила в историю, которую я сочинил прямо на

ходу: будто бедный Ник много лет тому назад умер от лихорадки на своей плантации в Виргинии.

Надеюсь, вы подтвердите, что я, как вернулся в Англию, делал все, чтобы заслужить прощение. А если я иногда и прикладывался к бутылке с ромом, так это лишь потому, что меня грызло сомнение, не поздно ли я взялся за ум. Но ведь сказано же в Писании, что в небесах одному раскаявшемуся грешнику радуются больше, нежели девяноста девяты праведникам, которым не в чем каяться.

Если это так, Джим, похоже, у меня еще есть надежда. А большего я не прошу и не жду, вот и весь сказ!

*Продолжение повествования,
написанное Джеймсом Хокинсом
в 1811 году*

Вот уже больше шести лет, как я исполнил последнюю волю Бена и положил старого буканиера на покой там, где он просил,— рядом с его матерью.

Четыре с лишним года назад поставил я точку в конце своего пересказа его истории, полагая, что завершил удивительную повесть о сокровищах Флинта и о наших злоключениях на пресловутом острове.

Последний из моих сотоварищей, капитан Эйб Грей, умер в прошлом году, будучи отцом многочисленного семейства, поченным человеком, владельцем нескольких добрых судов, перевозящих товары из Вест-Индии.

После смерти Эйба я считал себя единственным оставшимся в живых участником памятного плавания на «Испаньоле». Однако, как вы сейчас увидите, я ошибался.

Около года тому назад, в ненастный мартовский вечер, вошел слуга и доложил мне, что на газоне под окнами моего кабинета задержан какой-то подозрительный старик.

Сначала я подумал, что речь идет о браконьеере, а многолетняя дружба с Беном научила меня снисходительно к ним относиться, слишком хорошо помнил я судьбу Джейка и печальные последствия, которые вызвало беспощадное применение Кастерами законов об охоте.

Но слуга утверждал, что это не браконьеер, а моряк, и притом довольно жалкий: ему не меньше семидесяти лет, он крайне истощен и одет в лохмотья. Слуга добавил, что этот человек

добивается встречи со мной, дескать, ему надо мне что-то сообщить.

Интересно, что, кроме подаяния, могло понадобиться от меня нищему старику? Я велел накормить его и привести ко мне, а сам опустил занавески и сел у горящего камина ждать гостя.

Наконец раздался стук в дверь, и я увидел согбенного годами, предельно изможденного человека. Жидкие седые волосы свисали космами на поникшие плечи, и он чем-то смахивал на Бена Ганна, каким тот был, когда я впервые встретил его на острове. Держался он робко, я бы даже сказал, униженно; лохмотья поддерживал матросский ремень, и походка его, когда он, бормоча извинения, шел через кабинет, выдавала моряка. Обветренное лицо цветом напоминало красное дерево, голос был глухой и сиплый.

Отослав слугу, я предложил гостю сесть. Как только слуга вышел, чужак устремил на меня испытывающий взор. Он так долго и пристально разглядывал меня, что я ощутил некоторое замешательство.

Наконец он произнес:

— Мистер Хокинс? Мистер Джим Хокинс, который некогда проживал в Черной бухте?

Я сухо ответил, что меня действительно зовут Джим Хокинс, и попросил перейти к делу.

Он тяжело вздохнул:

— Я только хотел удостовериться, потому что не ждать мне добра, коли я откроюсь не тому человеку, а уж чего проще, ведь сорок лет прошло, как я вас видел!

— Вы видели меня? — воскликнул я.— Где и когда?!

Но приступ кашля помешал старику ответить. Тогда я налил ему пунша, и он, твердя слова благодарности, поднес стакан к дрожащим губам.

— Я — Дик! — вымолвил он наконец.— Тот самый Дик, который изрезал Библию и потом поплатился за это, да как поплатился!!

Я вскочил на ноги. Неужели этот скрюченный старец — тот самый молодой моряк, который вместе с двумя приятелями был оставлен на острове?

— Дик! — крикнул я.— Вы?!

Старик торопливо допил свой пунш, и в глазах его вновь отразился страх.

— Я наказан сполна за свои дела,— пролепетал он, испугавшись собственного признания.— Изо всех живых людей вы один можете опознать меня, и я пришел просить вашего снисхождения, мистер Хокинс!

Трогательно было видеть, с каким облегчением этот бедняга принял мое заверение, что его никто не будет карать. Согретый теплом очага и трапезой, он поведал мне все, что помнил о своем пребывании на Острове Сокровищ и последующих злоключениях.

Напоминаю вам, что последним из старой команды Флинта (не считая Сильвера) был Том Морган, ему перевалило уже за шестьдесят, когда мы оставили его на острове. Вторым в этой милой троице был рыжий Джим Фаулер, высокий молодой моряк, которого Сильвер подбил на бунт после того, как мы вышли из Англии.

Том Морган и Дик, оправившись от потрясения, решили как-то приспособится на этом уединенном клочке земли. Молчаливый степенный Морган был по-своему верный товарищ и умел кое-что мастерить. Он понимал, что в Англии их все равно ждет только виселица, и решил извлечь максимум пользы из своего умения.

Молодой организм Дика справился с лихорадкой, которую он схватил, прежде чем они вспомнили совет доктора Ливси и покинули низину. Самый деятельный из всей тройки, Дик усердно занялся охотой, и они довольно сносно зажили в лачуге, которую соорудили на южном плече Подзорной Трубы.

Однако рыжий Джим никак не мог примениться к новым условиям. Уединение на острове, а может быть, угрызения совести помутнили его рассудок, и после бесплодных попыток обуздать Фаулера товарищи в конце концов вынуждены были изгнать его. Он жил дикарем, питаясь ягодами и сырым черепашьим мясом, и постепенно совсем озверел.

Дик несколько раз встречал его, когда ходил на охоту. Несчастный безумец был совершенно голый, весь оброс длинными рыжими волосами и скорее напоминал свирепое животное, чем человека. Однажды Джим скатил камень с Фок-мачты, пытаясь убить Тома Моргана, а в другой раз подобрался к лачуге, когда его товарищи спали, и поджег ее головешками из костра.

В конце концов Морган и Дик согласились, что ради спасения своей жизни они должны его выследить и убить. Дик сумел подкрасться к Фаулеру, когда тот пожирал сырое мясо, и прикончил его выстрелом в голову.

Сдается мне, это вынужденное убийство сделало для обращения Дика больше, чем само наказание, которому мы их подвергли. И когда Дик после кончины старого Тома остался один, подобно Бену Ганну, он обратился за утешением к Библии.

По подсчетам Дика, он восемь лет прожил на острове — и за все это время ему ни разу не пришло в голову искать серебро и

оружие, зарытое на севере острова. И Долговязый Джон почему-то не вернулся за этой частью клада, хотя карта, полученная им от доктора Ливси, точно указывала, где что лежит.

А на девятый год к Острову Сокровищ подошел корабль с испанцами, которые наносили эту область океана на карту. Бедняга Дик поспешил разыскать капитана и назвался жертвой кораблекрушения.

Лучше бы он отсиделся в лесу.

Испанцы прибыли из Европы, а потому они сильно отличались от тех испанцев, которые родились на островах Вест-Индии и привыкли смотреть сквозь пальцы на королевский указ о том, как обращаться с иностранными моряками. Удостоверившись, что Дик англичанин, но отнюдь не удовлетворившись его сбивчивыми объяснениями, капитан решил, что Дик — беглый раб, и продал его одному плантатору в пожизненное владение.

Двадцать с лишним лет Дик выращивал сахарный тростник, и с какой охотой он променял бы эту каторгу на блаженное одиночество на острове Кидда! Наконец, при налете английских военных кораблей, посланных губернатором Ямайки, земляки выручили беднягу. Дик снова стал моряком и тянул лямку, пока не скопил денег на проезд домой.

Ступив на родную землю, он тотчас двинулся пешком вдоль побережья, стараясь выведать что-нибудь о людях сквайра. В конце концов в Плимуте ему попался человек, который слышал про меня и клялся, что я не из тех, кто способен полвека таить зло. Распростившись с морем, Дик мечтал лишь о какой-нибудь маленькой должности в моем доме, чтобы умереть на родной земле, которую покинул столько лет назад, окрыленный большими надеждами.

Я сделал для него все, что мог, да только ему от этого было немного проку.

Лихорадка подточила здоровье Дика, а жестокое обращение испанцев совсем его изнурило, и он прожил у нас меньше года, после чего уснул вечным сном. Надеюсь, ему было легче от мысли, что он умирает свободным человеком, а не рабом в жалкой лачуге на заморской плантации.

Февральский снег ложился на землю, когда я схоронил Дика по соседству с Беном, чью судьбу он во многом повторил. Священник приступил к панихиде, а я вспомнил давнюю летнюю ночь, когда я, скривившись в бочке из-под яблок, слушал разглагольствования Сильвера, который дурманил голову парнишке описанием пиратских подвигов и баснословного богатства, ожидающего предприимчивых.

Что сказал тогда Дик на слова Сильвера о жалкой доле большинства джентльменов удачи: «Какой же тогда смысл быть пиратом?» И Сильвер ответил: «Для дурака — никакого!» Каким пророческим оказался этот разговор! Дика, этого простака из простаков, и впрямь ожидала самая жалкая участь...

А сам Сильвер — как-то сложилась его судьба? Лежат ли его кости, подобно костям Ника, на уединенном островке или, как это случилось с Хендсом, покоятся на дне морском? А может быть, солнце высушило его могучую тушу на виселице, которой он так боялся? Или же тело Джона бросили с пристани акулам после пьяной драки где-нибудь на берегах Мэйна?

Нет, сказал я себе, не может быть, чтобы высшее правосудие пошло тут по избитому пути! Уходя от могилы Дика, уже подернутой пеленой снега, я почему-то был убежден, что Джон Сильвер окончил свою жизнь таким же жалким, нищим и презираемым, как ничтожнейшая из его жертв, и не было рядом с ним никого, чтобы пожелать ему удачи в последнем плавании.

Тому, кто упрекнет меня в жестокости и нетерпимости, напоминаю, что сам Сильвер, не в пример грубым и невежественным морякам, которыми он заправлял, обладал всеми предпосылками, чтобы стать выдающимся человеком.

Ибо у Сильвера в отличие от всех его приятелей были большие задатки, которыми он прискорбно пренебрег.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Р. Л. Стивенсон
ОСТРОВ СОКРОВИЩ

Перевод Н. Чуковского

Часть первая

СТАРЫЙ ПИРАТ	5
--------------------	---

Часть вторая

СУДОВОЙ ПОВАР	36
---------------------	----

Часть третья

МОИ ПРИКЛЮЧЕНИЯ НА СУШЕ	66
-------------------------------	----

Часть четвертая

ЧАСТОКОЛ	80
----------------	----

Часть пятая

МОИ ПРИКЛЮЧЕНИЯ НА МОРЕ	105
-------------------------------	-----

Часть шестая

КАПИТАН СИЛЬВЕР	132
-----------------------	-----

Р. Ф. Делдерфилд
ПРИКЛЮЧЕНИЯ БЕНА ГАННА

Перевод Л. Жданова

Как появилась на свет эта книга	169
Часть первая	
СЫН ПРИХОДСКОГО СВЯЩЕННИКА	173
Часть вторая	
ПИРАТ ПОНЕВОЛЕ	205
Часть третья	
ПУТЬ ДОМОЙ	249
Продолжение повествования, написанное Джеймсом Хокинсом в 1811 году	279

Библиотека морских приключений

Литературно-художественное издание

Стивенсон Роберт Луис
ОСТРОВ СОКРОВИЩ

Делдерфилд Рональд Фредерик
ПРИКЛЮЧЕНИЯ БЕНА ГАННА

Романы

Редактор Е. А. Маркова
Художник В. А. Иванов
Художественный редактор В. В. Покатов
Технический редактор Г. А. Иванова
Корректоры Г. П. Панова, Е. Н. Романова

ИБ № 6458

Сдано в набор 06.02.92. Подписано к печати 08.04.92. Формат
60×84¹/16. Гарнитура тип таймс. Печать офсетная. Бумага газетная.
Усл. печ. л. 16,74 Усл. краск-отт 17,68. Уч.-изд. л. 16,70.
Тираж 200000 экз. Заказ № 7715. С 058.

Издательство «Современник» Министерства печати и информации
Российской Федерации и Союза писателей Российской Федерации
123007, Москва, Хорошевское шоссе, 62

Ордена Трудового Красного Знамени ПО «Детская книга» Минин-
формпечати Российской Федерации 127018, Москва, Сущевский
вал, 49

Стивенсон Р. Л.

С80 Остров сокровищ.— Делдерфилд Р. Ф. Приключения Бена Ганна: Романы/Пер. с англ.— М.: Современник, 1992.— 285 с.— (Б-ка морских приключений).

ISBN 5—270—01688—5

Широко известный остросюжетный роман «Остров сокровищ» принадлежит перу знаменитого английского писателя Р. Л. Стивенсона

Как сложилась дальнейшая судьба героев «Острова сокровищ» — об этом рассказывает в своем романе «Приключения Бена Ганна» Р. Ф. Делдерфилд.

С 4800000000—058
М106(03)-92 Без объявл.

ББК 84.4(Англ)

